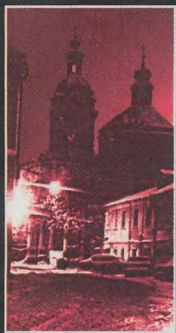

ГОЛОСА
Век XX

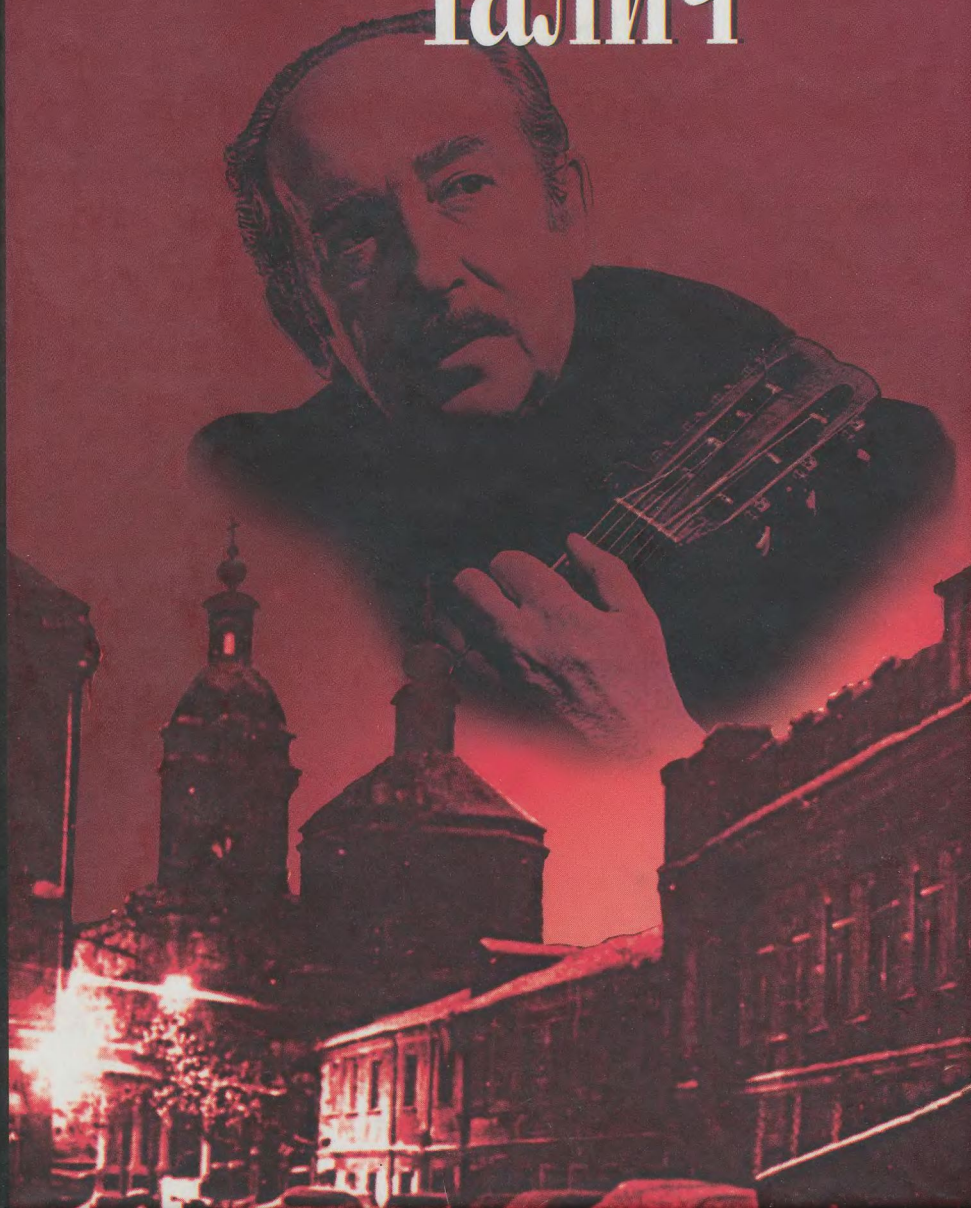
Александр Галич

ТОМ
I

ГОЛОСА
Век XX

Александр СОЧИНЕНИЯ Галич

ГОЛОСА
ВЕР XX

Александр
Галич

Александр Галич

СОЧИНЕНИЯ

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ 1

Стихотворения
и поэмы

ТОМ 2

Киносценарии
Пьесы
Проза

Александр Галич

С О Ч И Н Е Н И Я

ТОМ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛОКИД»

МОСКВА

1999

ББК 84 (2 Рос-Рус) 6
Г159

Серия основана в 1999 году

Автор проекта
Давид С. Хубларов

Разработка серийного оформления
В. Крючков

Составление и комментарии
А. Петраков

Вступительная статья

В. Фрид

Летопись жизни и творчества Ал. Галича
М. Князева

Галич А. А.

Г159 Сочинения. В 2-х т. Т. 1: Стихотворения и поэмы /Сост. А. Петраков, худож. В. Крючков — М.: Локид, 1999. — 527 с.; ил. («Голоса. Век XX»).

ISBN 5-320-00333-1 (Т. 1)

Первый том Сочинений представит поэтическое творчество Александра Галича в наиболее полном на сегодняшний день объеме. Стихи подробно комментируются самим автором.

ББК 84 (2 Рос-Рус) 6

ISBN 5-320-00332-3
ISBN 5-320-00333-1 (Т. 1)

© А. Архангельская (Галич), 1999
© А. Петраков. Составление, комментарии, 1999
© В. Фрид (наследники).
Вступительная статья, 1999
© М. Князева. Летопись жизни и творчества Ал. Галича, 1999
© ЗАО Издательство «Локид», серия, издание, оформление, 1999

«Быть просто самим собой...»

Не уверен, нужно ли предисловие к двухтомному собранию сочинений Александра Галича. Можно ведь ограничиться коротенькой биографической справкой: родился 19 октября 1918 года в интеллигентной семье. Место рождения — Днепропетровск. Среднюю школу кончал в Москве, в армию не был взят по здоровью, но ездил по фронтам со спектаклями Комсомольского фронтового театра — в качестве актера. После войны писал пьесы и киносценарии, в 55-м принят в Союз советских писателей (в 71-м — исключен), в 58-м — вступил в Союз кинематографистов (в 72-м — исключен). В 1974 году вынужденно эмигрировал на Запад: советской власти сильно не нравились ядовитые песни Галича-менестреля, растиражированные миллионами магнитофонных записей. Умер в Париже, не дожив года до своего шестидесятилетия...

И все. Зачем комментировать написанное им? Зачем объяснять и без того ясное?.. Врать не стану: велик соблазн посмаковать ставшие поэзией уличные словечки, поудивляться неожиданной виртуозной рифмовке — но лучше оставить это удовольствие читателю. Он все заметит и все поймет.

Да, Галич очень понятен, но это не значит — прост. Диву даешься, как в на редкость привлекательной фигуре писателя, в его биографии и в его творчестве естественнейшим образом сочетались вещи, казалось бы, несовместимые.

Грамота за сценарий фильма «Государственный преступник», подписанная председателем КГБ Семичастным, — и строчки:

...Только тут меня позвали к Семичастному.

И осталась эта песня неоконченной...

Правда, это было потом, сильно потом, и песни пошли уже другие. Конечно, человек с ходом времени меняется, как меняется всё в природе. Но и в каждый наугад выхваченный момент жизни Галича его личность поражает обилием контрастов: снисходительность и непримиримость, сибаритство — даже некоторое пижонство — и гражданское мужество, прямо-таки бесшабашная отвага. Кто-то из хорошо знавших его сказал с улыбкой:

— Саша пойдет на костер, но непременно в заграничных ботиночках.

Думая об Александре Аркадьевиче, я все чаще вспоминаю героя «Власти и Славы», одного из лучших романов Грэма Грина, —

маленького падре, который в воинственно безбожной постреволюционной Мексике тайно крестит крестьянских детей и отпевает покойников. Знает, что за это его расстреляют без суда и следствия, дрожит от страха — и все-таки пробирается на своем ослике по горным тропкам в дальние деревушки, где ждут его утешений, его молитв. Он совсем не героичен и не безгрешен, он и пост может нарушить и выпить любит — слаб человек! Но у него, служителя Церкви, есть миссия — и высшая сила ведет его по жизни — навстречу гибели...

Автор легкомысленной комедии «Вас вызывает Таймыр» — и создатель рвущих душу стихов о Корчаке, исполнитель смешных песенно-стилизаций — и пророк, гневно обличающий гонителей Пастернака, сценарист фильма о чекистах, изловивших государственного преступника, — и автор крамольной «Матросской тишины» — да, все это один человек.

Рафинированный интеллигент, знавший три иностранных языка, Галич владел и еще несколькими, не иностранными: языком московских забегаловок, жаргоном лагерных бараков, новоязом партбюрократов. И все шло в дело.

О своих музыкальных способностях сам Александр Аркадьевич отзывался с пренебрежением — скорее всего, слегка кокетничал. Ведь знающие люди, музыканты, восхищались мелодикой его «Облаков», «Мы похоронены где-то под Нарвой», «Когда я вернусь». А если не цепляться к буквальному значению термина, Галич обладал абсолютным слухом. Он заметил и включил в свою полифонию необъяснимую склонность российского обывателя к дательному падежу — там, где требуется родительный:

...у жене моей спросите, у Даше...
...а у папе у ее дача в Павшине...

Его почитателей веселая игра с языком приводила в восторг — но это здешних, живших рядом с героями поэзии Галича. А вот зарубежным слушателям ее прелесть, увы, не всегда была понятна. Е.Эткинд вспоминает, что иностранка, отлично знающая русский язык, сказала:

— Хорошая песня, только я не поняла, при чем там овцы... И еще там про магазины...

Оказалось, это вот про какую песню:

А начальник все спяну про Сталина,
Все хватает баранку рукой...

Баранку та дама посчитала женой барана, овцой. А магазины — это «печки-лавочки»... Да, ихним умом нашу Россию не понять.

Лев Толстой, учили нас в школе, был зеркалом русской революции. А Александра Галича можно назвать зеркалом всего того, что эта революция нам принесла. Не кривым зеркалом, нет!.. На-

оборот, сейчас кажется, что всю советскую эпоху мы прожили в гигантской комнате смеха с ее кривыми зеркалами, уродующими все на свете — и нас самих в том числе.

О Галиче написано много. Есть сборник воспоминаний, составленный Ниной Крейтнер, — «Заклинание добра и зла». И у Р. Орловой, и у А. Штротаса, и у музыковеда Вл. Фрумкина — всех не перечислить — обнаружите умный и тонкий анализ творчества А. Галича.

А я позволю себе перейти к более привычному жанру и вспомнить историю нашего знакомства с Галичем. Вот что я писал о нем десять лет тому назад:

Мы познакомились очень давно — почти 50 лет тому назад. Только он тогда не носил красивую фамилию Галич, а был Сашей Гинзбургом. Было это на квартире у парня из нашей школы, Севы Багрицкого. Он и еще один мой одноклассник, Максим Селескериди, занимались в знаменитой арбузовской студии.

Саша тоже был арбузовцем: вместе со всеми придумывал песни и играл в спектакле роль секретаря горкома. Ездил по стройке на автомобиле, который изображали два венских стула и обруч от третьего — «баранка» в руках водителя. А звук мотора изображала барабанная дробь. Нам, уже опоздавшим к мейерхольдовским постановкам, эти сценические фокусы были в новинку и очень нравились.

Саша был хорош собой, остроумен, с полным успехом ухаживал за самой красивой девочкой из нашей школы. В те времена он хотел стать актером, поступал в театральное училище и даже поступил. На своем экзаменационном листке он увидел несколько позже резолюцию председателя приемной комиссии, народного артиста СССР Л. М. Леонидова: «Принять. Артистом не будет, но кем-нибудь обязательно станет». Предсказание народного артиста сбылось только отчасти. Актером Саша не стал, но артистом в высоком смысле этого слова был во всех своих ипостасях — драматурга, автора песен, исполнителя. Артистизм, изящество были в его внешнем облике, в манере говорить, в отношениях с женщинами...

После той первой встречи мы не виделись лет двадцать. Сначала была война, потом у нас Юлием 10 лет лагерей и «вечное поселение» в Инте. И, конечно, мы не подозревали, когда смотрели в исполнении лагерной самодеятельности «Вас вызывает Таймыр» (женские роли, как при Шекспире, играли мужчины), что Галич, один из авторов, — наш старый знакомый.

Но вот Хрущев — да будет земля ему пухом — распустил лагерь, и мы вернулись в Москву. С двумя арбузовцами нам встретиться больше не довелось. Севу Багрицкого убили на войне, а Максим Селескериди (сценический псевдоним — Греков) умер, что называется, во цвете лет. (Он хорошо воевал, после войны стал профессиональным актером и сыграл в вахтанговском спектакле «Город

на заре» роль симпатичного очкарика Зяблика, как и тогда, у Арбузова и Плучека.) С этими двумя не увиделись, зато познакомились с другими из той же компании, бывшими студийцами — Мишей Львовским, Исаем Кузнецовым. Мы быстро сблизились, кроме профессии нас соединяли и общие довоенные воспоминания. Стали «знакомы домами». Но чаще всего встречались на семинарах киносценаристов в подмосковном Болшеве, в Доме творчества.

Именно там мы с Юлием впервые увидели и услышали поющего Галича. Гитары тогда еще не было, во всяком случае, мы не видели. Саша сидел за расстроенным большевским пианино и, аккомпанируя себе, пел на слова Кипплинга — не знаю, в чьем переводе:

Только пыль, пыль, пыль
От шагающих сапог —
Отдыха нет на войне
Сол-да-ту!

(«Солдату» — это, по-моему, отсебятина, для маршевого ритма.)

Потом, спустя, может быть, год, мы услышали уже его собственную песню, замечательную «Мы похоронены где-то под Нарвой». А еще немного погодя песни хлынули из Галича потоком. Нам с Дунским больше всего нравились его сатирические баллады — про милиционершу Леночку, вышедшую замуж за арабского шейха, про дачу в Павшине, где «у папе у ее холуи да топтуны с секретаршами», а особенно — про товарищ Парамонову. Эту серию Юлий называл малой советской энциклопедией. В самом деле: так коротко и так полно про нашу жизнь¹.

Импровизированные концерты в маленьких большевских комнатухах, куда набивались многочисленные Сашины поклонники и, конечно, поклонницы, остались у нас, может быть, самым приятным воспоминанием о шестидесятых годах. Разумеется, не обходилось без выпивки. Но, честно говоря, пил Галич не так уж много, больше для «имиджу»: какой же российский талант не пьет?.. А поэты, так те вообще... и не только русские. Цепочка — Вийон, Есенин, Галич...

Столько лет прошло, а вижу Александра Аркадьевича, как наяву: с сигаретой, в вязаной кофте, заброшенной на плечи на манер гусарского ментика, с гитарой в руках и пижонскими сапожками на длинных ногах. Теперь-то у всех есть такие сапожки, но первые увидели мы именно на Саше.

Часто заходит разговор о том, кто из «большой тройки» лучший. Высоцкий? Окуджава? Галич? Они такие все разные (ну, может, только в стилизациях улавливается какое-то сходство) и все так много сделали своими песнями, что, честное слово, не стоит мерить их одним аршином.

---

¹ Оказывается, и Варлам Шаламов называл эти песни Галича энциклопедией современной русской жизни.

Песни Галича распространились по стране с быстротой эпидемии гриппа. Сперва, правда, пленок было не очень много, и те, кто слышал эти песни в авторском исполнении, сами пели их своим знакомым, торопясь поделиться радостью. К слову сказать, прекрасно пел их покойный Анатолий Аграновский — журналист, который своими газетными публикациями бил ту же тревогу по поводу наших дел, что и Галич своими песнями.

Как-то раз и я, совсем безголоный, взялся спеть про Леночку и товарищ Парамонову для своих друзей, только что купивших магнитофон «Яуза». И очень был польщен, когда через полгода услышал эту пленку, кем-то переписанную и озаглавленную «Песни Галича в исполнении Фрейда»...

Саша был и замечательным слушателем. Когда мы с Юлием рассказывали о лагере, требовал подробности, запоминал. Наградой нам стала песня, посвященная «Ю.Дунскому и В.Фриду». Может быть, не такая известная, как пронзительные «Облака», но все равно это было очень лестно.

Мы читали многие сценарии Александра Галича, видели снятые по ним фильмы и высоко ценили его профессионализм, его мастерство. Но, когда прочитали там же, в Болшеве, «Матросскую тишину», я, не подумав, сказал автору очень двусмысленный комплимент. Ляпнул:

— Знаете, Саша, читал — и ощущение, как будто другим человеком написано.

Но он не обиделся, сам знал разницу. Сейчас по понятным причинам эта прекрасная пьеса уже не производит того впечатления, а тогда просто обжигала.

И все-таки, по моему убеждению, самое драгоценное в наследстве Галича — это его песни. Они становились все популярнее с каждым годом и с каждым годом все больше раздражали тех, про кого он пел. Начались «сигналы», проработки; стало меньше заказов от киностудий. Потом не стало совсем. Потом было велено исключить из творческих союзов, потом... Словом, Александр Галич уехал. Покинул страну, которую любил, в которой должен, обязан был жить и работать. Другого он и не хотел и все-таки вынужден был уехать. С тех пор мы не виделись.

В квартире у Зои Дунской на книжном шкафу стоит фотография — портрет грустного Галича. Он стоял там все годы, когда желтая пресса поливала Галича помоями, когда дешевые писаки, злорадствуя по поводу несчастного случая, оборвавшего его жизнь, намекали, что вот, мол, спецслужбы западных стран убрали своего агента, как только стал не нужен. Так вот, на обороте фотографии милая надпись: «Дорогим моим друзьям Валерию Фриду — Юлию Дунскому с любовью и нежностью. Александр Галич. 11 ноября 1971 г.».

Нет, мы не были близкими друзьями, хотя любили Сашу, как и все, кто его знал. Это написано так, от щедрого сердца и в предчув-

ствии разлуки. Мы и виделись не так часто, как хотелось бы, а ведь наши окна выходят на дом, где он жил. Только дорогу перейти... Были товарищами, добрыми приятелями — не больше. Но каждый раз, как я слушаю Сашино «Когда я вернусь», хочется плакать. Да что там хочется! Текут слезы, текут...

В.Фрид

Я надеюсь, что эта статья — не последнее слово Валерия Семеновича Фрида, дошедшее до читателя. Его архив еще не разобран.

В Америке ежегодно библиотека Конгресса выбирает поэта Лауреата, самого известного и талантливого представителя словесности США. Таким Лауреатом Америки был Иосиф Бродский. Валерий Фрид не стал лауреатом никаких премий. Он просто признавался в профессиональной среде как данность, как непререкаемый авторитет. Это означало быть и советчиком, и оценщиком, и учителем, и адвокатом, а иногда и судьей для коллег. Это значило, что все больше времени тратилось на чтение чужих сценариев и все меньше его оставалось для своих. Это значило защищать обиженных и слабых, разводить дерущихся, ставить на место зазнавшихся. Фрид был таким, и теперь, когда его не стало, осиротели друзья, ученики, гильдия сценаристов. Я потерял самого близкого старшего друга в своей жизни. Мы работали вместе 11 лет, до самого последнего его дня. Вместе создавали на «Мосфильме» киностудию, которой впервые руководили сценаристы, и название студии «Слово» придумал Фрид.

После его смерти прошло уже несколько месяцев. И не к кому пойти посоветоваться, поплакаться, покаяться. И нет замены. Фрид был последним в плеяде великих стариков, таких как А. Каплер и Е. Габрилович. Придут другие, замечательные, но таких не будет. После смерти Фрида я впервые усомнился в верности старой русской пословицы «Свято место пусто не бывает». Оказывается, бывает.

В.Черных

Александр Галич: Летопись жизни и творчества

1918 г. 19 октября. В семье Аркадия Самойловича Гинзбурга и Фанни Борисовны (урожденной Векслер) родился сын Александр. Место рождения — город Екатеринослав (ныне Днепропетровск).

Отец работал экономистом. Мать, натура артистическая, имела незаконченное музыкальное образование, страстно увлекалась театром, работала администратором филармонии. Брак родителей будущего поэта заключен тайно, по страстной взаимной любви, но был обречен на неодобрение родителей молодых людей в силу их большого имущественного неравенства: Фанни Векслер происходила из зажиточной семьи, Аркадий же из бедной. Молодая пара начинала самостоятельную жизнь, надеясь лишь на собственные знания и умения.

1921 г. Семья переезжает в Севастополь. В детских воспоминаниях Саши остался яркий эпизод посещения панорамы «Севастопольская битва», потрясшей его воображение.

1923 г. Переезд в Москву, по адресу: Кривоколенный переулок, дом 4. Этот дом *«сто с лишним лет тому назад принадлежал семье поэта Дмитрия Веневитинова. Осенью тысяча восемьсот двадцать шестого года... Александр Сергеевич Пушкин читал здесь друзьям свою только что законченную трагедию «Борис Годунов». В зале, где происходило чтение, мы и жили».* (Галич А. Генеральная репетиция.)

1926 г. Саша Гинзбург поступает учиться в среднюю школу БОНО-24 на Чистых прудах. В числе его соучеников Борис Голубовский. Саша начинает писать стихи. Учится играть на рояле. Круг интересов семьи во многом определяется влиянием матери и дяди, Льва Самойловича Гинзбурга, старшего брата отца, профессора МГУ, известного пушкиниста, сопредседателя «Общества любителей российской словесности», а также его сына, студента МГУ Виктора Гинзбурга. Последний особенно много времени уделяет способному кузену, формируя в нем филологическую направленность и делясь приобретаемой в университете филологической культурой. Виктор был арестован в 1935 году и сидел в лагерях до самой смерти Сталина. Судьба репрессированного брата оказала, видимо, немалое влияние на дальнейшее развитие поэта. *«...у меня был двоюродный брат. Он был мне ближе родных, он меня воспитывал. Ему я обязан тем, что выучился читать, чем-то стал интересоваться в жизни... Он 24 года отбыл там, о нем я не забывал*

никогда и бесконечно страдал за него. Когда я пишу в «Облаках», что «недаром я 20 лет...», я пишу от имени Виктора, который был для меня больше, чем близким человеком». (Из интервью Александра Галича. «Посев», август 1974 г.)

1926 г., 24 октября. В квартире Гинзбургов проходит закрытое заседание Пушкинской комиссии «Общества любителей российской словесности», посвященное столетней годовщине чтения Пушкиным «Бориса Годунова» у Веневитиновых.

«Открыл вечер председатель Общества любителей российской словесности профессор Сакулин. Потом с короткими сообщениями выступили профессор Цявловский и дядюшка, а потом, после недолгого перерыва, началось чудо. В программке это чудо называлось так: «Чтение отрывков из "Бориса Годунова" артистами Московского Художественного театра. Сцену "Келья в Чудовом монастыре" исполняют Качалов и Синицын, сцену "Царские палаты" — Вишневский, сцену "Корчма на литовской границе" — Лужский, сцену "Ночь, сад, фонтан" — Гоголева и Синицын, и отрывок из воспоминаний Погодина о чтении Пушкиным "Бориса Годунова" у Веневитиновых исполнит Леонидов...» (Галич А. Генеральная репетиция.)

1927 г. У Саши развивается интерес к поэзии. Он начинает заниматься в литературном кружке при газете «Пионерская правда». Руководитель кружка — Эдуард Багрицкий.

Поэтический кругозор мальчика расширяется, становится более разнообразным. Он начинает собирать собственную библиотеку, становится завсегдатаем букинистических магазинов. *«...Было мне в ту пору одиннадцать лет, был я начинающим поэтом. Я неизменно выходил немножко раньше из дому, чтобы успеть до начала занятий нашего кружка потолковать и порыться в... книжном развале у букинистов... Там однажды я натолкнулся на две книжки поэта, которого я не знал, о котором никогда не слышал. Почему-то меня привлекло странное сочетание букв в его фамилии — Владислав Ходасевич... Я купил две книжки — "Путем зерна" и "Тяжелая лира"...»* (Из передачи А.Галича на радио «Свобода» «О Ходасевиче». 17 мая 1976 г.)

1933 г. Саше 14 лет. Состоялась первая литературная публикация. В газете «Пионерская правда» от 25 июня напечатано стихотворение «Скрипка».

1934 г. В статье в «Комсомольской правде» Эдуард Багрицкий упоминает об Александре Гинзбурге как талантливом, подающем надежды молодом поэте.

1935 г. Снова переезд. Семья переселяется на Малую Бронную. Саша меняет школу, но занятия в литературной студии Багрицкого продолжают.

1935 г., весна. Окончен девятый класс десятиклассной средней школы. Александр оставляет школу и подает документы в Литературный институт. Его принимают на поэтическое отделение.

1935 г., лето. На Тверской улице, в доме 22, открывается новая театральная школа-студия под руководством К.С.Станислав-

ского. Проводятся вступительные экзамены. Конкурс — сто человек на место. Саша Гинзбург проходит все четыре тура и зачисляется в число студийцев.

1935 г., лето. Во время вступительных экзаменов в школу-студию МХТ Саша Гинзбург знакомится с Виктором Некрасовым. Начавшаяся в те дни дружба продлится до самой гибели Александра.

1935 г. Саша Гинзбург учится на поэтическом отделении Литературного института и в Оперно-драматической студии К.С.Станиславского, на драматическом отделении.

1936 г. Саша оставляет Литературный институт.

1938 г. Саша Гинзбург активно входит в литературно-художественную жизнь Москвы. Он посещает спектакли и репетиции в разных театрах, знакомится с артистами и поэтами своего поколения. Становится частым гостем арбузовской театральной студии, смотрит репетиции спектакля «Город на заре». В студии знакомится с поэтами-студентами Литинститута (ИФЛИ): Михаилом Львовским, Сергеем Наровчатовым, Павлом Коганом, Додиком Кауфманом (Давидом Самойловым), Михаилом Кульчицким, Борисом Слуцким и Павлом Антокольским.

1938 г., 7 августа. Смерть К.С.Станиславского. Саша все больше времени проводит в студии А.Н.Арбузова.

1939 г. Первый драматургический опыт — совместная с Исаем Кузнецовым пьеса «Улица мальчиков» (пьеса не была поставлена, текст хранится в ЦГАЛИ).

1939 г. Саша Гинзбург пишет для себя и исполняет одну из главных ролей (комсорга стройки Льва Борщаговского) в спектакле арбузовской студии «Город на заре».

Второй драматургический опыт. Совместно с Всеволодом Багрицким и Исаем Кузнецовым Александр Гинзбург пишет пьесу для студии «Дуэль». Собирались дома то у Багрицкого, то у Саши. В перерывах между сочинением Саша играл на рояле. Помимо театрально-литературных занятий Саша увлекается спортом — играет в теннис.

В это время на него и его друзей по студии большое влияние оказывают двоюродный брат Виктор, сын Л.С.Гинзбурга, и брат матери Марк Борисович Векслер. Этот замечательный человек долгие годы, до самой своей смерти в 1979 г., был директором Большого зала Московской консерватории. К нему с большим почтением относился Ю.А.Завадский, его почитал Ван Клиберн. Впоследствии при его непосредственном участии, благодаря его энергии открылся Международный московский музыкальный конкурс имени П.И.Чайковского. Марк Борисович был в подлинном смысле слова энтузиаст, патриот музыкального исполнительства. Его роль в культурной жизни Москвы тех лет невозможно переоценить, ибо благодаря ему высокие музыкальные традиции России не были прерваны, а продолжались и развивались. Его личная преданность делу, увлеченность, музыкальная культура влияли на молодого поэта и его друзей. Марк Борисович доставал им билеты на все луч-

шие концерты симфонической и камерной музыки, проходившие в консерватории. Благодаря ему музыкальный кругозор Саши расширяется, растет интерес к классической музыке.

1940 г. Саша оставляет Оперно-драматическую студию без выпускных экзаменов и переходит в Московский театр-студию.

Выпуск спектакля «Город на заре». Прогоны на публике в школе напротив консерватории, в «декорациях» из школьных парт. В зале среди первых зрителей — М.Бабанова, К.Паустовский, А.Роскин (критик, погиб во время войны), Т.Хренников, А.Гладков, И.Шток. Появляются первые рецензии и статьи в центральных газетах.

1940 г., 17 сентября. Приказ Министерства культуры № 537 утверждает студию как театр.

1940 г. Саша пишет одну из своих первых песен — новогоднюю («Светом луны согрета...»). С нею пришел в студию на встречу Нового, 1941 года.

1941 г., 5 февраля. Премьера спектакля Московского театра-студии «Город на заре» в собственном помещении на Малой Каретной. Успех спектакля, аншлаги. Обилие рецензий, в которых, однако, работа А.Гинзбурга над образом Борщаговского не получила одобрения и понимания. Критика не приняла то, что в спектакле не раскрыли «звериный образ врага», а «раскрывали его душевные переживания».

1941, весна. Окончена пьеса А.Гинзбурга, И.Кузнецова и Вс.Багрицкого «Дуэль». Чтение ее в театре. Пьеса принята к постановке. Первые репетиции.

1941 г., 20 мая. Студия отпущена на каникулы, чтобы готовить два новых спектакля: «Рюи Блаз» В.Гюго и «Дуэль».

1941 г. июнь. Начало Великой Отечественной войны. Актеры-мужчины студии уходят на фронт. Александр Гинзбург из-за врожденной тяжелой болезни сердца признан негодным к несению военной службы.

Студия решает стать фронтовым театром. Срочно подготовлен спектакль-лубок «Братья Ивашкины». Однако по вине Министерства культуры отправка студии на Северный флот сорвана.

1941 г., осень. Эвакуация театра-студии в город Грозный. А.Гинзбург работает завлитом в Русском драматическом театре имени М.Ю.Лермонтова.

1941 г., зима. Основная труппа студии во главе с В.Н.Плучеком собралась под Ташкентом, в городе Чирчик. Там на клубной сцене репетируют спектакли «Парень из нашего города» К.Симонова и комедию Гольдсмита «Ночь ошибок». В ней А.Гинзбург получает роль первого любовника. В пьесе Симонова он — Аркадий (К.Симонов считал его лучшим исполнителем этой роли). Будущая жена В.Архангельская играет роль Жени.

Из воспоминаний: *«Его актерские работы были исполнением заданий режиссера. В них он был всегда одинаков — “шел от себя”.* Его не увлекало создание характерных ролей, стремление к пере-

воплощению. Он становился совсем другим — свободным, неповторимым в своих литературных замыслах и воплощениях» (Л.Нимвицкая. «Сашу дважды исключали из студии»// Подмосковные известия. № 211 от 4.11.1993).

1941 г., осень-зима. Саша пишет несколько музыкальных номеров — и текст, и музыку — к спектаклю «Парень из нашего города»: вступительную песню и песни-эпиграфы к каждому акту.

1941 г. Знакомство А.Гинзбурга с Анной Ахматовой.

1942 г., апрель. Возвращение театра в Москву, где формируются фронтовые театральные коллективы. На базе студии создается Комсомольский фронтовой театр. Саша в числе его создателей и руководителей. Театр подчинен Северному морскому флоту.

1942 г., лето. Театр работает над пьесой А.Арбузова и А.Гладкова «Бессмертный» о студентах, посланных рыть окопы под Москвой и попавших в окружение. А.Гинзбург получает роль Джека Уорнера.

1942 г., осень. Отъезд театра в Мурманск. А.Гинзбургу не разрешили выехать на фронт в составе театра. Предположительная причина отказа — родственники за границей. Саша тяжело переживает свой отрыв от театра.

1942 г., осень. А.Гинзбург занимается литературной работой, пишет стихи. У него укрепляются и расширяются литературные связи. Выходит первый сборник стихов «Мальчики и девочки».

1942 г., осень. Брак с Валентиной Дмитриевной Архангельской, выпускницей Вахтанговского училища.

1943 г. Вторая поездка Комсомольского фронтового театра — на Западный фронт. Руководство театра добилось возвращения А.Гинзбурга в студию и выезда его на фронт. Между спектаклями Саша занят литературным творчеством. Он пишет песни, стихи, короткие пьесы — скетчи. Некоторые из них сразу же включаются в репертуар театра. Эти миниатюрные сочинения имеют успех у зрителей, они остроумны, изобретательны, лаконичны.

1942—1945 гг. Саша пишет пьесы, среди них — три сказки, запрещенные к постановке.

1945 г. Возвращение театра в Москву. Начало работы над пьесой «Матросская тишина».

Знакомство и дружба с Ю.Нагибиным.

Знакомство с будущей второй женой Ангилиной Шекрот.

1946 г. Молодежный театр прекратил свое существование. Каждый из его участников пошел своей дорогой в искусстве. А.Гинзбург ищет себя. Появляется первый литературный псевдоним — А.Гай. Им А.А подписывает «Рассвет» — скетч для двух исполнителей.

1946—1947 гг. Написана пьеса «Походный марш, или За час до рассвета». Пьеса получает положительную оценку. Она принята к постановке А.Я.Таировым в Московский камерный театр. Однако вскоре репетиционный процесс прерван и постановка запрещена. Причиной стал донос назначенного политкомиссаром в Камерный

театр драматурга В.Вишневого. Для этого спектакля А.Гинзбургом написана песня «Комсомольская» («До свиданья, мама, не горюй!»), получившая широкую известность.

Попытки поставить пьесу в других театрах тоже не приносят успеха. А.Гинзбург ездит с нею по различным провинциальным театрам — безуспешно.

Пьеса поставлена лишь в 1956 г. Н.П.Охлопковым с Л.Свердлиным, М.Козаковым, С.Мизери и В.Орловой в главных ролях.

1946 г. Галич читает пьесу «Матросская тишина» в семье кинорежиссера Марка Донского.

1947—1948 гг. Понимая невозможность поставить в театре «Матросскую тишину», А.Гинзбург читает ее в разных компаниях, на квартирах своих друзей. *«...Когда сталинский антисемитизм стал доминирующим цветом времени, он написал лучшую свою пьесу, «Матросская тишина», и, не в силах поставить ее на сцене, стал читать по домам»* (Ю.Нагибин. О Галиче — что помнится // Альманах «Дядя Ваня». № 1. М., 1991. С. 99).

1947 г. Совместно с Константином Исаевым написана пьеса «Вас вызывает Таймыр», обнаружившая в авторе безупречное чувство сцены, блистательный комедийный дар, чутье человеческих характеров, остроумие в создании комедийных положений и ситуаций, знание и понимание современной действительности.

На эту работу сильное влияние оказал Алексей Николаевич Гладков, следивший за ней и помогавший советом и собственным драматургическим опытом. «Вас вызывает Таймыр» сохраняет стилистику той изящной лирико-драматической комедии — жанра, разрабатываемого А.Гладковым. Но в пьесе А.Гинзбурга и К.Исаева ощутим интерес к добросовестному воспроизведению реалий современного быта, к острым социальным характеристикам персонажей.

1947 г. Впервые звучит новый, теперь уже окончательный псевдоним А.Гинзбурга — Александр Галич (Г-Ал...-ич) — псевдоним, созданный из начальных букв фамилии и имени и последней — отчества. Под этим псевдонимом вышла пьеса «Вас вызывает Таймыр».

1948 г. А.Гончаров ставит пьесу «Вас вызывает Таймыр» в только что открывшемся театре сатиры В.Н.Плучека. В главных ролях Н.Доронин, Г.Тусузов.

Огромный успех спектакля. Пьеса ставится и в других театрах.

1948 г. В Минске убит С.М.Михоэлс, с которым Галич был давно дружен, который помогал ему в творчестве и поддерживал в период запрещения «Походного марша». Галич тяжело переживает это событие, сказавшееся на всей его творческой судьбе.

1949—1950 гг. Совместно с Г.Мунблитом написана пьеса «Москва слезам не верит, или Положение обязывает».

1951 г. По сценарию А.Галича на студии имени М.Горького снят кинофильм «В степи». Сценарий написан по повести П.Павленко «Степное солнце». Режиссеры А.Ульянцев, Б.Бунеев.

1951 г. Происходит официальный развод с первой женой, В.Д.Архангельской. Сохраняются добрые отношения с дочерью от первого брака Александрой (Аленой).

Женитьба на Ангелине Николаевне Шекрот (Прохоровой). Брак был прочным, Галич прожил с нею до конца своих дней.

«У него была красивая жена Ангелина Николаевна (все звали ее просто Нюша), она когда-то кончила сценарный факультет, но уже давно не работала, могла себе это позволить, и полностью разделяла все устремления мужа. Когда начались опасные повороты в их судьбе, нервы ее стали сдавать, но никто не видел ни упрека, ни сожаления о потерянном благополучии в огромных, очень голубых Нюшиных глазах» (Н.Рязанцева. Театр Александра Галича // Советский театр. № 2. 1989 г.). Ангелина Николаевна трагически погибла в 1986 г., похоронена в могиле мужа в Париже, на кладбище Сент Женеьев де Буа.

1953—1954 гг. Совместно с К.Исаевым написана лирическая комедия «На плоту», получившая впоследствии название «Верные друзья».

1954 г. Режиссер М.Калатозов снимает кинофильм «Верные друзья». В главных ролях А.Борисов, Б.Чирков, В.Меркурьев. Триумфальное шествие фильма по экранам.

1954 г. По пьесе А.Галича «Под счастливой звездой» поставлен спектакль в театре Комедии у Н.Акимова. Режиссер Оскар Ремез.

1955 г. По сценарию А.Галича и А.Зубова снят кукольный фильм «Упрямое тесто». Режиссер В.Дегтярев.

1955 г. Александр Галич принят в Союз писателей СССР.

1956 г. Возвращение к пьесе «Матросская тишина», работа над которой была остановлена в 40-х годах. *«Нас позвали к Галичам слушать первый вариант. Саша не читал, а играл пьесу. Вот где мы увидели его — актера. Сыграл он и мужские и женские роли блестяще. Пьеса же ошеломила. Такого Галича мы не знали. Позже, на репетиции в «Современнике», впечатление было такое же сильное; но первое, когда читал сам Галич, не потускнело»* (Г.Аграновская. «Все будет хорошо» / А.Галич. Генеральная репетиция. М., 1991 г.).

1956 г. По сценарию А.Галича на студии «Мосфильм» снят кинофильм о врачах «Сердце бьется вновь». Режиссер А.Ромм. В ролях Н.Симонов, А.Абрикосов, К.Столярков, Л.Гурченко.

1956 г. В Ленинграде в театре Комиссаржевской поставлена пьеса А.Галича «Август». Она прошла всего несколько раз. В Москве также репетировалась в театре Вахтангова, но не вышла.

1956 г. Актеры театра-студии МХАТ (впоследствии театра «Современник») начали репетировать пьесу Галича «Матросская тишина». *«...однажды, без предварительного звонка, ко мне пришли актер Михаил Козаков... и актер Центрального Детского театра Олег Ефремов... они сказали, что достали у кого-то из моих друзей экземпляр пьесы, прочли ее на труппе, пьеса понравилась, и те-*

перь они просят меня разрешить им начать репетиции с тем, чтобы Студия открылась как театр двумя премьерами: пьесой В.Розова "Вечно живые" и "Матросской тишиной"» (А.Галич. Генеральная репетиция).

1957 г., май. Худсовет Театра имени Ленинского комсомола в Ленинграде принял к постановке «Матросскую тишину».

1957 г. А.Галич с женой переезжают в новую квартиру в первом кооперативном доме Союза писателей (станция метро «Аэропорт»), по адресу Вторая Аэропортовская, д. 7/15, кв. 37 (теперь это улица Чернышевского, дом 4). При переезде за границу в 1974 г. квартира была продана.

1958 г., январь. Прогон спектакля «Матросская тишина» в Студии МХАТ. Спектакль запрещен.

1958 г. В Московском театре юного зрителя поставлена пьеса Галича «Пароход зовут "Орленок"». Режиссер Борис Голубовский.

Пьеса также поставлена в Ленинграде, в театре Ленсовета, режиссером Александром Белинским.

1958 г. Леонид Гайдай снимает кинофильм «Пароход зовут "Орленок"».

1958 г. По сценарию А.Галича снят мультфильм (мультграфический) «Мальчик из Неаполя». Сценарий написан по мотивам творчества Джанни Родари. Режиссер И.Аксенчук.

1958 г. А.Галич едет в туристическую поездку в Норвегию, знакомится с памятниками истории и культуры. Его знания в этой области поражают норвежскую художественную общественность. Начало дружбы и регулярных связей с деятелями норвежской культуры.

1958 г. А.Галич принят в Союз кинематографистов СССР.

1959 г. В московском театре им. Вахтангова поставлена пьеса «Много ли человеку надо», руководитель Евгений Симонов, постановка Юрия Любимова.

1960 г. По сценарию Галича снят кинофильм «Трижды воскресший». Студия «Мосфильм», режиссер Л.Гайдай.

1961 г. В купе ночного поезда «Красная стрела» из Москвы в Ленинград Галич пишет для Юрия Германа песню «Леночка». Песня быстро приобретает известность. «...Чтобы развлечь Юрия Павловича Германа, я... в купе скорого поезда «Красная стрела» начал сочинять песню... я писал ее всю ночь.... Это была первая песня — «Леночка». С этой песни, собственно, и начался мой жизненный путь» (из передачи радио «Свобода» «У микрофона Галич». 7 декабря 1974 г.).

1961 г. А.А. участвует в «русской декаде искусства и литературы в Казахской ССР» в группе московских деятелей искусства. Прием в Алма-Ате. Поездка в Караганду. Здесь Галич знакомится с бывшими заключенными «лагерей для детей врагов народа», попавшими туда еще подростками. Теперь это были молодые женщины, отпущенные на волю, но осевшие в Азии, так как у них не осталось никого из родственников. Под впечатлением этих встреч Галич пишет песню «Караганда, или Песня про генеральскую дочь».

1962 г. По сценарию А.Галича снят кукольный фильм «Летающий Прометей». Режиссер И.Боярский.

1962 г. Песня «Облака». Свои новые песни Галич исполняет в кругу близких ему по духу людей.

1962 г. А.Галич в группе кинематографистов направлен на пленум Союза кинематографистов Грузии в Тбилиси. *«...И вот в самолете, когда мы уже вылетели, я открыл последний номер газеты и прочел о том, что Н.С.Хрущев устроил для... Фиделя Кастро... правительственную охоту с егерями, доезжачими, с кабанями, которых загоняли эти егеря... охота эта была устроена под Нарвою, где в 1943 г. ко дню рождения Геняя всех времен и народов товарища Сталина было устроено контрнаступление, кончившееся неудачей, потому что оно подготовлено не было, оно было такое парадное контрнаступление... там полегли тысячи тысяч наших братьев... тут же в самолете я начал писать... песню... и, когда мы приехали в Тбилиси... запершись у себя в номере гостиницы, написал ее целиком... так возникла песня под названием "Ошибка"» («У микрофона Галич». 12 октября 1974 г.).*

1962 г. У А.Галича случился сердечный приступ. Врачи ставят диагноз: инфаркт. Долгое пребывание в Боткинской больнице.

1962 г. По сценарию А.Галича снят фильм «На семи ветрах», студия им. М.Горького, режиссер С.Ростоцкий, в главных ролях Л.Лужина, В.Тихонов, Л.Быков.

По сценарию Галича снят кинофильм «Государственный преступник» о работе советских разведчиков-чекистов, занятых розыском и разоблачением фашистских военных преступников. Режиссер Н.Розанцев.

1964 г., **октябрь**. А.Галич награжден грамотой КГБ. В ней написано: «Товарищу Галичу Александру Аркадьевичу за сценарий фильма «Государственный преступник». Председатель КГБ при Совете Министров СССР В.Семичастный».

1964 г. В «Комсомольской правде» опубликована песня А.Галича «Руку дай, молодость моя!».

В газете «Неделя» опубликованы песни из сценария «Добрый город», а также песня «Дождик».

В журнале «Сельская молодежь» опубликованы стихи «Дорогой мой человек».

В журнале «Крестьянка» опубликованы стихи «Добрый вечер».

1965 г. По сценарию А.Галича и Б.Ласкина снят фильм «Дайте жалобную книгу». Режиссер Эльдар Рязанов. В главных ролях О.Борисов, А.Папанов, Л.Голубкина.

1965 г. Работа над фильмом «Третья молодость» (студия «Ленфильм» и «Алкам-филм» /Франция/). *«...Когда я писал сценарий «Третьей молодости» о Мариусе Петипа... французском танцовщике, ставшем великим русским балетмейстером... меня вызвало наше... начальство и сказал: «Слушай, как неплохо получается... приехал француз и стал обучать русских, как танцевать!.. Надо все-таки, чтобы... русские тут его чему-нибудь тоже поучили. Вот у те-*

бя там есть сценарий «Петр Ильич Чайковский» — пускай он его чему-нибудь научит...» Ну, я тогда придумал почти пародийный эпизод, когда Петр Ильич обучает Мариуса Петипа, как нужно танцевать. Я был уверен, что этот эпизод вырежут, что поймут его пародийность. Нет, он вызвал полное удовольствие советского начальства, и так он и остался в фильме...» (Из выступления А.Галича на радио «Свобода» в цикле «Хроника культурной жизни». 26 июня 1976 г.).

1966 г. А.Галич участвует в «круглом столе» «Недели» об авторской песне («Неделя», 1966. № 1.).

«...Для России 60-х годов это (поэзия под гитару) было открытием, потому что... оказалось, что песня может вместить в себя огромное количество человеческой информации, а не только «расцветали яблони и груши» (из выступления А.Галича на радио «Свобода» в цикле «Культура, события, люди». 13 октября 1974 г.).

1966 г. Продолжается работа над фильмом «Третья молодость». А.Галич трижды ездит в Париж в творческие командировки. Знакомство с представителями первой волны русской эмиграции.

1967 г. Первое публичное исполнение авторских песен: Петушки, конференция (слет) самодеятельной песни. Галича обвиняют в том, что его творчество нецельно, непоследовательно: «В самодеятельной песне самое ценное — искренность. Так где же настоящий Галич — в мажорных комсомольских песнях, в сценариях, удостоиваемых щедрой официальной хвалы, или в этих одновременно сочиняемых лагерных песнях?» (Цит. по: Андреев Ю. Феномен публицистической песни // Советская культура. 19 августа 1989 г.) А.Галич отвечает: «Я литератор и, кроме этого, ничем зарабатывать на жизнь не умею. Но и в том, что я написал для публикации, я считаю, что нигде против Бога не согрешил» (из архива семьи).

1967 г. На экраны выходит кинофильм «Бегущая по волнам». Сценарий по мотивам романа А.Грина написал А.Галич. Режиссер П.Любимов.

1967 г. А.Галич пишет статью для газеты «Советская культура» «О жестокости и доброте искусства»: «...никакое убийство, никакая казнь — даже самая неизбежная и справедливая — не имеют права быть предметом восхищения и зрительской радости.

Но если не существует этого «гневного вопля Гойи», если нет отчаяния и страстного протеста Достоевского — я умышленно повторяю имена художников, которых принято именовать «жестокими», — то не только убийство человека человеком, но и все раздавленные и растерзанные собаки, сбрасываемые с обрывов лошади и т.д. и т.д. — все эти кадры, в сущности, глубоко безнравственны и аморальны...

Безнравственна, впрочем, не одна жестокость... раскрашенная, поющая и пляшущая пошлость, которую ежедневно, под руководством кинопроката, поглощают миллионы зрителей, — безнравственна и аморальна не менее, чем бессмысленно кокетничающая

жестокость». Статья напечатана не была, оригинал находится в семье поэта.

1967 г. Во МХАТе состоялась премьера пьесы «Будни и праздники», написанной А.Галичем совместно с И.Грековой (Е.С.Вентцель) по ее повести «За проходной».

1967 г., осень. Подготовка к празднованию 50-летия Октябрьской революции. Один из работников КГБ предупреждает Галича, что он должен особо остерегаться переходить улицы, а возможно, ему вообще лучше на это время не появляться в Москве. А.Галич пишет песню «Когда собьет меня машина...». Друг Александра Аркадьевича, главный врач нейрохирургической клиники, предложил ему лечь на месяц в больницу. Галич ложится в общую палату.

1967 г. В издательстве «Искусство» готовится сборник А.Галича «Сценарии — пьесы — песни». Предисловие к нему написала И.Грекова. Это была первая и последняя попытка легализовать песенное творчество поэта. Выход сборника был запрещен.

1968 г., январь. Празднование 60-летия Ландау. А.Галич — единственный деятель искусств, приглашенный на это событие.

1968 г., март. В новосибирском Академгородке проходит фестиваль песенной поэзии «Бард-68». А.Галич становится одной из ведущих фигур фестиваля.

«...Мы пели по двадцать четыре часа в сутки: мы пели и на концертах, мы пели в гостинице друг другу, естественно, нас приглашали в гости, где опять-таки нам приходилось петь» («У микрофона Галич». 12 июня 1976 г.). В последний вечер фестиваля состоялся заключительный концерт. Это первое и последнее публичное, на большой зал, выступление Галича в СССР. Его имя впервые стоит на афишах, на концерт продавались билеты. Выступление Галича было триумфальным и трагическим.

«Один из организаторов фестиваля с перепуганным лицом прибежал ко мне и сказал, что... прибыло все новосибирское начальство, обкомовцы и привезли с собой три автобуса, и они собираются устроить обструкцию... Я начал свое выступление с песни «Промолчи», а потом... «Памяти Пастернака». Я спел эту песню. Аплодисментов не было. Зал молчал... зал начал вставать. Люди просто поднимались и, стоя, молча смотрели на сцену. Это был знак не какого-то комплиментарного отношения к тому, что сделал я. Это была демонстрация в память Бориса Леонидовича Пастернака...» («У микрофона Галич». 12 июня 1976 г.) Были исполнены также песни «Ошибка» и «Прибавочная стоимость».

Галич получает приз — серебряную копию пера Пушкина и Почетную грамоту Сибирского отделения Академии наук СССР: «Ваше творчество превосходит и подготавливает грядущее нашей Родины... мы восхищаемся не только Вашим талантом, но и Вашим мужеством».

1968 г., 18 апреля. Газета «Вечерний Новосибирск» публикует статью Н.Мейсака «Песня — это оружие» о фестивале бардов. Песни Галича в ней названы «подленькими». *«Да ведь пьяный за-*

булдыга, иногда поющий в поезде, — утонченный интеллеktуал в сравнении с автором вот этих публично исполняемых строчек...» «Выступая в роли «барда» в Новосибирске, член Союза писателей СССР, правда, прикидываясь идиотом, бил явно не туда. Прикиньте сами, ребята, чему учит вас великовозрастный «бард»?» В этой статье Галич был назван клеветником.

1968 г., 24 апреля. В той же газете помещена статья без подписи, в которой песни Галича именовались «махровой белогвардейщиной».

1968 г., 21 августа. В гостинице в Дубне, где А.Галич с М.Донским работали над сценарием о Шалапине, поэт пишет песню по поводу потрясшего его вторжения советских войск в Чехословакию — «Петербургский романс».

1968 г., осень. А.Галич приглашен на заседание секретариата Союза писателей СССР, где ему рекомендовано тщательно относиться к репертуару исполняемых публично песен.

1969 г. А.Галич поет свои песни на квартирах у друзей. Размноженные многократно в магнитофонных записях, они становятся все более популярными. «Мне нет необходимости говорить о популярности Ваших новелл — иначе не назовешь песни, которые Вы сочиняете: их знают даже на селе, ибо магнитофоны теперь есть всюду... Чем объясняется небывалый успех Ваших музыкальных миниатюр?.. Разумеется, Ваша музыкальность и найденный Вами стиль исполнения радуют слушателей. Но это — вторая грань успеха. Важнее не то, как Вы поете... песни, а что в них сказано. И вот тут я... отмечаю отличное знание действительности, быта, эмпирики нашей жизни. Без такого глубокого проникновения во многие подробности жизни нельзя создать столь точные и острые сюжеты» (из письма В.Ардова А.Галичу. Москва, декабрь 1969 г.).

1969 г. Сдана первая часть кинофильма «Федор Шалапин». Киностудия им.М.Горького, режиссер М.Донской.

1969 г. В ФРГ издана первая за рубежом книга Галича «Песни». В предуведомлении к ней было сказано, что автор — жертва сталинских репрессий, отсидел двадцать лет в лагерях. «А в биографию на суперобложке вкралась ошибка — «сидел в лагере». Но стихи его о лагерях, тюрьмах и пересылках, о заключенных и палачах по своему звучанию, по образам, по раскрытию их внутреннего мира — это лирика, не гражданская поэзия. А в лирике поэт прежде всего выражает себя и окружающее его — через себя. И было непредставимо, что «сидел в лагере» — это ошибка. Но таков оказался строй души поэта Галича, такова оказалась сила его чувствования, что он сумел побывать там, где не был» (Из воспоминаний редактора первой книги стихов Галича. Е.Романов. Возвращение // Посев № 9. 1997 г.).

1970 г. Сдана вторая часть кинофильма «Федор Шалапин».

1971 г. Сдана третья часть «Шалапина».

1971 г. На киностудии им. М.Горького режиссер Я.Сегель запустил фильм по сценарию А.Галича «Самый последний выстрел».

1971 г. На телевидении начата съемка мюзикла по сценарию А.Галича «Разные чудеса» («Я умею делать чудеса»).

1971 г. На «Мосфильме» вышел фильм «Вас вызывает Таймыр» по сценарию Галича.

1971 г., лето. На свадьбе актера Театра на Таганке Ивана Дыховичного и дочери члена Политбюро ЦК КПСС Дмитрия Полянского, проходившей на даче Полянского, друга жениха включили запись песен Галича. Разгневанный Д.Полянский ставит вопрос о Галиче в Союзе писателей СССР.

1971 г., 29 декабря. Заседание правления Союза писателей СССР. На повестке дня — персональное дело Галича. А.Арбузов обвинил Галича в том, что он «присвоил себе чужую биографию», назвал его мародером. Во время голосования несколько человек воздержались. Было проведено повторное голосование и утверждена заранее подготовленная резолюция об исключении Галича из Союза писателей. В заседании участвовали Ильин, Медников, Лесючевский, Арбузов, Грибачев.

1971 г., 30 декабря. Галич, рассказывая о заседании секретариата друзьям, говорит: «...это все духовные мертвецы. Нельзя заниматься подобными делами и сохранить живую душу».

А.А. пишет песню «Когда-нибудь дошлый историк...» и «Песню исхода».

1972 г., 14 января. Решение секретариата правления Союза писателей утверждено на правлении.

В связи с исключением Галича фильмы «Самый последний выстрел» и «Разные чудеса» сняты с производства.

1972 г., 7 февраля. А.Галич автоматически исключен из Союза кинематографистов СССР.

«Меня исключили втихомолку, исподтишка. Ни писатели, ни кинематографисты официально не были поставлены (и не поставлены до сих пор) об этом в известность... Меня исключили за мои песни, которые я не скрывал, которые пел открыто, пока в 1968 году тот же секретариат СП не попросил меня перестать выступать публично... Я писал свои песни не из злопыхательства, не из желания выдать белое за черное, не из стремления угодить кому-то на Западе. Я говорил о том, что болят у всех и у каждого здесь, в нашей стране, говорил открыто и резко... Я жив. У меня отняты мои литературные права, но остались обязанности — сочинять свои песни и петь их» (из открытого письма московским писателям и кинематографистам, отправленного в редакцию газеты «Литературная Россия». Впервые опубликовано с некоторыми сокращениями 17 сентября 1988 г. в газете «Вечерняя Москва»).

1972 г., апрель. Третий инфаркт. А.Галич получает инвалидность.

Ему назначена пенсия по инвалидности (вторая группа) — 54 рубля.

1972 г., лето. Александр Галич принимает крещение у отца Александра Меня.

«...И когда я читал работы... отца Александра, мне показалось, что это не просто необыкновенно умный и талантливый человек, это человек, обладающий тем качеством, которое писатель Тынянов называл «качеством присутствия».

...Тогда я в один прекрасный день решил поехать и просто посмотреть на него...

Я простоял службу, прослушал проповедь, а потом... пошел целовать крест. И вот тут случилось маленькое чудо... Отец Александр положил руку мне на плечо и сказал: "Здравствуйте, Александр Аркадьевич. Я ведь вас так давно жду. Как хорошо, что вы приехали!"» («У микрофона Галич». 5 июня 1976 г.).

1972 г. В ФРГ выходит второй сборник песен А.Галича. Сборник собран и дополнен при непосредственном участии автора.

1972—1974 гг. Для А.Галича запрещены все виды творческой деятельности, исключены выступления. Галич продолжает писать песни, выступает на частных квартирах, постепенно распродает свою библиотеку. Живет на пособие по инвалидности. Время от времени работает «негром», как он сам говорил: за деньги правит и дописывает сценарии другим авторам. Иногда получает по почте денежные переводы на 100 рублей, имя и адреса отправителя остаются для него неизвестными. Этим отправителем была жена академика В.Лебедева, это она, Алиса Григорьевна Лебедева, создала тайный фонд помощи исключенным литераторам, а именно: А.Солженицыну, В.Дудинцеву, В.Войновичу, А.Галичу. Каждому из них она посылает по сто рублей.

1973 г. А.Галич пишет книгу воспоминаний «Генеральная репетиция».

1973 г. Александр Аркадьевич выступает в доме Виктора Ардова.

1973 г., декабрь. А.Галич получает из Норвегии приглашение принять участие в семинаре деятелей искусства, посвященном творческому наследию К.С.Станиславского.

1974 г. В ОВИРе Галичу отказано в выдаче визы для поездки в Норвегию. Вместо этого работником КГБ ему предложено выехать в Израиль.

20 июня 1974 г. Галич получает документы на выезд в Израиль. Ему и его жене вручены авиабилеты — на 25 июня. На сборы и прощание оставлено 4 дня.

«За четыре дня нам предстояло покончить со всей нашей прошлой жизнью... продать квартиру и вещи, получить визы в голландском и австрийском посольствах, упаковать и отправить багаж... проститься с родными и близкими...» («У микрофона Галич». 31 августа 1974 г.)

1974 г., июнь. А.Галич прилетает в Норвегию, поселяется в Осло, получает нансеновский паспорт (международный статус беженца).

*...И полосками паспорта беженца
Перекрещено сердце мое...*

1974 г., 6 июля. Первое за границей выступление: на радио «Свобода» — в беседе за «круглым столом».

1974 г., 10 июля. А.Галич выходит в эфир на радио «Свобода» с первой передачей — «Обзор культурной жизни», поет песню «Когда я вернусь...».

1974 г., 24 августа. На волнах радио «Свобода» появилась постоянная рубрика «У микрофона Галич». Первая передача была посвящена Анне Ахматовой. С этого дня передача «У микрофона Галич» выходит до самой гибели поэта с частотой 1—2 раза в неделю.

«...Вся моя жизнь здесь, вся моя работа здесь — она направлена на то, чтобы не отрываться от родных, от близких, от родного языка, от интересов наших сегодняшних, завтрашних, главным образом даже, пожалуй, завтрашних, вот во имя этих завтрашних интересов, во имя нашей продолжающейся борьбы со страхом... каждый из нас вносил свою лепту в борьбу со страхом, со страхом в человеческих душах, с уничтожением этого страха...» (Из интервью радио «Свобода». «Обзор культурной жизни. Беседа с Александром Галичем». 16 июня 1975 г.)

1974 г., октябрь. В свет вышла первая пластинка с песнями Галича «Крик шепот». *«...это первая моя пластинка в моей жизни... Я впервые слышу свой голос, записанный на профессиональной аппаратуре...».* («У микрофона Галич». 19 октября 1974 г.)

1974 г. Выход первого издания книги Галича «Генеральная репетиция» в издательстве «Посев» во Франкфурте-на-Майне.

1974 г., осень. Путешествие в Швейцарию. *«...Норвежские власти выдали нам «райзебили» (заграничные паспорта), на которых написано, что мы... находимся под охраной норвежского государства и по этим паспортам мы можем... ездить в любую страну, просто... без всяких виз...»* («У микрофона Галич». 14 декабря 1974 г.)

В этот год Галич много работает, пишет большую прозу («Блошинный рынок»).

1974 г. А.Галич работает над созданием кинофильма «Беженцы XX века», режиссер Рафаил Голдинг.

1974 г. А.Галич становится членом международного ПЕН-клуба.

1974 г. Выходит в свет книга А.Галича «Поколение обреченных». *«И вот сегодня... передо мной на столе лежит моя новая книжка. Я могу действительно потрогать ее руками, погладить ее обложку. Это не первая моя книжка, изданная на Западе, но это первая книжка, в работе над которой я принимал непосредственное участие.»* («У микрофона Галич», 18 января 1975 г.)

1975 г. Путешествие в Англию.

1975 г. Галич с женой переезжают в Мюнхен.

В Мюнхене Галич продолжает работать на радио «Свобода». Здесь он знакомится с Юлианом Паничем. Панич вспоминает: *«Помню свое первое впечатление от встречи и знакомства с Александром Галичем. Красивый, высокий, он мне напоминал мхатовских стариков: ходил с палкой — болели ноги. Придя в студию, он прежде всего спрашивал, на сколько минут рассчитана его переда-*

ча. Потом Аркадьевич, как его все называли, брал гитару, садился у микрофона, закуривал сигарету, не обращая внимания на строжайший запрет администрации студии. Через минуту звучал его спокойный голос, приветствовавший слушателей: «Здравствуйте, дорогие друзья!» И без всякой шпаргалки он вел программу, укладываясь в точно отмеренные минуты, оставляя секунды на то, чтобы диктор успел сказать: «Вы слушали передачу “У микрофона Галич”». Начальство не скрывало своего удивления, что он не читает заготовленные тексты, не корпит над пишущей машинкой.

После окончания передачи Галич молча брал гитару и тихо уходил из студии, состарившись сразу на десять лет. Уходил, чтобы через день прийти снова и начать очередной разговор со слушателями». (Цит. по: Панич о Галиче // 7 с плюсом. 1990, июль.)

1975 г. Поездка в США. «...Историю моего путешествия в Америку можно было бы назвать, пожалуй, «историей моих изумлений». Потому что изумления меня преследовали во время всего моего пребывания в этой стране...» («У микрофона Галич». 21 июня 1975 г.)

Выступления с концертами, в том числе в Толстовском фонде или на знаменитой толстовской ферме. Знакомство с Александрой Львовной Толстой. А.Л.Толстая и американские конгрессмены предлагали Галичу гражданство США. Он поблагодарил и отказался, сказав, что был и остается гражданином России.

1975 г. 9—14 июня. А.Галич принимает участие в проходившем в Роттердаме фестивале поэзии «Поэтри Интернэшнл 1975». «Пожалуй, самое интересное, что я видел на этом фестивале, — это зрительный зал. В огромное помещение — этот дворец называется «Ван Дулен» — ежедневно набивались тысяча с лишним человек, которые приходили слушать поэзию...» (Из передачи радио «Свобода» «Обзор культурной жизни. Фестиваль поэзии в Роттердаме». 7 июля 1975 г.)

1975 г. июль. Путешествие в Париж. «...это ощущение праздничности — оно действительно наступает в ту секунду, когда ты прибываешь в Париж, прилетаешь в Париж. Вот это ощущение необычности, радости, какой-то необыкновенной приподнятости и одновременно с этим необыкновенной удобности твоего существования». («У микрофона Галич». 19 июля 1975 г.)

1975 г., осень. Путешествие в Израиль. «...Ты попадаешь туда, где, собственно, началась современная история человечества, и ты это ощущаешь на каждом шагу...» («У микрофона Галич». 4 января 1976 г.)

«...Короткая... техническая справка. За время моего пребывания в Израиле я дал 18 концертов, 18 выступлений... всего на мои концерты... пришло более 14 тысяч человек... Побывал я в 13 городах». («У микрофона Галич». 28 декабря 1975 г.)

1975 г. Очередной сердечный приступ. В больнице Галич продолжает работать. «Он работал над книгой, которая оказалась последней, — «Когда я вернусь». От наших уговоров — не переутом-

пяться — отмахнулся: «Это меня не утомляет. Раз могу писать — значит мне хорошо... Закончу эту книжечку стихов... буду писать прозу. Есть замысел и материал для «одесской истории»... По форме — приключенческий роман, но по теме — серьезно... Потом еще хочу написать вроде «Генеральной репетиции», из жизни...» (Е.Романов. Возвращение // Посев. № 9. 1997 г.)

1976 г. А.Галич с женой переезжают в Париж. Продолжает работать на радио «Свобода». Занимается публицистикой. В лучших концертных залах Парижа проходят его авторские вечера. В том числе в самом знаменитом в Париже большом зале Плейель.

А.Галич работает редактором отдела поэзии Английской энциклопедии.

Заканчивает работу над большой прозой. Это два романа: «Блошиный рынок» (дошел до нас в неоконченном виде) и «Еще раз о черте». «Начал писать большую прозаическую вещь, но она перебилась другой работой, тоже прозаической, которая будет называться, как одна моя песня, «Еще раз о черте». Пишу ее с поспешностью и большим увлечением, к Новому году надеюсь закончить». (Из интервью. «Русская мысль». № 3179, 1977 г.)

1977 г. Жизнь в Париже, работа на радио «Свобода».

1977 г. Путешествие в Италию.

1974—1977 гг. А.Галич ведет на радио «Свобода» постоянную рубрику «У микрофона Галич», а также выступает в разделах «Песни с комментариями», «Культура, события, люди», «Культурная программа». Всего на радио «Свобода» он выступал 157 раз. А.Галич подготовил и провел радиопередачи о жизни и творчестве деятелей русской и советской культуры: А.Ахматовой, М.Волошине, Вл.Ходасевиче, Б.Пастернаке, М.Салтыкове-Щедрине, М.Шолохове, А.Синявском, В.Шукшине, Г.Шпаликове, Вл.Войновиче, Д.Шостаковиче, И.Дунаевском и др. Галич сотрудничает и часто публикуется в газете «Русская мысль».

1977 г., июнь. Поездка в Страсбург, в Европарламент, на собрание молодых членов Христианско-демократической партии, посвященное борьбе за права человека. «И вот, когда на следующий день я выступал перед участниками семинара, я сказал о том, что, пожалуй, в нашей борьбе за человеческие права мы должны думать еще и о борьбе за сохранение всего того прекрасного, что создано человечеством, потому что начинаются насилие и унижение человеческих прав с того, что сначала разрушаются, сначала оскверняются творения рук человеческих, а затем уже начинают уничтожать самого человека». («У микрофона Галич». 19 июля 1977 г.)

А.Галич пишет песню «На стене прозвенела гитара».

1977 г. Вторая поездка в Израиль. По вине организаторов она оказалась менее успешной, чем первая.

1977 г. Поездка в Сан-Марино.

1977 г., 15 декабря. Внезапная гибель А.Галича. Официальная версия: причиной смерти послужило поражение электрическим током, когда Галич опробывал новый усилитель.

«Умер Саша Галич... Для нас, друзей его, — Саша, для других — Александр Аркадьевич...

От нас ушел человек, песни которого... были нужны, как воздух, как хлеб, как любовь...

Можно назвать это славой, но это больше чем слава — это любовь...

Как хорошо умирать любимым...

Вот все, что я сейчас в силах сказать...

15.12.77. В.Некрасов».

Александр Аркадьевич Галич похоронен на кладбище Сент Жевьев дю Буа, под Парижем.

1988 г. По ходатайству дочери поэта, А.Архангельской, А.Галич посмертно восстановлен в Союзе писателей СССР.

1988 г. А.Галич посмертно восстановлен в Союзе кинематографистов СССР.

1993 г., лето. По заявлению дочери поэта, А.Архангельской, А.Галичу возвращено гражданство.

«...Мне все-таки уже было под пятьдесят. Я уже был благополучным сценаристом, благополучным драматургом... И я понял, что так больше не могу. Что я должен наконец-то заговорить в полный голос, заговорить правду. Кончилось это довольно печально, потому что, в общем, в отличие от некоторых моих соотечественников, которые считают, что я уезжаю, я ведь, в сущности, не уезжаю. Меня выгоняют. Это нужно абсолютно точно понимать. Понимаете, добровольность этого отъезда, она номинальна, она — фиктивная добровольность, по существу вынужденная. Но все равно это земля, на которой я родился. Это мир, который я люблю больше всего на свете. Это даже посадский, слободской мир, который я ненавижу лютой ненавистью и который все-таки мой мир, потому что с ним я могу разговаривать на одном языке. Это все равно то небо, тот клочок неба, большого неба, которое накрывает всю землю. Но тот клочок неба, который мой клочок.

И поэтому единственная моя мечта, надежда, вера, счастье, удовлетворение в том, что я все время буду возвращаться на эту землю.

А уж мертвый-то я вернусь в нее наверняка...»

(Из текста, записанного на магнитофон накануне отъезда из СССР 23 июня 1974 г.)

*Летопись подготовлена и составлена
М.Князевой при содействии
А.Архангельской (Галич)*

Впервые опубликована в газете «Журналист» факультета журналистики МГУ от 1 ноября 1994 г. Печатается с изменениями и дополнениями.

Стихотворения и поэмы

ЧЕРНОВИК ЭПИТАФИИ

...Но будут мои подголоски
Звенеть и до Судного дня!..
И даже не важно, что в сноске
Историк не вспомнит меня.

Александр Галич

«Спрашивайте, мальчики!»

ЗАКОН ПРИРОДЫ

(Подражание Беранже)

Ать-два, левой-правой!
Три-четыре, левой-правой!
Ать-два-три!
Левой, два-три!

Отправлен взвод в ночной дозор
Приказом короля,
Выводит взвод тамбурмажор,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля!

Эй, горожане, прячьте жён,
Не лезьте сдуру на рожон!
Выводит взвод тамбурмажор,
Тра-ля-ля-ля!

Пусть в бою труслив, как заяц,
И денегат всегда в обрез,
Но зато — какой красавец!
Чёрт возьми, какой красавец!
И какой — на вид — храбрец!

Ать-два, левой-правой!
Три-четыре, левой-правой!
Ать-два-три!
Левой, два-три!

Проходит пост при свете звёзд,
Дрожит под ним земля,
Выходит пост на Чёртов мост,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля!

Чеканя шаг, при свете звёзд
На Чёртов мост выходит пост,
И, раскачавшись, рухнул мост,
Тра-ля-ля-ля!

Целый взвод слизнули воды,
Как корова языком:
Потому что у природы
Есть такой закон природы —
«Колебательный закон»!

Ать-два, левой-правой!
Три-четыре, левой-правой!
Ать-два-три!
Левой, два-три!

Давно в музей отправлен трон,
Не стало короля,
Но существует тот закон,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля!

И кто с законом не знаком,
Пусть учит срочно тот закон:
Он очень важен, тот закон,
Тра-ля-ля-ля!

Повторяйте ж на дорогу,
Не для кружева-словца,
А поверьте, ей же богу:
Если все шагают в ногу —
Мост об-

ру-
ши-
ва-
ет-
ся!

Ать-два, левой-правой!
Три-четыре, правой-левой!
Ать-два-три!
Пусть каждый шагает как ему
вздумается!

ОШИБКА

Мы похоронены где-то под Нарвой...
Под Нарвой... под Нарвой...
Мы похоронены где-то под Нарвой,
Мы были и — нет.
Так и лежим, как шагали, попарно...
Попарно... попарно...
Так и лежим, как шагали, попарно —
И общий привет!

И не тревожит ни враг, ни побудка...
Побудка... побудка...
И не тревожит ни враг, ни побудка
Помёрзших ребят.
Только однажды мы слышим: как будто...
Как будто... как будто...
Только однажды мы слышим: как будто
Вновь трубы трубят.

Что ж, подымайтесь, такие-сякие...
Такие-сякие...
Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Ведь кровь — не вода!
Если зовёт своих мёртвых Россия...
Россия... Россия...
Если зовёт своих мёртвых Россия,
Так, значит, — беда!

Вот мы и встали в крестах да в нашивках...
В нашивках... в нашивках...
Вот мы и встали в крестах да в нашивках,
В снежном дыму.
Смотрим и видим, что вышла ошибка...
Ошибка... ошибка...
Смотрим и видим, что вышла ошибка,
И мы — ни к чему!

Где полегла в сорок третьем пехота...
Пехота... пехота...
Где полегла в сорок третьем пехота,
Без толку, зазря,
Там по пороше гуляет охота,
Охота, охота,
Там по пороше гуляет охота,
Трубят егеря!

Где полегла в сорок третьем пехота,
Где полегла в сорок третьем пехота,
Там по пороше гуляет охота,
Трубят егеря...

1962

СТАРАТЕЛЬСКИЙ ВАЛЬСОК

Мы давно называемся взрослыми
И не платим мальчишеству дань,
И за кладом на сказочном острове
Не стремимся мы в дальнюю даль,

Ни в пустыни, ни к полюсу холода,
Ни на катере к этакой матери.
Но поскольку молчание — золото,
То и мы, безусловно, старатели.

Промолчи —
    попадёшь в богачи!
Промолчи!
    Промолчи!
        Промолчи!

И не веря ни сердцу, ни разуму,
Для надёжности спрятав глаза,
Сколько раз мы молчали по-разному,
Но не против, конечно, а — за!

Где теперь крикуны и печальники?
Отшумели и сгнули смолода...
А молчальники вышли в начальники,
Потому что молчание — золото.

Промолчи —
    попадёшь в первачи!
Промолчи!
    Промолчи!
        Промолчи!

И теперь, когда стали мы первыми,
Нас заела речей маята,
Но под всеми словесными перлами
Проступает пятном немота.

Пусть другие кричат от отчаянья,
От обиды, от боли, от голода!
Мы-то знаем: доходней молчание,
Потому что молчание — золото!

Вот как просто попасть в богачи,
Вот как просто попасть в первачи,
Вот как просто попасть — в палачи:
Промолчи!
Промолчи!
Промолчи!..

1963

СТО ТЫСЯЧ «ПОЧЕМУ»

Спрашивает мальчик — почему?

Спрашивает мальчик — почему?

Двести раз и триста — почему?

Тучка набегает на чело...

А папаша режет ветчину,

А папаша режет ветчину,

Он сопит и режет ветчину

И не отвечает ничего.

Снова замаячили

бьль, бьль.

Снова рвутся мальчики

в пыль, в бой...

Вы их не пугайте, не отваживайте.

Спрашивайте, мальчики, спрашивайте!

Спрашивайте, мальчики, спрашивайте!

Спрашивайте! Спрашивайте!

Спрашивайте. — как? и почему?

Спрашивайте — как? и почему?

Как? и отчего? и почему?

Спрашивайте, мальчики, отцов!

Сколько бы ни резать ветчину,

Сколько бы ни резать ветчину,

Сколько бы ни резать ветчину —

Надо отвечать в конце концов!

Но в зрачке-хрусталике —

вдруг муть,

А старые сандалики

ух жмут!

Ну и не жалейте их — снашивайте!

Спрашивайте, мальчики, спрашивайте!

Спрашивайте, мальчики, спрашивайте!

Спрашивайте! Спрашивайте!

НЕОКОНЧЕННАЯ ПЕСНЯ

Старики управляют миром,
Суется, как злые мыши,
Им по справке, выданной МИДом,
От семидесяти и выше.

Откружили в боях и в вальсах,
Отмолили годам продленье
И в сведённых подагрой пальцев
Крепко держат бразды правленья.

По утрам их терзает кашель,
И поводят глазами шало
Над тарелкою с манной кашей
Президенты Земного Шара!

Старики управляют миром,
Где обличья подобны маскам,
Пахнут вёсны яичным мылом,
Пахнут зимы камфарным маслом.

В этом мире — ни слов, ни сути,
В этом мире — ни слёз, ни крови!
И уж наши с тобою судьбы
Не играют и вовсе роли.

Поважнее — где рваться минам,
Поважнее — где быть границам.
Старики управляют миром!
Только им по ночам не спится.

А девчонка гуляет с милым,
А в лесу раскричалась птица...
Старики управляют миром!
Только им по ночам не спится.

А в саду набухает завязь,
А мальчишки трубят «по коням!»...
И острее, чем совесть, зависть
Старикам не даёт покоя!

Грозный счёт покорённым милям
Отчеркнёт пожелтевший ноготь:
Старики управляют миром,
А вот сладить со сном — не могут.

1965

* * *

Собаки бывают дуры,
И кошки бывают дуры,
Но дурость не отражается
На стройности их фигуры.

Не в глупости и не в дикости —
Всё дело в статьях и в прикусе:
Кто стройные, те достойные,
А прочие — на-ка, выкуси!

И, важничая, как в опере,
Шагают суки и кббели,
Позвякивают медальками,
Которыми их сподобили.

Шагают с осанкой гордою,
К любому случаю годною,
Посматривают презрительно
На тех, кто не вышли мордою.

Рождённым медаленосителями
Не быть никогда просителями —
Самой им судьбой назначено
В собачьем сидеть президиуме.

Собаки бывают дуры,
И кошки бывают дуры,
И им по этой причине
Нельзя без номенклатуры.

до 1967 года

ВАЛЬС, ПОСВЯЩЁННЫЙ УСТАВУ КАРАУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

*Адресована всем любителям разбираться —
где левые, где правые*

Поколение обречённых!..
Как недавно и ах как давно
Мы смешили смешливых девчонок,
На протырку ходили в кино...

Но задул сорок первого ветер,
Вот и стали мы взрослыми вдруг,
И вколачивал шкура ефрейтор
В нас премудрость науки наук.

О, суконная прелесть Устава!
И во сне позабыть не могли,
Что любое движенье направо
Начинается с левой ноги.

А потом, в разноцветных нашивках,
Принесли мы гвардейскую статью
И женились на разных паршивках,
Чтобы всё поскорей навестать.

И по площади Красной, шалея,
Мы шагали со славой на ты:
Улыбался нам Он с Мавзолея,
И охрана бросала цветы.

Ах как шаг мы печатали браво!
Как легко мы прощали долги!
Позабыв, что движенье направо
Начинается с левой ноги.

Что же вы присмирели, задиры?
Не такой вам мечтался удел?!
Как пошли нас судить дезертиры,
Только пух, так сказать, полетел!

Отвечай, солдат, как есть на духу!
Отвечай, солдат, как есть на духу!
Отвечай, солдат, как есть на духу —
Ты кончай, солдат, нести чепуху!

Что от Волги, мол, дошёл до Белграда,
Не искал, мол, ни чинов, ни разживу.
Так чего же ты не помер как надо,
Как положено тебе по ранжиру?!

Еле слышно отвечает солдат,
Еле слышно отвечает солдат,
Еле слышно отвечает солдат:
«Ну не вышло помереть, виноват...»

Виноват, что не загнулся от пули, —
Пуля-дура не в того угодила.
Это ж вроде как с медалями в ПУРе,
Вот и пули на меня не хватило!

Всё морочишь нас, солдат, стариной!
Всё морочишь нас, солдат, стариной!
Всё морочишь нас, солдат, стариной —
Бьёшь на жалость, гражданин строевой!

Ни денег, мол, ни квартирки отдельной —
Ничего, мол, нет такого в заводе,
И один ты, значит, вроде — идейный,
А другие, значит, вроде Володи!

Ох, люрует прокурор-дезертир!
Ох, люует прокурор-дезертир!
Ох, люует прокурор-дезертир —
Припечатает годкам к десяти!

...Ах друзья ж вы мои, дуралеи,
Снова в грязь непроезжих дорог!
Заключенные параллели
Преподали нам славный урок:

Не делить с подонками хлеба,
Перед лестью не падать ниц
И не верить ни в чистое небо,
Ни в улыбки сиятельных лиц.

Пусть опять нас тётёшкает слава,
Пусть друзьями назвались враги —
Помним мы, что движенье направо
Начинается с левой ноги!

1966

ЛЕВЫЙ МАРШ

Левой, левой, левой!
Левою, шагом марш!

Нет, ещё не кончены войны,
Голос чести ещё невнятен,
И на свете, наверно, вольно
Дышат йоги — и то навряд ли.

Наши малые войны были
Ежедневными чудесами
В мутном облаке книжной пыли,
В государственных предписаньях!

Левой, левой, левой!
Левою, шагом марш!

Помнишь? — сонные понятия
Встали к притолке головой,
Как мечтающие о тыле
Рядовые с передовой!

Помнишь? — вспоротая перина,
В зимней комнате летний снег,
Молча шёл, не держась за перила,
Обесчещенный человек...

Левой, левой, левой!
Левою, шагом марш!

И не пуля, не штык, не камень —
Нас терзала иная боль!
Мы бессрочными штрафниками
Начинали свой малый бой!

По детдомам, как по штрафбатам
(Что ни сделаем — всё вина!),
Под запрятанным шла штандартом
Необъявленная война!

Левой, левой, левой!
Левою, шагом марш!

Наши малые войны были
Рукопашною зла и чести
В том проклятом военном быте,
О котором не скажешь в песне.

Сколько раз нам ломали рёбра:
Этот помер, а тот — ослеп...
Но дороже, чем рёбра, — вобла
И солёный мякинный хлеб.

Левой, левой, левой!
Левою, шагом марш!

И не странно ли, братья серые,
Что по-волчьи мы — на лету —
Рвали горло за милосердьё,
Били морду за доброту?

И ничто нам не мило, кроме
Поля боя при лунном свете!
Говорили — до первой крови:
Оказалось — до самой смерти...

Левой, левой, левой!
Левою, шагом марш!

МЫ НЕ ХУЖЕ ГОРАЦИЯ

Вы такие нестерпимо ражие
И такие, в сущности, примерные:
Всё томят вас бури вернисажные,
Всё шатают паводки премьерные.

Ходите, тишайшие, в неистовых,
Феями цензурными заняньканы.
Ну а если ни премьер, ни выставок —
Десять метров комнатка в Останкине,

Где улыбкой стражники-наставники
Не сияют благостно и святочно?
Но... стоит картина на подрамнике —
Вот и всё!..

А этого достаточно!

Есть, стоит картина на подрамнике —
Этого достаточно!

Осудив и совесть, и бесстрашие
(Вроде не заложишь и не купишь их),
Ах как вы присутствуете, ражие,
По карманам рассовавши кукиши!

Что ж, зовите небылицы былями,
Окликайте стражников по имени!
Бродят между ражими Добрынями
Тунеядцы Несторы и Пимены.

Их имён с эстрад не рассиропили,
В супер их не тискают облаточный...
«Эрика» берёт четыре копии —
Вот и всё!..

А этого достаточно!

Есть, отстукано четыре копии —
Этого достаточно!

Время сеет ветры, мечет молнии,
Создаёт советы и комиссии.
Что ни день, фанфарное безмолвие
Славит многодумное безмыслие.

Бродит кривда с полосы на полосу,
Делится с соседской кривдой опытом...
Но гремит напетое вполголоса,
Но гудит прочитанное шёпотом.

Ни партера нет, ни лож, ни яруса,
Клака не безумствует припадочно.
Есть магнитофон системы «Яуза» —
Вот и всё!..

А этого достаточно!

Есть, стоит картина на подрамнике,
Есть, отстукано четыре копии,
Есть магнитофон системы «Яуза» —
Этого достаточно!

АТЛАНТ, ИЛИ БАЛЛАДА ПРО МАЙОРА ЧИСТОВА

*Посвящается нашим доблестным
органам Комитета государствен-
ной безопасности в благодарность
за их вечные опеку и внимание*

Я спросонья вскочил, патлат,
Я проснулся, а сон — за мной,
Мне приснилось, что я — атлант,
На плечах моих — шар земной!

И болит у меня спина:
То мороз по спине, то жар,
И с устатку — пьяней пьяна —
Я роняю тот самый шар!

И, ударившись об Ничто,
Покатился он, как звезда,
Через Млечное решето
В бесконечное Никуда.

И так странен был этот сон,
Что ни дочери, ни жене
Не сказал я о том, что он
Этой ночью приснился мне.

Я и сам отогнал ту боль,
Будто наглухо дверь забил,
И часам к десяти ноль-ноль
Я и вовсе тот сон забыл.

Но в двенадцать ноль-ноль часов
Простучал на одной ноге
На работу майор Чистов,
Что заведует буквой «Ге»!

И открыл он моё досье,
И на чистом листе, педант,
Написал он, что мне во сне
Нынче снилось, что я — атлант!

1966

БАЛЛАДА О ЗЕМЛЕ И НЕБЕ

...Был, да ушёл в неги!

Ах как трудно улетают люди...
Вот идут по трапу на ветру,
Вспоминая ангельские лютни
И тому подобную муру!

Улетают, как уходят в неги,
Исчезают угольком в золе...
До чего ж всё смутно людям в небе!
До чего всё мило на земле!

Пристегните ремни! Пристегните ремни!
Ну давай посошок на дорожку налей!
Тут же ясное дело, темни не темни.
А на поезде ездить людям веселей...

Пристегните ремни! Пристегните ремни!
Не курить! Пристегните ремни!

И такой, на землю не похожий,
Синий мир за взлётной крутизной:
Пахнет небо хлоркою и кожей,
А не тёплой горестью земной!

И вино в пластмассовой посуде
Не сулит ни хмеля, ни чудес...
Улетают, улетают люди
В злую даль, за тридевять небес.

Пристегните ремни! Пристегните ремни!
Помоги, дорогой, чемоданчик поднять!
И какие-то вдруг побежали огни,
И уже ничего невозможно понять.

Пристегните ремни! Пристегните ремни!
Не курить! Пристегните ремни!

Люди спят, измученные смутой,
Снятся людям их земные сны
Перед тою роковой минутой
Вечной и последней тишины.

А потом, отдав себя крушенью, —
Камнем вниз, не слушаясь руля!
И земля ломает людям шею,
Их благословенная земля.

Пристегните ремни! Пристегнись и замри!
Мы взлетели уже? Я не понял. А вы?
А в окно ещё виден кусочек земли
И немножко бетона, немножко травы...

Отстегните ремни! Отстегните ремни!
Навсегда отстегните ремни!

9 октября 1966 года

БЕССМЕРТНЫЙ КУЗЬМИН

Ах, яблочко, куды котишься...

Народная песня

Отечество нам Царское Село...

Александр Пушкин

Покатились всячины и разности,
Поднялось неладное со дна!
«Граждане! Отечество в опасности!
Граждане! Отечество в опасности!
Граждане! Гражданская война!»

Был май без края и конца,
Жестокая весна!
И он сказал, сбежав с крыльца:
«Моя, моя вина!»

У Царскосельского дворца
Стояла тишина.
И тот, другой, сбежав с крыльца,
Сказал: «Моя вина!»
И камнем в омут ледяной
Упали те слова.
На брата брат идёт войной,
Но шелестит над их виной
Забвенья трын-трава!..

...А Кузьмин Кузьма Кузьмич выпил рюмку хлебного,
А потом Кузьма Кузьмич закусил севрюжкой,
А потом Кузьма Кузьмич, взяв перо с бумагою,
Написал Кузьма Кузьмич буквами печатными:
Что как истый патриот, верный сын Отечества
Он обязан известить власти предержажшие...

А где вы шли, там дождь свинца,
И смерть, и дело дрянь!
...Летела с тополей пыльца
На бронзовую длань —
У Царскосельского дворца,
У берега сонных вод...
И нет как нет войне конца,
И скоро — мой черёд!

...Было небо в голубиной ясности,
Но сердца от холода свело:
«Граждане! Отечество в опасности!
Граждане! Отечество в опасности!
Танки входят в Царское Село!»

А чья вина? — «Ничья вина!...»
Не верь ничьей вине,
Когда по всей земле война
И вся земля в огне!
Пришла война — моя вина!
И вот за ту вину
Меня песочит старшина,
Чтоб понимал войну.

Меня готовит старшина
В грядущие бои,
И сто смертей сулит война.
Моя война, моя вина,
И сто смертей — мои!

...А Кузьмин Кузьма Кузьмич хлопнул стопку чистого,
А потом Кузьма Кузьмич закусил огурчиком,
А потом Кузьма Кузьмич, взяв перо с бумагою,
Написал Кузьма Кузьмич буквами печатными:
Что как истый патриот, верный сын Отечества
Он обязан известить дорогие органы...

А где мы шли, там дождь свинца,
И смерть, и дело дрянь!
...Летела с тополей пыльца
На бронзовую длань —
Там, в царскосельской тишине
У замутнённых вод...
И нет как нет конца войне,
И скоро — твой черёд!

Снова, снова — громом среди праздности,
Комом в горле, пулею в стволе:
«Граждане! Отечество в опасности!
Граждане! Отечество в опасности!
Наши танки на чужой земле!»

Вопят прохвосты петухи,
Что виноватых нет.
Но за враньё и за грехи —
Тебе держать ответ!
За каждый шаг и каждый сбой —
Тебе держать ответ!
А если нет, так чёрт с тобой,
На нет и спроса нет!

Тогда опейся допьяна
Похлёбкою вранья!
И пусть опять моя вина,
Моя вина, моя война,
И смерть опять — моя!

...А Кузьмин Кузьма Кузьмич принял сто «Молдавского»,
А потом Кузьма Кузьмич закусил селёдкой,
А потом Кузьма Кузьмич, взяв перо с бумагою,
Написал Кузьма Кузьмич буквами печатными:
Что как истый патриот, верный сын Отечества
Он обязан известить всех, кого положено...

И не поймёшь: кого казним,
Кому поём хвалу?!
Идёт Кузьма Кузьмич Кузьмин
По Царскому Селу.
В прозрачный вечер у дворца
Покой и тишина.
И с тополей летит пыльца
На шляпу Кузьмина...

1967

ЧЕХАРДА С БУКВАМИ

В Петрограде, в Петербурге, в Ленинграде, на Неве,
В Колокольном переулке жили-были *А*, *И*, *Б*:
А служило, *Б* служило, *И* играло на трубе.
И играло на трубе, говорят, что — так себе,
Но его любили очень и ценили *А* и *Б*.

Как-то в вечер беспокойный
Тяжко пенилась река,
И явились в Колокольный
Три сотрудника ЧК,
А забрали, *Б* забрали, *И* не тронули пока.

Через год домой к себе
Возвратились *А* и *Б*,
И по случаю такому
И играло на трубе.

Но прошёл слушок окольный,
Что обратно быть беде...
И явились в Колокольный
Трое из НКВД:
А забрали, *Б* забрали, *И* забрали и т.д.

Через десять лет зимой
А и *Б* пришли домой,
И домой вернулось тоже,
Все сказали: «Боже мой!»

Пару лет в покое шатком
Проживали *А*, *И*, *Б*.
Но явились трое в штатском
На машине КГБ.
Всех троих они забрали, обозвали их на «б».

А пропало навсегда,
Б пропало навсегда,
И пропало навсегда,
Навсегда и без следа!
Вот, дети, у этих букв какая вышла в жизни чехарда!

1968

БАЛЛАДА О ЧИСТЫХ РУКАХ

Омочу шелковый рукав в Каяле-реке...

*Из плача Ярославны
(«Слово о полку Игореве»)*

Взвейтесь косграми, синие ночи...

Пионерская песня

Развеян по ветру подмоченный порох,
И мы привыкаем, как деды точь-в-точь,
Гонять вечера в незатейливых спорах,
Побасенки слушать и воду толочь.

Когда-то шумели — теперь поутихли:
Под старость любезней покой и почёт...
А то, что опять Ярославна в Путивле
Горюет и плачет, так это не в счёт.

Уж мы-то рукав не омочим в Каяле,
Не сунем в ладонь арестантскую хлеб!
Безгрешный холуй, запасайся камнями,
Разучивай загодя праведный гнев!

Недаром из школьной науки

Всего нам милей слова:

«Я умываю руки...

Ты умываешь руки...

Он умывает руки...» —

И хоть не расти трава!

Не высшая математика,

а просто — как дважды два!

Так здравствуй же вечно премудрость холопья —
Премудрость жевать, и мычать, и внимать,
И помнить о том, что народные копья
Народ никому не позволит ломать.

Над кругом гончарным поёт о тачанке
Усердное время, бессмертный гончар...
А танки идут по вацлавской брусчатке,
И наш бронепоезд стоит у Градчан!

А песня крепчает: «Взвивайтесь кострами!»,
И пепел с золою — куда ни ступи.
Взвиваются ночи кострами в Острове,
В мордовских лесах и в казахской степи.

На севере и на юге
Над ржавой землёю дым...
А я умываю руки,
    а ты умываешь руки,
        а он умывает руки,
Спасая свой жалкий Рим!
...И нечего притворяться —
        мы ведаем что творим!

1968

ПЕТЕРБУРГСКИЙ РОМАНС

*Посвящается
Наталье Рязанцевой и Павлу Литвинову*

Судить о нём не должно, он сам
виновник всех своих злосчаст-
ных бед, терпя, чего терпеть без
подлости — не можно...

Николай Карамзин

Быть бы мне поспокойней.
Не казаться б, а быть!
Здесь мосты, словно кони,
По ночам на дыбы!

Здесь всегда по квадрату
На рассвете полки:
От Синода к Сенату —
Как четыре строки!

Здесь, над винною стойкой,
Над пожаром зари
Наколдовано столько,
Набормотано столько,
Наколдовано столько,
Набормотано столько,
Что пойдя повтори!

Все земные печали
Были в этом краю,
Вот и платим молчаньем
За причастность свою!

...Мальчишки были безусы,
Прапоры и корнеты,
Мальчишки были безумны —
К чему им мои советы!

Лечиться бы им, лечиться,
На кислые ездить воды...
Они ж по ночам: «Отчизна!..
Тираны!.. Заря Свободы!..»

Полковник я, а не прапор,
Я в битвах сражался стойко,
И весь их щенячий табор
Мне мнился игрой, и только.

И я восклицал: «Тираны!»,
И я прославлял Свободу.
Под пламенные тирады
Мы пили вино как воду.

И в то роковое утро
(Отнюдь не угрозой чести!)
Казалось, куда как мудро
Себя объявить в отъезде.

Зачем же потом случилось,
Что меркнет копейкой ржавой
Всей славы моей лучинность
Пред солнечной ихней славой?!

...Болят к непогоде раны,
Уныло проходят годы...
Но я же кричал: «Тираны!»
И славил зарю Свободы!

Повторяется шёпот,
Повторяем следы:
Никого ещё опыт
Не спасал от беды!

О, доколе, доколе
(И не здесь, а везде)
Будут Клодтовы кони
Подчиняться узде?!

И всё так же — не проще —
Век наш пробует нас:
Можешь выйти на площадь?!
Смеешь выйти на площадь?!
Смеешь выйти на площадь?!
Можешь выйти на площадь
В тот назначенный час —

Где стоят по квадрату
В ожиданье полки:
От Синода к Сенату —
Как четыре строки?!

23 августа 1968 года

О ПОЛЬЗЕ УДАРЕНИЙ

(Философский этюд)

Ударение, ударение!
Будь для слова, как удобрение,
Будь рудюю, из слова добытой,
Чтоб Свобода не стала Свободой!

1968

* * *

Странно мы живём в двадцатом веке...
Суедемся, рвёмся в высоту...
И, Христа проклявшие калеки,
Молча поклоняемся кресту!..

13 января 1969 года

ГОРЕСТНАЯ ОДА СЧАСТЛИВОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Посвящается Петру Григорьевичу Григоренко

Когда хлестали молнии ковчег,
Воскликнул Ной, предупреждая страхи:
«Не бойтесь, я счастливый человек —
Я человек, родившийся в рубахе!»

Родившийся в рубашке человек...
Мудрейшие, почтеннейшие лица
С тех самых пор — уже который век! —
Напрасно ищут этого счастливца.

Который век всё нет его и нет —
Лишь горемыки прут без перебоя,
И горячат умы, и застыт свет...
А Ной наврал, как видно, с перепоя!

И стал он утешеньем для калек,
И стал героем сказочных забавок,
Родившийся в рубашке человек,
Мечта горластых повивальных бабок!

А я гляжу в окно на грязный снег,
На очередь к табачному киоску
И вижу, как счастливый человек
Стоит и разминает папироску.

Он брал Берлин! Он — правда! — брал Берлин.
И врал про это — скушно и нелепо,
И вышибал со злости клином клин,
И шифер с базы угонял налево.

Вот он выходит в стужу из кино
И, сам не зная про свою особенность,
Мальчонке покупает эскимо
И лезет в переполненный автобус.

Он водку пил и пил одеколон,
Он песни пел и женщин брал нахрапом...
А сколько он повкалывал кайлом!
А сколько он протопал по этапам!

Был горек хлеб его и скуп ночлег,
Но все народы перед ним во прахе.
Вот он стоит: счастливый человек,
Родившийся в смирительной рубахе!

январь 1969 года

ФЕСТИВАЛЬ ПЕСНИ В СОПОТЕ В АВГУСТЕ 1969 ГОДА

Над чёрной пажитью разрухи,
Над миром, проклятым людьми,
Поют девчонки о разлуке,
Поют мальчишки о любви:
«Лаб-даб-даб-даб...»

Они глядят на нас в тревоге
И не умеют скрыть испуг,
Но наши страхи, наши боги
Для них — смешной и жалкий звук:
«Лаб-даб-даб-даб...»

И наши прошлые святыни
Для них — пустые имена,
И правда — та, что посредине —
И им, и нам ещё темна.

И слышит Прага, слышит Сопот
Истошный шёпот: «Тру-ля-ля!»,
Но пробивается сквозь шёпот
Кирзовый топот патруля:
«Ать-два! Ать-два!..»

Нас отпустили на поруки —
На год, на час, на пять минут.
Поют девчонки о разлуке,
Мальчишки о любви поют:
«Лаб-даб-даб-даб...»

Они лады перебирают,
Как будто лезут на рожон.
Они слова перевирают:
То в соль-мажор, то в ре-мажор.

А я, крестом раскинув руки,
Как оступившийся минёр:
Всё о беде да о разрухе,
Всё в ре-минор да в ре-минор...

1969

ЛЕТЯТ УТКИ

Посвящается Леониду Пинскому

С севера, с острова Жестева
Птицы летят —
Шестеро, шестеро, шестеро
Серых утят,
Шестеро, шестеро
к югу летят...

Хватит хмуриться, хватит злиться,
Ворошить вороха былого,
Но когда по ночам бессонница,
Мне на память приходит снова:

Мутный за тайгу
Ползёт закат,
Строем на снегу
Пятьсот зека.

Ветер мокрый хлестал мочалкою:
То накатывал, то откатывал,
И стоял вертухай с овчаркою
И такую им речь откалывал:

«Ворон, растудыть, не выключет
Глаз, растудыть, ворону,
Но ежели кто закосит,
Тот мордой в снег!
И прошу, растудыть, запомнить,
Что каждый шаг в сторону
Будет, растудыть, рассматриваться
Как, растудыть, побег!»

Вьюга полярная спятила —
Бьёт наугад!
А пятеро, пятеро, пятеро
Дальше летят,
Пятеро, пятеро
к югу летят...

Ну а может, и впрямь бессовестно
Повторяться из слова в слово?
Но когда по ночам бессонница,
Мне на память приходит снова:

Не косят, не корчатся
Зека в снегах —
Разговор про творчество
Идёт в верхах.

Репортёры сверкали линзами,
Кремем бритвенным пахла харя,
Говорил вертухай прилизанный,
Не похожий на вертухая:

«Ворон, извиняюсь, не выключет
Глаз, извиняюсь, ворону,
Но все ли сердцем усвоили
Чему учит нас Имярек?!
И прошу, извиняюсь, запомнить,
Что каждый шаг в сторону
Будет, извиняюсь, рассматриваться
Как, извиняюсь, побег!»

...Грянул прицельно с надветренной
В сердце заряд,
А четверо, четверо, четверо
Дальше летят!..

И если долетит хоть один, если даже никто не долетит,
всё равно стоило, всё равно надо было лететь!..

1969

ВЕЧЕРНИЕ ПРОГУЛКИ

(Маленькая поэма)

Владимиру Максимоу

1

Бывали ль вы у Спаса-на-крови?
Там рядом сад с дорожками. И кущи.
Не прогуляться ль нам — на сон грядущий —
И поболтать о странностях любви?

Смеркается. Раздолье для котов.
Плывут косые тени по гардине,
И я вам каюсь, шёпотом, в гордыне,
Я чёрт-те в чём покаяться готов!

Пора сменить — уставших — на кресте,
Пора надеть на свитер эполеты
И хоть под старость выбиться в поэты,
Чтоб ни словечка больше в простоте!

Допустим этак: медленней, чем снег,
Плывёт усталость, каменная птица.
Как сладко всем в такую полночь спится...
Не спит — в часах — песочный человек.

О, этот вечнотающий песок,
Немолчный шелест времени и страха.
О, Парка, Парка, сумрачная пряжа,
Повремени, помедли хоть часок!..

А ловко получается, шарман!
О, как же эти «о!» подобны эху...
Но, чёрт возьми, ещё открыт шалман!
Давайте, милый друг, зайдём в шалман!
Бессмертье подождёт — ему не к спеху!..

2

Ах, шалман! Гуляй, душа!
Прочь, унынье чёрное!
Два учёных алкаша
Спорят про учёное:

«Взять, к примеру, мю-мезон:
Вычисляй и радуйся!
Но велик ли в нём резон
В рассужденьи градуса?!»

Ух, шалман! Пари, душа!
Лопайтесь, подтяжки!
Работяга не спеша
Пьёт портвейн из чашки.

«Все грешны на свой фасон,
Душу всем изранили!
Но уж если ты мезон,
То живи в Израиле!..»

Ну, шалман! Ликуй, душа!
Света! Света! Светочка!
До чего же хороша —
Как в бутылке веточка!

Света пиво подаёт
И смеётся тоненько.
Три пустые достаёт
Света из-под столика.

«Это, Света, на расчёт,
И — вперёд, в начало!..»
Работяга, старый чёрт,
Машет ручкой — «чао!».

Вот он встал, кудлатый чёрт,
Пальцами шаманя.
Уваженье и почёт
Здесь ему, в шалмане!

3

Он подлец, мудрец и стоик,
Он прекрасен во хмелю!
Вот он сел за крайний столик
К одинокому хмырю:

«Вы, прошу простить, партийный?
Подтвердите головой!..»
(Хмырь кивает. Работяга улыбается.)

«...Так и знал, что вы партийный.
Но заходите в питейный
И по линии идейной
Получаетесь как свой!»

Эй, начальство! Света, брызни!
Дай поярче колорит!..
«Наблюдение из жизни!» —
Работяга говорит.

И, окинув взглядом тесный
Зал на сто семнадцать душ,
Он — уже почти что трезвый —
Вдруг понёс такую чушь!..

4

На троллейбусной остановке
Все толпятся у самой бровки.
И невесело, как в столовке,
На троллейбусной остановке.

Хоть и улица, а накурено,
И похожи все на Никулина...
Ну того, что из цирка, клоуна, —
Так же держатся люди скованно.

Но попробуй у них спроси:
«Где тут очередь на такси?!»
А где очередь на такси —
Там одни «пардон» и «мерси».

Там грузины стоят с корзинками,
И евреи стоят с грузинками.
И глядят они вслед хитро
Тем, кто ехать решил в метро.

И вдогонку шипят «ай-вай!»
Тем, кто топает на трамвай.
А трамвайная остановка —
Там особая обстановка.

Эй ты, в брючках, пшено, дешёвка,
Ты отчаливай, не форси!
Тут трамвайная остановка,
А не очередь на такси!..

И, платком вместо флага
Сложный выразив сюжет,
Наш прелестный работяга
Вдруг пропел такой куплет:

«А по шоссе на Калуги и Луги —
В дачные царства, в казённый уют,
Мчатся в машинах народные слуги,
Мчатся — и грязью народ обдают!..»

5

У хмыря лицо — как тесто
И трясётся голова,
Но приятный гром оркестра
Заглушил его слова.

Был оркестр из настоящих
Трёх евреев — первый сорт!
А теперь упрятан в ящик
Под названием «Аккорд».

И ведёт хозяйство это
Ослепительная Света.
И пускает — в цвет моменту, —
Отобрав из сотни лент,
Соответственную ленту
В соответственный момент.

Вот сперва завыли трубы:
Всё, мол, в жизни трын-трава!..
У хмыря трясутся губы
И трясётся голова.

Вот поддал ударник жару,
Показал, бродяга, класс!
А уж после, под гитару,
Произнёс нахальный бас:

«Доля-доля, злая доля,
Протрубила б ты отбой!
Сверху — небо, снизу — поле,
Посерёдке — мы с тобой.

Мы с тобою посере́дке:
Ты невеста, я жених.
Нам на личность — по селе́дке
И поллитра на двоих.

Мы культурно свет не застим,
Взять судьбу не можем в толк.
И поёт нам «С новым счастьем!..»
Наш парторг — тамбовский волк.

Он поёт один, в гордыне, —
Как свидетель на суде:
«С новым счастьем, молодые!
И с успехами в труде!..»

И чтоб первенец загукал,
Как положено в семье,
Вам партком отводит угол
В обще...

Тут, увы, заело ленту —
Отслужила, видно, срок.
Но опять же — в цвет моменту —
Грянул бойкий тенорок:

«Чтобы очи мои повылазили!
Чтоб не видеть мне белого дня!
Напридумали Лазари лазеры —
И стараются кончить меня!..»

И шалман зашёлся смехом,
Загудел, завыл шалман.
И, частушке вторя, эхом
Об стакан гремит стакан.

6

Света, Света, добрый друг!
Что же ты замолкла вдруг?
Где твой Лазарь? Где твой милый
Завбуфетом в цвете лет?
«Он убит — и взят могилой», —
Как сказал один поэт.

Брал он скромно, брал — по праву,
Брал не с верхом, а в очко.
Было — заму, было — заву,
Было всем на молочко!

Уносите, дети, ноги!
Не ходите, дети, в лес!
В том лесу живёт в берлоге
Лютый зверь — ОБХС!..

Всем вlepили мелочишку,
Всё равно что за прогул.
Только Лазарь принял вышку —
Даже глазом не моргнул...

Точно так же, как когда-то
Не моргнул и глазом он,
Когда гнал его, солдата,
Дезертир из школы вон!

Мол, не так он учит деток,
Подозрительный еврей,
Мол, не славит пятилеток,
А долдонит про царей.

Заседанье педсовета
Подвело всему итог...
С ним ушла тогда и Света,
Физкультурный педагог.

Что ты, что ты, что ты, что ты,
Что ты видишь сквозь туман?
Как мотались без работы?
Как устроились в шалман?

Как — без голоса — кричала
В кислом зале горсуда?..
Эй, не надо всё сначала,
Было — сплыло навсегда!

Было — сплыло...

Тут линияет гром оркестра —
Мал в шалмане габарит.
И опять, оркестра вместо,
Работяга говорит

(А в руке гуляет кружка
И смеётся левый глаз!):
«Это всё была петрушка,
А теперь пойдёт рассказ!»

7

Мы гибли на фронте,
Мы хрипли в комбеде.
А вы нас вели —
От победы к победе!

Нам бабы кричали:
«Водицы попейте!
Умойтесь,
          поешьте,
Поспите хоть ночку!
А вы нас вели —
От победы к победе,
И пуля свинцовая
Ставила точку!

Мы землю долбили,
Мы грызли железо,
Мы грудь подставляли
Под дуло обреза.
А вы, проезжая
В машине «Победе»,
В окно нам кричали:
«Достройте!..
          Добейте!..»

И мы забывали
О сне и обеде,
И вы нас вели —
От победы к победе!

А вы — «Победы»
Меняли на «Волги»,
А после — «Волги»
Меняли на «ЗИМы»,

А после — «ЗИМы»
Меняли на «Чайки»,
А после — «Чайки»
Меняли на «ЗИЛы»...
А мы надрывались,
Долбили, грузили!..

И вот уже руки
Повисли, как плети,
И ноги не ходят,
И волосы седы.

А вы нас вели —
От победы к победе.
И тосты кричали
Во славу победы:
«Ну пусть не сегодня,
Так — завтра,
                  так — в среду!»
Достройте!..
                  Добейте!..
Дождём!..
                  Приурочим!..»
А мы, между прочим,
А мы, между прочим,
Давно положили
На ВАШУ победу!..

8

Хмырь зажал рукою печень,
Хмырь смертельно побледнел.
Даже хмырь и тот не вечен —
Есть для каждого предел.

Работяга (в кружке пена),
Что ж ты, дьявол, совершил?
Ты ж действительного члена
Нашу партию лишил!

И пленительная Света,
Сандалетами стуча,
Срочно стала из буфета
Вызывать в шалман врача!..

9

Какая ночь! Как улицы тихи!
Двенадцать на часах «Аэрофлота».
И кажется, дойдёшь до поворота —
И потекут бессмертные стихи!

1970—1971

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ ТЕКСТ
МОЕЙ ПРЕДПОЛАГАЕМОЙ РЕЧИ
на предполагаемом съезде
историков стран
социалистического лагеря,
если бы таковой съезд
состоялся и если б мне
была оказана высокая честь
сказать на этом съезде
вступительное слово

Полмира в крови, и в развалинах век,
И сказано было недаром:
«Как ныне собирается вещей Олег
Отмстить неразумным хазарам...»

И эти звенящие медью слова
Мы все повторяли не раз и не два,
Не раз и не два, не раз и не два,
Не раз и не два...

Но как-то с трибуны большой человек
Воскликнул с волнением и жаром:
«Однажды задумал предатель Олег
Отмстить нашим братьям-хазарам...»

Приходят слова и уходят слова,
За правдою правда вступает в права,
Вступает в права, вступает в права,
Вступает в права...

Сменяются правды, как в оттепель снег,
И скажем, чтоб кончилась смута:
«Каким-то хазарам какой-то Олег
За что-то отместил почему-то!»

И этот марксистский подход к старине
Давно применяется в нашей стране:
Он нашей стране пригодился вполне
И вашей стране пригодится вполне,
Поскольку вы тоже в таком же... лагере, —
Он вам пригодится вполне!

* * *

Весь год — ни валко и ни шатко,
Всё то же — в новом январе,
Но целый год горела шапка,
Горела шапка на воре.

А вор бельё ташил с забора,
Снимал с прохожего пальто
И так вопил: «Держите вора!»,
Что даже верил кое-кто.

<1972>

СЛУШАЯ БАХА

(Псалом)

Мстиславу Ростроповичу

На стене прозвенела гитара,
Зацвели на обоях цветы...
Одиночество Божьего дара,
Как прекрасно и горестно ты!

Есть ли в мире волшебней, чем это —
Всей доюке земной вопреки —
Одиночество звука и цвета
И паденье последней строки?

Отправляется небыль в дорогу
И становится былью потом.
Кто же смеет приказывать Богу
И заведовать Божьим путём?!

Но к словам, оgranённым строкою,
Но к холсту, превращённому в дым,
Так легко прикоснуться рукою.
И соблазн этот так нестерпим!

И не знают вельможные каты,
Что не всякая близость близка
И что в храм ре-минорной токкаты
Недействительны их пропуска!

1973

КУМАЧОВЫЙ ВАЛЬС

Хоть на месяц сбежать в мелколесье
Подмосковной условной глуши,
Где в колодце воды — хоть залейся
И порою весь день ни души!

Там отлипнет язык от гортани,
И не страшно уже, а смешно,
Что калитка, по-птичьи картавя,
Дребезжать заставляет окно.

Там не страшно, что хрустнула ветка
Поутру под чужим каблуком.
Что с того? — это просто соседка
Принесла мне кувшин с молоком.

Но увы! Но и здесь — над платформой,
Над антеннами сгорбленных дач,
Над берёзовой рощей покорной —
Торжествует всё тот же кумач!

Он тарашит метровые буквы,
Он вопит и качает права,
Только буквы, расчёртовы куклы,
Не хотят сочетаться в слова.

«Миру — мир!»
    «Мира — мор!»
        «Мира — мура!»
«Миру — мер!»
    «Миру — миг!»
        «Миру — мер!»

И вникает в бессмыслицу хмуро
Участковый милиционер.

Облечённый секретной задачей,
Он (и ночью, и пасмурным днём)
Наблюдает за некою дачей —
За калиткой, крыльцом и окном.

Может, там куролесят с достатка?
Может — контра и полный блядѣжь?..
Кумачовый блюстителъ порядка,
Для кого ты порядок блюдёшь?!

И, себя выдавая за знамя,
Но древко наклонив, как копѣе,
Маскировочной сетью над нами
Кумачовое плещет тряпѣе!

Так неужто ж и с берега Леты
Мы увидим, как в звѣздный простор
Будут плыть кумачовые ленты:
«Миру — миг!»
    «Мира — миф!»
    «Миру — мор!»

* * *

Говорят, пошло с Калиты,
А уж дале — из рода в род.
То ли я сопру, то ли ты,
Но один, как часы, сопрёт!

То ли ты сопрёшь, то ли я,
То ли оба мы на щите...
С Калиты идёт колея:
Все воры — и все в нищете!

И псари воры, и князя,
Не за кóрысть воры, за злость!
Без присмотра на миг нельзя
Ни корону бросать, ни гвоздь!..

Уж такие мы удались,
Хоть всю жизнь живём на гроши...
А который спёр — тот делись,
Тут как тут стоят корешí!..

И под скучный скулёж дележа
У подъездов, дверей и оград
Вдоль по всей Руси — сторожа.
Всё сидят сторожа — сторожат!

до 1974 года

Поэма о Сталине

ЗА СЕМЬЮ ЗАБОРАМИ

Мы поехали за город,
А за городом дожди,
А за городом заборы,
За заборами — Вожди.

Там трава несмятая,
Дышится легко,
Там конфеты мятные
«Птичье молоко».

За семью заборами,
За семью запорами,
Там конфеты мятные
«Птичье молоко»!

Там и фауна, и флора,
Там и ёлки, и грачи,
Там глядят из-за забора
На прохожих стукачи.

Ходят вдоль да около,
Кверху воротник...
А сталинские соколы
Кушают шашлык!

За семью заборами
Да за семью запорами
Сталинские соколы
Кушают шашлык!

А ночами, а ночами
Для ответственных людей,
Для высокого начальства
Крутят фильмы про блядей!

И, сопя, уставится
На экран мурло:
Очень ему нравится
Мерилин Монро!

За семью заборами
Да за семью запорами
Очень ему нравится
Мерилин Монро!

Мы прошли четыре круга,
Мы сказали: «Боже мой!»,
Мы взглянули друг на друга
И поехали домой.

А в пути по радио
Цельный час подряд
Нам про демократию
Делали доклад.

А за семью заборами
Да за семью запорами,
Там доклад не слушают —
Там шашлык едят!

ОБЛАКА

Облака плывут, облака,
Не спеша плывут, как в кино.
А я цыплёнка ем табака,
Я коньячку принял полкило.

А я цыплёнка ем табака,
Я коньячку принял полкило.

Облака плывут в Абакан,
Не спеша плывут облака.
Им тепло небось, облакам,
А я продрог насквозь на века!

Я подковой вмёрз в санный след,
В лёд, что я кайлом ковырял,
Ведь недаром я двадцать лет
Протрубил по тем лагерям.

До сих пор в глазах снега наст!
До сих пор в ушах шмона гам!..
Эй, подайте ж мне ананас
И коньячку ещё двести грамм!

Эй, подайте ж мне ананас
И коньячку ещё двести грамм!

Облака плывут, облака,
В милый край плывут, в Колыму..
И не нужен им адвокат,
Им амнистия ни к чему.

Я и сам живу — первый сорт,
Двадцать лет как день разменяв!
Я в пивной сижу, словно лорд,
И даже зубы есть у меня!

Облака плывут на восход —
Им ни пенсии, ни хлопот...
А мне четвёртого — перевод
И двадцать третьего — перевод.

И по этим дням, как и я,
Полстраны сидит в кабаках!
И нашей памятью в те края
Облака плывут, облака.

И нашей памятью в те края
Облака плывут, облака...

1962

НОЧНОЙ ДОЗОР

Когда в городе гаснут праздники,
Когда грешники спят и праведники,
Государственные запасники
Покидают тихонько памятники.

Сотни тысяч (и все похожие)
Вдоль по лунной идут дорожке,
И случайные прохожие
Кувыркаются в неотложки.

И снова бьют барабаны!
Бьют барабаны!
Бьют!
Бьют!
Бьют!

На часах замирает маятник,
Стрелки рвутся бежать обратно:
Одинокий шагает памятник,
Повторённый тысячекратно.

То Он в бронзе, а то Он в мраморе,
То Он с трубкой, а то без трубки,
И за Ним, как барашки на море,
Чешут гипсовые обрубки.

И снова бьют барабаны!
Бьют барабаны!
Бьют!
Бьют!
Бьют!

Я открою окно, я высунусь,
Дрожь пронзит, будто сто по Цельсию!
Вижу — бронзовый генералиссимус
Шутовскую ведёт процессию.

Он выходит на место лобное,
«Гений всех времён и народов»,
И, как в старое время доброе,
Принимает парад уродов!

И снова бьют барабаны!
Бьют барабаны!
Бьют!
Бьют!
Бьют!

Прёт стеной мимо дома нашего
Хлам, забытый в углу уборщицей:
Вот сапог громыхает маршево,
Вот обломанный ус топорщится!

Им пока скрипеть, да поругиваться,
Да следы оставлять линючие,
Но уверена даже пуговица,
Что сгодится ещё при случае.

И будут бить барабаны!
Бить барабаны!
Бить!
Бить!
Бить!

Утро родины нашей розово,
Позывные летят попискивая...
Восвояси уходит бронзовый,
Но лежат, притаившись, гипсовые.

Пусть до времени покалечены,
Но и в прахе хранят обличие.
Им бы, гипсовым, человечины —
Они вновь обретут величие!

И будут бить барабаны!
Бить барабаны!
Бить!
Бить!
Бить!..

БОЛЬНИЧНАЯ ЦЫГАНОЧКА

А начальник всё спяну о Сталине,
Всё хватает баранку рукой,
А потом нас, конечно, доставили
Санитары в приёмный покой.

Сняли брюки с меня и кожаночку,
Всё моё покидали в мешок
И прислали Марусю-хожалочку,
Чтоб дала мне живой порошок.

А я твердил, что я здоров,
А если ж — печки-лавочки,
То в этом лучшем из миров
Мне всё давно до лампочки.

Мне всё равно:
Мне всё давно
До лампочки!

Вот лежу я на койке, как чайничек,
Злая смерть надо мною кружит,
А начальничек мой, а начальничек,
Он в отдельной палате лежит.

Ему нянечка шторку повесила —
Создают персональный уют,
Водят к гаду еврея профессора,
Передачи из дому дают!

А там икра, и там вино,
И сыр, и печки-лавочки!
А мне — больничное говно,
Хоть это и до лампочки.

Хоть всё равно:
Мне всё давно
До лампочки!

Я с обеда для сестрина мальчика
Граммов сто отолью киселю.
У меня ж — ни кола, ни калачика,
Я с начальством харчи не делю!

Я возил его, падлу, на «Чаечке»:
И к Маргошке возил, и в Фили...
Ой вы добрые люди, начальнички,
Соль и слава родимой земли!

Не то он зав, не то он зам,
Не то он — печки-лавочки.
А что мне зам! Я сам с усам,
И мне чины до лампочки.

Мне все чины
Да ветчины
До лампочки!

Надеваю я утром пижамочку,
Выхожу покурить в туалет
И, встречая Марусю-хожалочку:
«Сколько зим, — говорю, — сколько лет!

Доложи, — говорю, — обстановочку!»
А она отвечает не в такт:
«Твой начальничек дал упаковочку —
У него получился инфаркт!»

На всех больничных корпусах
И шум, и печки-лавочки...
А я стою — темно в глазах,
И как-то всё до лампочки.

И как-то вдруг
Мне всё вокруг
До лампочки.

Да, конечно, гражданка гражданочкой,
Но, когда воевали, братва,
Мы ж с ним вместе под этой кожаночкой
Ночевали не раз и не два,

И тянули спиртягу из чайника,
Под обстрел загорали в пути...
Нет, ребята, такого начальника
Мне, конечно, уже не найти!

Не слёзы это, а капель,
И всё, и печки-лавочки.
И мне теперь, мне всё теперь
Фактически до лампочки.

Мне всё теперь,
Мне всё теперь
До лампочки!

1965

ЗАКЛИНАНИЕ

Валерию Фриду и Юлию Дунскому

Помилуй мя, Господи, помилуй мя!..

Получил персональную пенсию,
Завернул на часок в поплавок —
Там ракушками пахнет и плесенью
И в разводах мочи потолок,

И шашлык отрыгается свечкою,
И сулгуни воняет треской...
И сидеть ему лучше б над речкою,
Чем над этой пучиной морской.

Ой ты море-море-море, море Чёрное,
Ты какое-то верчѐное-кручѐное!
Ты ведѐшь себя не по правилам:
То ты Каином, а то ты Авелем!

Помилуй мя, Господи, помилуй мя!..

И по пляжу (где б пбд вечер пб двое)
Брѐл один он, задумчив и хмур:
Это Чѐрное — вздорное, подлое —
Позволяет себе чересчур!

Волны катятся, чѐртовы бестии,
Не желают режим понимать!
Если б не был он нынче на пенсии,
Показал бы им кузькину мать!

Ой ты море-море-море, море Чёрное,
Не подследственное, жаль, не заключѐнное!
На Инту б тебя свѐл за дело я —
Ты б из Чѐрного стало белое!

Помилуй мя, Господи, помилуй мя!..

И в гостинице странную, страшную
Намечтал он спросонья мечту:
Будто Чёрное море под стражею
По этапу пригнали в Инту.

И блаженной блаженного во Христе,
Раскурив сигаретку «Маяк»,
Он глядит, как ребяташки-вохровцы
Загоняют стихию в барак.

Ой ты море-море-море, море Чёрное,
Ты теперь мне по закону поручённое!
А мы обучены, бля, этой химии —
Обращению со стихиями!

Помилуй мя, Господи, помилуй мя!..

И лежал он с блаженной улыбкою —
Даже скулы улыбка свела,
Но, должно быть, последней уликою
Та улыбка для смерти была.

И не встал он ни утром, ни к вечеру...
Коридорный ходил за врачом,
Коридорная Божию свечечку
Над счастливым зажгла палачом...

И шумело море-море, море Чёрное,
Море вольное, никем не приручённое,
И вело себя не по правилам:
Было Каином, было Авелем!

Помилуй мя, Господи, в последний раз!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

(Сюрреалистическая песня)

Баю-баю-баю-бай,
Ходи в петлю, ходи в рай!
Гаркнет ворон на краю:
Хорошо ль тебе в раю?
Засыпая — засыпай!
Баю-баю-баю-бай!

Но в рай мы не верим, нехристи:
Незрячим к чему приметы?!
А утром пропавших без вести
Выводят на берег Леты.

Сидят пропавшие, греются,
Следят за речным приливом.
А что им, счастливым, грезится?
Не грезится им, счастливым.

Баю-баю-баю-бай!
Забывая — забывай!

Идут им харчи казённые,
Завозят вино — погуливают...
Сидят палачи и казнённые,
Поплёвывают, покуривают,

Придавят бычок подошвою —
И в лени от ветра вольного
Пропавшее наше прошлое
Спит под присмотром конвойного.

Баю-баю-баю-бай,
Ходи в петлю, ходи в рай!
Гаркнет ворон на плетне:
Хорошо ль тебе в петле?
Помирая — помирай!
Баю-баю-баю-бай!

Днепропетровск. Дом Педо, где родился А. Галич (съемка 1988 г.)

А. С. Гинзбург, отец А. Галича

Ф. Б. Векслер, мать А. Галича

Семья Векслер. Фанни Векслер (слева)

А. С. Гинзбург (вверху второй слева) в ополчении. 1915 г.

Фанни Борисовна
Векслер

Саше 1 год

С братом Валерием

Саша Гинзбург, 1924 г.

На даче с матерью и братом

Саша и Валерий Гинзбурги с родственниками. 20-е годы

С отцом. Саше 10 лет

Пригласительный билет на закрытое заседание Пушкинской комиссии. 1926 г.

Александр Гинзбургу 16 лет

Саша Гинзбург (слева) на занятиях в студии К. С. Станиславского

В студии К. С. Станиславского. 1938 г.

Московский театр-студия А. Н. Арбузова. Конец 30-х годов

А. Гинзбург и В. Архангельская (последний ряд слева) после спектакля "Парень из нашего города". Фронтвой театр, 1942 г.

Валентина Архангельская,
первая жена А. Галича

С женой В. Архангельской и дочерью Аленой

С дочерью Аленой

А. Галич. 1948 г.

Начало 50-х годов

С женой Анжелиной
в Подмоскowie.
Конец 50-х годов

ПЕСНЯ О СИНЕЙ ПТИЦЕ

Был я глупый тогда и сильный,
Всё мечтал я о птице синей,
А нашёл её синий цвет —
Заработал пятнадцать лет.

Было время, за синий цвет
Получали пятнадцать лет!

Не солдатами — номерами
Помиралы мы, помирали:
От Караганды по Нарым —
Вся земля как один нарыв!

Воркута, Инта, Магадан...
Кто вам жребий тот нагадал?!
То вас шмон трясёт, а то цинга,
И чуть не треть зека — из ЦК!

Было время, за красный цвет
Добавляли по десять лет!

А когда пошли миром грозы,
Мужики на фронт, бабы в слёзы.
В жёлтом мареве горизонт,
А нас из лагеря да на фронт!

Севастополь, Курск, город Брест...
Нам слепил глаза жёлтый блеск.
А как жёлтый блеск стал белеть,
Стали глазоньки столбенеть!

Ох, сгубил ты нас, жёлтый цвет:
Мы на свет глядим, а света нет!

Покалечены наши жизни!..
А может, дело всё в дальтонизме?
Может, цвету цвет не чета,
А мы не смыслим в том ни черта?

Так подчаль меня, друг, за столик,
Ты дальтоник, и я дальтоник:
Разберёмся ж на склоне лет,
За какой мы погибли цвет...

1966

СЛАВА ГЕРОЯМ!

У лошади была грудная жаба,
Но лошадь, как известно, не овца.
И лошадь на парады выезжала
И маршалу про жабу ни словца.

А маршал, бедный, мучился от рака,
Но тоже на парады выезжал.
Он мучился от рака, но, однако,
Он лошади об этом не сказал.

Нам этот факт Великая Эпоха
Воспеть велела в песнях и в стихах!
Хоть лошадь та давным-давно издохла,
А маршала сгноили в Соловках...

1966

БАЛЛАДА О ТОМ,
как едва не сошёл с ума
директор антикварного магазина № 22
Копылов Н.А., рассказанная им самим
доктору Беленькому Я.И.

Допекла меня всё же Тонечка —
Гарнитур купил ей ореховый!
Я ж не брал сперва ни вот столечка,
А уж как начал — так поехало!

Так пошла молоть прорва адава —
Где по сотенке, где по камушку:
Намолола мне дачку в Кратово,
Намолола мне «Волгу»-матушку!

Деньги-денежки, деньги-катыши,
Вы и слуги нам, и начальники.
А у нас товар деликатнейший:
Не стандарт какой — чашки-чайники!

Чашки-чайники, фрукты-овощи...
Там кто хошь возъмёт — хошь без помощи!
Хошь без помощи!

А у нас товар — на любителей:
Павлы разные да Людовики.
А любителю — чем побитее:
Самый смак ему, что не новенький!

И ни-ни, чтоб по легкомыслию
Спутать Францию или Швецию...
А недавно к нам на комиссию
Принесло одну старушенцию.

И в руках у ей не хрусталина,
Не фарфоровые бонбончики,
А пластиночки с речью Сталина:
Ровно десять штук, и все в альбомчике.

А я стреляный, а я с опытом, —
А я враз понял: пропал пропадом!
Пропал пропадом!

Тем речам цена — ровно тридцать «рэ»!
(И принёс же чёрт сучку-пташечку!)
Ну какой мне смысл на такой муре
Наблюдать пося небо в шашечку?!

Вот и вникните в данный факт, друзья
(На добре ж сижу, не на ветоши!):
Мне и взять нельзя и не взять нельзя —
То ли гений он, а то ли нет ещё?!

Тут и в прессе есть расхождения,
И вообще идут толки разные...
Вот и вникните в положение
Исключительно безобразное.

Они спорят там, они ссорятся!
Ну а я — решай, а мне — бессонница!
А мне — бессонница!

Я матком в душе, а сам с улыбочкой,
Выбираю слова приличные:
За альбомчик, мол, вам спасибочко!
Мол, беру его — за наличные!

И даю я ей свои кровные —
Продавцы вокруг удивляются:
Они, может быть, деньги скромные,
Но ведь тоже зря не валяются!

...И верчусь весь день, как на вертеле,
Ой туманится небо светлое!
И хоть верьте мне, хоть не верьте мне,
А началось тут несусветное!

А я же стреляный, я же с опытом, —
Я же враз понял: пропал пропадом!
Пропал пропадом!

Или бабуку ты сам засёк народ,
Или стукнулась со знакомыми,
Но с утра ко мне — в три хвоста черёд:
Все с пластинками, все с альбомами!

И растёт, растёт гора целая,
И наличность вся в угасании!
Указание б чьё-то ценное —
Да ведь нет его, указания!

В пух и прах пошла дачка в Кратове,
«Волга»-матушка — моё детище!
И гвоздит мне мозг многократное:
То ли гений он, а то ли нет ещё?!

«Я, маленькая девочка, танцую и пою,
Я Сталина не видела, но я его люблю!»

А я стреляный, а я с опытом, —
А я враз понял: пропал пропадом!
Пропал пропадом!

...Но доктор Беленький Я.И. не признал Копылова Н.А. душевнобольным и не дал ему направления в психиатрическую клинику.

1968

РАЗМЫШЛЕНИЯ О БЕГУНАХ НА ДЛИННЫЕ ДИСТАНЦИИ

(Поэма о Сталине)

Впереди Иисус Христос...

Александр Блок

Глава первая. **Рождество**

Всё шло по плану, но немножко наспех:
Спускался вечер, спал младенец в яслях,
Статисты робко заняли места,
И Матерь Божья наблюдала немо,
Как в каменное небо Вифлеема
Всходила Благовещенья звезда.

Но тут в вертеп ворвались два подпаска
И крикнули, что вышла неувязка,
Что праздник отменяется (увы!),
Что римляне не понимают шуток.
И загремели на пятнадцать суток
Поддавшие на радостях волхвы.

Стало тихо-тихо-тихо,
В крике замерли уста,
Зашипела, как шутиха,
И погасла та звезда.

Стало зябко-зябко-зябко,
И в предчувствии конца
Закудахтала козявка,
Вол заблеял, как овца.

Все завыли, захрипели...
Но, не внемля той возне,
Спал младенец в колыбели
И причмокивал во сне.

Уже светало, розовело небо,
Но тут раздалась гулко у вертепа
Намеренно тяжёлые шаги,
И Матерь Божья замерла в тревоге,
Когда открылась дверь и на пороге
Кавказские явились сапоги.

И разом потерявшие значенье
Столетия, лихолетья и мгновенья
Сомкнулись в безначальное кольцо,
А он вошёл и поклонился еле
И обратил неспешно к колыбели
Забрызганное оспою лицо.

«Значит, вот он, этот самый
Жалкий пасынок земной,
Что и кровью, и осанной
Потягается со мной.

Неужели, неужели
Столько лет и столько дней
Ты, сопящий в колыбели,
Будешь мукою моей?!

И меня с тобою, пешка,
Время бросит на весы?»
И недобрая усмешка
Чуть раздвинула усы.

...А три волхва томились в карантине —
Их в карантине быстро укротили:
Лупили и под вздох, и по челу.
И римский опер, жажда награды,
Им говорил: «Сперва колитесь, гады,
А после разберёмся что к чему!»

И, понимая, чем грозит опала,
Пошли волхвы молоть что ни попало:
Припоминали даты, имена...
И полетели головы. И это
Была вполне весомая примета,
Что новые настали времена.

Глава вторая. **Клятва вождя**

Потные мордастые евреи,
Шайка проходимцев и воря,
Всякие йоанны и матфеи
Наплетут с три короба вранья.

Сколько их посыпет раны солью —
Лишь бы им взобраться на Синай!
Ладно-ладно, я не прекословлю.
Ты был первым. Ты и начинай!

Встань — и в путь по городам и весям,
Чудеса и мудрости твори!
Отчего ж Ты, Господи, невесел?
Где они, соратники Твои?

Бражничали, ели, гостевали,
А пришла беда — и след простыл?!
Нет, не зря Ты ночью в Гефсимани
Струсил и пардону запросил.

Где Твоих приспешников орава
В смертный Твой в последний час земной?
И смеётся над Тобой Варавва —
Он бы посмеялся надо мной!..

Был Ты просто-напросто предтечей,
Не творцом, а жертвою стихий.
Ты не Божий сын, а человеческий,
Если мог воскликнуть: «Не убий!»

Душ ловец, Ты вышел на рассвете
С бедной сетью из расхожих слов.
На исходе двух тысячелетий
Покажи, велик ли твой улов?

Слаб душою и умом не шибок,
Верил Ты и Богу, и царю.
Я не повторю Твоих ошибок —
Ни одной из них не повторю!

В мире не найдётся святотатца,
Чтобы поднял на меня копьё!
Если ж я умру (что может статься),
Вечным будет царствие моё!

Глава третья. **Подмосковная ночь**

Ладушки-ладушки,
Где были? — у бабушки.

Что ели? — кашку.
Что пили? — бражку.
Кашка масленька,
Бражка...

Он один, а ему неможется,
И уходит окно во мглу,
Он считает шаги, и множится
Счёт шагов от угла к углу.

От угла до угла потерянно
Он шагает как заводной.
Сто постелей ему постелено —
Не уснуть ему ни в одной!

По паркетному полу голому:
Шаг — и отдых, и снова шаг.
Ломит голову, ломит голову,
И противно гудит в ушах,

Словно кто-то струну басовую
Тронул пальцем и канул прочь.
Что же делать ему в бессонную
В одинокую эту ночь?

Вином упиться?
Позвать врача?
Но врач — убийца,
Вино — моча!

Вокруг потёмки,
И спят давно
Друзья-подонки,
Друзья-говно.

На целом свете
Лишь сон и снег,
А он в ответе —
Один за всех!

Ладушки-ладушки,
А где были? — у бабушки.
А что пили? — бражку.
А что ели?..

И, как будто стирая оспины,
Вытирает он пот со лба.
Почему, почему — о Господи! —
Так жестока к нему судьба?

То предательством, то потерей
Оглушает всю жизнь его.
«Что стоишь ты там, за портьерою?
Ты не бойся меня, Серго!

Эту комнату неказистую
Пусть твоё озарит лицо.
Ты напой мне, Серго, грузинскую —
Ту, любимую мной, кацо,

Ту, что деды певали исстари,
Отправляясь в последний путь...
Спой, Серго, и забудь о выстреле,
Хоть на десять минут забудь!

Но — пблно-пблно,
Молчи, не пой!
Ты предал подло —
И пёс с тобой!

И пёс со всеми —
Повзводно в тлен,
И все их семьи —
До ста колен!»

Повсюду злоба,
Везде враги.
Ледком озноба —
Шаги, шаги...

Ладушки-ладушки,
А где были? — у ба..

...Над столицами поседевшими
Ночь и темень, хоть глаз коли:
Президенты спят с президентшами,
Спят министры и короли.

Мир, во славу гремевший маршами,
Спит, в снегу с головы до пят,
Спят министры его и маршалы...
Он не знал, что они не спят,

Что, притихшие, сводки утренней
В страхе ждут и с надеждой ждут...
А ему всё хуже, всё муторней,
Сапоги почему-то жмут...

Не приказанный, не положенный
За окном колокольный звон.
И упав на колени: «Боже мой! —
Произносит бессвязно он, —

Молю, Всевышний,
Тебя, Творца:
На помощь вышли
Ко мне гонца!

О, дай мне, дай же
Не кровь — вино...
Забыл, как дальше...
Но всё равно

Не ставь отточий
Конца пути!
Прости мне, Отче,
Спаси... Прости...»

Ладушки-ладушки,
А где были? — у бабушки.
А что ели? — кашку.
А что пили? — бражку...

Глава четвёртая. **Ночной разговор в вагоне-ресторане**

Басан, басан, басанá,
Басанáта, басанáта,
Ты другому отдана
Без возврата, без возврата...

*Аполлон Григорьев.
Цыганская венгерка*

Вечер, поезд, огоньки,
Дальняя дорога...

Дай-ка, братец, мне трески
И водочки немного.

Бáсан, бáсан, басанá,
Басанáта, басанáта...
Что с вином, что без вина
Мне на сердце косовато.

Я седой не по годам
И с ногою высохшей.
Ты слышал про Магадан?
Не слышал?! Так выслушай.

А случилось дело так.
Как-то ночью странною
Заявился к нам в барак
Кум со всей охраною.

Я подумал, что конец,
Распрощался матерно...
Малосольный огурец
Кум жевал внимательно.

Скажет слово и поест,
Морда вся в апатии:
«Был, — сказал он, — говны, съезд
Славной нашей Партии.

Про Китай и про Лаос
Говорились прения,
Но особо встал вопрос
Про Отца и Гения, —

Кум докушал огурец
И закончил с мукою: —
Оказался наш Отец
Не отцом, а сукою...»

Полный, братцы, ататуй —
Панихида с танцами!
И приказано статуй
За ночь снять на станции.

Ты представь: метёт метель,
Темень, стужа адская...
А на нём одна шинель,
Грубая, солдатская.

И стоит он напролом,
И летит, как конница...
Я сапог его кайлом,
А сапог не колетя.

Помню, глуп я был и мал,
Слышал от родителя,
Как родитель мой ломал
Храм Христа Спасителя.

Басан, басан, басанá,
Чёрт гуляет с опером.
Храм и мне бы ни хрена:
Опиум как опиум.

А это ж — Гений всех времён,
Лучший друг навеки!
Все стоим ревмя ревём —
И вохровцы, и зеки.

Я кайлом по сапогу
Бью, как неприкаянный,
Но внезапно сквозь пургу
Слышу голос каменный:

«Был я Вождь вам и Отец...
Сколько мук намелено!
Что ж ты делаешь, подлец?
Брось кайло немедленно!»

Но тут шарахнули запал,
Применили санкции:
Я упал, и он упал —
Завалил полстанции...

Ну скостили нам срока,
Приписали в органы,
Я живой ещё пока,
Но, как видишь, дёрганый...

Бáсан, бáсан, басанá,
Басанáта, басанáта!
Лезут в поезд из окна
Бесенята, бесенята...

Отвяжитесь, мертвяки!
К чёрту, ради бога!..
Вечер, поезд, огоньки,
Дальняя дорога...

**Глава пятая, которая написана в очень
сильном подпитии и которая является
авторским отступлением**

То-то радости пустомелям,
Темноты своей не стыжусь,
Не могу я быть Птолемеем,
Даже в Энгельсы не гожусь.

Но, от вечного бегства в мыле,
Неустройством земным томим,
Вижу: что-то неладно в мире —
Хорошо бы заняться им.

Только век меня держит цепко,
С ходу гасит любой порыв.
И от горестей нет рецепта:
Все, что были, сданы в архив.

И всё-таки я, рискуя прослыть
Шутом, дурачком, паяцем,
И ночью, и днём твержу об одном:
Не надо, люди, бояться!

Не бойтесь тюрьмы, не бойтесь сумы,
Не бойтесь мора и глада,
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: «Я знаю как надо!»

Кто скажет: «Идите, люди, за мной,
Я вас научу как надо!»

И, рассыпавшись мелким бесом
И поклявшись вам всем в любви,
Он пройдёт по земле железом
И затопит её в крови,

И наврёт он такие враки
И такой наплетёт рассказ,
Что не раз тот рассказ в бараке
Вы помянете в горький час.

Слёзы крови не солонее —
Даровой товар, даровой!
Прёт история — Саломея
С Иоанновой головой.

Земля — зола, и вода — смола,
И некуда вроде податься.
Неисповедимы дороги зла...
Но не надо, люди, бояться!

Не бойтесь золы, не бойтесь хулы,
Не бойтесь пекла и ада,
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: «Я знаю как надо!»

Кто скажет: «Всем, кто пойдёт за мной,
Рай на земле — награда!»

Потолкавшись в отделе винном,
Подойду к друзьям-алкашам,
При участии половинном
Побеседую по душам.

Алкаши, наблюдая строго,
Чтоб ни капли не пролилось:
«Не встречали, — смеются, — Бога?»
«Ей же богу, не привелось».

Пусть пивнуха — не лучший случай
Толковать о добре и зле,
Но видали мы этот «лучший» —
В белых тапочках на столе.

Кому сучок, а кому коньячок,
К начальству на кой паяться?!
А я всё твержу им, как дурачок:
Да не надо, братцы, бояться!

И это ж бред, что проезда нет
И нельзя входить без доклада...
А бояться-то надо только того,
Кто скажет: «Я знаю как надо!»

Гоните его! Не верьте ему!
Он врёт! Он не знает как надо!

1969

Эпилог. Аве Мария

...Дело явно липовое — всё как на ладони,
Но пятаю неделю долбят допрос.
Следователь-хмурик с утра на валидоле,
Как пророк, подследственный бородой оброс.

...А Мадонна шла по Иудее
В платье, застиранном до сини,
Шла Она с котомкой за плечами,
С каждым шагом становясь красивей,
С каждым вздохом делаясь печальней.

Шла, платок на голову набросив,
Всех земных страданий средоточьем.
И уныло брёл за Ней Иосиф,
Убежавший славы Божий отчим...

Аве Мария...

...Упекли пророка в республику Коми,
А он и перекинся — башкою в лебеду!
А следователь-хмурик получил в местком
Льготную путёвку на месяц в Теберду.

...А Мадонна шла по Иудее,
Оскользаясь на размокшей глине,
Обдирая платье о терновник,
Шла Она и думала о Сыне
И о смертных горестях сыновьих.

Ах как ныли ноги у Мадонны!
Как хотелось всхлипнуть по-ребячьи!
А вослед Ей ражие долдоны
Отпускали шутки жеребьячи...

Аве Мария...

Грянули впоследствии всякие хренации...
Следователь-хмурик — на пенсии в Москве.
А справочку с печатью о реабилитации
Выслали в Калинин — пророковой вдове.

...А Мадонна шла по Иудее.
И всё легче, тоньше, всё худее
С каждым шагом становилось тело.
А вокруг шумела Иудея
И о мёртвых помнить не хотела.

Но ложились тени на суглинок,
И таились тени в каждой пяди —
Тени всех Бутырок и Треблинок,
Всех измен, предательств и распятий!

Аве Мария...

Переделкино, 23 ноября 1968 года

ФАНТАЗИЯ НА РУССКИЕ ТЕМЫ ДЛЯ
БАЛАЛАЙКИ С ОРКЕСТРОМ И ДВУХ
СОЛИСТОВ — ТЕНОРА И БАРИТОНА

Тенор:

Королевич — да и только,
В сумке пиво и «сучок».
Подрулила птица-тройка,
Сел стукач на облучок.

И — айда! И трали-вали!
Всё белым-бело вокруг!
В леспромхозе, на канале
Ждёт меня любезный друг.

Он не цыган, не татарин и не жид,
Он надёжа мой, камаринский мужик!
Он утеха на обиду мою,
Перед ним бутылка с «Рябиновою»!
Он сидит, вино покушивает,
Не идёт ли кто, послушивает.

То ли пеший, то ли конный,
То ли «Волги» воркотня...
И сидит мужик законный,
Смотрит в сумрак законный,
Пьёт вино и ждёт меня.

Ты жди-жди-жди, обожди,
не расстраивайся!

Баритон:

Значит, так. На Урале
В предрассветную темь
Нас ещё на вокзале
Оглушила метель.

И дивились пришельцы,
Барахлишко сгрузив:
Кулаки да лишенцы —
Самый первый призыв.

Значит, так. На Урале
Холода — не пустяк,
Города вымирали
Как один — под иссяк.

Нежно пальцы на горле
Им сводила зима,
Но деревни не мёрли,
А сходили с ума.

Значит, так. На Урале
Ни к чему лекаря:
Всех не померших брали
И — в тайгу, в лагеря.

«Четвертак» на морозе —
Под охраной, во вшах!
А теперь в леспромхозе
Я и сам в сторожах.

Нету рая спасённым:
Хоть и мёртвый, а стой!
Вот и шнырю по сёлам
За хурдою-мурдой.

Как ворьё по закону,
Самозванный купец:
Где добуду икону,
Где резной поставец...

А московская наедет сволота,
Отворяю я им, сямкам, ворота:
Заезжайте, гости милые,
пожа-ло-вай-те...

Тенорок:

Славно гукает машина,
Путь-дорожка — два ряда.

Вьюга снегу накрошила.
Доберёмся, не беда!

Мы своротим на просёлок,
Просигналим: тра-та-та!
Принимай гостей весёлых,
Отвори нам ворота!

Ты, любезный мой, надежда из надеж,
Всю Вселенную проедешь — не найдёшь!
Самый подлинный-расподлинный,
Не носатый, не уродливый!
А что зубы подчистую тю-тю,
Так, верно, спьяну обломал об кутью.

Не стесняйся: было-сплыло!
Кинь под лавку сапожки.
Прямо с жару, прямо с пыла
Ставь на стол сучок и пиво,
Печь лучиной разожги!

Ты жги-жги-жги, говори,
пово-ра-чи-вай-ся!..

Баритон:

Что ж, за этот за бренный
За покой на душе!
Гость с шофёром — по первой,
Я — вторую уже.

Сладок угорь балтийский —
Слаще закуси нет!
«Николай Мирликийский»
Запелёнут в пакет.

Что ж, хихикайте, падлы,
Что нашли дурака!
Свесив рыжие патлы,
Гость завёл «Ермака».

Пой, легавый, не жалко!
Я и сам поддержу:
Я подвою, как шавка,
Подскулю, подвизжу.

Что ж, попили-попели...
Я постелю стелю.
Гость ворочает еле
Языком во хмелю,

И гогочет, как кочет, —
Хоть святых выноси!
И беседовать хочет
О спасенье Руси.

Мне б с тобой не в беседу —
Мне б тебя на рога!
Мне бы зубы, да нету:
Знаешь слово «цинга»?!

Вертухаево семя,
Не дразни — согрешу!
Ты заткнись про спасенье!
Спи, я лампу гашу...

А наутро я гостей разбужу,
Их, похмельных, провожу к гаражу:
Заезжайте, гости милые,
наве-до-вай-тесь...

1968—1969

ПЛЯСОВАЯ

Плохо спится палачам по ночам —
Вот и ходят палачи к палачам,
И радушно, не жалея харчей,
Угощают палачи палачей.

На столе у них икра, балычок,
Не какой-нибудь — «КВ»-коньячок,
А впоследствии — чаёк, пастила,
Кекс «Гвардейский» и печенье «Салют».
И сидят заплечных дел мастера,
И тихонько, но душевно поют:
«О Сталине мудром, родном и любимом...»

«Был порядок, — говорят палачи, —
Был достаток, — говорят палачи, —
Дело сделал, — говорят палачи, —
И пожалуйста — сполна получи!»

...Белый хлеб икрой намазан густо,
Слёзы кипяточка горячей...
Палачам бывает тоже грустно —
Пожалейте, люди, палачей!

Очень плохо палачам по ночам,
Если снятся палачи палачам,
И как в жизни, но ещё половчей,
Бьют по рылу палачи палачей,

Как когда-то, как в годах молодых —
И с отяжкой, и ногою под дых.
И от криков, и от слёз палачей
Так и ходят этажи ходуном.
Созывают «неотложных» врачей
И с тоскою вспоминают о Нём,
«О Сталине мудром, родном и любимом...»

«Мы на страже! — говорят палачи, —
Ну когда же?! — говорят палачи, —
Поскорей бы! — говорят палачи, —
Встань, Отец, и вразуми-поучи!»

...Дышит, дышит кислородом стража.
Крикнуть бы, но голос как ничей.
Палачам бывает тоже страшно —
Пожалейте, люди, палачей!

1969

ПЕСНЯ О ТБИЛИСИ

На холмах Грузии лежит ночная мгла...

Александр Пушкин

Я не сумел понять Тебя в тот раз,
Когда, в туманы зимние оправлен,
Ты убегал от посторонних глаз,
Но всё же был прекрасен без прикрас,
И это я был злобою отравлен.

И Ты меня провёл на том пиру,
Где до рассвета продолжалось бдение,
А захмелел и — головой в Куру.
И где уж тут заметить поутру
В глазах хозяйки скушное презренье!

Вокруг меня сомкнулся, как кольцо,
Твой вечный шум в отливах и приборах.
Потягивая кислое винцо,
Я узнавал усатое лицо
В любом пятне на выцветших обоях.

И вновь зурна вступала в разговор,
И вновь с бокалом — истово и пылко —
Болтает вздор подонок и позёр...
А мне почти был сладок Твой позор,
Твоя невиноватая ухмылка.

И в самолёте, по пути домой,
Я наблюдал злорадно, как грузины
В Москву, ещё объятую зимой,
Везут мешки с оранжевой хурмой
И с первой мимозой корзины.

И я не понял, я понять не мог:
Какую Ты торжествовал победу,
Какой Ты дал мне гордости урок,
Когда кружил меня, сбивая с ног,
По ложному, придуманному следу?

И это всё — и Сталин, и хурма,
И дым застоля, и рассветный кочет —
Всё для того, чтоб не сойти с ума.
А суть Твоя является сама,
Но лишь когда сама того захочет.

Тогда тускнеют лживые следы,
И начинают раны врачеваться,
И озаряет склоны Мтацминды
Надменный голос счастья и беды —
Нетленный голос Нины Чавчавадзе!

Прекрасная и гордая страна!
Ты отвечаешь шуткой на злословье,
Но криком вдруг срывается зурна,
И в каждой капле кислого вина
Есть неизменно сладкий привкус крови.

Когда дымки плывут из-за реки,
И день дурной синоптики пророчат,
Я вижу, как горят черновики,
Я слышу, как гудят грузовики
И сапоги охранников грохочут —

И топчут каблуками тишину!
И женщины не спят, и плачут дети...
Грохочут сапоги на всю страну!
А Ты приемлешь горе как вину,
Как будто только ты за всё в ответе.

Не остывает в кулаке зола,
Всё в мёрзлый камень памятью одето,
Всё — как удар ножом из-за угла!
...«На холмах Грузии лежит ночная мгла...»
И как ещё далёко до рассвета!..

1970

РАССКАЗ СТАРОГО КОНАРМЕЙЦА

Когда от скуки дохли лошади
И нас косил под корень тиф,
Собрал людей комдив на площади,
И так людям сказал комдив:

«Плохое дело, братцы-конники,
Позор и трепет не за грош!
А гады лекари-законники
Твердят, что тиф разносит вошь!

Им вша, конечно, незнакомая,
Им, сукам, вша не по душе,
А вша — простая насекомая,
И дело вовсе не во вше.

И надо силой нашей конною
Свести, к чертям, с лица земли,
И надо кончить с этой контрою,
Чтоб смуту сеять не могли!»

И только слово было сказано,
Как понял я, что быть тому:
Поймал жида четырёхглазого —
И утопил его в Дону.

И было мне признанье дружное,
И был воспет мой героизм,
И мне комдив вручил оружие —
За пролетарский гуманизм.

1970—1971

КОРОЛЕВА МАТЕРИКА

Глава 1

Когда вьюга к утру, ошалев с тоски,
Задерёт у ночи подол,
Но спит ещё мирно Гудзонов пролив —
Он многих, сука, подвёл.

И спят зека как в последний раз:
Натянул бушлат — и пока,
И вохровцы спят как в последний раз —
Научились спать у зека.

И начальнички спят, брови спят,
И лысины, и усы,
И спят сапоги, и собаки спят,
Уткнувши в лапы носы.

И тачки спят, и лопаты спят,
И сосны пятятся в тень,
И ещё не пора, не пора, не пора
Начинать им доблестный день.

И один лишь попка на вышке торчит,
Но ему не до спящих масс:
Он занят любовью по младости лет —
Свистит и дробит на Марс.

А люди спят, и лопаты спят,
И земля сопит, как сурок,
И ещё до подъёма часа полтора,
А это — немалый срок.

И вот в этот-то час, как глухая дрожь,
Проплывает во мгле тоска,
И тогда просыпается Белая Вошь —
Повелительница зека,
А мы её называли все

«Королева материка»!

Глава 2

Откуда всевластье её взялось?
Пойди расспроси иных.
Но пришла она первой в эти края
И последней оставит их.

Будет день — и профессор каких-то щей
Подобьёт на счётах итог
И увидит, что кончились все срока
И не капает новый срок.

Когда сложат из тачек и нар костёр,
И, волчий забыв раздор,
Встанут рядом вохровцы и зека
И напишут в тот костёр:

Сперва за себя, а потом за тех,
Кто пьёт теперь Божий морс,
Кого шлёпнули влёт, кто ушёл под лёд,
Кто в дохлую землю вмёрз,

Кого Колыма от аза до аза
Вгоняла в горячий пот.
О, как они ссали б, закрыв глаза, —
Как горлица воду пьёт!

А потом пропоёт неслышно труба,
И расступится рвань и голь,
И Её Величество Белая Вошь
Подойдёт и войдёт в огонь.

И взметнутся к небу тысячи искр,
Но не просто, не как-нибудь, —
Навсегда крестом над Млечным Путём
Протянется Вшивый Путь!

Но басенки ложь, и побасенки ложь,
И не стать им правдой, пока
Встаёт, просыпается Белая Вошь —
Повелительница зека,
Которую все называли мы
«Королева материка»!

Глава 3

Говорят, что когда-то в тридцать седьмом,
В том самом лихом году,
Когда в тайге на всех языках
Пропели славу труду,

Когда призвала народ Колыма
К доблестному труду
И ночами покойников штабеля
Укладывали на льду,

Когда побрякивала тайга
От доблестного труда,
В тот год к Королеве пришла любовь —
Однажды и навсегда.

Он сам напросился служить в конвой,
Он сам пожелал в Дальлаг,
И ему с Королевой крутить любовь
Ну просто нельзя никак.

Он в нагрудном мешочке носил чеснок,
И деньги, и партбилет.
А она — Королева, а ей плевать —
Хочет он или нет!

И когда его ночью столкнули в клеть
(Зачлись, подлецу, дела!),
Она до утра на рыжем снегу
Слёзы над ним лила.

А утром пришли, чтоб его зарыть:
Смотрят, а тела нет.
И куда он исчез, не узнал никто,
И это — Её секрет!

А потом на конвойных пошёл падёж:
То им пуля, а то — срока.
Не простила им слёз своих Белая Вошь —
Повелительница зека!
И мы назвали её не зря
«Королева материка»!

Глава 4

А ещё говорят, что какой-то хмырь,
Начальничек из Москвы,
Решил объявить Королеве войну —
Пошёл, так сказать, на вы.

Он гонял на прожарку и в зоне, и за,
Он вопил и орал: «Даёшь!»
А был бы начальничек чуть поумней,
Он пошёл бы с ней на делёж:

Чтобы пайку им пополам рубить
И в трубу пополам трубить.
Но начальник умным не может быть,
Потому что — не может быть.

Он надменно верит, что он не он,
А ещё — миллион и он,
И каждое слово его — миллион,
И каждый шаг — миллион.

Но когда ты один, и ночь за окном,
И метёт за окном пурга,
Тогда ты — один, и тогда беги,
Если жизнь тебе дорога!

Тогда тебя не спасёт миллион,
Не отобьёт конвой!
И всю ночь, говорят, над зоною плыл
Протяжный и странный вой...

...Его нашли в одном сапоге,
И от страха рот до ушей,
И на вздувшейся шее тугой петлёй
Удавка из белых вшей...

И никто с тех пор не вопит: «Даёшь!»
И смеётся исподтишка
Её Величество Белая Вошь,
Повелительница зека.
Вот тогда-то её и назвали все
«Королева материка».

Заключение

Ковыряют историю этак и так:
То ругань слышна, то медь.
Но мы-то знаем, кто вёл нас в бой
И кто провожал на смерть.

Валеты рвутся попасть в тузы,
Сменяется мастью масть...
Но мы-то знаем какая власть
Была и взаправду — власть.

Но мы-то знаем какая власть
Нам в руки дала кайло.
И все мы — подданные Её
И носим Её клеймо.

Когда-нибудь все, кто придёт назад
И кто не придёт назад,
Мы в честь Её устроим парад —
И это будет парад!

По всей Вселенной — пойдя сдержи! —
Свой каторжный славя труд,
Её Величества Белой Вши
Подданные пройдут,

Её Величества Белой Вши
Данники всех времён.
А это сумеет любой дурак —
По заду втянуть ремнём,

А это сумеет любой дурак —
Палить в безоружных всласть!
Но мы-то знаем какая власть
Была и взаправду — власть!

И покуда не кончились страх и ложь,
И покуда стучат срока,
Ты ведёшь нас и властвуешь, Белая Вошь,
Повелительница зека!
Наше Величество Белая Вошь,
Её Величество Белая Вошь —
Королева материка!

ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ

...Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог да столбов верстовых...

Александр Блок

Непричастный искусству,
Недопущенный в храм,
Я пою под закуску
И две тысячи грамм.

Что мне пениться пеной
У беды на краю?
Вы налейте по первой,
А уж я вам спою!

А уж я позабавлю:
Вспомню Меря и Чудь,
И стыда ни на каплю —
Мне ж не стыдно ничуть!

Спину вялую сгорбя,
Я ж не просто хулу,
А гражданские скорби
Сервирую к столу!

— Как живёте, караси?
— Хорошо живём, мерси!

...Заходите, люди добрые!
Боже правый, помоги!
Будут песни, будут сдобные,
Будут с мясом пироги!

Сливы-ягоды солёные,
Выручайте во хмелю!
Вон у той — глаза зелёные,
Я зелёные люблю!

Я шарахну рюмку первую,
Про запас ещё налью,
Песню новую, непетую
Для почина пропою:

«...Справа койка у стены, слева койка,
Ходим вместе через день облучаться —
Вертухай и бывший номер такой-то.
Вот где снова довелось повстречаться!

Мы гуляем по больничному садику,
Я курю, а он стоит на атасе,
Заливаем врачу-волосатику,
Что здоровье — хоть с горки катайся!

Погуляем полчаса с вертухаем,
Притомимся и стоим отдыхаем.
Точно так же мы гуляли с ним в Вятке,
И здоровье было тоже в порядке!..»

...Опоздавшие гости
Прерывают куплет,
Их вбивают, как гвозди,
Ибо мест уже нет.

Мы их лиц не запомним —
Мы как будто вдвоём,
Мы по новой наполним
И в охотку допьём!

Ах в мундире картошка,
Разлюбезная Русь!
И стыжусь я немножко,
А верней, не стыжусь.

Мне как гордое право —
Эта стыдная роль,
Эта лёгкая слава
И привычная боль!

— Как жуёте, караси?
— Хорошо жуём, мерси!

Колокольчики-бубенчики,
Пьяной дурости хамёж!
Где истцы, а где ответчики —
Нынче сразу не поймёшь.

Все подряд истцами кажутся,
Всех карал единый Бог,
Все одной зелёной мажутся:
Кто от пуль, а кто от блох!

Ладно, пейте, рюмки чистые,
Помолчите только впредь!
Тише, черти голосистые,
Дайте, дьяволы, допеть!

«...Справа койка у стены, слева койка
(А за окнами январская вьюга),
Вертухай и бывший номер такой-то —
Нам теперь невмоготу друг без друга.

И толкуем мы о разном и ясном:
О больнице и больничном начальстве,
Отдаём предпочтение язвам,
Помереть хотим в одночасье.

Мы на пенсии теперь, на покое,
Наши койки — как суда на приколе,
А под ними, на паркете из липы,
Наши тапочки — как дохлые рыбы.

Спит больница. Тишина. Всё в порядке.
И сказал он, приподнявшись на локте:
«Жаль я, сука, не добил тебя в Вятке,
Больно ловки вы, жида, больно ловки!..»

И упал он, и забулькал, заойкал...
И не стало вертухая, не стало.
И поплыла вертухаева койка
В те моря, где ни конца, ни начала!..

Я простышкой вертухая накрою...
Всё снежок идёт, снежок над Москвою,
И сынок мой (по тому ль по снежочку?)
Провожает вертухаеву дочку...»

...Голос глохнет, как в вате,
Только струны бренчат.
Все — приличия ради —
С полминуты молчат.

А потом, под огурчик
Пропустив стопаря:
«Да уж, песня — в ажурчик,
Приглашали не зря!

Да уж, песенка — в точку,
Не забыть бы стишок:
Как он эту вот... дочку
Волокёт на снежок!..»

Незнакомые рожи
Мокнут в пьяной тоске...
И стыжусь я до дрожи,
Аж синяк на виске!

— Как стучите, караси?
— Хорошо стучим, мерси!

...Всё плывёт, и всё качается.
Добрый вечер! Добрый день!
Вот какая получается,
Извините, дребедень!

Получайник, получайница —
Больно много карасей!
Вот какая получается,
Извините, карусель!

...Я сижу гитарой тренькаю,
Хохот, грохот, гогот, звон,
И сосед-стукач за стенкою
Прячет в стол магнитофон...

не ранее 1972 года

Литераторские мостки

УХОДЯТ ДРУЗЬЯ

Памяти Фриды Вигдоровой

На первых страницах газет, как правило, печатаются теоретические статьи и прочие высказывания, а сообщения о смерти — на последней.

Уходят, уходят, уходят друзья:
Одни в никуда, а другие — в князья,
В осенние дни и в весенние дни,
Как будто в году воскресенья одни...

Уходят, уходят, уходят,
уходят мои друзья!

Не спешите сообщить по секрету:
Я не верю вам, не верю, не верю!
Но приносят на рассвете газету,
И газета подтверждает потерю.

Знать бы загодя, кого сторониться,
А кому была улыбка причастьем!
Есть, уходят на последней странице,
Но которые на первых, те чаще...

Уходят, уходят, уходят друзья:
Каюк одному, а другому — стезя.
Такой по столетию ветер гудит,
Что косит своих и чужих не щадит...

Уходят, уходят, уходят,
уходят мои друзья!

Мы мечтали о морях-океанах,
Собирались прямиком на Гавайи...
И, как спятивший трубач, спозаранок
Уцелевших я друзей созываю.

Я на ощупь, и на вкус, и по весу
Учиняю им поверку. Но вскоре
Вновь приносят мне газету-повестку
К отбыванию повинности горя.

Уходят, уходят, уходят друзья!
Уходят, как в ночь эскадрон на рысях.
Им право — не право, им совесть — пустяк:
Одни наплюют, а другие простят...

Уходят, уходят, уходят,
уходят мои друзья!

И когда потеря громом крушенья
Оглушила, полоснула по сердцу,
Не спешите сообщить в утешенье,
Что немало есть потерь по соседству.

Не дарите мне беду, словно сдачу,
Словно сдачу, словно гривенник стёртый!
Я ведь всё равно по мёртвым не плачу —
Я ж не знаю, кто живой, а кто мёртвый.

Уходят, уходят, уходят друзья:
Одни в никуда, а другие — в князя,
В осенние дни и в весенние дни,
Как будто в году воскресенья одни...

Уходят, уходят, уходят,
уходят мои друзья...

ГУСАРСКИЙ РОМАНС

Посвящается Александру Полежаеву

По рисунку палешанина
Кто-то выткал на ковре
Александра Полежаева
В чёрной бурке на коне.
Тёзка мой и зависть тайная,
Сердце горем горячи!
Зависть тайная («летальная» —
Как сказали бы врачи).

Славно, братцы! Славно, братцы!
Славно, братцы-егеря!
Славно, братцы-егеря,
Рать любимая царя!
Ах кивера да ментики!
Ах соколы-орлы!
Кому вы в сердце метили
Лепажевы стволы?
Не мне ль вы в сердце метили
Лепажевы стволы?!

А беда явилась за полночь,
Но не пулею в висок:
Просто в путь, в ночную заволочь,
Важно тронулся возок.
И не спеть, не выпить водочки,
Не держать в руке бокал!
Едут трое: сам — в серёдочке,
Два жандарма — по бокам.

Славно, братцы! Славно, братцы!
Славно, братцы-егеря!
Славно, братцы-егеря,
Рать любимая царя!
Ах кивера да ментики!
Пора бы выйти в знать!

Но этой арифметики
Поэтам не узнать,
Ни прошлым и ни будущим
Поэтам не узнать.

Где ж друзья — твои ровесники?
Некому тебя спасти!
Началось всё дело с песенки,
А потом пошла писать!
И по мукам, как по лезвию...
Размышляй теперь о том:
То ли броситься в поэзию,
То ли сразу — в жёлтый дом.

Славно, братцы! Славно, братцы!
Славно, братцы-егеря!
Славно, братцы-егеря,
Рать любимая царя!
Ах кивера да ментики!
Возвышенная речь!
А всё-таки наветики
Страшнее, чем картечь!
Доносы и наветики
Страшнее, чем картечь!

По рисунку палешанина
Кто-то выткал на ковре
Александра Полежаева
В чёрной бурке на коне.
...Но оставь, художник, вымысел —
Нас в герои не крои,
Нам не знамя жребий вывесил —
Носовой платок в крови.

Славно, братцы! Славно, братцы!
Славно, братцы-егеря!
Славно, братцы-егеря,
Рать любимая царя!
Ах кивера да ментики!
Нерукотворный стяг!
И дело тут не в метрике:
Столетие — пустяк!
Столетие, столетие,
Столетие — пустяк...

ЦЫГАНСКИЙ РОМАНС

Посвящается Александру Блоку

Повстречала девчонка Бога —
Бог пил мёртвую в монопольке.
Ну а много ль от Бога прока
В чертовне и в чаду попойки?

Ах как пилось к полночи!
Как в башке гудело!
Как цыгане, сволочи,
Пели «Конавэлла»!

«Ай да Конавэлла, грен-традэла,
Ай да йорысака павалкхэвэла!»

А девчонка сидела с Богом,
К Богу фасом, а к прочим боком,
Ей домой бы бежать к папане,
А она чокается шампанью.

Ах ёлочки-мочалочки,
Сладко вина пьются
В серебряной чарочке
На золотом блюде!

Кому чару пить?! Кому здраву быть?!
Королевичу Александровичу!

С самоваров к чертям полуда,
Чад летал над столами сотью...
А в четвёртом часу, под утро,
Бог последнюю кинул сотню.

Бога, пьяного в дугу,
Все теперь цукали,
И цыгане ни гу-гу —
Разбрелись цыгане.

И друзья, допив до дна,
Скатертью дорога!
Лишь девчонка та одна
Не бросала Бога.

А девчоночка эта — с Охты,
И глаза у ней цвета охры.
Ждёт маманя свою кровинку,
А она с Богом сидит в обнимку.

И надменный половой
Шваркал мокрой тряпкой.
Бог с поникшей головой
Горбил плечи зябко

И просил у цыган хоть слова,
Хоть немножечко, хоть чуть слышно,
А в ответ ему — жбан рассола:
Понимай, мол, что время вышло!

Вместо водочки — вода,
Вместо пива — пена!..
И девчоночка тогда
Тоненько запела:

«Ай да Конавэлла, грен-традэла,
Ай да йорысака павалкхэвэла...»

Ах как пела девчонка Богу! —
И про поле, и про дорогу,
И про сумерки, и про зори,
И про милых, ушедших в море...

Ах как пела девчонка Богу!
Ах как пела девчонка Блоку!
И не знала она, не знала,
Что бессмертной в то утро стала.

Этот тоненький голос в трактирном чаду
Будет вечно звенеть в «Соловьином саду».

САЛОННЫЙ РОМАНС

*Посвящается
Александру Николаевичу Вертинскому*

...Мне снилось, что потом,
В притонах Сан-Франциско,
Лиловый негр Вам подаёт манто...

А.Вертинский. Лиловый негр

И вновь эти вечные трое
Играют в преступную страсть,
И вновь эти греки из Трои
Стремятся Елену украсть.

А сердце сжимается больно,
Виски малярийно мокры
От этой игры треугольной,
Безвыигрышной этой игры,

Безвыигрышной этой игры.

Развей мою смуту жалейкой,
Где скрыты лады под корою,
И спой — как под старой шинелью
Лежал сероглазый король.

В беспамятстве дедовских кресел
Глаза я закрою — и вот:
Из рыжей Бразилии крейсер
В кисейную гавань плывёт,

В кисейную гавань плывёт...

А гавань созвездия множит,
А тучи — летучей грядой!
Но век не вмешаться не может,
А норы у века крутой!

Он судьбы смешает, как фанты, —
Ему ералаш по душе.
И вот он вряля-лейтенанта
Назначит морским атташе,

Устроит морским атташе...

На карте истории Некто
Возникнет, подобный мазку.
И правнук лилового негра
За займом приедет в Москву.

И всё ему даст непременно
Тот Некто, который — никто,
И тихая пани Ирена
Наденет на негра пальто,

Наденет на негра пальто...

И так этот мир разутюжен,
Что чёрта ли нам на рожон!
Нам ужин прощальный — не ужин,
А сто пятьдесят под боржом.

А трое? — ну что же, что трое!
Им равное право дано.
А Троя? — разрушена Троя!
И это известно давно.

Всё предано праху и тлену,
Ни дат не осталось, ни вех.
А нашу Елену, Елену
Не греки украли, а век!

Не греки украли, а век!

1966

ПРОЩАНИЕ С ГИТАРОЙ, ИЛИ ЧИБИРЯК

*Подражание Аполлону Григорьеву
(Теоретический романс)*

...Чиби́ряк, чиби́ряк, чиби́ряшечка,
С голу́быми ты гла́зами, моя ду́шечка!

*Аполлон Григорьев.
Цыганская венгерка*

Осенняя, простудная,
Печальная пора...
Гитара семиструнная,
Ни пуха, ни пера!

Ты с виду тонкорунная,
На слух — ворожея,
Подруга семиструнная,
Прелестница моя!

Ах как ты пела смолоду!
Вся — музыка и статья,
Что трудно было голову
С тобой не потерять!

«Чиби́ряк, чиби́ряк, чиби́ряшечка,
Ах как плы́ла голова, моя ду́шечка!»

Когда ж ты стала каяться
В преклонные лета,
И стать не та, красавица,
И музыка не та!

Всё — в разговор про странствия,
Про ночи у костра:
Была б, мол, только санкция,
Романтики сестра.

Романтика, романтика
Небесных колеров,
Нехитрая грамматика
Небитых школяров.

«Чиби́ряк, чиби́ряк, чиби́ряшечка,
Ой не совестно ль тебе, моя ду́шечка?!»

И вот, как дождь по луночке,
Который год подряд:
Всё на одной на струночке,
А шесть других молчат.

И лишь затем — без просыпа —
Разыгрываешь страсть:
Что, «может, та, курносая,
Послушает и дасть...»

Так и живёшь, бездумная,
В приятности примет,
Гитара однострунная —
Полезный инструмент!

«Чибирик, чибирик, чибиришечка,
Ах как скушно мне с тобой, моя душечка!»

Плевать, что стала курвою,
Что стать под стать блядам,
Зато — номенклатурная,
Зато — нужна людям!

А что души касается,
Про то забыть пора...
Ну что ж, прощай, красавица!
Ни пуха, ни пера!

«Чибирик, чибирик, чибиришечка,
Что ж, ни пуха, ни пера, моя душечка!»

ВИНОВНЫЕ НАЙДЕНЫ

Может,
пяток
небывалых рифм
Только и остался
что в Венецуэле.

*Владимир Маяковский.
Разговор с фининспектором о поэзии*

Установлены сроки и цены
(По морям, по волнам!),
И в далёкий путь между рифмами
(По морям, по волнам!),
Установлены сроки и цены,
И в далёкий путь между рифмами
Повезли нам из Венецуэлы
Два контейнера с новыми рифмами.

По морям, по волнам,
по морям, по волнам,
По морям, по волнам!..

Так с пшеницей и ананасами
(По морям, по волнам!)
Плыли рубленные и дольные
(По морям, по волнам!),
Так с пшеницей и ананасами
Плыли рубленные и дольные,
Современные, ассонансные, —
Не какие-нибудь глагольные!

По морям, по волнам,
по морям, по волнам,
По морям, по волнам!..

Не снимает радист наушники
(По морям, по волнам!),
А корабль подплывает к пристани
(По морям, по волнам!),
Не снимает радист наушники,
А корабль подплывает к пристани.
Но биндюжники есть биндюжники! —
Полбочонка с рифмами свистнули.

По морям, по волнам,
                                по морям, по волнам,
По морям, по волнам!..

Хоть всю землю шагами выстели
(По морям, по волнам!),
Хоть расспрашивай всех и каждого
(По морям, по волнам!),
Хоть всю землю шагами выстели,
Хоть расспрашивай всех и каждого:
С чем рифмуется слово «истина»,
Не узнать ни поэтам, ни гражданам!

По морям, по волнам,
                                по морям, по волнам,
По морям, по волнам!..

1966

ВСЁ НЕ ВОВРЕМЯ

Посвящается Варламу Тихоновичу Шаламову

А ты стучи-стучи, а тебе Бог простит,
А начальнички тебе, Лёха, срок скостят!
За Окой счас небось коростель свистит,
А у нас на Тайшете ветра свистят.

А месяц май уже, а всё снега белы,
А вертухаевы на снегу следы,
А что полнормы — тьфу! — это полбеда,
А что песню спел — полторы беда!

А над Окой летят гуси-лебеди,
А за Окой свистит коростель...
А тут по наледи курвы нелюди
Двух зека ведут на расстрел!

А тут по наледи курвы нелюди
Двух зека ведут на расстрел!

А первый зека, он в Севастополе —
Он там, чёрт чудной, Херсонес копал.
Он копал, чумака, что ни попади —
И на полный срок в лагеря попал.

И жену его, и сынка его,
И старуху мать, чтоб молчала, блядь!
Чтобы знали все, что закаяно
Нашу Родину сподниза копать!

А в Крыму теплынь, а в море сельди,
И миндаль небось подоспел...
А тут по наледи курвы нелюди
Двух зека ведут на расстрел!

А тут по наледи курвы нелюди
Двух зека ведут на расстрел!

А второй зека — это лично я:
Я без мамы жил и без папи жил,
Моя б жизнь была преотличная,
Да я в шухере стукаря пришил!

А мне сперва вышка́, а я — в раскаянье,
А уж в лагере корешей внавал.
И на кой я пёс при Лёхе-Каине
Чумаку подпел «Интернационал»?!

А в караулке пьют с рафинадом чай,
А вертухай идёт, весь сопрел:
Ему скучно, чай, и несподручно, чай,
Нас в обед вести на расстрел!

Ему скучно, чай, и несподручно, чай,
Нас в обед вести на расстрел!

1966

ПАМЯТИ БОРИСА ЛЕОНИДОВИЧА ПАСТЕРНАКА

Правление Литературного фонда СССР извещает о смерти писателя, члена Литфонда Бориса Леонидовича Пастернака, последовавшей 30 мая сего года на 71-м году жизни после тяжёлой и продолжительной болезни, и выражает соболезнование семье покойного.

Единственное появившееся в газетах сообщение о смерти Бориса Пастернака

Разобрали венки на венки,
На полчаса погрустнели...
Как гордимся мы, современники,
Что он умер в своей постели!

И терзали Шопена лабухи,
И торжественно шло прощанье...
Он не мылил петли в Елабуге
И с ума не сходил в Сучане!

Даже киевские «письмэнники»
На поминки его успели!..
Как гордимся мы, современники,
Что он умер в своей постели!

И не то чтобы с чем-то за сорок:
Ровно семьдесят — возраст смертный,
И не просто какой-то пасынок —
Член Литфонда усопший сметный!

...Ах, осыпались лапы ёлочьи,
Отзвенели его метели...
До чего ж мы гордимся, сволочи,
Что он умер в своей постели!

«Мело, мело по всей земле,
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела...»

Нет, никакая не свеча —
Горела люстра!
Очки на морде палача
Сверкали шустро!

А зал зевал, а зал скучал:
Мели, Емеля!
Ведь не в тюрьму и не в Сучан,
Не к высшей мере!

И не к терновому венцу
Колесованьем,
А — как поленом по лицу —
Голосованьем!

И кто-то спьяну вопрошал:
«За что?.. Кого там?..»,
И кто-то жрал, и кто-то ржал
Над анекдотом...

Мы не забудем этот смех
И эту скуку:
Мы — поимённо — вспомним всех,
Кто поднял руку!..

«Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далёком отголоске...»

Вот и смолкли клевета и споры,
Словно взят у вечности отгул.
А над гробом встали мародёры
И несут почётный...

Ка-ра-ул!

*4 декабря 1966 года
Переделкино*

ПЕСНЯ О ПОСЛЕДНЕЙ ПРАВОТЕ

Посвящается Юрию Домбровскому

Подстилала удача соломки,
Охранять обещала и впредь.
Только есть на земле Миссолонги,
Где достанется мне умереть!

Где достанется мне умереть!

Где, уже не пижон и не барин,
Ошалев от дорог и карет,
Я от тысячи истин, как Байрон,
Вдруг поверю, что истины нет!

Вдруг поверю, что истины нет!

Будет серый и скверный денечёк,
Небо с морем сольются в одно,
И приятель мой, плут и доносчик,
Подольёт мне отраву в вино!

Подольёт мне отраву в вино!

Упадёт на колени тетрадка,
И глаза мне затянет слюда,
Я скажу: «У меня лихорадка,
Для чего я приехал сюда?!»

Для чего я приехал сюда?!

И о том, что не в истине дело,
Я в последней пойму дурноте,
Я — мечтавший и ночью, и денно
О несносной своей правоте!

О несносной своей правоте!

А приятель, всплакнув для порядка,
Перейдёт на возвышенный слог
И запишет в дневник: «Лихорадка».
Он был прав! Да простит ему Бог!

Он был прав! Да простит ему Бог!

1966—1969

БАЛЛАДА О СОЗНАТЕЛЬНОСТИ

Посвящается памяти Даниила Хармса

Егор Петрович Мальцев
Хворает, и всерьёз:
Уходит жисть из пальцев,
Уходит из желёз,

Из прочих членов тоже
Уходит жисть его.
И вскорости, похоже,
Не будет ничего.

Когда нагрянет свора
Савёловских родных,
То что же от Егора
Останется для них?

Останется пальтишко,
Подушка — чтобы спать,
И книжка, и сберкнижка
На девять двадцать пять,

И таз, и две кастрюли,
И рваный подписной,
Просроченный в июле
Единый проездной.

И всё. И нет Егора!
Был человек — и нет!
И мы об этом скоро
Узнаем из газет.

Пьют газировку дети
И пончики едят...
Ему ж при диабете
Всё это — чистый яд!

Вот спит Егор в постели,
Почти что невесом,
И дышит еле-еле,
И смотрит дивный сон:

В большом красивом зале,
Резону вопреки,
Лежит Егор, а сзади —
Знамёна и венки.

И алым светом залит
Большой его портрет,
Но сам Егор не знает:
Живой он или нет?

Он смаргивает мошек,
Как смаргивал живой,
Но он вращать не может
При этом головой.

И дух по залу спёртый,
Как в общей душевой.
И он скорее мёртвый,
Чем всё ж таки живой.

Но хором над Егором
Краснознамённый хор
Краснознамённым хором
Поёт: вставай, Егор!

Давай вставай, Петрович,
Во всю свою длину!
Давай вставай, Петрович,
Загладь свою вину!

Центральная газета
Оповестила свет,
Что больше диабета
В стране советской нет!

Пойми, что с этим, кореш,
Нельзя озорничать!
Пойми, что ты позоришь
Родимую печать!

Давай вставай, Петрович,
Во всю свою длину!
Давай вставай, Петрович,
Загладь свою вину!

И сел товарищ Мальцев,
Услышав эту речь,
И жисть его из пальцев
Не стала больше течь.

Егор трусы стирает,
Он койку застелил,
И — тает, тает, тает
В крови холестерин...

По площади по Трубной
Идёт он, милый друг,
И всё ему доступно,
Что видит он вокруг:

Доступно кушать сласти
И газировку пить...
Лишь при Советской власти
Такое может быть!

1967

ПЕСНЯ БЕЗ НАЗВАНИЯ

Посвящается Раисе Беньяш

Не судите, да не судимы будете...

Евангелие от Матфея, гл. 7, ст. 1

Вот пришли и ко мне седины,
Распеваётся вороньё!
«Не судите, да не судимы...» —
Заклинает меня враньё.

Ах забвенья глоток студёный,
Ты охотно напомнишь мне,
Как роскошный герой Будённый
На роскошном скакал коне.

Так давайте ж, друзья, утроим
Наших сил золотой запас!
«Нас не трогай — и мы не тронем...» —
Ох, это пели мы, и не раз!..

«Не судите!» — Смирней, чем Авель,
Падай в ноги за хлеб и кров...
Ну писал там какой-то Бабель,
И не стало его — делов!

«Не судите!» — И нет мерила.
Всё дозволено, кроме слов...
Ну какая-то там Марина
Захлебнулась в петле — делов!

«Не судите!» — Малюйте зори,
Забивайте своих козлов...
Ну какой-то там чайник в зоне
Всё о Федре кричал — делов!

«...Я не увижу знаменитой «Федры»
В старинном многоярусном театре
С прокопченной высокой галереи
При свете оплывающих свечей...»

Он не увидит знаменитой «Федры»
В старинном многоярусном театре...

Пребывая в туманной чёрности,
Обращаюсь с мольбой к историку —
От великой своей учёности
Удели мне хотя бы толику.

Я ж пути не ищу раскольного —
Я готов шагать по законному.
Успокой меня, беспокойного,
Растолкуй ты мне, бестолковому:

Если правда у нас на знамени,
Если смертной гордимся годностью,
Так чего ж мы в испуге замерли
Перед ложью и перед подлостью?

А историк мне отвечает:
«Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно...»

Будьте ж счастливы, голосуйте,
Маршируйте к плечу плечом...
Те, кто выбраны, — те и судьи,
Посторонним вход воспрещён!

Ах как быстро, несусветимы,
Дни пошли нам виски сидеть!..
«Не судите, да не судимы...»
Так вот, значит, и не судить?!

Так вот, значит, и спать спокойно,
Опускать пятаки в метро?!
А судить и рядить на кой нам? —
«Нас не трогай — и мы не тро...»

Нет! Презренна по самой сути
Эта формула бытия!
Те, кто выбраны, те и судьи?..
Я не выбран. Но я — судья!

ЛЕГЕНДА О ТАБАКЕ

*Памяти Даниила Ивановича Ювачёва
(Даниила Хармса)*

Из дома вышел человек
С дубинкой и мешком
И в дальний путь,
И в дальний путь
Отправился пешком.

Он шёл всё прямо и вперёд
И всё вперёд глядел.
Не спал, не пил,
Не спал, не пил,
Не спал, не пил, не ел.

И вот однажды на заре
Вошёл он в тёмный лес
И с той поры,
И с той поры,
И с той поры исчез...

*Даниил Хармс.
Из дома вышел человек*

Лил жуткий дождь, шёл страшный снег,
Вовсю дурил двадцатый век,
Кричала кошка на трубе, и выли сто собак.
И, встав с постели, человек
Увидел кошку на трубе,
Зевнул и сам сказал себе:
«Кончается табак!

Табак кончается — беда! —
Пойду куплю табак.
И вот...» — Но это ерунда.
И было всё не так.

«Из дома вышел человек
С верёвкой и мешком
И в дальний путь,
И в дальний путь
Отправился пешком...»

И тут же, проглотив смешок,
Он сам себя спросил:
«А для чего он взял мешок? —
Ответьте, Даниил!»

Вопрос резонный — нечем крыть.
Летит к чертям строка.
И надо, видно, докурить
Остаток табака...

«Итак, однажды человек
Та-та-та с посошком
И в дальний путь,
И в дальний путь
Отправился пешком.

Он шёл и всё глядел вперёд,
И всё вперёд глядел,
Не спал, не пил,
Не спал, не пил,
Не спал, не пил, не ел...»

А может, снова всё начать
И бросить этот вздор?!
Уже на ордере печать
Оттиснул прокурор...

Начнём иначе: «Пять зайчат
Решили ехать в Тверь...»
А в дверь стучат,
А в дверь стучат!
Пока не в эту дверь.

«Пришли зайчата на вокзал,
Прошли зайчата в зальце,
И сам кассир, смеясь, сказал:
“Впервые вижу зайца”!»

Но этот чёртов человек
С верёвкой и мешком,
Он и без спроса в дальний путь
Отправился пешком.

Он шёл и всё глядел вперёд,
И всё вперёд глядел,
Не спал, не пил,
Не спал, не пил,
Не спал, не пил, не ел.

И вот однажды поутру
Вошёл он в тёмный лес
    И с той поры,
    И с той поры,
И с той поры исчез.

На воле снег, на кухне чад,
Вся комната в дыму,
    А в дверь стучат,
    А в дверь стучат!
На этот раз к нему!

О чём он думает теперь,
Теперь, потом, всегда,
Когда стучит ногою в дверь
Чугунная беда?!

А тут ломается строка,
Строфа теряет стать,
И нет ни капли табака,
А там — уж не достать!

И надо дописать стишок,
Пока они стучат...
И, значит, всё-таки — мешок,
И побоку зайчат.

А в дверь стучат! В двадцатый век!
Стучат! Как в тёмный лес,
Ушёл однажды человек
И навсегда исчез!..

Но Парка нить его тайком
По-прежнему прядёт,
А он ушёл за табаком —
Он вскорости придёт.

За ним бежали сто собак,
И кот по крышам лез...
Но только в городе табак
В тот день как раз исчез.

И он пошёл в Петродворец,
Потом — пешком — в Торжок...
Он догадался наконец,
Зачем он взял мешок...

Он шёл сквозь свет и шёл сквозь тьму,
Он был в Сибири и в Крыму,
А опер каждый день к нему
Стучался, как дурак...
И много-много лет подряд
Соседи хором говорят:
«Он вышел пять минут назад —
Пошёл купить табак...»

1968—1969

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ИТАКУ

Посвящается Осипу Эмильевичу Мандельштаму

Я буду метаться по табору улицы тёмной...

И только и свету — что в звёздной колючей неправде,
А жизнь проплывёт театрального капора пеной,
И некому молвить: «из табора улицы тёмной...»

Осип Мандельштам. Из табора улицы темной...

Всю ночь за стеной ворковала гитара —
Сосед-прощелыга крутил юбилей,
А два понятых, словно два санитара,
А два понятых, словно два санитара,
Зевая, томились у чёрных дверей.

И жирные пальцы с неспешной заботой
Кромешной своей занимались работой,
И две королевы глядели в молчаньи,
Как пальцы копались в бумажной мочале,

Как жирно листали за книжкой книжку,
А сам-то король — всё бочком да вприпрыжку:
Чтоб взглядом не выдать — не та ли страница,
Чтоб рядом не видеть безглазые лица!

А пальцы искали крамолу, крамолу...
А там, за стеной, всё гоняли «Рамону»:
«Рамона, какой простор вокруг — взгляни!
Рамона, и в целом мире мы одни!..»

«...И только и свету —
что в звёздной колючей неправде...»

И глядя, как пальцы шуруют в обивке,
Вольно ж тебе было, он думал, вольно!
Глотай своего якобинства опивки,
Глотай своего якобинства опивки!
Не уксус ещё, но уже не вино.

Щелкунчик, скворец, простофиля, Емеля,
Зачем ты ввязался в чужое похмелье?!
На что ты истратил свои золотые?!
И скушно следили за ним понятияе...

А две королевы бездарно курили
И тоже казнили себя и корили:
За лень, за небрежный кивок на вокзале,
За всё, что ему второпях не сказали...

А пальцы копались, и рв́алась бумага,
И пел за стеной тенорок-бедолага:
«Рамона, моя любовь, мои мечты!
Рамона, и в целом мире — только ты!..»

«...А жизнь промелькнёт театрального капора пеной...»

По улице чёрной за вороном чёрным,
За этой каретой, где окна крестом,
Я буду метаться в дозоре почётном,
Я буду метаться в дозоре почётном,
Пока, обессилев, не рухну пластом!

Но слово останется — слово осталось!
Не к слову, а к сердцу приходит усталость.
И хочешь не хочешь — слезай с карусели,
И хочешь не хочешь — конец одиссеи!

Но нас не помчат паруса на Итаку —
В наш век на Итаку везут по этапу.
Везут Одиссея в телячьем вагоне,
Где только и счастья — что нету погони!

Где, выпив ханжи, на потеху вагону
Блатарь-одессит распевает «Рамону»:
«Рамона, ты слышишь ветра нежный зов?
Рамона, ведь это — песнь любви без слов!..»

«...И некому молвить, и некому молвить,
и некому молвить: из табора улицы тёмной...»

13 июня 1969 года

«КРЕСТЫ», ИЛИ СНОВА АВГУСТ

<...> а так как мне бумаги не хватило,
Я на твоём пишу черновике...

Анна Ахматова. Поэма без героя

В той злой тишине в той неверной
В тени разведённых мостов
Ходила она по Шпалерной,
Моталась она у «Крестов».

Ей в тягость?.. Да нет, ей не в тягость —
Привычно, как росчерк пера.
Вот если бы только не август,
Не чёртова эта пора!

Когда-то — ты помнишь? — когда-то
Такой же был август, когда
Над чёрной водою Кронштадта
Стрельнула, как птица, беда.

И разве не в августе снова,
В ещё не отмеренный год,
Осудят мычанием слово
И совесть отправят в расход?

Но это потом, а покуда:
Которую ночь над Невой,
Уже не надеясь на чудо,
А только бы знать, что живой!

И в сумерки вписана чётко,
Как вписана в нашу судьбу,
По-царски небрежная чёлка,
Прилипшая к мокрому лбу.

О, шелест финских сосен —
Награда за труды...
Но вновь приходит осень —
Пора твоей беды!

И август. И как будто
Всё то же, как тогда,
И врёт мордастый Будда,
Что горе не беда!

Но вьётся, вьётся чёлка
Колечками на лбу,
Уходит в ночь девчонка
Пытать твою судьбу.

Следят из окон постно
За нею сотни глаз.
А ей плевать, что поздно,
Что комендантский час!

По улице бессветной
Под окрик патрулей
Идёт она бессмертной
Походкою твоей!

На праздник и на плаху
Идёт она, как ты:
По Пряжке, через Прагу —
Искать свои «Кресты»!

И пусть судачат глупые соседи,
Пусть кто-то обругает не со зла:
Она домой вернётся на рассвете
И никому ни слова, где была...

Но с мокрых пальцев облизнёт чернила
И скажет, примостившись в уголке:
«Прости, но мне бумаги не хватило —
Я на твоём пишу черновике...»

август 1968 года

НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ

Посвящается памяти Михаила Михайловича Зощенко

В матершинном субботнем загуле шалманчика
Обезьянка спала на плече у шарманщика,
А когда просыпалась, глаза её жуткие
Выражали почти человечесью отчаянность,
А шарманка дудела про сопки маньчжурские,
И Тамарка-буфетчица очень печалилась.

«...Спит гаолян,
Сопки покрыты мглой...»

Были и у Томки трали-вали:
И не Томкой — Томочкою звали.
Целовалась с миленьким в осоке
И не пивом пахла, а апрелем...
Может быть, и впрямь на той высоте
Сгинул он, порубан и пострелян.

«...Вот из-за туч блеснула луна,
Могилы хранят покой...»

А последний шарманщик — обломок империи —
Всё пылил перед Томкой павлиньими перьями.
Он выламывал, шкура, замашки буржуйские:
То, мол, тёплое пиво, то — мясо прохладное,
А шарманка дудела про сопки маньчжурские,
И спала на плече обезьянка прокатная.

«...Тихо вокруг,
Ветер туман унёс...»

И, делясь тоской, как барышами,
Подпевали шлюхи с алкашами.
А шарманщик ел, зараза, хаши,
Алкашам подмигивал прелестно:
Дескать, деньги ваши — будут наши,
Дескать, вам приятно — мне полезно!

«...На сопках маньчжурских воины спят,
И русских не слышно слёз...»

А часов этак в десять, а может, и ранее
Непонятный чужак появился в шалмане, и
Был похож он на вдруг постаревшего мальчика:
За рассказ, напечатанный неким журнальчиком,
Толстомордый подонок с глазами обманщика
Объявил чужака всенародно обманщиком.

«...Пусть гаолян
Навеет вам сладкие сны...»

Сел чужак за стол и вжался в угол,
И легонько пальцами постукал,
И сказал, что отдохнёт немного.
Помолчав, добавил напряжённо:
«Если есть боржом, то, ради бога,
Дайте мне бутылочку боржома!..»

«...Спите, герои русской земли,
Отчизны родной сыны...»

Обезьянка проснулась, тихонько зацокала,
Загляделась на гостя, присевшего около,
А Тамарка-буфетчица, сука рублёвая,
Покачала смущённо причёскою пегою
И сказала: «Пардон, но у нас не столовая!
Только вы обождите, я на угол сбегая...»

«...Тихо вокруг,
Ветер туман унёс...»

А чужак глядел на обезьянку,
Пальцами выстукивал морзянку:
Словно бы он звал её на помощь,
Удивляясь своему бездомью,
Словно бы он спрашивал — запомнишь?
И она кивала — да, запомню.

«...Вот из-за туч блеснула луна,
Могилы хранят покой...»

Отодвинул шарманщик шарманку ботинкою,
Прибежала Тамарка с боржомной бутылкою
И сама налила чудаку полстаканчика —
Не знавали в шалмане подобные почести.
А Тамарка, в упор поглядев на шарманщика,
Приказала: «Играй! Человек в одиночестве...»

«...Тихо вокруг,
Ветер туман унёс...»

Замолчали шлюхи с алкашами,
Только мухи крыльями шуршали...
Стало почему-то очень тихо,
Наступила странная минута:
Непонятное, чужое лихо
Стало общим лихом почему-то!

«...На сопках маньчжурских воины спят,
И русских не слышно слёз...»

Не взрывалось молчанье ни матом, ни брёхами,
Обезьянка сипела спалёнными бронхами.
А шарманщик, забыв трепотню свою барскую,
Сам назначил себе: мол, играй да помалкивай.
И, почти что неслышно сказав: «Благодарствую!»,
Наклонился чудак над рукою Тамаркиной...

«...Пусть гаолян
Навеет вам сладкие сны...»

И ушёл чудак, не взявши сдачи,
Всем в шалмане пожелал удачи...
...Вот какая странная эпоха:
Не горим в огне и тонем в луже!
Обезьянке было очень плохо.
Человеку было много хуже!

«...Спите, герои русской земли,
Отчизны родной сыны...»

ВЕК НЫНЕШНИЙ И ВЕК МИНУВШИЙ

Якову Эльсбергу

Понимая, что нет в оправданиях смысла,
Что бесчестье кромешно и выхода нет,
Наши предки писали предсмертные письма,
А потом, помолившись «во веки и присно...»,
Запирались на ключ и — к виску пистолет.

А нам и честь, и чох, и чёрт —
Неведомые области!
А нам — признание и почёт
За верность общей подлости!

И мы баюкаем внучат
И ходим на собрания,
И голоса у нас звучат
Всё чище и сопраннее!

1968—1970

СТО ПЕРВЫЙ ПСАЛОМ

Посвящается Борису Чичибабину

Я вышел на поиски Бога,
В предгорье уже рассвело,
А нужно мне было немного —
Две пригоршни глины всего.

И с гор я спустился в долину,
Развёл осторожный костёр
И красную вязкую глину
В ладонях размял и растёр.

Что знал я в ту пору о Боге,
На ранней заре бытия?
Я вылепил руки и ноги,
И голову вылепил я.

И, полон предчувствием смутным,
Мечтал я при свете огня,
Что будет Он добрым и мудрым,
Что Он пожалеет меня!

Когда ж он померк, этот длинный
День страхов, надежд и скорбей,
Мой Бог, сотворённый из глины,
Сказал мне: «Иди и убей!»

...И канули годы. И снова
Всё так же, но только грубей,
Мой Бог, сотворённый из слова,
Твердил мне: «Иди и убей!»

И шёл я дорогою праха,
Мне в платье впивался репей,
И Бог, сотворённый из страха,
Твердил мне: «Иди и убей!»

Но вновь я печально и строго
С утра выхожу за порог —
На поиски доброго Бога.
И — ах! — да поможет мне Бог!

15 января 1971 года

ТАК ЖИЛИ ПОЭТЫ

В майский вечер, пронзительно дымный,
Всех побегов герой, всех погонь,
Как он мчал — бесноватый и дивный,
С золотыми копытами — конь!

И металась могучая грива
На ветру языками огня,
И звенела цыганская гривна,
Заплетённая в гриву коня.

Воплощенье весёлого гнева,
Не крещённый позорным кнутом,
Как он мчал! — всё налево, налево
И скрывался из виду потом.

Он нам снился, бывало, ночами
Как живой — от копыт до седла.
...Впрочем, всё это было в начале,
А начало прекрасно всегда.

Но приходит с годами прозреньё,
И томит наши души оно,
Словно горькое трезвое зельё
Подливают в хмельное вино.

Постарели мы и полысели,
И погашен волшебный огонь,
Лишь кружит на своей карусели
Сам себе опостылевший конь!

Ни печали не зная, ни гнева,
По-собачьи виляя хвостом,
Он топочет — налево, налево
И направо, направо потом.

И унылый сморчок-бедолага,
Медяками в кармане звеня,
Карусельщик, майор из ГУЛАГа,
Знай гоняет по кругу коня!

В круглый мир, намалёванный кругло,
Круглый вход охраняет конвой...
И топочет дурацкая кукла,
И кружит деревянная кукла,
Притворяясь живой.

25 мая 1971 года

СТАРЫЙ ПРИНЦ

Памяти Бориса Леонидовича Пастернака

Карусель городов и гостиниц,
Запах грима и пыль париков...
Я кружу, как подбитый эсминец
Далеко от родных берегов.

Чья-то мина сработала чисто
И, должно быть, впервые всерьёз.
В деревенеющих пальцах радиста
Дребезжит безнадёжное SOS.

Видно, старость — жестокий гостинец:
Не повесишь на гвоздь, как пальто.
Я тону, поражённый эсминец,
Но об этом не знает никто!

Где-то слушают чьи-то приказы,
И на стендах анонсов мазня,
И стоят терпеливо у кассы
Те, что всё ещё верят в меня.

Сколько было дорог, и отелей,
И постелей, и мерзких простынь!
Скольких я разномастных Офелий
Навсегда отослал в монастырь!

Вот придворные пятятся задом,
Сыпят пудру с фальшивых седин.
Вот уходят статисты. И с залом
Остаюсь я один на один.

Я один! И пустые подмости.
Мне судьбу этой драмы решать!..
И уже на галёрке подростки
Забывают на время дышать.

Цепеня от старческой астмы,
Я стою в перекрестье огня.
Захудалые, вялые астры
Ждут в актёрской уборной меня.

Было много их, нежных и сырых,
Знавших славу мою и позор.
Я стою и собраться не в силах,
И не слышу, что шепчет суфлёр.

Но в насмешку над немощным телом
Вдруг по коже — волненья озноб:
Снова слово становится делом
И грозит потрясеньем основ.

И уже не по тексту Шекспира
(Я и помнить его не хочу!),
Гражданин полоумного мира,
Я одними губами кричу:

«Распалась связь времён!..»

И морозец, морозец по коже,
И дрожит занесённый кулак,
И шипят возмущённые ложи:
«Он наврал! У Шекспира не так!»

Но галёрка простит оговорки,
Сопричастна греху моему.
...А в эсминце трещат переборки,
И волна накрывает корму...

26 января 1972 года

СМЕРТЬ ЮНКЕРОВ, ИЛИ ПАМЯТИ ДОКТОРА ЖИВАГО

Ольге Ивинской, Борису Пастернаку

Два вола, впряжённые в арбу,
подымались по крутой дороге.
Несколько грузин сопровождали
арбу. «Откуда вы?» — спросил
я их. «Из Тегерана». — «Что
вы везёте?» — «Грибоеда».

*Александр Пушкин.
Путешествие в Арзрум
во время похода 1829 года*

Опять над Москвою пожары,
И грязная наледь в крови...
И это уже не татары,
Похуже Мамаю — свои!

В предчувствии гибели низкой
Октябрь разыгрался с утра,
Цепочкой по Малой Никитской
Прорваться хотят юнкера.

Не надо! Оставьте! Отставить! —
Мы загодя знаем итог!
А снегу придётся растаять
И с кровью уплыть в водосток.

Но катится снова и снова
«Ура!» сквозь глухую пальбу,
И чёлка московского сноба
Под выстрелы пляшет на лбу.

Из окон, ворот, подворотен
Глядит, притаясь, дребедень.
А суть мы потом наворотим
И тень наведём на плетень!

И станет далёкое близким,
И кровь притворится водой,
Когда по Ямским и Грузинским
Покой обернётся бедой!

И станет преступное дерзким,
И будет обидно, хоть плачь,
Когда протрусит Камергерским
В испарине страха лихач,

Свернёт на Тверскую, к Страстному,
Трясьясь, матерясь и дрожа...
И это положат в основу
Рассказа о днях мятежа.

А ты, до беспамятства рада,
У Иверской купишь цветы,
Сидельцев Охотного ряда
Поздравишь с победою ты.

Ты скажешь: «Пахнуло озоном,
Трудящимся дали права!..»
И город малиновым звоном
Ответит на эти слова.

О Боже мой! Боже мой! Боже!
Кто выдумал эту игру?!
И снова погода, похоже,
Испортиться хочет к утру.

Предвестьем Всевышнего гнева
Посыпется с неба крупа,
У церкви Бориса и Глеба
Сойдётся в молчанье толпа.

И тут ты заплачешь и даже
Пригнёшься от боли тупой,
А кто-то, нахальный и ражий,
Взмахнёт картузом над толпой!

Нахальный, воинственный, ражий,
Пойдёт баламутить народ!..
...Повозки с кровавой поклажей
Скрипят у Никитских ворот...

Так вот она, ВАША победа,
«Заря долгожданного дня»?!
«Кого там везут?» — «Грибоеда».
Кого отпевают? — Меня!

БЕЗ НАЗВАНИЯ

...И благодарного народа
Вождь слышит голос: «Мы пришли
Сказать: где Сталин — там свобода,
Мир и величие Земли!

Анна Ахматова. Слава мира

Ей страшно и душно, и хочется лечь,
Ей с каждой секундой ясней,
Что это не совесть, а русская речь
Сегодня глумится над Ней!

И всё-таки надо писать эпилог,
Хоть ломит от боли висок,
Хоть каждая строчка, и слово, и слог
Скрипят на зубах, как песок.

Скрипели слова, как песок на зубах,
И вдруг расплывались в пятно,
Белели слова, как предсмертных рубцах
Белеет во мгле полотно.

...По белому снегу вели на расстрел
Над берегом белой реки,
И сын Её вслед уходившим смотрел —
И ждал этой самой строки!

Торчала строка, как сухое жнивье,
Шуршала опавшей листвой...
Но Ангел стоял за плечом у Неё
И скорбно кивал головой.

1972—1973

«Не квасом земля полита...»

БАЛЛАДА ПРО МАЛЯРОВ, ИСТОПНИКА И ТЕОРИЮ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Чуствуем с напарником — ну и ну! —
Ноги прямо ватные, всё в дыму,
Чуствуем, нуждаемся в отдыхе:
Чтой-то нехорошее в воздухе.

Взяли «Жигулёвского» и «Дубняка»,
Третьим пригласили истопника.
Приняли, добавили ещё раза,
Тут нам истопник и открыл глаза

На ужасную историю
Про Москву и про Париж:
Как наши физики проспорили
Ихным физикам пари.

Ихным физикам пари.

Всё теперь на шарике вкось и вскочь,
Шиворот-навыворот, набекрень:
И что мы с вами думаем день — ночь,
А что мы с вами думаем ночь — день.

И рубают финики лопари,
А в Сахаре снега невпроворот:
Это гады физики на пари
Раскрутили шарик наоборот.

И там, где полюс был, там тропики,
А где Нью-Йорк — Нахичевань,
А что мы люди, а не бобики,
Им на это начихать!

Им на это начихать!

Рассказал нам всё это истопник,
Вижу, мой напарник ну прямо сник.
Раз такое дело, гори огнём —
Больше мы малярничать не пойдём!

Взяли в полуклинике бюллетень,
Нам башку работою не морочь!
И что ж тут за работа, если ночью день,
А потом обратно не день, а ночь!

И при всёй квалификации
Тут возможен перекокс:
Это всё ж таки радиация,
А не просто купорос!

А не просто купорос!

Пятую неделю я не сплю с женой,
Пятую неделю я хожу больной.
Тоже и напарник мой плачется:
Дескать, он отравленный начисто.

И лечусь «Столичною» лично я,
Чтобы мне с ума не стронуться:
Истопник сказал, что «Столичная»
Очень хороша от стронция.

И то я верю, а то не верится,
Что минует та беда...
А шарик вертится и вертится,
И всё время не туда!

А шарик вертится и вертится,
И всё время не туда!

БАЛЛАДА О ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Призрак бродит по Европе,
призрак Коммунизма...

*Карл Маркс, Фридрих Энгельс.
Коммунистический манифест*

Я научность марксистскую пестовал,
Даже точками в строчке не брезговал:
Запятым по пятам, а не дуриком
Изучал «Капитал» с «Анти-Дюрингом».

Не стесняясь мужским своим признаком,
Наряжался на праздники призраком,
И повсюду (где устно, где письменно)
Утверждал я, что всё это истинно:

От сих до сих, от сих до сих,
От сих до сих.
И пусть я псих, а кто не псих?
А вы не псих?

Но недавно случилась история:
Я купил радиолу «Эстония»,
И в свободный часок на полчаса
Я прилёг позабавиться классикой.

Ну гремела та самая опера...
Ну Кармен свою бросила опера.
А когда открывал Эскамилиё,
Вдруг своё я услышал фамилиё.

Ну чёрт-те что, ну чёрт-те что,
Ну чёрт-те что!
Кому смешно — мне не смешно.
А вам смешно?

Гражданин, мол, такой-то... и далее:
Померла у вас тётя в Фингалии,
И по делу той тёти Калерии
Ожидают вас в Инюрколлегии.

Ох, и вскинулся я прямо на дыбы,
Ох, не надо бы вслух! Ох, не надо бы!
Больно тема какая-то склизкая —
Не марксистская, ох не марксистская!

Ну прямо срам, ну прямо срам,
Ну стыд и срам!
А я-то сам почти что зам!
А вы не зам?

Ну промаялся ночь, как в холере, я —
Подвела меня курва Калерия!
Ну жена тоже плачет-печалится:
Культ не культ, а чего не случается?!

Ну бельишко в портфель, щётка, мыльница:
Если сразу возьмут, чтоб не мыкаться.
Ну являюсь, дрожу аж по потрохи,
А они меня чуть что не под руки.

И смех и шум, и смех и шум,
И смех и шум!
А я стою и ни бум-бум.
А вы — бум-бум?

Первым делом у нас совещание,
Зачитали мне вслух завещание:
Мол, такая-то (имя и отчество —
Всё по правилам, всё честью по чести!),

Завещаю, мол, землю и фабрику
Не супругу, засранцу и бабнику,
А родной мой племянник Володичка
Пусть владеет всем тем на здоровычко!

Вот это да! Вот это да!
Вот это да!
Выходит так, что мне туда!
А вам куда?

Ну являюсь на службу я в пятницу,
Посылаю начальство я в задницу:
Мол, привет, по-добру, по-спокойненьку,
Ваши сто мне — как насморк покойнику!

Пью субботу я, пью воскресение,
Час посплю и опять в окосение:
Пью за родину, и за не родину,
И за вечную память за тётину.

Ну пью и пью, а после счёт,
А после счёт,
А мне б не счёт, а мне б ещё.
И вам ещё!

В общем, я за усопшую тётеньку
Пропил с книжки последнюю сотенку,
А как встал, так друзья мои, бражники,
Прямо все как один — за бумажники:

Дорогой ты наш, бархатный-саржевый,
Ты не брезговай, Вова, одалживай!
Мол, сочтёмся когда-нибудь, дружбою —
Мол, пришлешь нам что будет ненужное!

Ну если так, то гран мерси,
То гран мерси!
А я за это вам джерси.
И вам джерси.

Наодалживал, в общем, до тыщи я:
Я ж отдам — слава богу, не нищий я!
А уж с тыщи-то рад расстараться я —
И пошла ходуном ресторация...

С контрабаса на галстук басовую!
Не «Столичную» пьём, а «Особую»!
И какие-то две с перманентиком
Всё назвать норовят меня Эдиком.

Гуляем день, гуляем ночь,
И снова ночь...
А я не прочь, и вы не прочь,
И все не прочь.

С воскресенья и до воскресения
Шло у нас вот такое веселие!
А прочухался чуть к понедельнику,
Сел глядеть передачи по телику.

Сообщает мне дикторша новости
Про успехи в космической области...

А потом:

«Передаём сообщения из-за границы. Революция в Фингалии!
Первый декрет народной власти о национализации фабрик, земель, заводов, железных дорог и всех прочих промышленных предприятий. Народы Советского Союза приветствуют и поздравляют братский народ Фингалии со славной победой!»

...Я гляжу на экран, как на рвотное:
То есть как это так — «всё народное»?!
Это ж наше, кричу, с тётей Калею —
Я ж за этим собрался в Фингалию!

Негодяи, кричу, лоботрясы вы!
Это всё, я кричу, штучки Марксовы!
Ох, нет на свете печальнее повести,
Чем об этой прибавочной стоимости...

А я ж её — от сих до сих,
От сих до сих!
И вот теперь я полный псих!
А кто не псих?..

1964

ПРАВО НА ОТДЫХ,
или Баллада о том, как я ездил
навещать своего старшего брата,
находящегося на излечении
в психбольнице в Белых Столбах

Первача я взял ноль-восемь, взял халвы,
Пару «Рижского» и керченскую сельдь,
И отправился я в Белые Столбы —
На братана да на психов поглядеть.

Ах, у психов жисть —
Так бы жил любой:
Хочешь — спать ложись,
А хочешь — песни пой!
Предоставлено
Им вроде литеры:
Кому — от Сталина,
Кому — от Гитлера!

А братан уже встречает в проходной,
Он меня за опоздание корит,
Говорит: «Давай скорее по одной!
Тихий час сейчас у психов!» — говорит.

Шизофреники вяжут веники,
А параноики рисуют нолики,
А которые просто нервные,
Те спокойным сном спят, наверное.

Только приняли по первой первача,
Так братана прямо бросило в тоску:
Говорит, что он зарежет главврача,
Что он, сука, не пустил его в Москву!

А ему ж в Москву не за песнями —
Ему выправить надо пенсию.
У него в Москве есть законная
И ещё одна есть — знакомая.

Мы пивком переложили, съели сельдь,
Закусили это дело кос-халвой,
А братан и говорит мне: «Сень, а Сень!
Ты побудь тут за меня денёк-другой!

И по выходке, и по роже мы
Завсегда с тобой были схожими,
Тебе ж нет в Москве вдоха-продыха,
Поживи здесь, как в доме отдыха!»

Тут братан снимает тапки и халат,
Он мне волосы легонько ворошит.
А халат на мне ну прямо в аккурат —
Прямо вроде на меня халат пошит!

А братан — в пинджак да и к поезду.
А я булавочкой — деньги к поясу
И иду себе на виду у всех:
А и вправду мне отдохнуть не грех!

...Тишина на белом свете, тишина.
Я иду и размышляю не спеша:
То ли стать мне президентом США,
То ли взять да и окончить ВПШ...

Ах, у психов жисть —
Так бы жил любой:
Хочешь — спать ложись,
А хочешь — песни пой!
Предоставлено
Нам вроде литера:
Кому — от Сталина,
А кому — от Гитлера!

СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА

А врач сказал: «Будь здоров! Паралич!»
Помирает Иван Ильич...

Ходят дети с внуками на цыпочках.
И хотя разлука не приспела,
Но уже месткомовские скрипочки
Принялись разучивать Шопена.

А врач сказал: «Может, день, может, два...
Он и счас уже дышит едва!»

Пахнет в доме горькими лекарствами,
Подгоревшим давешним обедом,
Пахнет в доме скорыми мытарствами
По различным загсам и собесам.

А врач сказал: «Ай-ай-ай, вот те раз!
А больной-то, братцы, помер у нас!»

Был он председателем правления,
Но такая вещь житьё-бытьё:
Не напишешь просьбу о продлении —
Некому рассматривать её.

А врач сказал: «Извиняюсь, привет!» —
Ждал врача подгоревший обед.

1966

ЖУТКИЙ ВЕК

Посвящается Елене Сергеевне Вентцель

В понедельник дело было, к вечеру,
Голова болела прямо адово,
Заявляюсь я в гараж, к диспетчеру,
Говорю, что мне уехать надобно.

Говорю, давай путёвку выпиши —
Чтоб куда подале да посевней.
Ты меня не нюхай — я не выпивши:
Это я с тоски такой рассеянный.

Я гулял на свадьбе в воскресенье,
Тыкал вилкой в винегрет, закусывал...
Только я не пил за счастье Ксенино.
Я вообще не пил, а так, присутствовал.

Я — ни шкалика и ни полшкалика,
А сидел жевал горбушку чёрного,
Всё глядел на Ксенькина очкарика:
Как он строил из себя учёного.

А я, может, сам из семинарии,
Может, шоферюга я — по случаю.
Вижу, даже гости закемарили,
Даже Ксенька, вижу, туча тучею.

Ну а он поёт, как хор у всеношной:
Всё про иксы, игреки да синусы...
А костюмчик — и взглянуть-то не на что:
Индпошив, фасончик — на-ка, выкуси!

И живёт-то он не в Дубне атомной,
А в НИИ каком-то под Каширою,
Врёт, что он там шеф над автоматною
Электронно-счётною машиною.

Дескать, он прикажет ей: помножь-ка мне
Двадцать пять на девять с одной сотую! —
И сидит потом болтает ножками:
Сам сачкует, а она работает.

А она работает без ропота —
Огоньки на пульте обтекаемом!
Ну а нам-то, нам-то среди роботов,
Нам что делать, людям неприкаянным?!

В общем, стыл я, стыл, как замороженный,
А потом меня как чтой-то подняло —
Встал-сказал: «За счастье новорожденной!»
Может, кто не понял — Ксенька поняла!

И ушёл я — не было двенадцати,
Хлопнул дверью: празднуйте, соколики!
И в какой-то вроде бы прострации
Я дошёл до станции «Сокольники».

В автомат пятак засунул молча я,
Будто бы в копилку на часовенку,
Ну а он залязгал, сука волчая,
И порвал штаны мне снизу доверху.

Дальше я не помню — дальше кончики:
Плакал я и бил его ботинкою,
Шухера свистели в колокольчики,
Граждане смеялись над картинкою...

Так давай, папаша, будь союзником,
До суда поезжу дни последние.
...Ох, обрыдла мне вся эта музыка,
Это автоматное столетие!

Я ПРИНИМАЮ УЧАСТИЕ В НАУЧНОМ СПОРЕ

между доктором филологических наук
профессором Борис Ароничем Бяликом
и действительным членом
Академии наук СССР
Сергей Львовичем Соболевым
по вопросу о том, может
ли машина мыслить

Я не чикался на курсах, не зубрил сопромат:
Я вполне в научном мире личность лишняя.
Но вот я чего усёк.
Газированной водою торговал автомат:
За копейку без сиропа, за три — с вишнею.

И с такой торговал вольностью,
Что за час его весь выпили,
Стаканьё наливал полностью,
А людям никакой прибыли.

А людям никакой выгоды,
Ни на зуб с дуплом конпенсации.
Стали люди искать выхода
Из безвыходной ситуации.

Сели думать тут ребята: кто в беде виноват?
Где в конструкции ошибка? в чём неправильность?
Разобрали тут ребята весь как есть автомат,
Разобрали — устранили в нём неправедность.

А теперь крути, а то выпорем:
Станешь, дура, тогда умною.
Приспособим тебя к выборам —
Будешь в ёлках стоять урною.

Ты кончай, автомат, школьничать!
Ты кончай, автомат, умничать!
Мы отучим тебя вольничать,
Мы научим тебя жульничать!

Он повкалывал недельку — с ним обратно беда:
Весь затрясся он, как заяц под стужею.
Не поймёшь, чего он каплет: не сироп, не вода —
Может, смазка, может, краска, может, хужее.

И стоит, на всех шавкой злобится,
То он плачет, то матюкается.
Это люди, те приспособятся,
А машина, та засекается!

Так и стал автомат шизиком,
Всех пугает своим видиком:
Ничего не понять физикам,
Не понять ничего лирикам.

Так давайте ж друг у друга не воруйте идей,
Не валите друг на друга свои горести!
И вот я вам чего скажу:
Может, станут автоматы не глупее людей,
Только очень это будет не вскорости!

1966

ФАРС-ГИНЬОЛЬ

Все засранцы, все нахлебники:
Жрут, и пьют, и воду месят.
На одни, считай, учебники
Чуть не рупь уходит в месяц!

Люська-дура заневестила,
Никакого с нею слада...
А у папеньки-то — шестеро,
Обо всех подумать надо:

И того купить, и сего купить,
А на копеечки-то — вовсе воду пить,
А сырку к чайку или ливерной —
Тут двугривенный, там двугривенный...

А где ж их взять?!

Люське-дурочке всё хаханьки,
Всё малина ей, калина...
А Никитушка-то махонький —
Чуть не на крик от колита!

Подтянул папаня помочи,
И с улыбкой незавидной
Попросил папаня помощи
В кассе помощи взаимной:

Чтоб и того купить, и сего купить,
А на копеечки-то — вовсе воду пить,
А сырку к чайку или ливерной —
Тут двугривенный, там двугривенный...

А где ж их взять?!

Попросил папаня слёзно и
Ждёт решенья — нет покоя.
Совещанье шло серьёзное,
И решение такое:

Подмогнула б тебе касса, но:
Кажный рубль — догнать Америку!
Посему тебе отказано,
Но сочувствуем, поелику:

Надо ж и того купить, и сего купить,
А на копеечки-то — вовсе воду пить,
А сырку к чайку или ливерной —
Тут двугривенный, там двугривенный...

А где ж их взять?!

Вот он запил, как залеченный,
Два разá бил морду Люське.
А в субботу, поздно вечером,
Он повесился на люстре...

Ой не надо скорой помощи —
Нам бы медленную помощь!
Скорый врач обрезал помочи
И сказал, что помер в полночь.

Помер смертью незаметною,
Огорчения не вызвал,
Лишь записочку предсмертную
Положил на телевизор:

Что, мол, хотел он и того купить, и сего купить,
А на копеечки-то — вовсе воду пить,
А сырку к чайку или ливерной —
Тут двугривенный, там двугривенный...

А где ж их взять?!

КОМПОЗИЦИЯ № 27, ИЛИ ТРОЛЛЕЙБУСНАЯ АБСТРАКЦИЯ

Посвящается Елене Сергеевне Вентцель

- Он не то чтобы достиг — он подлез...
- А он им в ЦУМе — пылесос и палас...
- А она ему: «Подлец ты, подлец!..»
- И как раз у них годичный баланс...

А на дворе то дождь, то снег,
То дождь, то снег, то плач, то смех.
И рвётся в бой алкаш Кузьма...
А кто — в любовь, а кто — в козла.

«Покупайте к завтраку рыбные палочки —
Вкусно и питательно!..»
И — «Двери закрываются, следующая остановка
“Стадион юных пионеров”».

- В общежитии замок на двери...
- В нос шибает то пивком, то потком...
- Отвори, она кричит, отвори!..
- А тут его и цап-царап на партком!..

А на дворе обратно снег,
Обратно плач, обратно смех.
Кому — во Львов, кому — в Казань,
А кто — в любовь, а кто — в козла!

«Пользуйтесь услугами Аэрофлота —
Экономьте время!..»
И — «Двери закрываются, следующая остановка
«Гостиница “Советская”».

- Говорят, уже не первый сигнал!..
- А она ему: «Подлец ты, Олег!..»
- А им к празднику давали сига...
- Он же всё же тоже — наш человек!..

А на дворе всё тот же снег,
И тот же смех, один на всех.
Дала отбой весна-красна!
А кто — в любовь, а кто — в козла!

«Граждане, подписку на газеты и журналы
Оформляйте вовремя!..»

И — «Двери закрываются, следующая остановка
“Второй часовой завод”».

- В общем, вышло у него так на так...
- А она опять: «Подлец ты, подлец!..»
- Обождите, не бросайте пятак!..
- Ну поставили на вид — и конец!..

А на дворе всё тот же снег,
Всё тот же плач, всё тот же смех...
И не беда, что тот же снег,
А вот беда: всё тот же век!

«Предъявляйте пропуск в развёрнутом виде
При входе и выходе!»

И — «Двери закрываются...»

на-
всег-
да.

ВАЛЬС ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, ИЛИ БАЛЛАДА О ТОМ, КАК НАДО ПИТЬ НА ТРОИХ

Не квасом земля полита,
В каких ни пытай краях:
Поллитра всегда поллитра,
И стоят везде трояк!

Поменьше ли чуть, побольше:
Копейки, какой рожон?
А вот разделить по-божьи —
Тут очень расчёт нужон!

Один размечает тонко,
Другой на глазок берёт,
И ежели кто без толка —
Всегда норовит вперёд!

Оплаченный процент отпит,
И — Вася, гуляй, беда!
Но тот, кто имеет опыт,
Тот крайним стоит всегда.

Он, зная свою отметку,
Не пялит зазря лицо,
И выпьет он под конфетку,
А чаще — под сукнецо.

Но выпьет зато со вкусом,
Издаст подходящий стон
И даже покажет знаком,
Что выпил со вкусом он.

И первому по затылку
Отвесит, шутя, пинка,
А после он сдаст бутылку
И примет ещё пивка.

И где-нибудь среди досок,
Блаженный, приляжет он,
Поскольку культурный досуг
Включает здоровый сон...

Он спит. А над Ним планеты —
Немеркнувший звёздный тир.
Он спит. А Его полпреды
Варганят войну и мир.

По всем уголкам планеты,
По миру, что сном объят,
Развозят Его газеты,
Где славу Ему трубят!

И громкую славу эту
Признали со всех сторон!
Он всех призовет к ответу,
Как только проспится Он!

Куётся Ему награда,
Готовит харчи нарпит...
Не трожьте Его, не надо —
Пускай человек поспит!

1967

ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ, ИЛИ «JEDEM DAS SEINE»

«Jedem das Seine» означает «Каждому — своё»
(надпись на воротах Равенсбрюка)

Начинается день и дневные дела,
Но треклятая месса уснуть не дала.

Ломит поясницу, и ноет бок,
Бесконечной стиркою дом пропах...
«С добрым утром, Бах!» — говорит Бог.
«С добрым утром, Бог! — говорит Бах. —
С добрым утром!..»

...А над нами с утра, а над нами с утра,
Как кричит вороньё на пожарище,
Голосят рупора, голосят рупора:
«С добрым утром! Вставайте, товарищи!»

И потом, досыпая, мы едем в метро,
В электричке, в трамвае, в автобусе,
И орут, выворачивая нутро,
Рупора о победах и доблести.

И спросонья бывает такая пора,
Что готов я — в припадке отчаянья —
Посшибать рупора, посбивать рупора
И услышать прекрасность молчания...

Под попрёки жены исхитрись-ка изволь
Сочинить переход из це-дура в ха-моль.

От семейных ссор, от долгов и склок
Никуда не деться, и дело швах.
«Но не печалься, Бах!» — говорит Бог.
«Да уж ладно, Бог! — говорит Бах. —
Да уж ладно!..»

...А у бабки insult, и хворает жена,
И того не хватает, и этого,
И лекарства нужны, и больница нужна —
Только места не светит покедова.

И меня в перерыв вызывают в местком,
Ходит пред по местному присяждою:
«Раз уж дело такое, то мы подмогнём —
Безвозвратною ссудим десяткою!»

И кассир мне деньгу отслонит по рублю,
Ухмыльнётся ухмылкой грабительской.
Я поллитра куплю, валидолу куплю,
Двести сыру и двести «Любительской»...

А пронзительный ветер, предвестник зимы,
Дует в двери капеллы святого Фомы.

И поёт орган, что всему итог —
Это вечный сон, это тлен и прах!
«Но не кощунствуй, Бах!» — говорит Бог.
«А ты дослушай, Бог! — говорит Бах. —
Ты дослушай!..»

...А у бляди соседки гулянка в соку:
Девки воют, хихикают хахали...
Я поллитра открою, нарежу сырку,
Дам жене валидолу на сахаре.

И по первой налью, и налью по второй,
И сырку, и колбаски покушаю,
И о том, что я — самый геройский герой,
Передачу охотно послушаю.

И трофейную трубку свою запалю,
Посмеюсь над мычащею бабкою.
И ещё раз налью, и ещё раз налью,
И к соседке схожу за добавкою...

Он снимает камзол, он сдирает парик,
Дети шепчутся в детской: «Вернулся старик!»

Что ж, ему за сорок — немалый срок,
Синева, как пыль, — на его губах...
«Доброй ночи, Бах!» — говорит Бог.
«Доброй ночи, Бог! — говорит Бах. —
Доброй ночи!..»

ОТРЫВОК ИЗ РЕПОРТАЖА о международной товарищеской встрече по футболу между сборными командами Великобритании и Советского Союза

Посвящается Василию Сечину

...Итак, судья Бидо, который, кстати, превосходно проводит сегодняшнюю встречу, просто превосходно, сделал внушение английскому игроку — и матч продолжается. И снова, дорогие наши телезрители, дорогие друзья, вы видите на экранах, как вступают в единоборство центральный нападающий английской сборной, профессионал из клуба «Стар» Бобби Лейтон и наш замечательный мастер кожаного мяча, аспирант Московского педагогического института, капитан и любимец нашей сборной Владимир Лямин, Володя Лямин! В этом единоборстве соперники соревнуются не только в технике владения мячом, а, я бы сказал, в понимании самой природы игры, в умении предугадать и предупредить самые тончайшие стратегические и тактические замыслы соперника...

...Он мне всё по яйцам целится,
Этот Бобби, сука рыжая,
Он у их за то и ценится,
Мистер-шмистер, ставка высшая!

Я ему по-русски, рыжему:
«Как ни целься — выше, ниже ли,
Ты ударишь — я, бля, выживу,
Я ударю — ты, бля, выживи!

Ты, бля, думаешь, напал на дикаря,
А я сделаю культурно, втихаря:
Я, бля, врежу, как в парадной кирпичом,
Этот, с дудкой, не заметит нипочём!»

В общем, всё сказал по-тихому,
Не ревел.
Он ответил мне по-ихому:
«Вери вел!..»

...Судья Бидо фиксирует положение вне игры. Великолепно проводит матч этот арбитр из Франции, просто великолепно —

по-настоящему строгий, по-настоящему справедливый спортивный судья. Нашим судьям — даже международной квалификации — есть чему поучиться у этого замечательного мастера. Итак, свободный удар от наших ворот, мяч снова рикошетом попадает в ноги к Бобби Лейтону, который в окружении остальных игроков по центру продвигается к нашей штрафной площадке. И снова перед ним вырастает Владимир Лямин, Володя Лямин! Володечка! Его не обманул финт англичанина — он преграждает ему дорогу к нашим воротам...

...Ты давай из кучи выгляни,
Я припас гостинчик умнику.
Финтцы-шминтцы с фигли-миглями —
Это, рыжий, всё на публику!

Не держи меня за мальчика —
Мы ещё поспорим в опыте:
Что ж я, бля, не видел мячика —
Буду бегать где ни попадя?!

Я стою, а он как раз наоборот.
Он, бля, режет, вижу, угол у ворот,
Натурально, я на помощь вратарю:
Рыжий — с ног, а я с улыбкой говорю:

«Думал вдарить, бля, по близкому,
В дамки шёл?!»
Он с земли мне по-английскому:
«Данке шён!..»

...Да, странно-стра... Просто непонятное решение! Что происходит?! Минуточку, товарищи... Судья Бидо почему-то принимает обыкновенный силовой приём за нарушение правил и назначает одиннадцатиметровый штрафной удар в наши ворота. Это несправедливо, это... А-а... Вот здесь мне подсказывают — оказывается, судья Бидо прекрасно известен нашим журналистам как один из самых продажных политиканов от спорта, который в годы оккупации Франции сотрудничал с гитлеровской разведкой... Ну-с, итак, мяч установлен на одиннадцатиметровой отметке. Кто же будет бить? Ну, конечно, всё тот же самый Бобби Лейтон — он просто симулировал травму. Вот он разбегается, удар!.. Гол... Да, ну я говорил, по-моему, в начале нашего репортажа товарищам телезрителям, что это принципиальная встреча, это обыкновенный товарищеский матч, решающего значения он не имеет. Итак, за полминуты до окончания матча — 1:0 в пользу английской сборной...

...Да, игрушку мы просерили,
Протютюкали, прозяпали.
Хорошо б она на Севере,
А ведь это ж, бля, на Западе!

И пойдёт теперь мурыжево —
Федерация, хренация:
Как, мол, ты не сделал рыжего?
Где ж твоя квалификация?!

Вас, засранцев, опекаешь и растишь,
А вы, суки, нам мараете престиж!
Ты ж советский — ты же чистый, как кристалл:
Начал делать, так уж делай, чтоб не встал!

Духу нашему спортивному
Цвесь везде!
Я отвечу по-партийному:
«Будет сде!»

1969—1970

ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ
КЛИМА ПЕТРОВИЧА КОЛОМИЙЦЕВА,
кавалера многих орденов,
депутата горсовета,
мастера цеха, знатного человека

**История о том, как Клим Петрович
выступал на митинге в защиту мира**

У жене моей спросите у Даши,
У сестре её спросите у Клавки:
Ну ни капельки я не был поддавши,
Разве токо что маленько с поправки!

Я культурно проводил воскресенье:
Я помылся и попарился в баньке,
А к обеду, как сошлась моя сёмья,
Начались у нас подначки да байки!

Токо принял я грамм сто для почина
(Ну не более, чем сто, чтоб я помер!),
Вижу — к дому подъезжает машина,
И гляжу, на ней обкомовский номер!

Ну я на крылечко: мол, что за гость?
Кого привезли, не чеха ли?
А там порученец, чернильный гвоздь:
«Сидай, — говорит, — поехали!»

Ну ежели зовут меня,
То майне-вира!
В ДК идёт заутреня
В защиту мира!
И первый там, и прочие — из области.

Ну сажусь я порученцу на ноги.
Он листок мне — я и тут не перечу.
«Ознакомься, — говорит, — по дороге
Со своею выдающейся речью!»

Ладно, мыслю, набивай себе цену:
Я в зачтениях мастак, слава богу!
Приезжаем. Прохожу я на сцену
И сажусь со всей культурностью сбоку.

Вот моргает мне, гляжу, председатель:
Мол, скажи своё рабочее слово!
Выхожу я и не дробно, как дятел,
А неспешно говорю и сурово:

«Израильская, — говорю, — военщина
Известна всему свету!
Как мать, — говорю, — и как женщина
Требую их к ответу!

Который год я вдовая,
Всё счастье — мимо,
Но я стоять готовая
За дело мира!
Как мать вам заявляю и как женщина!..»

Тут отвисла у меня, прямо, челюсть
(Ведь бывают же такие промашки!):
Это, сучий сын, пижон-порученец
Перепутал в саматохе бумажки!

И не знаю, продолжать или кончить?
Вроде в зале ни смешочков, ни вою,
Первый тоже, вижу, рожи не корчит,
А кивает мне своей головою!

Ну и дал я тут галопом по фразам —
Слава богу, завсегда всё и то же!
А как кончил, все захлопали разом.
Первый тоже лично сдвинул ладоши.

Опосля зазвал в свою вотчину
И сказал при всём окружении:
«Хорошо, блядь, ты им дал, по-рабочему!
Очень верно осветил положение!»

Не хвастаю нисколько я,
Поймите-ка,
Но очень дело тонкое —
Политика!

1968—1970

**История о том, как Клим Петрович,
укачивая своего племянника Семёна,
Клавкиного сына, неожиданно
для самого себя сочинил
научно-фантастическую историю**

(Интермедия)

Спи, Семён, спи!
Спи, понимаешь, спи!
Спи, а то придёт Кашей,
Растудить его в качель!
Мент приедет на «козе»,
Зафуячит в КПЗ!
Вот какие, брат, дела:
Мышка кошку родила!
Спи, Семён, спи!
Спи, понимаешь, спи!

В две тысячи семьдесят третьем году
Я как-то под вечер в пивную зайду
И пива спрошу, и услышу в ответ,
Что «Рижского» нет, и «Московского» нет,
Но есть «Жигулёвское» пиво,
И я просияю счастливо!

И робот-топтун, молчалив и мордаст,
Мне пиво с горошком мочёным подаст,
И выскажусь я, так сказать, говоря:
«Не зря ж мы страдали и гибли не зря!
Не зря ж мы, глаза завидущие,
Мечтали увидеть грядущее!»

Спи, Семён, спи!
Спи, понимаешь, спи!
А не то придёт Кашей,
Растудить его в качель!
Мент приедет на «козе»,
Зафуячит в КПЗ!
Вот какие, брат, дела:
Мышка кошку родила!
Спи, Семён, спи!
Спи, понимаешь, спи!

История о том, как Клим Петрович добивался,
чтоб его цеху присвоили звание
«Цеха коммунистического труда»,
и, не добившись этого, запил

Все смеются на бюро: «Ты же витязь —
И жилплощадь, и получка по-царски!»
Ну а я им: «Извините-подвиньтесь!
Я ж за правду хлопочу — не за цацки!

Как хотите — на доске, на бумаге ль —
Цельным цехом отмечайте, не лично:
Мы ж работаем на весь наш соцлагерь,
Мы ж продукцию даём на отлично!

И совсем мне, — говорю, — не до смеху!
Это чьё же, — говорю, — указанье:
Чтоб такому выдающему цеху
Не присваивать почётного званья?!»

А мне говорят, все друзья говорят —
И Фрол, и Пахомов с Тонькою:
«Никак, — говорят, — нельзя, — говорят, —
Уж больно тут дело тонкое!»

А я говорю,
Матком говорю:
«Пойду, — говорю, —
В обком!» — говорю.

А в обкоме мне всё то же: «Не суйся!
Не долдонь, как пономарь поминанье!
Ты ж партийный человек, а не зюзя,
Должен всё ж таки иметь пониманье!

Мало, что ли, пресса ихняя треплет
Всё, что делается в нашенском доме?
Скажешь, дремлет Пентагон?! Нет, не дремлет!
Он не дремлет, мать его... он на стрёме!»

Как завёлся я тут с пол-оборота:
«Так и будем сачковать?! Так и будем?!
Мы же в счёт восьмидесятого года
Выдаём свою продукцию людям!»

А мне говорят: «Ты чего, — говорят, —
Орёшь, как пастух на выпасе?!
Давай, — говорят, — молчи, — говорят, —
Сиди, — говорят, — и не рыпайся!»

А я говорю,
В тоске говорю:
«Продолжим наш спор
В Москве!» — говорю.

...Проживаюсь я в Москве, как собака.
Отсылает референт к референту:
«Ты и прав, — мне говорят, — но, однако,
Не подходит это дело к моменту!»

Ну а вздумается вашему цеху,
Скажем, встать на юбилейную вахту:
Представляешь сам, какую оценку
Би-би-си дадут подобному факту!»

Ну потом — про ордена, про жилплощадь...
А прощаясь, говорят на прощанье:
«Было б в мире положенье попроще,
Мы б охотно вам присвоили званье!»

А так, — говорят, — ну ты прав! — говорят, —
И продукция ваша — лучшая!
Но всё ж, — говорят, — не драп, — говорят, —
А проволока колючая!...»

«Ну что ж, — говорю, —
Отбой! — говорю, —
Пойду, — говорю, —
В запой!» — говорю.

Взял — и запил!

1968—1970

**Плач Дарьи Коломийцевой по поводу запоя её супруга
и попутно сообщение о том, какой у Клина Петровича
оказался тонкий, почти что изысканный вкус**

(Интермедия)

Ой, доля моя жалкая,
Родиться бы слепой!
Такая лета жаркая,
А он пошёл в запой.

Вернусь я из магазина,
А он уже, блажной,
Поёт про Стеньку Разина
С персидскою княжной.

А жар — ну прямо доменный,
Ну прямо градом пот.
А он, дурак недоенный,
Сидит и водку пьёт.

Ну думаю я, думаю,
Болит от мыслей грудь:
«Не будь ты, Дарья, дурую,
Придумай что-нибудь!»

Лежу, все ночи ахаю:
Спокоя нет как нет!
И вот пошла я к знахарю,
И знахарь дал совет.

...И в день воскресный, в утречко,
Я тот совет творю.
Вплываю словно уточка
И Климу говорю:

«Вставай, любезный суженый,
Уважь свой родный дом,
Вставай, давай поужинай,
Поправься перед сном!»

А что ему до времени?
Ему б нутро мочить!
Он белый свет от темени
Не может отличить!

А я его, как милочка,
Под ручки, под уздцы.
А на столе: бутылочка,
Грибочки, огурцы,

Ой, яблочки мочёные
С обкомовской икрой,
Стаканчики гранёные
С хрустальною игрой,

И ножички, и вилочки...
Гуляйте, караси!
Но только в той бутылочке
Не водка — карасин!

Ну вынула я пробочку:
«Поправься, атаман!»
Себе — для вида — стопочку,
Ему большой стакан.

«Давай поправься, солнышко!
Давай залей костёр!..»
Он выпил всё, до доньшка,
И только нос утёр,

Грибочек пальцем выловил,
Завёл туманно взгляд,
Сжевал грибок и вымолвил:
«Нет, не люблю маслят!»

1968—1970

**История о том, как Клим Петрович
восстал против экономической помощи
слаборазвитым странам**

Прямо думал я одно — быть бы живу!
Прямо думал — до нутря просолюся!
А мотались мы тогда по Алжиру
С делегацией ЦК профсоюза.

Речи-встречи, то да сё, кроем НАТО...
Ну вконец оголодал я, катаясь:
Мне ж лягушек ихних на дух не надо —
Я им, сукиным детям, не китаец!

Тут и Мао сам-рассам окосел бы!
Быть бы живу, говорю, не до жира!
И одно моё спасенье: консервы,
Что мне Дарья в чемодан положила.

Но случилось, что она с переляку
Положила мне одну лишь салаку.

Я в отеле в их засратом в «Паласе»
Запираюсь, как вернёмся, в палате,
Помолюсь, как говорится, Аллаху
И рубаю в маринаде салаку.

А наутро я от жажды мычу,
И хоть воду мне давай, хоть мочу!

Ну извёлся я! И как-то под вечер
Не стерпел и очутился в продмаге...
Я ж не лысый, мать их так, я ж не вечен,
Я ж могу и помереть с той салаки!

Вот стою я, прямо злой, как Малюта,
То мне зябко в пинджаке, то мне жарко:
Хоть говёная, а всё же валюта,
Всё же тратить исключительно жалко!

И беру я чтой-то вроде закуски —
Захудаленькую баночку с краю,
Но написано на ей не по-русски,
А по-ихнему я плохо читаю.

Подхожу я тут к одной сеньорите:
Извините, мол, «ком бьен», «битте-дритте»,
Подскажите, мол, не с мясом ли банка?..
А она в ответ кивает, засранка!

И пошёл я как в беспамятстве к кассе,
И очнулся лишь в палате в «Паласе»:
Вот на койке я сижу нагишом
И орудую консервным ножом...

И до самого рассветного часа
Матерился я в ту ночь, как собака:
Оказалось в этой банке не мясо —
Оказалась в этой банке салака!

И не где-нибудь в Бразилии «маде»,
А написано ж внизу, на наклейке:
Что, мол, «маде» в СССР... в маринаде...
В Ленинграде... рупь четыре копейки!..

Нет уж, братцы, надо ездить поближе —
Не на край, расперемать его, света!
Мы ж им, гадам, помогаем, и мы же
Пропадаем, как клопы, через это!

Я-то думал, как-никак — заграница!
Думал, память как-никак сохранится!
Оказалось, что они, голодранцы,
Понимают так, что мы — иностранцы!

И вся жисть их заграничная — лажа!
Даже хуже, извините, чем наша!

1970

**ИЗБРАННЫЕ ОТРЫВКИ
ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ
КЛИМА ПЕТРОВИЧА КОЛОМИЙЦЕВА,**
кавалера многих орденов,
депутата горсовета,
мастера цеха, знатного человека

Из речи на встрече с интеллигенцией

...Попробуйте в цехе найти чувака,
Который бы мыслил не то!

Мы мыслим, как наше родное ЦК
И лично...

вы знаете — кто!

...И пусть кой-чего не хватает пока,
Мы с Лениным в сердце зато!

И мыслим, как наше родное ЦК
И лично...

вы знаете — кто!

...Чтоб нашей победы приблизить срока,
Давайте ж трудиться на то!

Давайте же мыслить, как наше ЦК
И лично...

вы знаете — кто!..

Из беседы с туристами из Западной Германии

...А уж пыль-то вы пускать мастера!
Мастера вы!

Да не те времена!

Мы на проценты сравним, мистера, —
Так и нет у вас, пардон, ни хрена!

Потому что всё у вас —
напоказ,

А народ для вас — ничто и никто.
А у нас — природный газ!

Это раз.

И ещё — природный газ,

и опять — природный газ...

И по процентам как раз

отстаёте вы от нас

Лет на сто!

<1970>

Женские песни

ЛЕНОЧКА

Апрельской ночью Леночка
Стояла на посту,
Красоточка-шатеночка
Стояла на посту.
Прекрасная и гордая,
Заметна за версту,
У выезда из города
Стояла на посту.

Такая вот история —
Стояла на посту.

Судьба милицанерская —
Ругайся цельный день,
Хоть скромная, хоть дерзкая —
Ругайся цельный день.
Гулять бы ей с подругами
И нюхать бы сирень!
А надо с шоферюгами
Ругаться цельный день.

Такая вот история —
Ругайся цельный день!

Итак, стояла Леночка,
Милиции сержант,
Останкинская девочка,
Милиции сержант.
Иной снимает пеночки,
Любому свой талант,
А Леночка, а Леночка —
Милиции сержант.

Такая вот, понимаете, история —
Милиции сержант.

Как вдруг она заметила —
Огни летят, огни,
В Москву из Шереметьева
Огни летят, огни.
Ревут сирены зычные,
Прохожий — ни-ни-ни!
На Лену заграничные
Огни летят, огни!

Такая вот история —
Огни летят, огни!

Даёт отмашку Леночка,
А ручка не дрожит,
Чуть-чуть дрожит коленочка,
А ручка не дрожит.
Машины, чай, не в шашечку,
Колёса — вжик да вжик!
Даёт она отмашечку,
А ручка не дрожит.

Тата-дари, тата-дари,
А ручка не дрожит.

Как вдруг машина главная
Свой замедляет ход,
Хоть и была исправная,
Но замедляет ход.
Вокруг охрана стеночкой
Из КГБ... Но вот
Машина рядом с Леночкой
Свой замедляет ход.

Такая вот история —
Свой замедляет ход.

А в той машине писанный
Красавец эфиоп,
Глядит на Лену пристально
Красавец эфиоп,
И, встав с подушки с кремовой,
Не промахнуться чтоб,
Бросает, бля, хризантему ей
Красавец эфиоп!

Тата-дари, тата-дари,
Красавец эфиоп!

А утром мчится нарочный
ЦК КПСС
В мотоциклетке марочной
ЦК КПСС,
Он машет Лене шляпою,
Спешит наперерез:
Пожалте, бля, Л.Потапова,
В ЦК КПСС!

А там, на Старой площади,
Тот самый эфиоп —
Он принимает почести,
Тот самый эфиоп,
Он чинно благодарствует
И трёт ладонью лоб,
Поскольку званья царского
Тот самый эфиоп!

Уж свита водки выпила,
А он глядит на дверь,
Сидит с моделью вымпела
И всё глядит на дверь.
Все потчуют союзника,
А он сопит, как зверь.
Но тут раздалась музыка
И отворилась дверь...

Вся в тюле и в панбархате,
В зал Леночка вошла:
Все прямо так и ахнули,
Когда она вошла.
И сам красавец царственный,
Ахмет Али-Паша
Воскликнул: «Бля, вот так здравствуйте!»,
Когда она вошла.

Тата-дари, тата-дари,
Когда она вошла.

И вскоре нашу Леночку
Узнал весь белый свет,
Останкинскую девочку
Узнал весь белый свет.
Когда, покончив с папою,
Стал шахом принц Ахмет,
Шахиню, бля, Л.Потапову
Узнал весь белый свет!

Шахиню Л.Потапову
Узнал весь белый свет!

1961

ТОНЕЧКА

(Городской романс)

Она вещи собрала, сказала тоненько:
«А что ты Тоньку полюбил, так бог с ней, с Тонькою!
Тебя ж не Тонька завлекла губами мокрыми,
А что у папи у её топтун под окнами,

А что у папи у её дача в Павшине,
А что у папи холуи с секретаршами,
А что у папи у её пайки цековские
И по праздникам кино с Целиковскою!

А что Тонька-то твоя сильно страшная —
Ты не слушай меня, я вчерашняя!
И с доскою будешь спать со стиральнойю
За машину за его персональную...

Вот чего ты захотел и знаешь сам,
Знаешь сам, ну стесняешься:
Про любовь твердишь, про доверие,
Про высокие про материи...

А в глазах-то у тебя дача в Павшине,
Холуи да топтуны с секретаршами,
И как вы смотрите кино всей семейкою,
И как счастье на губах — карамелькою...»

...Я живу теперь в дому — чаша полная,
Даже брюки у меня — и те на молнии,
А вина у нас в дому — как из кладезя,
А сортир у нас в дому — восемь на десять.

А папаша приезжает сам к полуночи:
Топтуны да холуи тут все по струночке!
Я папаше подношу двести граммчиков,
Сообщаю анекдот про абрамчиков.

А как спать ложусь в кровать с дурой с Тонькою,
Вспоминаю той, другой, голос тоненький.
Ух, характер у неё — прямо бешеный:
Я звоню ей, а она трубку вешает...

Отвези ж ты меня, шеф, в Останкино,
В Останкино, где «Титан»-кино,
Там работает она билетёршею,
На дверях стоит, вся замёрзшая.

Вся замёрзшая, вся продрогшая,
Но любовь свою превозмогшая,
Вся иззябшая, вся простывшая,
Но не предавшая и не простившая!

1961—1962

КРАСНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК, ИЛИ ТОВАРИЩ ПАРАМОНОВА

Ой ну что ж тут говорить, что ж тут спрашивать!
Вот стою я перед вами, словно голенький:
Я с Нинулькой гулял с тётипашинной —
И в «Пекин» её водил, и в Сокольники.

Поясок ей подарил поролоновый
И в палату с ней ходил в Грановитую,
А жена моя, товарищ Парамонова,
В это время находилась за границею.

А вернулась, ей привет — анонимочка:
Фотоснимок, а на нём — я да Ниночка!
Просыпаюсь утром — нет моей кисочки,
И ни вещичек её нет, ни записочки,

Нет как нет,
Ну прямо нет как нет!

Я к ней, в ВЦСПС, в ноги падаю,
Говорю, что всё во мне переломано,
Не серчай, что я гулял с этой падлюю,
Ты прости меня, товарищ Парамонова!

А она как закричит, вся стала чёрная:
«Я на слёзы на твои ноль внимания!
И ты мне лазаря не пой, я учёная,
Ты людям всё расскажи на собрании!»

И кричит она, дрожит, голос слабенький,
А холуи уж тут как тут — каплют капельки:
И Тамарка Шестопал, и Ванька Дёрганов,
И ещё тот референт, что из органов,

Тут как тут,
Ну прямо тут как тут!

В общем, ладно... Прихожу на собрание.
(А дело было, как сейчас, помню, первого.)
Я, конечно, бюллетень взял заранее
И бумажку из диспансера нервного.

А Парамонова, гляжу, в новом шарфике,
А как увидела меня, вся стала красная.
У них первый был вопрос — свободу Африке,
А потом уж про меня — в части «разное».

Ну как про Гану — все в буфет за сардельками.
Я и сам бы взял кило, да плохо с деньгами.
А как вызвали меня, я сник от робости,
А из зала мне: давай все подробности!

Всё как есть,
Ну прямо всё как есть!

Ой не мучь меня, народ, ой не спрашивай!
Вот стою я перед вами, словно голенький:
Да, я с племянницей гулял с тётипашинной,
И в «Пекин» её водил, и в Сокольники,

И в моральном, говорю, моём облике
Есть растленное влияние Запада,
Но живём ведь, говорю, не на облаке,
Это ж только, говорю, соль без запаха!

И на жалость я их брал да испытывал,
И бумажку, что я псих, им зачитывал...
Ну поздравили меня с воскресением:
Залепили строгача с занесением!

Ой-ёй-ёй,
Ну прямо — ой-ёй-ёй!

Взял я тут цветов букет покрасивее,
Встал к подъезду номер семь — для начальников.
А Парамонова, как вышла, стала синяя,
Села в «Волгу» без меня и отчалила!

И тогда прямым путём в раздевалку я
И тёте Паше говорю: мол, буду вечером...
А она мне говорит: «С аморалкою
Нам, товарищ дорогой, делать нечего!

И племянница моя, Нина Саввовна,
Она думает как раз то же самое.
Она всю свою морковь нынче прóдала
И домой, по месту жительства, óтбыла».

Вот те на,
Ну прямо вот те на!

Я иду тогда в райком, шлю записочку:
Мол, прошу принять, по личному делу я...
А у Грошевой как раз моя кисочка:
Как увидела меня, вся стала белая!

И сидим мы у стола с нею рядушком,
И с улыбкой говорит товарищ Грошева:
«Схлопотал он строгача, ну и ладушки!
Помириться вы теперь по-хорошему!»

И пошли мы с ней вдвоём как по облаку,
И пришли мы с ней в «Пекин» рука об руку:
Она выпила «Дюрсо», а я «Перцовую» —
За советскую семью образцовую!

Вот и всё!

1964

ВЕСЁЛЫЙ РАЗГОВОР

А ей мама ну во всём потакала,
«Красной Шапочкой» звала, «пташкой вольной»,
Ей какава по утрам два стакана,
А сама чайку попьёт — и довольна.

А как маму схоронили в июле,
В доме денег — ни гроша, ни бумаги,
Но нашлись на свете добрые люди:
Обучили на кассиршу в продмаге.

И сидит она в этой кассе,
Как на месте публичной казни.

А касса щёлкает, касса щёлкает...
Скушал Шапочку Серый Волк!..
И трясёт она чёрной чёлкою,
А касса щёлк-щёлк-щёлк,
А касса щёлк-щёлк-щёлк...

Ах, весёлый разговор...

Начал Званцев ей, завмаг, делать пассы:
Интересно б, мол, узнать, что за птица?
А она ему в ответ из-за кассы —
Дожидаю, мол, прекрасного прынца.

Всех отшила — одного не отшила,
Называла его «милым Алёшей»:
Был он техником по счётным машинам,
Хоть и лысый, и еврей, но хороший.

А тут как раз война, а он в запасе...
Прокричала ночь — и снова в кассе.

А касса щёлкает, касса щёлкает...
А под Щёлковым в щепки полк!..
И трясёт она пегой чёлкою,
А касса щёлк-щёлк-щёлк,
А касса щёлк-щёлк-щёлк...

Ах, весёлый разговор...

Как случилось? Ей вчера ж было двадцать,
А уж доченьке — девятый годочек...
И опять к ней подъезжать начал Званцев,
А она про то и слушать не хочет.

Ну и стукнул он (со зла, не иначе),
Сам не рад, да не пойдёшь на попятный:
Обнаружили её в недостатке,
Привлекли её по «сто тридцать пятой».

А на этап пошла по Указу,
А там амнистия... И снова в кассу.

А касса щёлкает, касса щёлкает...
Засекается ваш крючок!
И трясёт она рыжей чёлкою,
А касса щёлк-щёлк-щёлк,
А касса щёлк-щёлк-щёлк...

Ах, весёлый разговор...

Уж любила она дочку, растила,
Охраняла от шпаны, оборванцев...
Ой зачем она в продмаг зачастила,
Ой зачем ей улыбается Званцев?!

...А как свадебку сыграли в июле,
Было шуму на Песчаной на нашей...
Говорят в парадных добрые люди,
Что зовёт её, мол, Званцев «мамашей».

И сидит она в своей кассе,
А у ней внучок в первом классе.

А касса щёлкает, касса щёлкает:
Не копеечкам — жизни счёт!
И трясёт она белой чёлкою,
А касса щёлк-щёлк-щёлк,
А касса щёлк-щёлк-щёлк...

Ах, весёлый разговор...

ЖЕНСКИЙ ВАЛЬС, ИЛИ ПЕСНЯ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

Песня посвящена женщинам

Как мне странно, что ты — жена!
Как мне странно, что ты жива!
А я-то думал, что просто
Ты мной воображена...

Не считайте себя виноватыми,
Не ищите себе наказания,
Не смотрите на нас вороватыми,
Перепуганными глазами.

Будто призваны вы, будто позваны,
Нашу муку терпеньем мелете...
Ничего, что родились поздно вы, —
Вы всё знаете, всё умеете!

Как мне странно, что ты — жена!
Как мне странно, что ты жива!
А я-то думал, что просто
Ты мной воображена...

Никаких вы не знали фортелей,
Вы не плыли бутырскими окнами,
У проклятых ворот в Лефортове
Вы не зябли ночами мокрыми.

Но ветрами подует грозными —
Босиком вы беду измерите!
Ничего, что родились поздно вы, —
Вы всё знаете, всё умеете!

Как мне странно, что ты — жена!
Как мне странно, что ты жива!
А я-то думал, что просто
Ты мной воображена...

Не дарило нас время сладостью,
Раздавало горстями горькость,
Но великою вашей слабостью
Вы спасли нам не жизнь, а гордость!

Вам сторицей не будет воздано,
И пройдем мы по веку розно.
Ничего, что родились поздно вы, —
Воевать никогда не поздно!

Как мне страшно, что ты — жена!
Как мне страшно, что ты жива!
В Ярославле, на пересылке,
Ты была воображена...

1965

* * *

Вот он скачет, витязь удалой,
С чудищем стоглавым силой мерясь.
И плевать на ту, что эту перевязь
Штопала заботливо иглой.

И плевать на ту, что эту перевязь
Штопала заботливо иглой.

Мы не пели славы палачам —
Удержались, выдержали, выжили...
Но тихонько, чтобы мы не слышали,
Жёны наши плачут по ночам.

Но тихонько, чтобы мы не слышали,
Жёны наши плачут по ночам.

1960-е годы

КОМАНДИРОВОЧНАЯ ПАСТОРАЛЬ

То ли шлюха ты, то ли странница —
Вроде хочется, только колется.
Что-то сбудется? что-то станется?
Чем душа твоя успокоится?

А то и станется, что подкинется:
Будут волосы все распатланы,
Общежитие да гостиница —
Вот дворцы твои клеопатровы.

Сядь, не бойся, выпьем водочки,
Чай, живая — не покойница!
Коньячок? — четыре звёздочки!
Коньячок — он, брат, тоже колется...

Гитарист пошёл тренди-брендями,
Саксофон хрипит, как удушенный,
Всё, что думалось, стало бреднями:
Обманул Христос новоявленный!

Спой, гитара, нам про страдания,
Про глаза нам спой и про пальцы:
Будто есть страна Пасторалия,
Будто мы с тобой — пасторальцы.

Под столом нарежем сальца,
И плевать на всех на тутошних.
Бальчок? — прости, кусается!
Никаких не хватит суточных.

Расскажи ж ты мне, белка белая:
Чем ты, глупая, озабочена?
Что ты делала? где ты бегала?
Отчего в глазах червоточина?

Туфли-лодочки на полу-то чьи?
Чья на креслице юбка чёрная?
Наш роман с тобой — до полуночи,
Курва здешняя, коридорная!

Влипнешь в данной ситуации
И пыли потом, как конница.
Мне к семи, тебе к двенадцати —
Очень рад был познакомиться!

До свидания, до свидания!
Будьте ж счастливы и так далее...
А хотелось нам, чтоб — страдания,
А хотелось, чтоб — Пасторалия!

Но, видно, здорово мы усталые,
От анкет у нас в кляксах пальцы!
Мы живём в стране Постоялии,
Называемся «постояльцы»...

1966

ВАЛЬС-БАЛЛАДА ПРО ТЁЩУ ИЗ ИВАНОВА

Ох ему и всыпали по первое —
По дерьму, спелёнутого, волоком!
Праведные суки, брызжа пеною,
Обзывали «жуликом» и «Поллаком»!

Раздавались выкрики и выпады,
Ставились искусно многоточия,
А в конце, как водится, — оргвыводы:
Мастерская, договор и прочее...

Он припёр вещички в гололедицу
(Всё в один упрятал узел драненький)
И свалил их в угол, как поленницу:
И холсты, и краски, и подрамники...

Томка вмиг слетала за «Кубанскою»,
То да сё, яичко, два творожничка...
Он грамм сто принял, заел колбаскою
И сказал, что полежит немножечко.

Выгреб тайно из пальтишка рваного
Нембутал, прикопленный заранее.
А на кухне тёща из Иванова,
Ксения Павловна, вела дознание.

За окошком ветер мял акацию,
Билось чьё-то сизое исподнее...
«А за что ж его?» — «Да за абстракцию». —
«Это ж надо! А трезвону подняли!..

Он откуда родом?» — «Он из Рыбинска».
«Что рисует?» — «Всё натуру разную». —
«Сам — еврей?» — «А что?» — «Сиди не рыпайся!
Вон у Лидки — без ноги да с язвою...

Курит много?» — «В день полпачки “Севера”». —
«Лидкин, дьявол, курит вроде некрута,
А у них ещё по лавкам семеро...
Хорошо живёте?» — «Лучше некуда!..»

«Лидкин — что ни вечер, то к приятелям:
Заимела, дура, в доме ворога...
Значит, окаянный твой с понятием:
В день полпачки “Севера” — недорого.

Пить-то пьёт?» — «Как все — под воскресенье!» —
«Лидкин пьёт — вся рожа окарябана!»
...Помолчали, хрустнуло печение.
И, вздохнув, сказала тёща Ксения:
«Ладно уж, прокормим окаянного...»

25 ноября 1966 года

БАЛЛАДА ОБ ОДНОЙ ПРИНЦЕССЕ,
КОТОРАЯ РАЗ В ТРИ МЕСЯЦА
ПРИХОДИЛА ПОУЖИНАТЬ
В РЕСТОРАН «ДИНАМО»

...И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна...

Александр Блок. Незнакомка

Кивал с эстрады ей трубач,
Сипел трубой, как в насморке.
Он и назвал её, трепач,
«Принцессой с Нижней Масловки».

Он подтянул, трепач, штаны
И выдал румбу с перчиком.
А ей, принцессе, хоть бы хны —
Едва качнула плечиком:

Мол, только пальцем поманю —
Слетятся сотни соколов...
И села, и прочла меню,
И выбрала бефстроганов.

И все бухие пролетарии,
Все тунеядцы и жульё,
Как на комету в планетарии,
Глядели, суки, на неё...

Румба, та-дра-дра-дра-дра-дра...
Румба, та-дра-дра-дра...

Бабыё вокруг, издавши стон,
Пошло махать платочками.
Она ж, как леди Гамильтон,
Пиала ситро глоточками.

Бабыё вокруг — сплошной собес! —
Воздев, как пики, вилочки,
Рубают водку под супец,
Шампанское под килечки.

И, сталь коронок заголя,
Расправой бредят скорою:
Ах эту б дочку б короля
Шарахнуть бы «Авророю»!

И все бухие пролетарии,
Смирив идейные сердца,
Готовы к праведной баталии
И к штурму Зимнего дворца!

Румба, та-дра-дра-дра-дра-дра...
Румба, та-дра-дра-дра...

Душнеет в зале, как в метро,
От пергидрольных локонов...
Принцесса выпила ситро
И съела свой бефстроганов.

И вновь тарашится бабьё
На стать её картинную,
На узком пальце у неё
Кольцо за два с полтиною.

А время, подлое, течёт...
И, зал пройдя, как пасеку,
Шестёрка ей приносит счёт.
И всё! И крышка празднику!

А между тем пила и кушала,
Вложив всю душу в сей процесс,
Демократическая шушера,
Не признающая принцесс.

Румба, та-дра-дра-дра-дра-дра...
Румба, та-дра-дра-дра...

...Держись, прошу тебя, держись!
Крепись и чисти пёрышки!
Такая жизнь — плохая жизнь —
У современной Золушки!

Не ждёт на улице её
С каретой фея-крёстная...
Жуёт бабьё, сопит бабьё,
Придумывает грозное!

А ей не царство на веку —
Посулы да побасенки.
А там — вались по холодку,
«Принцесса с Нижней Масловки»!

И вот она идёт меж столиков
В своём костюмчике джерси...
Ах ей далёко до Сокольников!
Ах ей не хватит на такси!..

Румба, та-дра-дра-дра-дра-дра...
Румба, та-дра-дра-дра...

1967

ПЕСНЯ О КОНЦЕРТЕ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Милой моей

Я замучил себя, и тебя я замучаю,
И не будет — потом — новодевичьей гордости
Всем друзьям на потеху — от случая к случаю,
В ожидании благ и в предчувствии горести.

И врага у нас нет, и не ищем союзника.
У житейских невзгод — ни размеров, ни мощности.
Но — как птичий полёт — начинается музыка
Ощущеньем внезапного чуда возможности!

Значит — можно! И это ничуть не придумано:
Это просто вернулось из детства, из прошлости.
И не надо Равеля, а Шумана, Шумана! —
Чтоб не сметь отличить гениальность от пошлости!

Значит — можно! В полёт — по листве и по наледи.
Только ветра глотнули — и вот уже начато!
И плевать, что актёров не вызовут на́ люди,
Эта сцена всегда исполняется начерно!..

Что с того нам, что век в непотребностях множится?!
Вот шагнул он к роялю походкою узника —
И теплеет в руках мандаринная кожица...
И теперь я молчу. Начинается Музыка!

15 ноября 1967 года

ТАТАРСКИЙ ПЛЕН

Рае моей любимой

Я увидел тебя — и не минуло мига,
Как попал я — навек! — под татарское иго.
Ты добра и нежна, ты щедра, ты горда,
Дорогая моя золотая орда!

1968

ПЕСНЯ ПРО ГЕНЕРАЛЬСКУЮ ДОЧЬ, ИЛИ КАРАГАНДА

Посвящается Марине Фигнер

Он был титулярный советник,
Она — генеральская дочь...

Петр Вейнберг

Постелилась я — и в печь уголёк,
Накрошила огурцов да мясца.
А он явился, ноги вынул и лёг:
У мадам у его месяца.

А он и рад тому, сучок, он и рад:
Скушал водочки — и в сон наповал!
...А там, в России, где-то есть Ленинград,
А в Ленинграде том — Обводный канал.

А там мамонька жила с папонькой,
Называли меня «лапонькой»,
Не считали меня лишнюю...
Да им дали обоим высшую!

Ой Караганда ты, Караганда!
Ты угольком даёшь на-гора года!
Дала двадцать лет, дала тридцать лет...
А что с чужим живу — так своего-то нет!
Ка-ра-ган-да...

А он, сучок, из гулевых шоферов,
Он — барыга, и калымщик, и жмот.
Он на торговской даёт, будь здоров:
Где за рупь, а где какую прижмёт!

Подвозил он меня раз в гастроном,
Даже слова не сказал, как полез.
Я бы в крик, да на стекле ветровом
Он картиночку приклеил, подлец!

А на картиночке — площадь с садиком,
А перед ней камень с «Медным всадником»,
А тридцать лет назад я с мамой в том саду...
Ой не хочу про то, а то я выть пойду!

Ой Караганда ты, Караганда!
Ты мать и мачеха — для кого когда,
А для меня была — так всегда нежна,
Что я самой себе стала не нужна!
Ка-ра-ган-да...

А он проснулся, закурил «Беломор»,
Взял пинжак, где у него кошелёк,
И прошлёпал босиком в калидор,
А вернулся — и обратно залёг.

Он сопит, а я сижу у огня,
Режу мелко на водку лучок...
А ведь всё-тки он жалеет меня,
Всё-тки ходит, всё-тки дышит, сучок!

Ай спи ж, проспись, ты моё золотце!
А слёзы — что ж, от слёз хлеб не солится.
А что мадам его крутит мордою,
Так мне плевать на то — я не гордая...

Ой Караганда ты, Караганда!
Если ж тут горда — так и на кой годна!
Хлеб насущный наш дай нам, Боже, днесь,
А что в России есть — так то не хуже здесь!
Ка-ра-ган-да...

Что-то сон нейдёт — был да вышел весь.
А завтра делать дел прорву адскую:
Завтра с базы нам сельдь должны завезть,
Говорили, что ленинградскую.

Я себе возьму и людям раздам —
Надо ж к праздникам подзаправиться!
А пяток сельдей я пошлю мадам:
Пусть покушает, позабавится!

Ах пусть покушает она, дура жалкая,
Пусть не думает она, что я жадная.
Это, знать, с лучка глазам колется,
Голова на низ чтой-то клонится...

Ой Караганда ты, Караганда!
Ты угольком даёшь на-гора года!
А на картиночке — площадь с садиком,
А перед ней камень...
Ка-ра-ган-да...

ИСТОРИЯ, ПРОЛИВАЮЩАЯ СВЕТ НА НЕКОТОРЫЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ТАЙНЫ, ИЛИ ПРО ТО, КАК ВСЁ ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

(Рассказ закройщика)

Ну была она жуткою шельмою,
Надевалась в джерси и в мохер,
И звалась эта дамочка Шейлою
На гнилой заграничный манер.

Отличалась упрямством отчаянным:
Что захочем, мол, то и возьмём...
Её маму за связь с англичанином
Залопатили в сорок восьмом.

Было всё: и приютская коечка,
И застёмочки в профиль и в фас...
А по ней и не скажешь нисколечко —
Прямо дамочка «маде ин Франс»!

Не стирала по знакомым пелёнки,
А служила в ателье, на приёмке,
Оформляла исключительно шибко
И очки ещё носила для шика,

И оправка на очках роговая...
Словом, дамочка вполне роковая!
Роковая, говорю, роковая,
Роковая прямо как таковая!

Только сердце ей вроде как заперли.
На признанья смеялась — враньё!
Два закройщика с брючником запили
Исключительно через неё.

Не смеяться бы надо — молиться ей!
Жисть её и прижала за то.
...Вот однажды сержант из милиции
Сдал в пошив ей букле на пальто.

Но совсем не букле тут причиную,
А причиную — пристальный взгляд.
Был сержант этот видным мужчиною:
Рост четвёртый, размер пятьдесят.

И начались тут у них трали-вали,
Совершенно то есть стыд потеряли:
Позабыли, что для нашей эпохи
Не подходят эти «ахи» и «охи».

Он трезвонит ей, от дел отвлекает:
Сообщите, мол, как жисть протекает?
Протекает, говорит, протекает...
Мы-то знаем, на чего намекает!

Вот однажды сержант из милиции
У «Динамо» стоял на посту:
Натурально, при всей амуниции,
Со свистком мелодичным во рту.

Вот он видит: идёт его Шейлочка,
И, заметьте, идёт не одна!
Он встряхнул головой хорошенечко,
Видит — это и вправду она.

И тогда, как алкаш на посудинку,
Невзирая на свист и гудки,
Он бросается к Шейлину спутнику
И хватает его за грудки!

Ой сержант, вы пальцем в небо попали!
То ж не хахаль был, а Шейлин папаня:
Он приехал повидаться с дочуркой
И не ждал такой проделки нечуткой!

Он приехал из родимого Глазго,
А ему дают по рылу как назло!
Прямо назло, говорю, прямо нагло,
Прямо ихней пропаганде — как масло!

Ну начались тут трения с Лондоном,
Взяли наших посольских в клещи:
Раз, мол, вы обижаете лордов нам —
Мы вам тоже напишем в ши!

А лишь вынесли лорды решение:
Выслать тех-то и тех-то и др.,
Наш сержант получил повышение
Как борец за прогресс и за мир!

И никто и не вспомнил о Шейлочке,
Только брючник надрался, балда.
Ну а Шейлочку в «раковой шеечке»
Отвезли неизвестно куда.

Приходили два хмыря из Минздрава,
До обеда проторчали у зава...
Он уж после нам сказал, на летучке,
Что в дурдоме она чувствует лучше.

«Это ж с дури, — он сказал, — наша дружба
Не встречала в ней ответа как нужно!
Всё как нужно, — он сказал, — всё как нужно...»
...До чего ж всё, братцы, тошно и скушно!

1968

ЗАПОЙ ПОД НОВЫЙ ГОД

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет...

...Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

Александр Блок. Пляски смерти

Мне писали, что Батюшков помешался:
быть нельзя!

*Александр Пушкин —
из письма брату Льву*

По-осеннему деревья налегке,
Керосиновые пятна на реке,
Фиолетовые пятна на воде,
Ты сказала мне тихонько: «Быть беде!»

Я позабыл твоё лицо,
Я пьян был к полдню.
Я подарил твоё кольцо —
Кому, не помню!

Я подымал тебя на смех
И врал про что-то,
И сам смеялся громче всех,
И пил без счёта!

Из шутовства, из хвостовства
В то балаганье
Я бросил все твои слова
На поруганье!

Качалась пьяная мотня
Вокруг приборно...
И ты спросила у меня:
«Тебе не больно?»

Не поймёшь — не то январь, не то апрель,
Не поймёшь — не то метель, не то капель,
На реке — не ледостав, не ледоход.
Новый год. А ты сказала: «Старый год».

Их век выносит на-гора,
И — марш по свету,
Одно отличие — номера,
Другого нету!

О, этот серый частокол,
Двадцатый опус,
Где каждый день — как протокол,
А ночь — как обыск.

Где всё зазря, и всё не то,
И всё непрочно.
Который час, и то никто
Не знает точно.

Лишь неизменен календарь
В приметах века.
Ночная улица, фонарь,
Канал, аптека...

В этот вечер, не сумевший стать зимой,
Мы дороги не нашли к себе домой,
Я спросил тебя: «А может, всё не зря?»
Ты ответила старинным: «Быть нельзя!»

2 января 1969 года

ПЕСНЯ, ПОСВЯЩЁННАЯ МОЕЙ МАТЕРИ

От беды моей пустяковой,
Хоть не прошен и не в чести,
Мальчик с дудочкой тростниковой,
Постарайся меня спасти!

Сатаня от мелких каверз,
Пересудов и глупых ссор,
О тебе я не помнил, каюсь,
И не звал тебя до сих пор.

И, как все горожане, грешен,
Не искал я твой детский след,
Не умел замечать скворешен
И не помнил, как пахнет свет.

...Свет ложился на подоконник,
Затевал на полу возню,
Он, охальник и беззаконник,
Забирался под простыню.

Разливался, пропахший светом,
Голос дудочки в тишине...
Только я позабыл об этом
Навсегда, как казалось мне.

В жизни глупой и бестолковой,
Постоянно сбиваясь с ног,
Пенье дудочки тростниковой
Я сквозь шум различить не мог.

...Но однажды в Дубовой ложе
Был поставлен я на правёж
И увидел такие рожи —
Пострашней балаганьих рож!

Не медведи, не львы, не лисы,
Не кикимора и сова —
Были лица почти как лица
И почти как слова слова.

За квадратным столом по кругу —
В ореоле моей вины —
Всё твердили они друг другу,
Что друг другу они верны!

Всё обличье чиновной дряни
Новомодного образца
Извергало потоки брани
Без начала и без конца!

И тогда, как свеча в потёмки,
Вдруг из давних приплыл годов
Звук пленительный и негромкий
Тростниковых твоих ладов.

И застыли кривые рожи,
Разевая немые рты,
Словно пугала из рогожи,
Петухи у слепой черты.

И, отвесив — я думал, дерзкий,
А на деле смешной — поклон,
Я под наигрыш этот детский
Улыбнулся и вышел вон...

В жизни прошлой и в жизни новой,
Навсегда, до конца пути,
Мальчик с дудочкой тростниковой,
Постарайся меня спасти!

январь 1972 года

ПЕСНЯ О ТЕЛЕФОНАХ

Посвящается Ирине Булычёвой

Вьюга листья на крыльцо намела,
Глупый ворон прилетел под окно
И выкаркивает мне номера
Телефонов, что умолкли давно.

И выкаркивает мне номера
Телефонов, что умолкли давно.

Словно встретились во мгле полюса,
Прозвенели над огнём топоры,
Оживают в тишине голоса
Телефонов довоенной поры.

И, внезапно обретая черты,
Шепелявит в телефон шепоток:
«5-13-43, это ты?
Ровно в восемь приходи на каток!»

Пляшут галочки следы на снегу,
Ветер ставнею стучит на бегу.
Ровно в восемь я прийти не могу!
Да и в девять я прийти не могу...

Ты напрасно в телефон не дыши,
На заброшенном катке ни души,
И давно уже свои бегаши
Я старьёвщику отдал за гроши.

И совсем я говорю не с тобой,
А с надменной телефонной судьбой.
Я приказываю: «Дайте отбой! —
Умоляю: — Поскорее, отбой!»

Но печально из ночной темноты
Как надежда и упрёк и итог:
«5-13-43, это ты?
Ровно в восемь приходи на каток!
Ровно в восемь приходи на каток!
Приходи на каток...»

15 января 1972 года

ЗАНЯЛИСЬ ПОЖАРЫ

Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели,
И осина уже не дрожит...

Анна Ахматова. Июль 1914

Отравленный ветер гудит и дурит
Которые сутки подряд,
И мы утешаем своих Маргарит:
Что рукописи не горят!

А мы утешаем своих Маргарит:
Что просто земля под ногами горит,
Горят и дымятся болота —
И это не наша забота!

Такое уж время — весна не красна.
И, право же, просто смешно,
Как опер в саду забивает козла
И смотрит на наше окно,
Где даже и утром темно.

А опер усердно играет в козла,
Он вовсе не держит за пазухой зла,
Ему нам вредить неохота,
А просто — такая работа.

А наше окно — на втором этаже,
А наша судьба — на виду...
И всё это было когда-то уже,
В каком-то кромешном году!

Вот так же, за чаем, сидела семья,
Вот так же дымилась и тлела земля,
И гость, опьянённый пожаром,
Пророчил, что это недаром!

Пророчу и я, что земля неспроста
Кряхтит, словно взорванный лёд,
И в небе — серебряной тенью креста —
Недвижно висит самолёт.

А наше окно — на втором этаже,
А наша судьба — на крутом рубеже,
И даже для этой эпохи
Дела наши здорово плохи!

А что до пожаров — гаси не гаси,
Кляни окаянное лето:
Уж если пошло полыхать на Руси,
То даром не кончится это!

Усни, Маргарита, за прялкой своей,
А я отдохнуть бы и рад,
Но стелется дым, и дурит суховей,
И рукописи горят.

И опер, смешав на столе домино,
Глядит на часы и на наше окно.
Он, брови нахмутив густые,
Партнёров зовёт в понятия.

И чёрные кости лежат на столе,
И кошка крадётся по чёрной земле
На вежливых сумрачных лапах.
И мне уже дверь не успеть запереть,
Чтоб книги попрятать и воду согреть
И смыть керосиновый запах!

1972

ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

Люди, я любил вас! Будьте бдительны!

Юлиус Фучик.

Репортаж с петлёй на шее

Я люблю вас — глаза ваши, губы и волосы,
Вас, усталых, что стали — до времени — старыми,
Вас, убогих, которых газетные полосы
Ежедневно бесстыдными славят фанфарами!

Сколько раз вас морочили, мяли, ворочали,
Сколько раз соблазняли соблазнами тщетными...
И, как черти, вы злы, и, как ветер, отходчивы,
И — скупцы — до чего ж вы бываете щедрыми!

Она стоит, печальница
Всех сущих на земле,
Стоит, висит, качается
В автобусной петле.

А может, это поручни...
Да, впрочем, всё равно!
И спать ложилась к полночи,
И поднялась темно.

Всю жизнь жила не охала,
Не кляла белый свет.
Два сына было, сокола, —
Обоих нет как нет:

Один убит под Вислою,
Другого хворь свела...
Она лишь зубы стиснула
И — снова за дела.

А мужа в Потьме льдиною
Распутица смела...
Она лишь брови сдвинула
И — снова за дела.

А дочь в больнице с язвою,
А сдуру запил зять...
И, думая про разное,
Билет забыла взять.

И тут один (с авоською
И в шляпе, паразит)
С ухмылкой со свойскою
Геройски ей грозит!

Он палец указательный
Ей чуть не в нос суёт:
Какой, мол, несознательный
Ещё, мол, есть народ!

Она хотела высказать:
Задумалась, прости!
А он как глянул искоса,
Авоську сжал в горсти

И на одном дыхании —
Сто тысяч слов подряд!
(«Чем в шляпе — тем нахальнее!» —
Недаром говорят.)

Он — с миною канальскою —
Гремит на весь вагон:
Что с кликой, мол, китайскою
Стакнулся Пентагон!

Мы — на гребне истории,
Нам дуют в лоб шторма,
А есть ещё — которые
Всё хотят задарма!

Мы — во главе истории,
Без нас бы мир ослаб,
А есть ещё — которые
Всё хотят цап-царап!

Ты, мать, пойми: не важно нам,
Что дурость твой обман,
Но — фигурально — каждому
Залезла ты в карман!

Пятак — монетка малая,
Ей вся цена — пятак,
Но с неба каша манная
Не падает за так!

Она любому лакома,
На кашу каждый лих!..
И тут она заплакала —
И весь вагон затих.

Стоит она, печальница
Всех сущих на земле,
Стоит, висит, качается
В автобусной петле.

Бегут слезинки скорые,
Стирает их кулак...
И вот вам вся история,
И ей цена — пятак!

Я люблю вас — глаза ваши, губы и волосы,
Вас, усталых, что стали — до времени — старыми,
Вас, убогих, которых газетные полосы
Ежедневно бесстыдными славят фанфарами.

И пускай это время в нас ввинчено штопором,
Пусть мы сами почти до предела доверчены,
Но оставьте, пожалуйста, бдительность операм!
Я люблю вас, люди! Так будьте ж доверчивы!

ПИСЬМО В XVII ВЕК ГОСПОЖЕ МОЕЙ ХЕЛЕНЕ

Уж так ли безумно намеренье
Увидеться в жизни земной?!
Читает красотка Вермейера
Письмо, что написано мной.

Она — словно сыграна скрипкою —
Прелестна, нежна и тонка,
Следит с удивлённой улыбкою,
Как в рифму впадает строка.

А впрочем, мучение адово
Читать эти строчки вразброд!
Как долго из века двадцатого
В семнадцатый почта идёт!..

Я к ней написал погалантнее,
Чем в наши пишу времена...
Смеркается рано в Голландии,
Но падает свет из окна...

«Госпожа моя! Триста лет,
Триста лет Вас всё нет как нет.
На чепце расплелась тесьма,
Почтальон не несёт письма.

Триста долгих-предолгих лет
Вы всё пишете мне ответ.
Госпожа моя,
                  госпожа моя,
                  госпожа моя, госпожа, —
Просто режете без ножа!»

До кого-то доходят вести,
До меня — только сизый дым.
Мы с дворовой собакой вместе
Над бегучей водой сидим.

Пёс не чистой породы — помесь,
Но — премудрый и славный пёс...
Как он тащится, этот поезд,
Триста лет на один откос!

И такой он ужасно гордый,
Что ему и гудеть-то лень...
Пёс мне ткнулся в колени мордой,
По воде пробежала тень.

Мы задремлем, но нас разбудит
За рекой громыхнувший джаз.
Скоро-скоро в Москву прибудет
Из Голландии дилижанс!

«Вы устали, моя судьба,
От столба пылить до столба?
А у нас теперь на Руси —
И троллейбусы, и такси.

Я с надеждой смотрю: а вдруг
Дилижанс Ваш придёт на круг!
Дилижанс стоит на кругу,
        дилижанс стоит на кругу,
                дилижанс стоит на кругу —
Я найти его не могу!»

Он скоро, скоро, скоро тронется!
Я над водой сижую опять:
Направо Лыковская Троица,
Налево — дача «номер пять».

На этой даче государственной
Живёт светило из светил,
Кому молебен благодарственный
Я б так охотно посвятил:

За крыльев белых полоскание,
За тот отеческий звонок,
За то, что муками раскаянья
Его потешить я не мог,

Что горд судьбою, им повеленной!..
И ты мне пальцем не грози! —

Я как стоял стою, простреленный
Стою — не ползаю в грязи.

А чёртов поезд всё не тронется!
Какой-то вздор, какой-то бред...
В вечерний дым уходит Троица,
На даче кушают обед.

Меню государственного обеда:

Бля-ман-же!
Суп гороховый с грудинкой и гренками.
Бля-ман-же!
Котлеты свиные отбивные с зелёным горошком.
Бля-ман-же!
Мусс клубничный со взбитыми сливками.
Бля-ман-же!

— Вы хотите
    бля-манже?
— Извините,
    я — уже!

«У них бляманже сторожат сторожа,
Ключами звеня.
Простите меня, о, моя госпожа!
Простите меня!

Я снова стучусь в Ваш семнадцатый век
Из этого дня.
Простите меня, мой чужой человек!
Простите меня!

Я славлю упавшее в землю зерно
И мудрость огня.
За всё, что мне скрыть от людей не дано,
Простите меня!

Сквозь время — за чёрный провал рубежа
Из скуки оков —
Я всё-таки вырвусь, моя госпожа!
Вы только дождитесь меня, госпожа,
Вы только простите меня, госпожа,
Во веки веков!»

Я к Вам написал погалантнее,
Чем в наши пишу времена...
Смеркается рано в Голландии,
Но падает свет из окна...

1973

* * *

Е.Невзглядовой

Понеслись кувыркком, кувыркком
Отпечатки последнего тома!
Сколько лет я с тобою знаком?
Сколько дней ты со мною знакома?

Сколько медленных дней и минут...
Упустили мы время, разини!
Променяют — потом помянут, —
Так не зря повелось на России!

Только чем ты помянешь меня?
Бросишь в ящика пыльную прорубь?
Вдруг опять — среди белого дня —
Семиструнный заплещется голубь,

Заворкуют неладно лады
Под нитьё обесславленной квинты...
Если мы и не ждали беды,
То теперь мы — воистину квиты!

Худо нам на восьмом этаже
Нашей блочно-панельной Голгофы!
Это есть. Это было уже.
Это спето — и сложено в строфы.

Это хворост для наших костров...
Снова лезут докучные гости.
И кривой кладовщик Иванов
Отпустил на распятие гвозди!

8 августа 1973 года

ТЕБЕ

Вьюга листья на крыльцо намела...

I

Словно слёзы, по стеклу этот дождь.
Словно птица, ветка бьётся в окно.
Я войду к тебе, непрощеный гость,
Как когда-то — это было давно.

II

Закружатся на часах стрелки вспять,
Остановится всё время на век.
«Ты не спишь ещё, — спрошу я опять, —
Мой единственный родной человек?»

III

Пусть не кажется тебе это сном,
И в стекло не ветка бьётся, а я.
Осторожно оглянись — за окном
Ты увидишь, как бредёт тень моя.

1977

«Я на этой земле останусь!»

ПЕСНЯ О НЕСЧАСТЛИВЫХ ВОЛШЕБНИКАХ

Жили-были несчастливые волшебники,
И учёными считались, и спесивыми,
Только самые волшебные учебники
Не могли их научить как быть счастливыми.
И какой бы ни пошли они дорогою,
Всё кончалось то бедою, то морокою!

Но когда маэстро Скрипочкин:
Ламца-дрица, об-ца-ца!
И давал маэстро Лампочкин
Синий свет из-за кулис,
Выходили на просцениум
Два усатых молодца,
И восторженная публика
Им кричала: «Браво! Бис!»,
В никуда взлетали голуби,
Превращались карты в кубики,
Гасли свечи стеариновые,
Зажигались фонари...
Эйн! цвей! дрей!
И отрезанные головы
У желающих из публики,
Улыбаясь и подмигивая,
Говорили: «Раз! два! три!»,
Что в дословном переводе
Означает: «Эйн! цвей! дрей!»

Ну а после, утомлённые до сизости,
Не в наклеенных усах и не в парадности,
Шли в кафе они — куда-нибудь поблизости,
Чтоб на время позабыть про неприятности,
И заказывали ужин два волшебника —
Два стакана молока и два лапшевника.

А маэстро Балалаечкин:
Ламца-дрица, об-ца-ца!
И певица Доремикина
Что-то пела про луну,
И сидели очень грустные
Два усталых мудреца
И тихонечко, задумчиво
Говорили: «Ну и ну!»
А вокруг шумели парочки,
Пили водку и шинпанское,
Пил маэстро Балалаечкин
Третью стопку на пари...
Эйн! цвей! дрей!
И швырял ударник палочки,
А волшебники, с опаскою
Наблюдая это зрелище,
Говорили: «Раз! два! три!»,
Что, как вам уже известно,
Означает: «Эйн! цвей! дрей!»

Так и шли они по миру безучастному
То проезжую дорогой, то обочиной...
Только тут меня позвали к Семичастному —
И осталась эта песня неоконченной:
Доказали мне, как дважды два в учебнике,
Что волшебники — счастливые волшебники!

И не зря играет музыка:
Ламца-дрица, об-ца-ца!
И не зря чины и звания
Вроде ставки на кону.
И не надо бы, не надо бы
Ради красного словца
Сочинять что не положено
И не нужно никому!
...Я хотел бы стать волшебником:
Чтоб ко мне слетались голуби,
Чтоб от слов моих таинственных
Зажигались фонари...
«Эйн! цвей! дрей!..»
Но — как пёс, гремя ошейником, —
Я иду, повесив голову,
Не туда, куда мне хочется,
А туда, где — «ать! два! три!»,
Что ни капли не похоже
На волшебное «Эйн! цвей! дрей!».

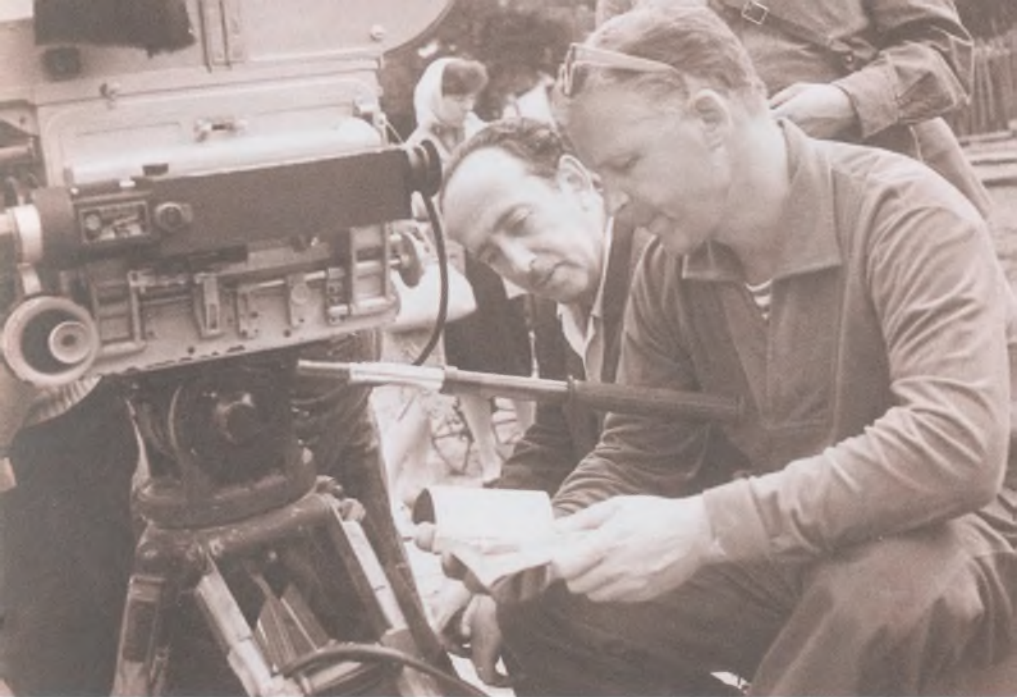
Москва. 1959 г.

В Малеевке. 1961 г.

Съемочная группа фильма "На семи ветрах". 1962 г.

С Юрием Любимовым. 1964 г.

В Доме творчества писателей. Малеевка

Москва, 60-е годы

Алма-Ата, 1961 г.

В Малеевке. 1964 г.

Ангелина Николаевна Шекрот (Прохорова), вторая жена А. Галича

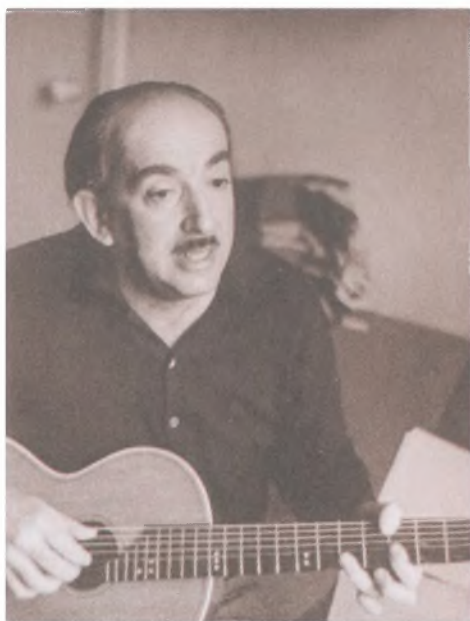
В доме отдыха в Болшеве

Золотая свадьба родителей А. Галича. Слева направо: А. Галич, М. Строева, А. Менакер, М. Миронова, И. Прут

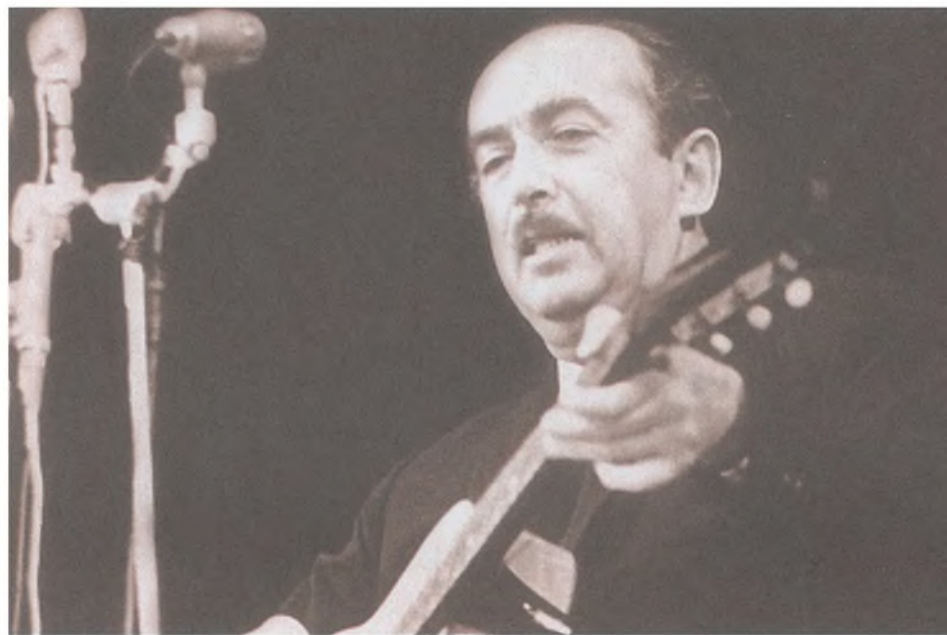
Автограф В. Шаламова
на подаренной Галичу книге:
"Александру Аркадьевичу
Галичу – создателю
энциклопедии нашей жизни"

Москва, М. Бронная. Конец 60-х годов

Фестиваль авторской песни. Новосибирск. 1968 г.

Заклучительный концерт Новосибирского фестиваля

Семинар по авторской песне. Новосибирск, 1968 г.

Новосибирск. Встречи с участниками фестиваля

Александр Галич. Начало 70-х годов

СЧАСТЬЕ БЫЛО ТАК ВОЗМОЖНО

Когда собьёт меня машина,
Сержант напишет протокол
И представительный мужчина,
И представительный мужчина
Тот протокол положит в стол.

Другой мужчина, ниже чином,
Взяв у начальства протокол,
Прочтёт его в молчанье чинном,
Прочтёт его в молчанье чинном
И пододвинет дырокол.

И, продырявив лист по краю,
Он скажет: «Счастья в мире нет!
Покойник пел, а я играю!
Покойник пел, а я играю —
Могли б составить с ним дуэт!»

осень 1967 года

БАЛЛАДА О СТАРИКАХ И СТАРУХАХ,
с которыми я вместе жил,
лечился и отдыхал
в кардиологическом санатории
областного Совета профсоюзов
в 110 километрах от Москвы

Все завидовали мне: «Эко денег!»
Был загадкой я для старцев и стариц.
Говорили про меня: «Академик! —
Говорили: — Генерал! Иностранец!»

О, бессонницы, снотворных отрав!
Может статься, это вы виноваты,
Что привиделась мне вздорная слава
В полумраке санаторной палаты?

А недуг со мной хитрил поминутно:
То терзал, то отпускал на поруки.
И всё было мне так странно и трудно,
А труднее всего были звуки.

Доминошники стучали в запале,
Привалившись к покаябанной пальме,
Старцы, в чёсанках с галошами, спали
Прямо в холле, как в общественной спальне.

Я неслышно проходил — «Англичанин!»
Я козла не забивал — «Академик!»
И звонки мои в Москву обличали:
«Эко денег у него!.. Эко денег!..»

И казалось мне, что вздор этот вечен,
Неподвижен, словно солнце в зените.
И когда я говорил: «Добрый вечер!»,
Отвечали старики: «Извините!»

И кивали, как глухие глухому,
Улыбались не губами, а краем:
Мы, мол, вовсе не хотим по-плохому,
Но как надо, извините, не знаем.

Я твердил им в их мохнатые уши
В перекурах за сортирную дверью:
«Я такой же, как и вы, только хуже!»
И поддакивали старцы, не веря.

И в кино я не ходил — «Ясно, немец!»
И на танцах не бывал — «Академик!»
И в палатке я купил чай и перец —
«Эко денег у него!.. Эко денег!..»

Ну и ладно, и не надо о славе —
Смерть подарит нам бубенчики славы!
А живём мы в этом мире послами
Не имеющей названья державы...

декабрь 1967 года

РАЗГОВОР С МУЗОЙ

Наплевать, если сгину в какой-то Инте,
Всё равно мне бессмертные счастьем потрафили
На такой широте и такой долготе,
Что её не найти ни в одной географии.

В этом доме, в этом доме,
В этом доме у маяка.

В этом доме не стучат ставни,
Не таращатся в углах вещи,
Там не бредят о пустой славе —
Там всё истинно и всё вечно!

В этом доме, в этом доме,
В этом доме у маяка...

Если имя моё в разговоре пустом
Будут втаптывать в грязь с безразличным усердием,
Возвратись в этот дом, возвратись в этот дом,
Где тебя и меня подарили бессмертием...

В этом доме, в этом доме,
В этом доме у маяка.

В этом доме не брэнчать моде,
В этом доме не греметь джазам,
Но приходит в этот дом море,
Не волной, а всё как есть — разом!

В этот дом, в этот дом,
В этот дом у маяка...

Если враль записной тебе скажет о том,
Что, мол, знаете, друг-то ваш был, мол, и вышедши,
Возвратись в этот дом, возвратись в этот дом,
Я там жду тебя, слышишь, я жду тебя, слышишь ты?!

В этом доме, в этом доме,
В этом доме у маяка.

В этом доме все часы — полдни,
И дурные не черны вести.
Где б мы ни были с тобой, помни:
В этом доме мы всегда вместе!

В этом доме, в этом доме,
В этом доме у маяка...

Если с радостью тихой партком и местком
Сообщат наконец о моём погребении,
Возвратись в этот дом, возвратись в этот дом,
Где спасенье моё и моё воскресение!

В этом доме,
В этом доме у маяка.

В этом доме никогда — небыль,
В этом доме никогда — горе,
В этом доме навсегда — море
И над морем навсегда — небо!

В этом доме,
В этом доме у маяка...

* * *

По ночному ледку озноба
Возвращаюсь на время — к детству!
Как тесна челноку основа,
Так мешает опара тесту...

17 января 1969 года

* * *

Наталье Рязанцевой

Благословенность одиночества!
И тайный хмель, и дождь, и сонность,
И нет ни имени, ни отчества —
Одна сплошная невесомость!

Благословенность неприютности
В — другими — заспанной постели, —
Как в музыке, где мерой трудности
Лишь только пальцы овладели.

А то, что истинно, — в брожении
И замирает у предела,
Где не имеет отношения
Душа — к преображенью тела!..

И в этот день всеобщей низости,
Вранья и жалких междометий
Прекрасно мне, что Вы поблизости —
За пять шагов, за пять столетий!

Болшево, 1969 год

* * *

Прилетает по ночам ворон,
Он бессонницы моей кормчий.
Если даже я ору ором,
Не становится мой ор громче.

Он едва на пять шагов слышен,
Но и это, говорят, слишком!
Но и это — словно дар свыше:
Быть на целых пять шагов слышным!

1969

РАЗГОВОР С ЧЁРТОМ

Я считал слонов и в нечет, и в чёт,
И всё-таки я не уснул,
И тут явился ко мне мой чёрт
И уселся верхом на стул.

И сказал мой чёрт: «Ну как, старина,
Ну как же мы порешим?
Подпишем союз — и айда в стремяна
И ещё чуток погрешим!

И ты можешь лгать, и можешь блудить,
И друзей предавать гуртом!
А то, что придётся потом платить,
Так ведь это ж, пойми, — потом!

Аллилуйя, аллилуйя!
Аллилуйя, потом!

Но зато ты узнаешь, как сладок грех
Этой горькой порой седин
И что счастье не в том, что один за всех,
А в том, что все — как один!

И ты поймёшь, что нет над тобой суда,
Нет проклятия прошлых лет,
Когда вместе со всеми ты скажешь «да!»
И вместе со всеми — «нет!».

И ты будешь волков на земле плодить
И учить их вилять хвостом!
А то, что придётся потом платить,
Так ведь это ж, пойми, — потом!

Аллилуйя, аллилуйя!
Аллилуйя, потом!

И что душа? — прошлогодний снег!
А глядишь, пронесёт и так.
В наш атомный век, в наш каменный век
На совесть цена — пятак!

И кому оно нужно, это добро,
Если всем дорога в золу?
Так давай же бери, старина, перо
И вот здесь распишись, в углу!»

Тут чёрт потрогал мизинцем бровь
И придвинул ко мне флакон.
И я спросил его: «Это кровь?»
«Чернила!» — ответил он.

Аллилуйя, аллилуйя!
«Чернила!» — ответил он...

1969

ДОРОЖНАЯ

Вдоль по дороге, вдоль по дороге
Вот я шагаю — раз-два!
Плевать, что дырки в камзоле
И вдрызг сапоги.
Зато уцелела голова — ать-два!

Ать-два, левой! Ать-два, правой!
Вдоль по дороге столбовой!
А то, что ветер в кармане,
Так это пустяк,
Ведь главное дело, что — живой!

Справа и слева — синее небо,
А под ногами — дальний путь.
Куда иду, я не знаю:
Дорога сама меня приведёт
Куда-нибудь, ать-два!

Ать-два, левой! Ать-два, правой!
Так бы я, братцы, шёл и шёл...
А то, что ветер в кармане,
Так это пустяк, ля, ля и ля...
..... и ля, ля, ля.

1970

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ,
ИЛИ БАЛЛАДА
О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ДУШ

Не хочу посмертных антраша,
Никаких красотей не выберу.
Пусть моя нетленная душа
Подлецу достанется и шиберу!

Пусть он, сволочь, врёт и предаёт,
Пусть он ходит, ворон, в перьях сокола.
Все на свете пули — в недолёт,
Все невзгоды не к нему, а около!

Хорошо ему у пирога:
Всё полно приязни и приятельства,
И — номенклатурные блага,
И — номенклатурные предательства!

С каждым днём любезнее житьё...
Но в минуту самую внезапную
Пусть ему отчаянье моё
Сдавит сучье горло чёрной лапою!

Пусть ему отчаянье моё
Сдавит сучье горло чёрной лапою!

1971

* * *

Кошачьими лапами вербы
Украшен фанерный лоток,
Шампанского марки «Ich Sterbe»¹
Ещё остаётся глоток.

А я и пригубить не смею
Смертельное это вино.
Подобно лукавому змею,
Меня искушает оно!

«Подумаешь, пахнет весною,
И вербой торгуют враздрыг,
Во первых строках, привозною,
И дело не в том, во-вторых.

Ни в медленном тлении вёсен,
Ни в тихом бряцанье строки,
Ни в медленном таянье вёсел
Над жёлтой купелью реки —

Ни лада, ни смысла, ни склада,
Как в гrome, гремящем вдали,
А только и есть, что — ограда
Да мёрзлые комья земли.

А только и есть, что — ограда
Да склепа сырое жильё...
Ты смертен — и это награда
Тебе за бессмертье Твоё...»

1971

---

¹ «Ich Sterbe» (нем.) — «Я умираю», — последние слова А.П.Чехова.

ЧЕРНОВИК ЭПИТАФИИ

Худо было мне, люди, худо...
Но едва лишь начну про это,
Люди спрашивают: откуда?
Где подслушано? кем напето?

Дуралеи спешат смеяться,
Чистоплюи воротят морду...
Как легко мне было сломаться,
И сорваться, и спиться, к чёрту!

Не моя это вроде боль,
Так чего ж я кидаюсь в бой?
А вела меня в бой судьба,
Как солдата ведёт труба!

Тра-та-та, тра-та-та,
Тра-та-та...

Сколько раз на меня стучали
И дивились, что я — на воле.
Ну а если б я гнил в Сучане,
Вам бы легче дышалось, что ли?!

И яснее б вам, что ли, было,
Где по совести, а где — кроме?
И зачем я, как сторож в било,
Сам в себя колочусь до крови?

И какая, к чертям, судьба?
И какая, к чертям, труба?
Мне б частушкой по струнам влёт,
Да гитара, как видно, врёт!

Трень да брень, трень да брень,
Трень да брень...

А хотелось-то мне в дорогу —
Налегке, при попутном ветре:
Я бы пил молоко, ей-богу,
Я б в лесу ночевал, поверьте!

И шагал бы как вольный цыган,
Никого бы нигде не трогал:
Я б во Пскове по-птичьи б цыкал
И округло б на Волге окал.

И частушкой по струнам влёт,
Да гитара, как видно, врёт,
Лишь, мучительна и странна,
Всё одна дребезжит струна!

Дин-на-ден, дин-на-ден,
Дин-на-ден...

Понимаю, что просьба тщетна, —
Поминают поименитей:
Ну не тризною, так хоть чем-то,
Хоть всухую — да помяните!

Хоть за то, что я верил в чудо,
И за песни, что пел без склада,
А про то, что мне было худо,
Никогда вспоминать не надо!

И, мучительна и странна,
Всё одна дребезжит струна,
И приладиться к ней, к ничьей,
Пусть попробует кто ловчей!

А я не мог!

ПОСЛЕ ВЕЧЕРИНКИ

(Опыт печальной футурологии)

Под утро, когда устанут влюблённость, и грусть, и зависть,
И гости опохмелятся и выпьют воды со льдом,
Скажет хозяйка: «Хотите послушать старую запись?» —
И мой глуховатый голос войдёт в незнакомый дом.

Скажет хозяйка: «Хотите послушать старую запись?» —
И мой глуховатый голос войдёт в незнакомый дом.

И кубики льда в стакане звякнут легко и ломко,
И странный узор на скатерти начнёт рисовать рука,
И будет брэнчать гитара, и будет крутиться плёнка —
И в дальний путь к Абакану отправятся облака...

И будет брэнчать гитара, и будет крутиться плёнка —
И в дальний путь к Абакану отправятся облака...

И гость какой-нибудь скажет: «От шуточек этих зябко!
И автор напрасно думает, что сам ему чёрт не брат!»
«Ну что вы, Иван Петрович! — ответит гостю хозяйка. —
Бояться автору нечего — он умер лет сто назад!»

«Ну что вы, Иван Петрович, — ответит гостю хозяйка. —
Бояться автору нечего — он умер лет сто назад!»

1971

Я ВЫБИРАЮ СВОБОДУ

Сердце моё заштопано,
В серой пыли виски,
Но я выбираю Свободу,
И — свистите во все свистки!

И лопаются терпенье,
И тысячи три рубак
Вострят, словно финки, перья,
Спускают с цепи собак.

Брест и Унгены заперты,
Дозоры и там, и тут,
И все меня ждут на Западе,
Но только напрасно ждут!

Я выбираю Свободу,
Но не из боя, а в бой.
Я выбираю свободу
Быть просто самим собой.

И это — моя Свобода!
Нужны ли слова ясней?!
И это моя забота,
Как мне поладить с ней!

Но слаще, чем ваши байки,
Мне гордость моей беды,
Свобода казённой пайки,
Свобода глотка воды.

Я выбираю Свободу
И пью с ней нынче на ты.
Я выбираю свободу
Норильска и Воркуты,

Где вновь огородной тяпкой
Над всходами пляшет кнут,
Где пулею или тряпкой
Однажды мне рот заткнут.

Но славно звенит дорога,
И каждый приют — как храм.
А пуля весит немного —
Не больше, чем восемь грамм.

Я выбираю Свободу,
Пускай груба и ряба.
А вы — валяйте! — по капле
Выдавливайте раба!

По капле и есть по капле —
Пользительно и хитро,
По капле — это на Капри,
А нам подставляй ведро,

А нам подавай корыто,
И встанем во всей красе:
Не тайно, не шито-крыто,
А — чтоб любовались все!

Я выбираю Свободу,
И знайте, не я один!
...И мне говорит Свобода:
«Что ж, — говорит, — одевайтесь
И — пройдёмте-ка, гражданин!»

1971

НОВОГОДНЯЯ ФАНТАСМАГОРИЯ

В новогодний бедлам, как в обрыв на крутом вираже,
Все ещё только входят, а свечи погасли уже,
И лежит в сельдерее убитый злодейским ножом
Поросёнок с бумажною розой, покойник-пижон.

А полковник-пижон, что того поросёнка принёс,
Открывает боржом и целует хозяйку взасос:
Он совсем разнуздан, подлец, он отбился от рук.
И следят за полковником три кандидата наук.

А хозяйка мила, а хозяйка чертовски мила!
И уже за столом, как положено, куча-мала:
Кто-то ест, кто-то пьёт, кто-то ждёт, что ему подмигнут.
И полковник надрался, как маршал, — за десять минут.

Над его головой произносят заздравную речь,
И суют мне гитару, чтоб общество песней развлечь...
Ну помилуйте, братцы, какие тут песни, пока
Не допили ещё, не доели цыплят табака!

Вон полковник желает исполнить романс «Журавли»,
Но его кандидаты куда-то поспать увели.
И опять: кто-то ест, кто-то пьёт, кто-то плачет навзрыд...
«Что за праздник без песни! —
мне мрачный сосед говорит. —

Я хотел бы, товарищ, от имени всех попросить:
Не могли б вы, товарищ, нам что-нибудь изобразить!»
И тогда я улягусь на стол на торжественный тот
И бумажную розу засуну в оскаленный рот,

И под чей-то напутственный возглас, в дыму и в жаре,
Поплыву, потеку, потону в поросычем желе...
Это будет смешно, это вызовет хохот до слёз,
И хозяйка лизнёт меня в лоб, как признательный пёс.

А полковник, проспавшись, возьмётся опять за своё
И, отрезав мне ногу, протянет хозяйке её...
...А за окнами снег, а за окнами белый мороз —
Там бредёт чья-то белая тень мимо белых берёз.

Мимо белых берёз, и по белой дороге, и прочь —
Прямо в снежную ночь, в петроградскую давнюю ночь,
В ночь, когда по скрипучим сугробам в трескучий мороз
Не пришёл, а ушёл — мы потом это поняли —
Белый Христос.

И позёмка, следы заметая, мела и мела...
А хозяйка мила, а хозяйка чертовски мила!
Зазвонил телефон, и хозяйка махнула рукой:
«Подождите, не ешьте — оставьте кусочек-другой!»

И уже в телефон, отгоняя ладошкой дым:
«Приезжайте скорей, а не то мы его доедим!»
И опять все смеются, смеются, смеются до слёз...
...А за окнами снег, а за окнами белый мороз,
Там бредёт моя белая тень мимо белых берёз...

1971—1972

ПЕСЕНКА-МОЛИТВА, КОТОРУЮ НАДО ПРОЧЕСТЬ ПЕРЕД САМЫМ ОТЛЁТОМ

Галиньке

Когда под крылом добежит земля
К взлётному рубежу,
Зажмурь глаза и представь, что я
Рядом с тобой сижу.

Пилот на табло зажжёт огоньки,
Искусственную зарю,
А я касаюсь твоей руки
И шёпотом говорю:

— Помолимся вместе, чтоб этот путь
Стал Божьей моей судьбой!
Помолимся вместе, чтоб где-нибудь
Нам встретиться вновь с тобой!

Я твёрдо верю, что будет так, —
Всей силой моей любви!
Твой каждый вздох и твой каждый шаг,
Господи, благослови!

Ты слухам о смерти моей не верь —
Её не допустит Бог.
Ещё ты, я знаю, откроешь дверь
Однажды — на мой звонок!

Ещё очистительная гроза
Подарит нам правды свет!
Да будет так! И открой глаза:
Моя на ладони твоей слеза!
Моя на ладони твоей слеза,
Но нет меня рядом, нет!

9 января 1972 года

* * *

Когда-нибудь некий историк
Возьмёт и напишет про нас,
И будет насмешливо горек
Его неспешный рассказ.

Напишет он с чувством и толком,
Ошибки учтёт наперёд,
И всё он расставит по полкам,
И всех по костям разберёт.

И вылезет сразу в серёдку
Та главная, наглая кость,
Как будто окурок в селёдку
Засунет опившийся гость.

Казалось, чего бы уж проще:
Отбросить её — и забыть!
Но в горле застрявшие мощи
Забвенья вином не запить.

А дальше — уж кости поплоче
Пойдут по сравнению с той.
Поплоше, но странно похожи
Бесстыдной своей наготой.

Обмылки, огрызки, обноски,
Ошмётки чужого огня,
А в сноске (вот именно, в сноске!)
Помянет историк меня.

Так, значит, за эту вот строчку,
За жалкую каплю чернил
Воздвиг я свою одиночку
И крест свой на плечи взвалил?!

Так, значит, за строчку вот эту,
Что бросит мне время на чай,
Весёлому, щедрому свету
Сказал я однажды: «Прощай!»?!

И милых до срока состарил,
Беспечно шагнув за предел,
И любящих плакать заставил,
И слушать их плач не хотел?

Но будут мои подголоски
Звенеть и до Судного дня!..
И даже не важно, что в сноске
Историк не вспомнит меня.

15 января 1972 года

* * *

Опять меня тревожат страхи,
И ломит голову — хоть плачь!
Опять мне снится, что на плахе
Меня с петлёю ждёт палач.

Палач — в нейлоновой рубаше,
С багровой заячьей губой...
Опять меня терзают страхи —
И я опять бросаюсь в бой.

1970

ПЕСНЯ ПРО ВЕЛОСИПЕД

О, как мне хотелось, мальчишке,
Проехаться на велосипеде!
Не детском, не трёхколёсном —
Взрослом велосипеде!

И мчатся навстречу соснам —
Туда, где сосны и ели,
И чтоб из окна глядели,
Завидуя мне, соседи:
«Смотрите, смотрите, смотрите,
Смотрите, мальчишка едет
На взрослом велосипеде!..»

...Ехал мальчишка по улице
На взрослом велосипеде.
«Наркомовский Петька, умница!» —
Шептались в окне соседи.

Я крикнул: «Дай прокатиться!»,
А он ничего не ответил.
Он ехал медленно-медленно,
А я бы — летел, как ветер,

А я бы — звончком цокал,
А я бы — крутил педали,
Промчался бы мимо окон,
И — только б меня видали!..

...Теперь у меня в передней
Пылится велосипед,
Пылится уже, наверное,
С добрый десяток лет.

Но только того мальчишки
Больше на свете нет,
А взрослому мне не нужен
Взрослый велосипед!

О, как мне хочется, взрослому,
Потрогать пальцами книжку
И прочесть на обложке фамилию,
Не чью-нибудь, а — мою!..
Нельзя воскресить мальчишку,
Считайте — погиб в бою...

Но если нельзя мальчишку
И в прошлое ни на шаг,
То книжку-то можно? Книжку?!
Её почему — никак?!

Величественный, как росчерк,
Он книжки держал под мышкой.
«Привет тебе, друг-доносчик,
Привет тебе! С новой книжкой!»

Партийная Илиада!
Подарочный холуяж!
Не надо мне так, не надо —
Пусть тысяча весь тираж!

Дорого с суперобложкой?
К чёрту суперобложка!
Ну нету суперобложки,
И переплёта нет.
...Немножко пройдёт, немножко —
Каких-нибудь тридцать лет.

Не в будущем — в этом веке:
Вот она, эта книжка!
Снимает её мальчишка
С полки в библиотеке.

А вы говорили — бредни!..
А вот — через тридцать лет.
...Пылится в моей передней
Взрослый велосипед.

ПЕСЕНКА О РЯДОВОМ

Я в путь собирался всегда налегке,
Без долгих прощальных торжеств,
И маршальский жезл не таскал в рюкзаке —
На кой он мне, маршальский жезл?!

Я был рядовым и умру рядовым,
Всей щедрой земли рядовой,
Что светом дарила меня даровым,
Поила водой даровой.

Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля...
Поила водой даровой.

До старости лет молоко на губах,
До тьмы гробовой — рядовой.
А маршалы пусть обсуждают в штабах
Военный бюджет годовой.

Пускай заседают за круглым столом
Вселенской охоты псари,
А мудрость их вся заключается в том,
Что два — это меньше, чем три.

Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля... Тьфу!
Даже не хочется повторять последнюю строчку!

Терпеть не могу стариков ворчунов,
Но рад проворчать невпопад,
Что я не изведал бесчестья чинов
И низости барских наград.

Я дымом весенних ночлегов пропах,
Увенчан осенней листвою.
До старости лет молоко на губах,
До тьмы гробовой — рядовой.

До старости лет... Тра-ля-ля-ля-ля-ля...
До тьмы гробовой — рядовой.

Пусть маршалы учат науку свою:
«Die erste Kolonne marschier!»¹
А нас, рядовых, убивают в бою,
И тут уж как Бог порешит!

И всё же мой путь — с рюкзаком, налегке —
Прекрасней парадных торжеств!
И маршальский жезл у меня в рюкзаке —
Свирель, а не маршальский жезл.

Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля...
Свирель, а не маршальский жезл.

9 марта 1972 года

---

¹ «Die erste Kolonne marschier!» (нем.) — «Первая колонна — на марш!»

* * *

Кто безгласных разводит рыбок,
Кто, скупец, бережёт копейку,
А я поеду на птичий рынок
И куплю себе кенарейку.

А я поеду на птичий рынок
И куплю себе кенарейку.

Все полста отвалю — не гривну,
Привезу её, суку, на дом,
Обучу кенарейку гимну,
Благо слов никаких не надо!

Обучу кенарейку гимну,
Благо слов никаких не надо!

«Соловей-соловей, пташечка,
Канареечка жалобно поёт!..»

Канареечка, канарейка,
Птица малая — вроде мухи.
А кому судьба карамелька,
А кому она — одни муки.

Не в Сарапуле и не в Жиздре —
Жил в Москве я, в столице мира.
А что видел я в этой жизни,
Окромя верёвки да мыла?

А что видел я в этой жизни,
Окромя верёвки да мыла?

«Соловей-соловей, пташечка,
Канареечка жалобно поёт!..»

Ну сносил я полсотни тапок,
Был загубленным, был спасённым...
А мне, глупому, лучше б в табор —
Лошадей воровать по сёлам.

Прохиндей, шарлатан, провидец,
Я б в весёлый час под забором
Им (на голову всех правительств!)
Положил бы тогда с прибором.

Я б на голову всех правительств
Положил бы тогда с прибором.

«Соловей-соловей, пташечка,
Канареечка жалобно поёт!..

Канареечка, канарейка...»

1972

СВЯЩЕННАЯ ВЕСНА

Собирались вечерами зимними,
Говорили то же, что вчера,
И порой почти невыносимыми
Мне казались эти вечера.

Обсуждали все оттенки искусства,
Обращали в сложность простоту,
И моя Беда смотрела искоса:
На меня и мимо — в пустоту.

Этим странным взглядом озадаченный,
Нежным взглядом, как живой водой,
Столько раз обманутый удачами,
Обручился я с моей Бедой!

А зима всё длилась, всё не таяла,
И, пытаясь победить тоску,
Я домой в Москву спешил из Таллина,
Из Москвы — куда-то под Москву.

Было небо вымазано суриком,
Белую позёмку гнал апрель...
Только вдруг, прислушиваясь к сумеркам,
Услыхал я первую капель.

И весна, священного священнее,
Вырвалась внезапно из оков!
И простую тайну причащения
Угадал я в таяньи снегов.

А когда в тумане, будто в мантии,
Поднялась над берегом вода,
Образок Казанской Божьей Матери
Подарила мне моя Беда!

...Было тихо в доме. Пахло солодом.
Чуть скрипела за окном сосна.
И почти осенним звонким золотом
Та была пронизана весна!

Та весна Прощенья и Прощания,
Та, моя осенняя весна,
Что дразнила мукой обещания
И томила, и лишала сна.

Словно перед дальнею дорогою,
Словно — в темень — угадав зарю,
Дар священный твой ладонью трогаю
И почти неслышно говорю:

«На пороге нового рассеянья
Ныне и вовеки — навсегда —
Принимаю с гордостью спасение
Я из рук Твоих, моя Беда!»

1972—1973

ПЕЙЗАЖ

(Философский этюд)

Всё было пасмурно и серо,
И лес стоял как неживой,
И только гиря говномера
Слегка качала головой.

Не всё напрасно в этом мире
(Хотя и грош ему цена!),
Не всё напрасно в этом мире:
Покуда существуют гири
И виден уровень говна!

<1973>

О ВРЕДЕ ЧТЕНИЯ

(Философский этюд)

Я шёл и сбился с верного следа...

Данте

Я долго шёл по дьявольской жаре,
«Я шёл и сбился с верного следа...»,
И вышел к дому с надписью «Жа-Мэ»,
Что по-французски значит «никогда».

Веди меня, Вергилий, в этот ад:
Он неказист, он сумрачен и нем...
Но вдруг, увидев чей-то голый зад,
Я понял, что такое «Же» и «ЭМ».

<1973>

ПРОЩАНИЕ

За высокими соснами — синий забор
И калитка в заборе.
Вот и время прощаться, Серебряный бор,
Нам —
        в Серебряном боре!

Выходила калитка в бескрайний простор,
Словно в звёздное море.
Я грущу по тебе, мой Серебряный бор,
Здесь —
        в Серебряном боре.

Мы с тобою вели нескончаемый спор,
Только дело не в споре.
Я прощаюсь с тобой, мой Серебряный бор,
Здесь —
        в Серебряном боре.

Понимаешь ли — боль подошла под упор,
Словно пуля в затворе.
Я с тобой расстаюсь, мой Серебряный бор,
Здесь —
        в Серебряном боре.

Ну не станет меня — для тебя это вздор,
Невеликое горе!
Что ж, спасибо тебе, мой Серебряный бор,
Я прощаюсь с тобой, мой Серебряный бор,
И грущу по тебе, мой Серебряный бор,
Здесь —
        в Серебряном боре!

1973

ПРОРОК

(Притча)

По замоскворецкой Галилее
Шёл он, как по выжженной земле, —
Мимо белых окон бакалеи,
Мимо чёрных окон ателье,

Мимо, мимо булочных, молочных,
Потерявших веру в чудеса.
И гудели в трубах водосточных
Всех ночных печалей голоса,

Всех тревог, сомнений, всех печалей,
Старческие вздохи, детский плач...
И осенний ветер за плечами
Поднимал, как крылья, тёмный плащ.

Мелкий дождик падал с небосвода,
Светом фар внезапно озарён...
Но уже он видел, как с восхода
Через Юго-Западный район —

Мимо показательной аптеки,
Мимо гастронома на углу —
Потекут к нему людские реки,
Понесут признание и хвалу!

И не ветошь века, не обноски —
Он им даст Начало всех Начал!..
...И стоял слепой на перекрёстке,
И призывно палочкой стучал.

И, не зная, что Пророку мнилось,
Что кипело у него в груди,
Он сказал негромко: «Сделай милость,
Услужи, браток, переведи!..»

Пролетали фары — снова, снова...
А в груди Пророка всё сильнее
Билось то нескáзанное слово
В нескáзанной мудрости своей!

Много ль их на свете, этих истин,
Что способны потрясти сердца?!
И прошёл Пророк по мёртвым листьям,
Не услышав голоса слепца.

Было всё — отныне и вовеки:
Свет зари рассеял ночи мглу,
Потекли к нему людские реки,
Понесли признание и хвалу,

Над вселенской суетнёй машиной
Засияли Истины лучи!..
...А слепого, сбитого машиной,
Не сумели выходить врачи...

7 февраля 1973 года

* * *

Шёл дождь, скрипело мироздание,
В дожде светало на Руси,
Но ровно в семь — без опоздания —
За ним приехало такси.

И он в сердцах подумал: «Вымокну!» —
И усмехнулся, и достал
Блокнот, чтоб снова сделать вымарку,
И тот блокнот перелистал.

О номера поминовения
Друзей и близких: А да Я!
О номеров исчезновение,
Его печаль — от А до Я:

От А трусливого молчания
До Я лукавой похвалы,
И от надежды до отчаянья,
И от Очана до Ейлы.

Здесь всё, что им навек просрочено,
Здесь номера — как имена,
И Знак Почёта, как пощёчина,
И шестидневная война.

И облизнул он губы синие,
И сел он наконец в такси...
Давно вперёд по красной линии
Промчались пасынки тоски.

Им не нужна его отметина —
Он им и так давно знаком.
В аэропорте «Шереметьево»
Он — как в Бутырках под замком.

От контражура законного
Ещё темней, чем от стыда.
Его случайная знакомая
Прошла наверх и — в никуда.

Ведь погорельцем на пожарище —
Для всех чужой и всем ничей —
Стоял последний провожающий
В кругу бессменных стукачей.

1973

* * *

Подари на прощанье мне билет —
На поезд куда-нибудь...

Подари на прощанье мне билет —
На поезд куда-нибудь...

А мне всё равно, куда он пойдёт, —
Лишь бы отправиться в путь...

А мне всё равно, куда он пойдёт, —
Лишь бы отправиться в путь...

Ты скажи — на прощанье, как всегда, —
Мне несколько милых фраз...

Ты скажи — на прощанье, как всегда, —
Мне несколько милых фраз...

А мне всё равно — о чём и зачем,
Лишь бы в последний раз!

А мне всё равно — о чём и зачем,
Лишь бы в последний раз!

Мне б не помнить ни губ твоих, ни рук,
Не знать твоего лица...

Мне б не помнить ни губ твоих, ни рук,
Не знать твоего лица...

А мне всё равно, что Север, что Юг,
Ведь этому нет конца!..

А мне всё равно, что Север, что Юг,
Ведь этому нет конца!..

1970-е годы

ЗАКЛИНАНИЕ ДОБРА И ЗЛА

Здесь в окне по утрам просыпается свет,
Здесь мне всё, как слепому, на ощупь знакомо...
Уезжаю из дома, уезжаю из дома,
Уезжаю из дома, которого нет!

Это дом и не дом, это дым без огня,
Это пыльный мираж или фата-моргана.
Здесь Добро в сапогах рукояткой нагана
В дверь стучало мою, надзирая меня.

А со мной кочевало беспечное Зло,
Отражало вторженья любые попытки,
И кофейник с кастрюлькой на газовой плитке
Не дурили и знали своё ремесло.

Всё смешалось: добро, равнодушие, зло...
Пел сверчок деревенский в московской квартире.
Целый год благодати в безрадостном мире!
Кто из смертных не скажет, что мне повезло?

И пою что хочу, и кричу что хочу,
И хожу в благодати, как нищий в обновке.
Пусть движенья мои в этом платье неловки —
Я себе его сам выбирал по плечу!

Но Добро, как известно, на то и Добро,
Чтоб уметь притвориться и добрым, и смелым,
И назначить при случае чёрное белым,
И весёлую ртуть превращать в серебро.

Всё причастно Добру, всё подвластно Добру!
Только с этим добрынею взятки не гладки.
И готов я бежать от него без оглядки
И забиться, зарыться в любую нору!..

Первым сдался кофейник — его разнесло,
Заливая конфорки и воздух поганя.
И Добро прокричало, стуча сапогами,
Что во всём виновато беспечное Зло!

Представитель Добра к нам пришёл поутру
В милицейской, почудилось мне, плащ-палатке.
От такого попробуй сбеги без оглядки!
От такого поди-ка забейся в нору!

И сказал представитель, почтительно строг,
Что дела выездные решают в ОВИРе,
Но что Зло не прописано в нашей квартире
И что сутки на сборы — достаточный срок!

Что ж, прощай, моё Зло! Моё доброе Зло!
Ярым воском закапаны строчки в Псалтыри.
Целый год благодати в безрадостном мире!
Кто из смертных не скажет, что мне повезло?

Что ж, прощай и прости! Набухает зерно,
Корабельщики ладят смолёные доски,
И страницы Псалтыри — в слезах, а не в воске,
И прощальное в кружках гуляет вино!

Я растил эту пашню две тысячи лет.
Не пора ль поспешить к своему урожаю?!
Не грусти!.. Я всего лишь навек уезжаю
От Добра и из дома — которого нет!

14 июня 1974 года

* * *

В этом мире Великого Множества
Рождество зажигает звезду.
Только мне почему-то неможется:
Всё мне колется что-то и ёжится,
И никак я себя не найду.

И, немея от вздорного бешенства,
Я гляжу на чужое житьё,
И полосками паспорта беженца
Перекрещено сердце моё.

Норвегия, 1974

* * *

Подевались куда-то сны,
Лишь всплывает в ночную лень
Тень от той золотой сосны,
Что припас я про чёрный день!

1974

* * *

Как могу я не верить в дурные пророчества:
Не ушёл от кнута, хоть и сбросил поводья.
И средь белого дня немота одиночества
Обступила меня, как вода в половодье.

И средь белого дня вдруг затеялись сумерки,
Пыльный ветер ворвался в разбитые окна,
И закатное небо — то в охре, то в сурике,
Ни луны и ни звёзд — только сурик и охра.

Ах, забыть бы и вправду дурные пророчества,
Истребить бы в себе восхищенье холопые
Перед хитрой наукой чиновного зодчества:
Написал, подписал — и готово надгробье!

1974

* * *

Там, в заоблачной стране,
Мир и тишина,
Там — часами на стене —
На небе луна.
Проплывёт прозрачный звон,
Прогудят басы:
Знай, что это первый сон
Пробили часы.

Побледнеет небосклон,
Побледнеет небосклон,
Побледнеет небосклон,
Разойдётся мгла...
Первый сон, последний сон...
Вот и ночь прошла!

Жизнь без горя, без удач,
Счастье — на гроши,
Если вдруг раздастся плач —
Плачут малыши...
Мир чудес и мир тревог
Где-то там, внизу.
Ну а нам поможет Бог
Переждать грозу.

Вот звенит прощальный звон,
Вот звенит прощальный звон,
Вот звенит прощальный звон,
Бьют колокола...
Первый сон, последний сон...
Так и жизнь прошла!..

1977

На реках вавилонских

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Ой не шейте вы, евреи, ливреи —
Не ходить вам в камергерах, евреи!
Не горюйте вы зазря, не стенайте —
Не сидеть вам ни в Синоде, ни в Сенате.

А сидеть вам в Соловках да в Бутырках,
И ходить вам без шнурков на ботинках,
И не делать по субботам лехаим,
А таскаться на допрос с вертухаем.

Если ж будешь торговать ты елеем,
Можешь стать вполне полезным евреем,
Называться разрешат Росинантом
И украсят лапсердак аксельбантом.

Но и ставши в ремесле в этом первым,
Всё равно тебе не быть камергером
И не выйти на елее в Орфеи...
Так не шейте ж вы ливреи, евреи!

1964

Мы пол отциклюем, мы шторы повесим,
Чтоб нашему раю ни краю, ни сноса.
А где-то по рельсам,
по рельсам,
по рельсам —

Колёса,
колёса,
колёса,
колёса...

От скорости века в сонности
Живём мы, в живых не значась...
Непротивление совести —
Удобнейшее из чудачеств!

И только порой под сердцем
Кольнёт тоскливо и гневно:
Уходит наш поезд в Освенцим,
Наш поезд уходит в Освенцим —
Сегодня и ежедневно!

А как наши судьбы — как будто похожи:
И на гору вместе, и вместе с откоса!
Но вечно по рельсам,
по сердцу,
по коже —

Колёса,
колёса,
колёса,
колёса...

ЗАСЫПАЯ И ПРОСЫПАЯСЬ

Слова «нит гедайге» по-еврейски означают «не печалься, не отчаивайся, не огорчайся».

Всё снежком январским припорошено,
Стали ночи долгие лютей...
Только потому, что так положено,
Я прошу прощенья у людей.

Воробьи попрятались в скворешники,
Улетели за море скворцы...
Грешного меня простите, грешники!
Подлого — простите, подлецы!

Вот горит звезда моя субботняя,
Равнодушна к лести и хуле...
Я надена чистое исподнее,
Семь свечей расставлю на столе.

Расшумятся к ночи дурни-лабухи —
Ветра и позёмки чертовня...
Я усну, и мне приснятся запахи
Мокрой шерсти, снега и огня.

А потом из прошлого бездонного
Выплывет озябший голосок —
Это мне Арина Родионовна
Скажет: «Нит гедайге, спи, сынок!

Сгнило в вошебойке платье узника,
Всем печалям подведён итог.
...А над Бабьим Яром — смех и музыка.
Так что всё в порядке. Спи, сынок!

Спи! Но в кулаке зажми оружие —
Бедную Давидову пращу!»
...Люди мне простят — от равнодушия.
Я им, равнодушным, не прощу!

1966

РЕКВИЕМ ПО НЕУБИТЫМ,
ИЛИ ПЕСНЯ,
НАПИСАННАЯ ПО ОШИБКЕ

Шесть с половиной миллионов,
Шесть с половиной миллионов,
Шесть с половиной миллионов,
Шесть с половиной миллионов!
А надо бы ровно десять!
Любителей круглого счёта
Должна порадовать весть:
Что жалкий этот остаток
Сжечь-расстрелять-повесить
Вовсе не так уж трудно,
И опыт к тому же есть!

Такая над миром темень,
Такая над миром темень,
Такая над миром темень,
Такая над миром темень —
Глаз ненароком выколешь!
Каждый случайный выстрел
Несметной грозит бедой.
Так что же тебе неймётся,
Красавчик, фашистский выкормыш,
Увенчанный нашим орденом
И Золотой Звездой?!

Должно быть, тобой заслужено,
Должно быть, тобой заслужено,
Должно быть, тобой заслужено,
Должно быть, тобой заслужено
По совести и по чести!
На праведную награду
К чему набрасывать тень?!
Должно быть, с Павликом Коганом
Бежал ты в атаку вместе
И рядом с тобой под Выборгом
Убит был Арон Копштейн!

Тоненькой стружкой дыма,
Тоненькой стружкой дыма,
Тоненькой стружкой дыма,
Тоненькой стружкой дыма
В небо уходит Ева,
Падает на Аппельплаце
Забитый насмерть Адам!
И ты по ночам, должно быть,
Кричишь от тоски и гнева.
Носи же свою награду —
За всех, что остались там!

Голос добра и чести,
Голос добра и чести,
Голос добра и чести,
Голос добра и чести
В разумный наш век бесплоден!
Но мы вознесём молитву
До самых седьмых небес!
Валяйте — детей и женщин,
Не трогайте гроб Господень!
Кровь не дороже нефти,
А нефть нужна позарез!

Во имя Отца и Сына,
Во имя Отца и Сына,
Во имя Отца и Сына,
Во имя Отца и Сына!..
Мы к ночи помянем чёрта.
Идут по Синаю танки,
И в чёрной крови пески!
Три с половиной миллиона
Осталось до круглого счёта!
Это не так уж много —
Сущие пустяки!

1967

БАЛЛАДА О ВЕЧНОМ ОГНЕ

Посвящается Льву Копелеву

«Тум-бала-бала, тум-бала-бала, тум-балалайка,
Тум-бала-бала, тум-бала-бала, тум-балалайка,
Тум-балалайка, тум-балалайка,
Тум-балалайка, тум-бала-ла...»

Неизвестный, увенчанный славою бранной,
Удалец-молодец или горе-провидец?!
И склоняют колени под гром барабанный
Перед этой загадкою главы правительств!

Над немymi могилами — воплем! — надгробья...
Но порою надгробья не суть, а подобье,
Но порой вы не боль, а тщеславье храните,
Золочёные буквы на чёрном граните...

Всё ли про то спето?
Всё ли навек с болью?
Слышишь, труба в гетто
Мёртвых зовёт к бою?!

Пой же, труба, пой же,
Пой о моей Польше,
Пой о моей маме —
Там, в выгребной яме!..

«Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-балалайка, шпилт-балалайка...»
Рвётся и плачет сердце моё!

...А купцы приезжают в Познань,
Покупают меха и мыло...
Подождите, пока не поздно,
Не забудьте, как это было:

Как нас чёрным огнём косило
В той последней, слепой атаке...
«Маки, маки на Монте-Кассино...» —
Как мы падали в эти маки!

Ну а в Познани всё красиво,
И шуршат то рубли, то марки...
«Маки, маки на Монте-Кассино...»
Ах как вы почернели, маки!

Но зовёт труба в рукопашный
И приказывает — воюйте!
Пой же, пой нам о самой страшной,
Самой твёрдой в мире валюте!..

«Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-балалайка, шпилт-балалайка...»
Рвётся и плачет сердце моё!

Помнишь, как шёл ошалелый паяц
Перед шеренгой на Аппельплац?
«Тум-балалайка, шпилт-балалайка»,
В газовой камере — мёртвые в пляс...

А вот ещё. В мазурочке —
То шагом, то ползком —
Отправились два урочки
В поход за языком!

В мазурочке, в мазурочке,
Нафабрены усы,
Затикали в подсумочке
Трофейные часы!

Мы пьём-гуляем в Познани
Три ночи и три дня...
Ушёл он, неопознанный,
Засёк патруль меня!

Ой, зори бирюзовые,
Закаты — анилин!
Пошли мои кирзовые
На город на Берлин!

Грома гремят басовые
На линии огня!
Идут мои кирзовые,
Да только без меня!..

Там, у речной излучины,
Зелёная кровать,
Где спит солдат обученный,
Обстрелянный, обученный
Стрелять и убивать!

Среди пути прохожего
Последний мой постой,
Лишь нету, как положено,
Дощечки со звездой.

Ты не печалься, мама рóдная!
Ты спи спокойно, почивай!
Прости-прощай, разведка ротная!
Товарищ Сталин, прощевай!

Ты не кручинься, мама родная!
Как говорят, судьба слепа.
И может статься, что народная
Не зарастёт ко мне тропа...

А ещё. Где бродили по зоне каэры,
Где под снегом искали гнилые корни,
Перед этой землёй никакие премьеры,
Подтянувши штаны, не преклонят колени!

Над сибирской Окою, над Камой, над Обью
Ни знамён, ни венков не положат к надгробью!
Лишь, как Вечный огонь, как нетленная Слава, —
Штабеля, штабеля, штабеля лесосплава...

Позже, друзья, позже
Счёты сведём с болью...
Пой же, труба, пой же,
Пой и зови к бою!

Медною всей плотью
Пой про мою Потьму!
Пой о моём брате —
Там, в ледяной пади!..

Пой, труба, не чуди коленцами!
Пой, труба, чтобы сила крепла!
И чтоб встали мы, как в Освенциме,
Взявшись за руки среди пепла...

«Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-балалайка, шпилт-балалайка...»
Рвётся и плачет сердце моё!

Ах как зовёт эта горькая медь
Встать — чтобы драться, встать — чтобы сметь:
«Тум-балалайка, шпилт-балалайка...» —
Песню, с которой шли вы на смерть!

1968

ПЕСНЯ О ТВЁРДОЙ ВАЛЮТЕ

«Тум-бала-бала, тум-бала-бала, тум-балалайка,
Тум-бала-бала, тум-бала-бала, тум-балалайка...»

...Понаставили павшим памятники —
На любые вкусы и колеры,
А нейлоновые подштанники
Продаются только за доллары.

А над Монте-Кассино —
И в полях за Ишимом —
Покупайте унты
Выкладывайте фунты

и майки,
и марки!

Нас никто не гнал в рукопашный,
К нам никто не взывал: «Воюйте!»
Слушай песню о самой страшной,
Самой твёрдой в мире валюте!

«Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-балалайка, шпилт-балалайка...»
Рвётся и плачет сердце моё!

Как мы часто плутуем с Богом,
Чтобы грош из копилки вытрясти,
Только нам же выходят боком
Все нехитрые эти хитрости.

Вот и врем под луной в романы,
Будто лунные поселяне,
И набиты у нас карманы
Неоплаченными векселями.

А шёл ошалелый чёрный паяц
Перед шеренгой на Аппельплац.
«Тум-балалайка, шпилт-балалайка»,
Миг — и овчарки ринутся в пляс!

Не в прогнозы верим — в пророчества,
Разбавляем вино крюшоном
И — как будто реестр полководческий —
Счёт победам ведём грошовым.

И, на грудь нацепив медалики,
Вносим в общую славу лепту...
Ну а можно и так, как в Майданеке:
Взявшись за руки — и по пеплу.

«Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-балалайка, шпилт-балалайка...»
Рвётся и плачет сердце моё!

Мы на нашей планете грешной
Сами скажем себе: «Воюйте!»
Помни песню о самой нежной,
Самой вечной в мире валюте!

«Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-балалайка, шпилт-балалайка...»
Рвётся и плачет сердце моё!

<1969>

ЖУТКАЯ ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ Я УСЛЫШАЛ В ПРИВОКЗАЛЬНОМ ШАЛМАНЕ

Нам сосиски и горчица,
Остальное при себе.
В жизни может всё случиться:
Может, «А», а может, «Б».

Можно жисть прожить в покое,
Можно быть всегда в пути.
Но такое, но такое...
Это ж — Господи, прости!

Дядя Лёша, бог рыбачий,
Выпей, скушай бутерброд,
Помяни мои удачи
В тот апрель о прошлый год.

В том апреле, как в купели,
Голубели невода,
А потом отголубели,
Задубели в холода!

Но когда из той купели
Мы тянули невода,
Так в апреле преуспели,
Как бывает за года!

Что нам Репина палитра!
Что нам Пушкина стихи!
Мы на брата — по́ два литра,
По́ три порции ухи.

И айда за той, фартовой,
Закусивши удила,
За той самой, за которой —
Три деревни, два села!

Что ни вечер — «Кукарача»,
Что ни утро, то аврал!
Но случилась беда:
Я документ потерял!

И пошёл я к Львовой Клавке:
«Будем, Клавка, выручать!
Оформляй мне, Клавка, справки,
Шлёпай круглую печать!»

Значит: имя, год рожденья,
Званье, член КПСС...
Ну а дальше — наважденье,
Вроде вдруг попутал бес.

В состоянии помятом
Говорю для шутки ей:
Ты давай, мол, в пункте пятом
Напиши, что я — еврей!

Посмеялись и забыли,
Крутим дальше колесо.
Нам всё это вроде пыли,
Но совсем не вроде пыли
Дело это для ОСО!

Вот прошёл законный отпуск,
Начинается мотня:
Первым делом, сразу «допуск»
Забирают у меня.

И зовёт меня «особый»,
Начинает разговор:
«Значит, вот какой особый,
Прямо скажем, хитрожопый
Оказался ты, Егор!

Значит, все мы — кровь на рыле —
Топай к светлому концу —
Ты же будешь в Израиле
Жрать, подлец, свою мацу!

Мы стоим за дело мира,
Мы готовимся к войне —
Ты же хочешь, как Шапиро,
Прохлаждаться в стороне!

Вот зачем ты, вроде вора,
Что стремится вон из пут,
Званье русского майора
Променил на “пятый пункт”!»

Я ему с тоской в желудке
Отвечаю, еле жив:
«Это ж я за ради шутки!
На хрена мне Тель-Авив?!»

Как он гаркнет: «Я не лапоть!
Поищи-ка дурачков!
Ты же, ясно, хочешь драпать —
Это ж видно без очков!

Ну а кто того не видит,
Растолкуем в час-другой!
Нет, любезный, так не выйдет,
Так не будет, дорогой!

Мы тебя не то что взгреем —
Мы тебя сотрём в утиль!
Нет, не зря ты стал евреем,
А затем ты стал евреем,
Чтобы смыться в Израиль!»

И пошло тут, братцы-друзи,
Хоть ложись и в голос вой!
...Я живу теперь в Калуге,
Беспартийный, рядовой.

Мне теперь одна дорога —
Мне другого нет пути:
Где тут, братцы, синагога?
Подскажите, как пройти?!

КАДИШ

*Памяти Януша Корчака,
польского врача, педагога, писателя*

Как я устал повторять бесконечно всё то же и то же,
Падать и вновь на своя возвращаться круги.
Я не умею молиться — прости меня, Господи Боже!
Я не умею молиться — прости меня и помоги!..

А по вечерам всё так же играет музыка:

«Сан-Луи блюз»,
Ты во мне — как боль, как ожог!
«Сан-Луи блюз» —
Захлёбывается рожок!

А вы сидите и слушаете
И с меня не сводите глаз,
Вы платите деньги и слушаете
И с меня не сводите глаз,
Вы жрёте, пьёте и слушаете
И с меня не сводите глаз,
И поёт мой рожок про дерево,
На котором я вздёрну вас!
Да-с! Да-с!..

«Я никому не желаю зла. Не умею. Просто не знаю, как это делается...»

(Януш Корчак, дневник)

Уходят из Варшавы поезда.
И всё пустее гетто, всё темней.
Глядит в окно чердачная звезда,
Гудят всю ночь, прощаясь, поезда.
И я прощаюсь с памятью моей...

Цыган был вор, цыган был врун,
Но тем милей вдвойне,
Он трогал семь певучих струн
И улыбался мне.

И говорил: «Учи, сынок,
Учи цыганский счёт:
Семь дней недели создал Бог,
Семь струн гитары — чёрт!

И он ведётся неспроста,
Тот хитрый счёт, пойми:
Ведь даже радуга, и та
Из тех же, из семи
Цветов...»

Осенней медью город опалён,
А я — хранитель всех его чудес,
Я неразменным одарён рублём,
Мне ровно дважды семь, и я влюблён
Во всех дурнушек и во всех принцесс!

Осени меня своим крылом,
Город детства с тайнами неназванными,
Счастлив я, что и в беде, и в празднованьи
Был слугой твоим и королём.

Я старался сделать всё, что мог,
Не просил судьбу ни разу: высвободи!
И скажу на самой смертной исповеди,
Если есть на свете детский Бог:

Всё я, Боже, получил сполна!
Где, в которой расписаться ведомости?
Об одном прошу — спаси от ненависти!
Мне не причитается она.

И вот я врач, и вот военный год,
Мне семью пять, а веку — семью два!
В обозе госпитальном — кровь и пот,
И кто-то, помню, бредит и поёт
Печальные и странные слова:

«Гори, гори, моя звезда,
Звезда Любви приветная!
Ты у меня одна заветная —
Другой не будет...»

...Ах какая в тот день приключилась беда:
По дороге затопленной, по лесу,
Чтоб проститься со мною, с чужим, навсегда,
Ты прошла пограничную полосу.

И могли ль мы понять в том году роковом,
Что беда обернётся пощадою?
Полинявшее знамя пустым рукавом
Над платформой качалось дощатою...

Наступила внезапно чужая зима,
И чужая, и — всё-таки — близкая,
Шла французская фильма в дрянном синемá,
Барахло торговали австрийское,

Понукали извозчики дохлых коняг,
И в кафе, заколоченном наглухо,
Мы с тобою сидели и пили коньяк
И жевали засохшее яблоко.

И в молчанье мы знали про нашу беду,
И надеждой не тешились гиблою,
И в молчанье мы пили за эту звезду,
Что печально горит над могилою:

«Умру ли я, и над могилою
Гори, сияй...»

Уходят из Варшавы поезда.
И скоро наш черёд, как ни крути.
Ну что ж, гори, гори, моя звезда,
Моя шестиконечная звезда,
Гори на рукаве и на груди!

Окликнет эхо давним прозвищем,
И ляжет снег покровом пряничным,
Когда я снова стану маленьким,
А мир — опять большим и праздничным,

Когда я снова стану облаком,
Когда я снова стану зябликом,
Когда я снова стану маленьким
И снег опять запахнет яблоком,

Меня снесут с крылечка, сонного,
И я проснусь от скрипа санного,
Когда я снова стану маленьким
И мир чудес открою заново.

...Звезда в окне, и на груди звезда,
И не поймёшь, которая ясней.
А я устал, и, верно, неспроста
Гудят всю ночь, прощаясь, поезда.
И я прощаюсь с памятью моей...

А ещё была у нас в «Доме сирот» девочка Натя. После тяжёлой болезни она лишилась употребления ног — она не могла ходить, зато она великолепно рисовала. Мы любили её рисунки. Она часто рисовала наш флаг — флаг «Дома сирот»: золотой клевер на зелёном поле — символ детства. Она рисовала и сочиняла песенки. Вот одна из них.

Песенка девочки Нати про кораблик

Я кораблик клеила
Из цветной бумаги,
Из коры и клевера,
С клевером на флаге.

Он — зелёный, розовый,
Он — в смолистых каплях,
Клеверный, берёзовый,
Славный мой кораблик,
Славный мой кораблик.

А когда забулькают ручейки весенние,
Дальнею дорогою, синевою морской
Поплывёт кораблик мой к острову Спасения,
Где ни войн, ни выстрелов — солнце и покой.

Я кораблик ладила,
Пела, словно зяблик...
Зря я время тратила —
Сгинул мой кораблик.

Не в грозбвом отблеске,
В буре-урагане —
Попросту при обыске
Смяли сапогами,
Смяли сапогами...

Но когда забулькают ручейки весенние,
В облаках приветственно протрубит журавль,
К солнечному берегу, к острову Спасения
Чей-то обязательно доплывёт корабль!..

Когда-нибудь, когда вы будете вспоминать имена героев, не забудьте, пожалуйста, я очень прошу вас, не забудьте Петра Залевского, бывшего гренадёра, инвалида войны, служившего сторожем у нас в «Доме сирот» и убитого польскими полициями осенью 42-го года.

Он убирал наш бедный двор,
Когда они пришли,
И странен был их разговор —
Как на краю земли,

Как разговор у той черты,
Где только — «нет» и «да».
Они ему сказали: «Ты!
А ну, иди сюда!»

Они спросили: «Ты поляк?»
И он сказал: «Поляк».
Они спросили: «Как же так?!»
И он ответил: «Так».

«Но ты ж, культяпый, хочешь жить!
Зачем же, чёрт возьми,
Ты в гетто няньчишься, как жид,
С жидовскими детьми?!

К чему, — сказали, — трам-там-там,
К чему такая спесь?!
Пойми, — сказали, — Польша — там!»
А он ответил: «Здесь».

И здесь она, и там она,
Она везде — одна,
Моя прекрасная страна,
Несчастливая страна».

И вновь спросили: «Ты поляк?»
И он сказал: «Поляк».
«Ну что ж, — сказали, — значит, так?»
И он ответил: «Так».

«Ну что ж, — сказали, — кончен бал! —
Скомандовали: — Пли!»
И прежде, чем он сам упал,
Упали костыли.

И прежде, чем пришли покой,
И сон, и тишина,
Он помахать успел рукой
Глядевшим из окна.

...О, дай мне, Бог, конец такой:
Всю боль испив до дна,
В свой смертный миг махнуть рукой
Глядящим из окна!

А потом наступил такой день, когда «Дому сирот» — и детям, и воспитателям — было приказано явиться с вещами на Умшлягплац — так называлась при немцах площадь у Гданьского вокзала.

Эшелон уходит ровно в полночь,
Паровоз, балбес, пыхтит «шолом!».
Вдоль перрона строем стала сволочь —
Сволочь провожает эшелон.

Эшелон уходит ровно в полночь,
Эшелон уходит прямо в рай.
Как мечтает поскорее сволочь
Донести, что Польша — «юден фрай»!

«Юден фрай» — Варшава, Познань, Краков...
Весь протекторат из края в край —
В чёрной чертовне паучьих знаков,
Ныне и вовеки — «юден фрай»!

А на Умшлягплаце у вокзала
Гетто ждёт устало — чей черёд?
И гремит последняя осанна
Лаем полиция: «Дом сирот!»

Шевелит губами переводчик,
Глотка пересохла, грудь в тисках,
Но уже поднялся старый Корчак
С девочкою Натей на руках.

Знаменосец — козырёк с заломом,
Чубчик вьётся, словно завитой...
И горит на знамени зелёном
Клевер, клевер, клевер золотой.

Два горниста поднимают трубы,
Знаменосец выпрямил древко,
Детские обветренные губы
Запевают гордо и легко:

«Наш славный поход начинается просто:
От Старого Мяста до Гданьского моста,
И дальше, и с песней, построясь по росту,
К варшавским предместьям — по Гданьскому мосту,
По Гданьскому мосту!..

По улицам Гданьска, по улицам Гданьска
Шагают девчонки — Марыся и Даська,
А маленький Боля, а рыженький Боля
Застыл, потрясённый, у края приболя,
У края...»

Пахнет морем, тёплым и солёным,
Вечным морем и людской тщетой.
И горит на знамени зелёном
Клевер, клевер, клевер золотой!

Мы идём по четверо рядами
Сквозь кордон ээсовских ворон...
Дальше начинается преданье,
Дальше мы выходим на перрон.

И бежит за мною переводчик,
Робко прикасается к плечу:
«Вам разрешено остаться, Корчак!»
Если верить сказке, я молчу.

К поезду, к чугунному парому,
Я веду детей, как на урок.
Надо вдоль вагонов по перрону,
Вдоль. А мы шагаем поперёк.

Рваными ботинками бряцая,
Мы идём не вдоль, а поперёк.
И берут, смешавшись, полицаи
Кожаной рукой под козырёк.

И стихает плач в аду вагонном,
И над всей прощальной маятой —
Пламенем на знамени зелёном
Клевер, клевер, клевер золотой.

Может, в жизни было по-другому —
Только эта сказка вам не врёт!
К своему последнему вагону,
К своему чистилищу-вагону,
К пахнущему хлоркою вагону
С песнею подходит «Дом сирот»:

«По улицам Лодзи, по улицам Лодзи
Шагают вприпрыжку почтенные гости —
Шагают мальчишки, шагают девчонки
И дуют в дуделки, и крутят трещотки,
И крутят трещотки!..

Ведут нас дороги — и шляхи, и тракты —
В снега Закопане, где синие Татры,
На белой вершине — зелёное знамя,
И вся наша медная Польша под нами,
Вся Польша...»

И тут кто-то, не выдержав, дал сигнал к отправлению, и эшелон
«Варшава—Треблинка» задолго до назначенного срока — случай
совершенно невероятный — тронулся в путь...

...Вот и кончена песня,
Вот и смолкли трещотки,
Вот и скорчено небо
В переплёте решётки.

И державе своей
Под вагонную тряску
Сочиняет король
Угомонную сказку...

Итак, начнём благословясь.
Лет сто тому назад
В своём дворце неряха князь
Развёл везде такую грязь,
Что был и сам не рад.

И как-то, очень рассердясь,
Призвал он маляра.
«А не пора ли, — молвил князь, —
Закрасить краской эту грязь?»
Маляр сказал: «Пора!»

Давно пора, вельможный князь,
Давным-давно пора!»
И стала грязно-белой грязь,
И стала грязно-жёлтой грязь,
И стала грязно-синей грязь
Под кистью маляра.

А потому что грязь есть грязь —
В какой ты цвет её ни крась!

...Нет, некстати была эта сказка, некстати,
И молчит моя милая чудо-держава,
А потом неожиданно — голосом Нати —
Невпопад говорит: «До свиданья, Варшава!»

И тогда — как стучат колотушкой о шпалу —
Застучали сердца колотушкой о шпалу,
Загудели сердца: «Мы вернёмся в Варшаву!
Мы вернёмся, вернёмся, вернёмся в Варшаву!»

По вагонам, подобно лесному пожару,
Из вагона в вагон, от состава к составу,
Как присяга, гремит: «Мы вернёмся в Варшаву!
Мы вернёмся, вернёмся, вернёмся в Варшаву!»

Пусть мы дымом истаем над адовым пеклом,
Пусть тела превратятся в горючую лаву,
Но — дождём, но — травой, но — ветром, но — пеплом
Мы вернёмся, вернёмся, вернёмся в Варшаву!..»

...А мне-то, а мне что делать?
И так моё сердце в клочьях!
Я в том же трясусь вагоне
И в том же горю пожаре.
Но из года семидесятого
Я вам кричу:

Пан Корчак!

Не возвращайтесь!
Вам страшно будет
в ЭТОЙ Варшаве!

Землю отмыли добела,
Нету ни рвов, ни кочек,
Гранитные обелиски
Твердят о бессмертной славе,
Но слёзы и кровь забыты,
Поймите это, пан Корчак!
И не возвращайтесь!
Вам стыдно будет
в ЭТОЙ Варшаве!

Дали зрелищ и хлеба —
Взяли Вислу и Татры,
Землю, море и небо:
Всё, мол, наше!
А так ли?!

Дня осеннего пряжа
С вещим зовом кукушки —
Ваша?!
Врёте, не ваша!
Это осень Костюшки!

Небо в пепле и саже
От фабричного дыма —
Ваше?!
Врёте, не ваше!
Это небо Тувима!

Сосны, гордые стражи,
Там, над Балтикой пенной, —
Ваши?!
Врёте, не ваши!
Это сосны Шопена!

Беды плодятся весело,
Радость в слезах и в корчах,
И много ль мы видели радости
На маленьком нашем шаре?
Не возвращайтесь в Варшаву,
Я очень прошу Вас, пан Корчак,
Не возвращайтесь!
Вам нечего делать
в ЭТОЙ Варшаве!

Паясничают гомункулусы,
Геройские рожи корчат,
Рвётся к нечистой власти
Орава речистой швали...
Не возвращайтесь в Варшаву,
Я очень прошу Вас, пан Корчак!
Не возвращайтесь!
Вы будете чужеземцем
в Вашей родной Варшаве!

...А по вечерам всё так же играет музыка.
Музыка, музыка — как ни в чём не бывало:

«Сан-Луи блюз»,
Ты во мне — как боль, как ожог!
«Сан-Луи блюз» —
Захлёбывается рожок!

На пластинках моно и стерео,
Горячей признанья в любви,
Поёт мой рожок про дерево
Там, на родине, в Сен-Луи.

О родина дедов и прадедов,
Подпевай моему рожку!
И плевал я на сумму катетов,
Что вы вбиваете нам в башку.

Над землёй моей отчей выстрелы
Пыльной ночью всё бах да бах!
Но гоните монету, мистеры,
И за выпивку, и за баб!

А ещё — ну прямо комедия! —
А ещё за вами должок:
Выкладывайте последние
За то, что поёт рожок!

А вы сидите и слушаете
И с меня не сводите глаз,
Вы платите деньги и слушаете
И с меня не сводите глаз,
Вы жрёте, пьёте и слушаете
И с меня не сводите глаз,
И поёт мой рожок про дерево,
На котором я вздёрну вас!
Да-с! Да-с!..

«Я никому не желаю зла. Не умею. Я просто не знаю,
как это делается...»

Как я устал повторять бесконечно всё то же и то же,
Падать и вновь на своя возвращаться круги.
Я не умею молиться — прости меня, Господи Боже!
Я не умею молиться — прости меня и помоги!..

1970

ПЕСНЯ ИСХОДА

Галиньке и Виктору — мой прощальный привет

...Но Идущий за мною сильнее меня...

Евангелие от Матфея, гл. 3, ст. 11

Уезжаете?! — Уезжайте
За таможни и облака!
От прощальных рукопожатий
Похудела моя рука.

Я не плакальщик и не стража
И в литавры не стану бить.
Уезжаете?! Воля ваша.
Значит, так посему и быть.

И плевать, что на сердце кисло,
Что прощанье — как в горле ком:
Больше нету ни сил, ни смысла
Ставить ставку на этот кон!

Разыграешься только-только,
А уже из колоды — прыг! —
Не семёрка, не туз, не тройка —
Окаянная дама пик!

И от этих усатых шатий,
От анкет и ночных тревог
Уезжаете?! — Уезжайте,
Улетайте. И — дай вам Бог!

Улетайте к неверной правде
От взавправдашних мёрзлых зон.
Только мёртвых своих оставьте,
Не тревожьте их мёртвый сон —

Там, в Понарах и в Бабьем Яре,
Где поныне и следа нет,
Лишь пронзительный запах гари
Будет жить ещё сотни лет!

В Казахстане и в Магадане,
Среди снега и ковыля,
Разве есть земля богоданней,
Чем безбожная та земля?!

И под мраморным обелиском
На распутице площадей,
Где, крещённых единым списком,
Превратила их смерть в людей!

А над ними шумят берёзы —
У деревьев своё родство,
А над ними звенят морозы
На Крещение и Рождество.

...Я стою на пороге года,
Ваш сородич и ваш изгой,
Ваш последний певец исхода,
Но — за мною придёт Другой!

На глаза нахлобучив шляпу,
Дерзкой рыбой, пробившей лёд,
Он пойдёт не спеша по трапу
В отлетающий самолёт!..

Я стою... Велика ли странность?
Я привычно машу рукой!
Уезжайте! А я останусь.
Я на этой земле останусь:
Кто-то ж должен, презрев усталость,
Наших мёртвых стеречь покой!

20 декабря 1971 года

БИРЮЛЬКИ

(Авангардный этюд)

Исидор пришёл на седер,
Принёс он мацу и сидор.
Но был у хозяйки сеттер —
И его боялся Исидор.

Хозяйка пропела: «Иси-и-и-дор!»
И сеттер понял: «Иси!»
Пропали маца и сидор,
А Исидор сказал: «Мерси!»

А сидор вылакал сеттер,
И, узнав по запаху сидор,
Сказала хозяйка: «На седер
Не приносят сидор, Исидор!»

<1972>

КОГДА Я ВЕРНУСЬ

Когда я вернусь... Ты не смейся! Когда я вернусь,
Когда пробегу, не касаясь земли, по февральскому снегу,
По еле заметному следу — к теплу и ночлегу
И, вздрогнув от счастья, на птичий твой зов оглянусь,
Когда я вернусь...

О, когда я вернусь...

Послушай, послушай — не смейся! — когда я вернусь
И прямо с вокзала, разделавшись круто с таможней,
И прямо с вокзала, в крошечный, ничтожный, раёшный,
Ворвусь в этот город, которым казнюсь и клянусь,
Когда я вернусь...

О, когда я вернусь...

Когда я вернусь, я пойду в тот единственный дом,
Где с куполом синим не властно соперничать небо,
И ладана запах, как запах уютского хлеба,
Ударит в меня и заплещется в сердце моём,
Когда я вернусь...

О, когда я вернусь...

Когда я вернусь, засвистят в феврале соловьи
Тот старый мотив, тот давнишний, забытый, запетый.
И я упаду, побеждённый своею победой,
И ткнусь головою, как в пристань, в колени твои,
Когда я вернусь...

А когда я вернусь?

декабрь 1972 года

НА РЕКАХ ВАВИЛОНСКИХ

Мы ждём и ждём гостей незваных
И в ожиданье ни гу-гу!
И всё сидим на чемоданах,
Как на последнем берегу.

И что нам малые утраты
На этом горьком рубеже,
Когда обрублены канаты
И сходни убраны уже?!

И где-то бродит в дальних странах
Чужою ставшая строка,
А мы сидим на чемоданах
И ждём проклятого звонка.

И нас чужие дни рожденья
Кропят солёною росой —
За этой зоной отчужденья,
Над этой взлётной полосой!

Прими ж нас, Господи, неожиданных,
И силой духа укрепи!
...Но мы сидим на чемоданах,
Как пёс дворовый на цепи,

Как раб, откупленный на волю, —
Уже не можем без оков,
И всё сидим и внемлем вою,
Не слышим тихих Божьих слов.

Так что же нам теперь осталось?
Строка газетного листа!
О время осени! О старость!
Как ты тщеславна и пуста!

И нет ни мрака, ни прозренья,
И ты не жив и не убит,
И только рад, что есть презренье —
Надёжный лекарь всех обид.

декабрь 1972 года

ПЕСНЯ ОБ ОТЧЕМ ДОМЕ

Ты не часто мне снишься, мой Отчий Дом,
Золотой мой, недолгий век,
Но всё то, что случится со мной потом,
Всё отсюда берёт разбег!

Здесь однажды очнулся я, сын земной,
И в глазах моих свет возник,
Здесь мой первый гром говорил со мной,
И я понял его язык.

Как же странно мне было, мой Отчий Дом,
Когда Некто с пустым лицом
Мне сказал, усмехнувшись, что в доме том
Я не сыном был, а жильцом.

Угловым жильцом, что копит деньги —
Расплатиться за хлеб и кров:
Он копит деньги — и всегда в долгу,
И не вырвется из долгов!

«А в сыновней верности в мире сём
Клялись многие, и не раз!» —
Так сказал мне Некто с пустым лицом
И прищурил свинцовый глаз.

И добавил: «А впрочем, слукавь, солги —
Может, вымолишь тишь да гладь!..»
Но уж если я должен платить долги,
Так зачем же при этом лгать?!

И пускай я гроши наскребу с трудом,
И пускай велика цена,
Кредитор мой суровый, мой Отчий Дом,
Я с тобой расплачусь сполна!

Но когда под грохот чужих подков
Грянет свет роковой зари,
Я уйду, свободный от всех долгов,
И назад меня не зови.

Не зови вызволять тебя из огня,
Не зови разделить беду.
Не зови меня!.. Не зови меня!..
Не зови!.. Я и так приду!

1972—1973

ОПЫТ НОСТАЛЬГИИ

Когда переезжали через Неву, Пушкин шутливо спросил: «Уж не в крепость ли ты меня везёшь?» — «Нет, — ответил Данзас, — просто через крепость на Чёрную речку самая близкая дорога».

Записано Василием Андреевичем Жуковским со слов секунданта Пушкина Данзаса

Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе...

Борис Пастернак

Мурка, не ходи, там сыч
На подушке вышит...

Анна Ахматова

Не жалею ничуть, ни о чём, ни о чём не жалею,
Ни границы над сердцем моим не вольны, ни года!
Так зачем же я вдруг при одной только мысли шалею:
Что уже никогда-никогда, Боже мой, никогда!..

Подожди, успокойся, подумай: а что «никогда»?!

Широт заполярных метели,
Тарханы, Владимир, Ирпень...
Как много мы не доглядели —
Не поздно ль казнитья теперь?!

Мы с каждым мгновеньем бессильней,
Хоть наша вина — не вина.
Над блочно-панельной Россией,
Как лагерный номер, — луна.

Обкомы, горкомы, райкомы
В подтёках снегов и дождей,
В их окнах, как бельма трахомы,
Давно никому не знакомы,
Безликие лики вождей.

В их залах прокуренных волки
Пинают людей, как собак,
А после те самые волки
Усядутся в чёрные «Волги»,
Закурят вирджинский табак.

И дач государственных охра
Укроет посадских светил,
И будет мордастая вохра
Следить — чтоб никто не следил.

И в баньке, затопленной жарко,
Запляшет косматая чудь...
Ужель тебе этого жалко?
Ни капли не жалко, ничуть!

Я не вспомню, клянусь, я и первые годы не вспомню:
Севастопольский берег, младенчества зыбкая быль,
И таинственный спуск в херсонесскую каменоломню,
И на детской матроске Эллады певучая пыль...

Я не вспомню, клянусь...

А что же я вспомню?..

А что же я вспомню? — Усмешку
На гадком чиновном лице,
Мою неуклюжую спешку
И жалкую ярость в конце.

Я в грусть по берёзкам не верю —
Разлуку слезами не мерь!
И надо ли эту потерю
Приписывать к счёту потерь?

Как каменный лес, онемело
Стоим мы на том рубеже,
Где тело как будто не тело,
Где слово не только не дело,
Но даже не слово уже.

Идут мимо нас поколения,
Проходят и машут рукой.
Презренье, презренье, презренье
Дано нам как новое зренье
И пропуск в грядущий покой!

А кони! Крылатые кони,
Что рвутся с гранитных торцов!
Разбойничий посвист погони,
Игрушечный звон бубенцов!

А святки! А прядь полушалка,
Что жарко спадает на грудь!
Ужель тебе этого жалко?
Не очень... А впрочем, чуть-чуть!

...Но тает февральская свечка,
Но спят на подушке сычи,
Но есть ещё Чёрная речка,
Но есть ещё Чёрная речка,
Но есть ещё Чёрная речка...
Не надо об этом! Молчи!..

1973

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ОДЕССЕ

Я жил тогда в Одессе пыльной...

Александр Пушкин

...Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?..

Осип Мандельштам

Научили пилить на скрипочке —
Что ж, пили!
Опер Сёма кричит: «Спасибочки!» —
Словно «пли!».

Опер Сёма гуляет с дамою,
Весел, пьян.
Что мы скажем про даму данную? —
Не фонтан!

Синий бантик на рыжем хвостике —
Высший шик!
Впрочем, я при Давиде Ойстрахе
Тоже — пшик.

Но под Ойстраха непростительно
Пить портвейн.
Так что в мире всё относительно —
Прав Эйнштейн!

Всё накручено в нашей участи:
Радость, боль...
Ля-диез — это ж тоже, в сущности,
Си-бемоль.

Сколько выдано-перевыдано —
Через край!
Сколько видано-перевидано —
Ад и рай!

Так давайте ж, Любовь Давыдовна!
Ваше соло, Любовь Давыдовна!
Начинайте ж, Любовь Давыдовна!
«Раз-цвай-драй!..»

Над шалманом — тоска и запахи,
Сгинь, душа!
Хорошо, хоть не как на Западе:
В полночь — ша!

В полночь можно хватить по маленькой,
Боже ж мой!
Снять штиблеты, напялить валенки
И — домой!..

...Я иду домой. Я очень устал и хочу спать. Говорят, когда людям снится, что они летают во сне, — это значит, что они растут. Я старый человек, мне много лет, но мне очень часто, мне почти каждую ночь снится, что я летаю во сне...

...Мои стрекозиные крылья
Под ветром трепещут едва,
И сосен зелёные клинья
Шумят подо мной, как трава.

А дальше — таласса, таласса,
Вселенной волшебная статья!
Я мальчик из третьего класса,
Но — как я умею летать!

Как будто в неконченной сказке
Лечу я сквозь утренний дым —
Над лодками в пёстрой оснастке,
Над городом вечно седым,

Над пылью автобусных станций
И дальше — на грозный восход,
Где снова ахейские старцы
Ладьи снаряжают в поход.

Чужое и глупое горе
Велит им на Трою грести,
А мне — за Эгейское море,
А мне — ещё дальше расти!

Я вырасту смелым и сильным
И мир как подарок приму,
И девочка с бантиком синим
Прижмётся к плечу моему.

И снова в разрушенной Трое
«Елена!» — труба возвестит.
И снова...

...На углу Садовой какие-то трое остановили меня. Они сбили с меня шапку в снег, засмеялись и спросили:
— Ты ещё не в Израиле, старый хрен?!
— Ну что вы, что вы! Я дома. Я пока дома. Я ещё летаю во сне.
Я ещё расту!..

1973—1974

РУССКИЕ ПЛАЧИ

На степные урочища,
На лесные берлоги
Шли Олеговы полчища
По немирной дороге.

И на марш этот гляючи,
В окаянном бессильи,
В голос плакали вятичи,
Что не стало России!

О Россия-Расея,
Ни конца, ни спасенья!

...И живые, и мёртвые —
Все молчат, как немые.
Мы, Иваны Четвёртые,
Место лобное в мыле!

Лишь босой да уродливый,
Рот беззубый разиня,
Плакал в церкви юродивый,
Что пропала Россия!

О Расея-Россия,
Все пророки босые!

Горькой горестью мечены
Наши беды и плачи —
От Петровой неметчины
До нагайки казачьей!

Птица вещая, троечка,
Тряска вечная, чёртова!
Как же стала ты, троечка,
Чрезвычайкой в Лефортово?!

О Россия-Расея,
Чем пожар не веселье?!

Что ни год — лихолетие,
Что ни враль, то Мессия!
Плачет тысячелетие
По России Россия.

Плачет в бунте и в скушности,
А попробуй спроси:
Да была ль она, в сущности,
Эта Русь на Руси?

Эта — с щедрыми нивами,
Эта — в пене сирени,
Где роятся счастливыми
И отходят в смиреньи,

Где как лебеди — девицы,
Где под ласковым небом
Каждый с каждым поделится
Божьим словом и хлебом?

...Листья капают с деревца
В безмятежные воды,
И кружат, как метелица,
Над землёй хороводы.

А за прялкой беседы
На крыльце полосатом
Старики домоседы
Знай дымят самосадам.

Осень в золото набрана,
Как икона в оклад...
Значит, всё это наврано —
Лишь бы в рифму да в лад!

Чтоб, как птицы на дереве,
Затихали в грозу,
Чтоб не знали, но верили
И роняли слезу.

Уродилась, проказница, —
Всё б громить да крушить!
Согрешивши — покаяться
И опять согрешить!

Барам в ноженьки кланяться,
Бить челом палачу...
Не хочу с тобой каяться!
И грешить — не хочу!

То ли сын, то ли пасынок,
То ли вор, то ли князь...
Разомлев от побасенок,
Тычешь каждого в грязь!

Переполнена скверною
От покрышки до дна...
Но ведь где-то, наверное,
Существует Она?

Та — с привольными нивами,
Та — в кипеньи сирени,
Где родятся счастливыми
И отходят в смиреньи,

Где как лебеди — девицы,
Где под ласковым небом
Каждый с каждым поделится
Божьим словом и хлебом?..

Птица вещая, троечка,
Буйный свист под крылом!
Птица, искорка, точка
В бездорожье глухом,

Я молю тебя: выдюжи!
Будь и в тленьи живой,
Чтоб хоть в сердце, как в Китеже,
Слышать Благовест твой!..

10 апреля 1974 года

ВЕЧНЫЙ ТРАНЗИТ

Посошок напоследок
Всё равно, что вода.
То ли так, то ли эдак,
Мы уйдём в никуда.

Закружим суховеем
Над распутицей шпал.
Оглянуться не смеем:
Оглянулся — пропал!

И всё мы себя подгоняем — скорее!
Всё путаем Ветхий и Новый Завет.
А может быть, хватит мотаться, еврей, —
И так уж мотались две тысячи лет?!

Мы теперь — иностранцы:
Нас бессмертьем казнит
Пересадочных станций
Бесконечный транзит.

И как воинский рапорт —
Предотъездный свисток:
Кое-кто на Восток,
Остальные — на Запад!

Под небом Австралий, Италий, Германий
Одно не забудь (и сегодня, и впредь!):
Что тысячу тысяч пустых оправданий
Бумаге и той надоело терпеть!

Паровозные встречи —
Наша боль про запас.
Те, кто стали далече,
Вспоминают ли нас?

Ты взгляни, как тоскует
Колесо на весу...
А кукушка кукует
В подмосковном лесу!

Ну что ж, волоки чемодан, не вздыхая,
И плакать не смей — как солдат на посту.
И всласть обнимай своего вертухая
Под вопли сирен на Бруклінском мосту.

Вот и канули в Лету
Оскорбленье и вой.
Мы гуляем по свету,
Словно нам не впервой!

Друг на друга похожи,
Мимо нас — города...
Но Венеция дождей —
Это всё-таки да!

В каналах вода зелена нестерпимо,
И ветер с лагуны пронзительно сер.
«Вы, братцы, из Рима?» — «Из Рима, вестимо!»
«А я — из-под Орши!» — сказал гондольер.

О, душевные травмы,
Горечь горьких минут!
Мы-то думали — там вы,
Оказались — и тут.

И живём мы, не смея
Оценить благодать:
До холмов Иудеи —
Как рукою подать!

А может, и впрямь мы, как те лицедеи,
Что с ролью своей навсегда не в ладах?
И были нам ближе холмы Иудеи —
На Старом Арбате, на Чистых прудах!

Мы, как мудрые совы,
Зорко смотрим во тьму,
Даже сдаться готовы —
Да не знаем кому!

С горя, вывесим за борт
Перемирья платок,
Скажем: Запад есть Запад,
А Восток есть Восток!

И всё мы себя подгоняем: скорее!
Всё ищем такой очевидный ответ...
А может быть, хватит мотаться, евреи, —
И так уж мотались две тысячи лет?!

1974—1975

ПЕСОК

Я где-то прочёл, что город
Тель-Авив был построен на
песчаных холмах — на дюнах.

Вспомни —
на этих дюнах, под этим небом
Наша
давным-давно началась судьба
С пылью
дорог изгнания и с горьким хлебом,
Впрочем,
за это тоже «тода раба»!¹

Только
ногой ты ступишь на дюны эти,
Болью,
как будто пулей, прошьёт висок,
Словно
из всех песочных часов на свете
Кто-то
сюда веками свозил песок!

Видишь —
по глади моря бегут морщинки,
Ветер
волшебный запах из рощ принёс,
Слышишь,
как под ногою скрипят песчинки?
Сколько
в одной песчинке утрат и слёз!..

Сколько
утрат, и горя, и лихолетий!
Скоро ль
удастся нам подвести итог?
Словно
из всех песочных часов на свете
Кто-то
сюда веками свозил песок!

1975

---

¹ *Тода раба (ивр.)* — большое спасибо.

Ставок больше нет

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Снова даль предо мной неоглядная —
Ширь степная и неба лазурь.
Не грусти ж ты, моя ненаглядная,
И бровей своих тёмных не хмурь.

Вперёд, за взводом взвод,
Труба боевая зовёт:
Пришёл из ставки
Приказ к отправке —
И, значит, нам пора в поход!

В утро дымное, в сумерки ранние —
Под смешки и под пушечный бах —
Уходили мы в бой и в изгнание
С этим маршем на пыльных губах...

Вперёд, за взводом взвод,
Труба боевая зовёт:
Пришёл из ставки
Приказ к отправке —
И, значит, нам пора в поход!

Не грустите ж о нас, наши милые,
Там, в далёком родимом краю:
Мы всё те же — домашние, мирные,
Хоть шагаем в солдатском строю.

Вперёд за взводом взвод,
Труба боевая зовёт:
Пришёл из ставки
Приказ к отправке —
И, значит, нам пора в поход!

Будут зори сменяться закатами,
Будет солнце катиться в зенит...
Умирать нам, солдатам, — солдатами,
Воскресать нам — одетым в гранит!

Вперёд, за взводом взвод,
Труба боевая зовёт:
Пришёл из ставки
Приказ к отправке —
И, значит, нам пора в поход!

Пришёл из ставки
Приказ к отправке —
И, значит, нам пора в поход!..

* * *

...Там шумят чужие города,
И чужая плещется вода.
И чужая светится звезда...

*Александр Вертинский.
Чужие города*

Мы по глобусу ползаем — полная блажь:
Что нам Новый Свет? Что нам Старый Свет?
Всё давно подсчитано баш-на-баш,
И ставок больше нет.

А ставок больше нет как нет,
А ставок больше нет.
И нам не светит Новый Свет,
И нам не светит Старый Свет.
А сколько нам осталось лет?
А ставок больше нет!

Там шумят чужие города
И чужое плещется вино...
Всё равно мы едем в никуда —
Так не всё ль равно?

Всё равно мы едем в никуда —
Так не всё ль равно?

«Ничего» — это «гурнышт» и здесь, и там.
И пора идти покупать билет.
Я бы отдал всё, только что я отдам,
Если ставок больше нет?

А ставок больше нет как нет,
А ставок больше нет.
И нам не светит Новый Свет,
И нам не светит Старый Свет.
А сколько нам осталось лет?
А ставок больше нет!

Тишина сомкнётся, как вода,
Только ветер постучит в окно.
Всё равно мы едем в никуда —
Так не всё ль равно?

Всё равно мы едем в никуда —
Так не всё ль равно?

Вот шарик запрыгал, вертлявый бес.
Угадать бы, какой он выберет цвет?
Только мы не играем на интерес,
Ибо ставок больше нет.

А ставок больше нет как нет,
А ставок больше нет.
И нам не светит Новый Свет,
И нам не светит Старый Свет.
А сколько нам осталось лет?
А ставок больше нет!

Понесут, как лошади, года.
Кто предскажет: что нам суждено?
Всё равно мы едем в никуда —
Так не всё ль равно?

Всё равно мы едем в никуда —
Так не всё ль равно?..

<1973—1974>

* * *

Что у вас на Охте и на Лахти?
Как вам там живётся-суется?
А у нас король ушёл на яхте
И сказал, что скоро возвратится.

Он водою запивал облатки...
Это очень трудная работа —
Королевство содержать в порядке:
Накорми-ка подданных, одень-ка!
Чтоб всегда, как в школе перемена,
К Рождеству у каждого индейка,
А уж... — это непременно!

Норвегия, 7 июля 1974 года

* * *

Нам бывшее прекрасное блещется,
И такие дали плывут...
Веком беженцев, веком беженцев
Наш двадцатый век назовут.

Рождество, Рождество, Рождество!
Вот куда привело торжество
Нас — из Чили, Сайгона и Бежицы...
Как справляется там Рождество?
Впрочем, что нам искать тождество?
Мы тождественны в главном — мы беженцы.

Мы бежали от подлых свобод,
И назад нам дороги заказаны.
Мы бежали от пошлых забот
Быть такими, как кем-то приказано.

Норвегия, 1974

* * *

Посошок бы выпить на дорожку,
Только век, к несчастью, не такой,
Втиснуться б ногою на подножку,
Ухватить бы поручень рукой!

Это вовсе не дом — Храм!
И не просто корабль — «Фрам»!

Эй! Увитые эполетьем
Адмиралы и шкипера!
Ниже головы перед этим
Всем народам и всем столетьям
Даром мужества и добра!

Норвегия, 1974

* * *

Какие нас ветры сюда занесли?
Какая попутала bestия?
Шёл крымский татарин по rue Rivoli,
Читая газету «Известия»!

1974

* * *

Ты прокашляйся, февраль, прометелься,
Грянь морозом на ходу, с поворотца!
Промотали мы своё прометейство,
Проворонили своё первородство!

Что ж, утешимся больничной палатой,
Тем, что можно ни на что не решаться...
Как объелись чечевичной баландой,
Так не в силах до сих пор отдышаться!

1974

СТАРАЯ ПЕСНЯ

Посвящается Владимиру Максимова

...Там — спина к спине — у грота
Отражали мы врага!

Джек Лондон

Бились стрелки часов на слепой стене,
Рвался к сумеркам белый свет,
Но, как в старой песне, спина к спине
Мы стояли — и ваших нет!

Но, как в старой песне, спина к спине
Мы стояли — и ваших нет!

Мы доподлинно знали, в какие дни
Нам напасти, а им почёт:
Ибо мы были мы, а они — они,
А другие — так те не в счёт!

И когда нам на головы шквал атак:
То с похмелья, а то спьяна,
Мы опять-таки знали — за что и как,
И прикрыта была спина.

Ну а здесь, среди пламенной этой тьмы,
Где и тени живут в тени,
Мы порою теряемся: где же мы?
И с какой стороны они?

И кому подслащённой пилюли срам,
А кому — поминальный звон?
И стоим мы, открытые всем ветрам
С четырёх, так сказать, сторон!

И стоим мы, открытые всем ветрам
С четырёх сторон...

1974—1976

* * *

Снеги белые, тучи низкие,
На окне цветы — всё хрустальнее...
Как живётся вам, наши близкие?
Наши близкие, наши дальние?

Как живётся вам?..

Мы хотим верить, что вам живётся хорошо,
хотя мы знаем, как трудно вам живётся.

1974—1976

* * *

А было недавно, а было давно,
А даже могло и не быть...
Как много, на счастье, нам помнить дано,
Как много, на счастье, забыть!..

В тот год окаянный, в той чёрной пыли,
Омытые морем кровей,
Они уходили не с горстью земли,
А с мудрою речью своей.

И в старый-престарый прабабкин ларец
Был каждый запрятать готов
Не ветошь давно отзвеневших колец,
А строчки любимых стихов.

А их увозили («пока!») корабли,
А их волокли поезда...
И даже подумать они не могли,
Что это «пока» — навсегда.

И даже представить себе не могли,
Что в майскую ночь, наугад,
Они, прогулявшись по rue Rivoli,
Потом не свернут на Арбат,

И в дым переулков, навстречу судьбе,
И в склон переулков речных,
Где нежно лицо обжигают тебе
Лохмотья черёмух ночных.

Ну ладно, и пусть ни двора, ни кола,
И это Париж — не Москва,
Ты в окна гляди, как глядят в зеркала,
И слушай шаги как слова.

Я кланяюсь низко сумевшим сберечь,
Ронявшим легко, невзначай
Простые слова расставаний и встреч:
«О, здравствуй, мой друг!», «О, прощай!».

Вы их сохранили, вы их сберегли,
Вы их пронесли сквозь года!..
И снова уходят в туман корабли
И плачут во тьме поезда...

И в наших речах не звенит серебро,
И путь наш всё так же суров.
Мы помним слова «Благодать» и «Добро»
И строчки всё тех же стихов.

Поклонимся ж низко парижской родне,
Нью-йоркской, немецкой, английской родне
И скажем: «Спасибо, друзья!
Вы русскую речь закалили в огне,
В таком нестерпимом и жарком огне,
Что жарче придумать нельзя.

И нам её вместе хранить и беречь,
Лелеять родные слова.
А там, где жива наша Русская Речь,
Там — вечно — Россия жива!..»

1974

* * *

Это будет рассказ, как летают в Америку,
Без особых хлопот с получением виз.
Но сперва мы приедем к Покровскому скверику
И оттуда — пешком по Колпачному вниз.

1975

ПЕСЕНКА О ДИКОМ ЗАПАДЕ,
ИЛИ ПИСЬМЕЦО В МОСКВУ,
ПЕРЕПРАВЛЕННОЕ С ОКАЗИЕЙ

Вы на письма слёз не капайте —
И без них душа враздрызг!
Мы живём на диком Западе,
Что и впрямь изрядно дик!

Но не дикостью ковбойскою —
Здесь иную ткут игру,
Пьют — со смыслом — водку польскую
Под московскую икру.

Здесь, на Западе распроданном
И распятом на пари,
По Парижам и по Лондонам,
Словно бесы, — дикари!

Околдованные стартами
Небывалых скоростей,
Оболваненные Сартрами
Всех размеров и мастей!

От безделья, от бессилия
Им всего любезней шум,
И — чтоб вновь была Бастилия,
И — чтоб им идти на штурм!

Убеждать их глупо — тени же!
Разве что спросить тайком:
«А не били ль вас, почтеннейший,
По причинным — каблуком?!»

Так что вы уж слёз не капайте —
И без них душа враздрызг!
Мы живём на диком Западе,
Что — и впрямь — изрядно дик!

<1975>

* * *

...и возвращается ветер на круги свои...

Екклесиаст, гл. 1, ст. 6

За чужую печаль и за чьё-то незваное детство
Нам воздастся огнём и мечом и позором вранья.
Возвращается боль, потому что ей некуда деться,
Возвращается вечером ветер на круги своя.

Мы со сцены ушли, но ещё продолжается действие:
Наши роли суфлёр дочитает, ухмылку тая...
Возвращается вечером ветер на круги своя,
Возвращается боль, потому что ей некуда деться.

Мы проспали беду, промотали чужое наследство,
Жизнь подходит к концу, и опять начинается детство:
Пахнет мокрой травой и махорочным дымом жилья.
Продолжается действие без нас, продолжается действие,
Продолжается боль, потому что ей некуда деться,
Возвращается вечером ветер на круги своя.

декабрь 1977 года

* * *

Играет ветер пеною
На Сене на реке,
А я над этой Сеною,
Над этой самой Сеною,
Сижу себе над Сеною
С газетою в руке.

Ах, до чего ж фантазирует
эта газета буйно!
Ах, до чего же охотно
на всё напускает дым!
И если на клетке слона
вы увидите надпись «Буйвол» —
Не верьте, друзья, пожалуйста,
не верьте, друзья, пожалуйста,
не верьте, я очень прошу вас,
не верьте глазам своим!

декабрь 1977 года

Россыпь

ПЕСНЯ О СЧАСТЬЕ

Ты можешь найти на улице копейку
И купить коробок спичек.
Ты можешь найти две копейки
И позвонить кому-нибудь из автомата.

Ну а если звонить тебе некому,
Так зачем тебе две копейки?
Не покупать же на две копейки
Два коробка спичек!

Можно вообще обойтись без спичек,
А просто прикурить у прохожего,
И разговориться с этим прохожим,
И познакомиться с этим прохожим.

И он даст тебе номер своего телефона,
Чтобы ты позвонил ему из автомата...
Но как же ты сумеешь позвонить ему из автомата,
Когда у тебя нет двух копеек?!

Так что лучше не знакомиться с прохожим —
Лучше просто купить коробок спичек.
Впрочем, и для этого сначала надо
Найти на улице одну копейку...

1964

* * *

Ах, поле, поле, поле...
А что растёт на поле?
Одна трава, не боле,
    Одна трава, не боле,
    Одна трава, не боле,
    Одна трава, не боле!

А что летит над полем?
Летят над полем пули,
Ещё свистят снаряды.
А кто идёт по полю?
Военные отряды,
    Военные отряды,
    Военные отряды.

Идут они по полю
С гранёными штыками,
Потом прижмутся к полю
Холодными щеками,
    Холодными щеками,
    Холодными щеками.

А что потом на поле?
А что потом на поле?
Одна трава, не боле,
    Одна трава, не боле,
    Одна трава, не боле,
    Одна трава, не боле.

1965

* * *

Спрашивайте, мальчики!
Спрашивайте, мальчики!
Спрашивайте, мальчики, спрашивайте!
А вы, люди, ничего не приукрашивайте,
А вы, люди, объясните им — почему?

Почему голоса поездов не дают нам уснуть до зари?
Почему, если с кем-то беда, это значит — и с нами беда?
И вчерашние дни никогда не вернутся — зови не зови,
А вчерашняя радость останется в сердце твоём навсегда.

Почему даже грубый асфальт пробивает былинка трава?
Почему тает звёздная пыль на губах и ресницах твоих?
И ночные слова так похожи порой на дневные слова,
Но по-разному их говорят и по-разному слушают их.

<1966>

БАЛЛАДА О ФРЕЗИ ГРАНТ

Шёл корабль из далёкой Австралии,
Из Австралии, из Австралии,
Он в Коломбо шёл и так далее,
И так далее, и так далее,
И корабль этот вёл из Австралии
Капитан Александр Грант...

И была у него дочь-красавица,
Раскрасавица, раскрасавица,
Даже песня тут заикается,
Заикается, заикается —
Уж такая была раскрасавица
Эта самая Фрези Грант!..

Капитан Грант:

— Острова эти нам пригрезились,
Нам пригрезились, нам пригрезились...
Нам пригрезились эти отмели,
Эти пальмы на берегу.
Острова эти нам пригрезились,
А к мечте, дорогая Фрези,
Я никак пристать не могу...

— Что ж, вы правы, — сказала Фрези, —
Что ж, прощайте, — сказала Фрези, —
Что ж, прощай, мой отец любимый,
Не сердись понапрасну ты.
Пусть корабль к мечте не причаливает,
Пусть корабль к мечте не причаливает —
Я могу добежать до мечты!

Несебр, 25 сентября 1966 года

ПЕРВАЯ ПЕСЕНКА ШУТА

Встречаемые осанною,
Преклонные уже смолода,
Повсюду вы те же самые —
Клеймённые скукой золота!..

И это не вы ступаете,
А деньги ваши ступают...
А памятники — то, что в памяти,
А память не покупают!

Не готовят в аптеке,
На лотках не выносятся!
Ни в раю и ни в пекле,
Ни гуртом и ни в розницу —
Не купить вам людскую память!

Неправд прописных глашатаи,
Добро утвердив по смете,
Правители, ставьте статуи,
А памятники не смейте!..

Вас тоже «осаннят» с папертей,
Стишки в вашу честь кропают,
Но памятники — то, что в памяти,
А память не покупают!..

Несебр, 25 сентября 1966 года

ВТОРАЯ ПЕСЕНКА ШУТА

Всё наладится, образуется,
Так что незачем зря тревожиться:
Все безумные образуются,
Все итоги непременно подытожатся!

Были гром и глад,
Были бедствия —
Будут тишь да гладь,
Благоденствия!

Ах, благоденствие!..

Всё наладится, образуется,
Виноватые станут судьями.
Что забудется, то забудется,
Сказки сказками, будни буднями.

Всё наладится, образуется:
Никаких тревог не останется.
И покуда не наказуется,
Безнаказанно и мирно будем стариться!

Оказался гром —
Без последствия!
И царит кругом —
Благоденствие!

Ах, благоденствие!..

Несебр, 25 сентября 1966 года

* * *

По селу бегут мальчишки,
Девки, бабы, ребятишки:
Точно стая саранчи,
В город входят трубачи.

Солнце выше, выше всходит
И глаза ужасно режет,
А пародия случилась:
В город входят трубачи.

Слышен голос командира:
«Расселить всех по квартирам!»
От оружий лучи,
В трубы трубят трубачи...

А той ноченькой немало
Баб с солдатами шептало:
«Без тебя, милáй, — хучь плачь!
Потруби ишо, трубач!»

А поутру, встав с постели,
Бабы слёзы вытирают,
И, в котомки взяв харчи,
В путь уходят трубачи.

Через год в кажнóй избёнке —
Вновь рождённые ребёнки
В губы дуют, как грачи:
Тоже будут трубачи.

2-я половина 60-х годов

ЮЗ

По стеклу машины, перед глазами шофёра
Бегают дворники — направо-налево,
Направо-налево, направо-налево...

Не летят к нам птицы с тёплого юга —
Улетают птицы на тёплый юг.
Почему-то надо бояться юза,
Но никто не знает, что значит юз!

Ах никто не знает, что значит юз!
Значит, юз... юз... юз...

Телефон молчит мой, а это скверно,
Я-то понимаю, что дело в том:
Ты теперь под зонтиком ходишь, наверно,
А под зонтиком трудно ходить вдвоём!

Ах под зонтиком трудно ходить вдвоём!
Ходить вдвоём... вдвоём... вдвоём...

И под медленным дождиком мокнет Муза,
И у дождика странно солёный вкус.
Может, Муза тоже боится юза,
Но не знает, что это значит — юз?!

Ах не знает Муза, что значит юз!
Значит, юз... юз... юз...

По стеклу машины перед глазами шофёра
Бегают дворники — направо-налево,
Направо-налево, направо-налево...

1967

ПЕСНЯ ПРО ОСТРОВА

...Ах, где те острова,
Где растёт трын-трава,
Братцы?!

*Кондратий Рылеев,
Александр Бестужев-
Марлинский*

Говорят, что где-то есть острова,
Где растёт на берегу забудь-трава.
Забудь о гордости, забудь про горести,
Забудь о подлости, забудь про хворости.
Вот какие есть на свете острова!

Говорят, что где-то есть острова,
Где четыре навсегда — дважды два,
Хоть сотни лет и ищи решенья лучшего:
Четыре — дважды два, как ни выкручивай!
Вот какие есть на свете острова!

Говорят, что где-то есть острова,
Где неправда не бывает права,
Где совесть — надобность, а не солдатчина,
Где правда нажита, а не назначена.
Вот какие я придумал острова!

Говорят, что где-то есть острова,
Где неправда не бывает права,
Где — не от лени и не от бедности —
И нет, и не было черты оседлости.
Вот какие я придумал острова!

1967

* * *

Мы ушли, словно не были,
и следов не оставили,
Мы в атаке не ранены,
не убиты в бою:
То ли в море уплыли мы,
то ли в небе растаяли.
Мы ушли на задание —
мы, как прежде, в строю.

Всегда в строю.

Ничего не поделаешь:
было время неласково,
Над землёю поруганной
полыхала беда.
Собирались мы наскоро
и прощались мы наскоро,
Уходили мы надолго,
может быть, навсегда.

Всё может быть.

Как прошли мы, как выжили
в тех военных пожарищах,
Мы и сами когда-нибудь
не сумеем понять.
Ах как вспомнить хотели мы
о друзьях и товарищах,
Только нам не положено
ни о чём вспоминать —

Таков приказ.

Над могилами нашими
                  обелисков не ставили.
Может, мы ещё встретимся
                  в нашем отчем краю.
То ли в море уплыли мы,
                  то ли в небе растаяли,
Но, погибнув за Родину,
                  мы — живые в строю.

Всегда в строю.

1970

ОПЫТ ПРОЩАНИЯ

Сане Авербуху

Корабль готовится в отплытие,
Но плыть на нём — сойти с ума:
Его оснастку, как наитие,
Разрушат первые шторма.

И равнодушно ветры жаркие,
Не оценив его дебют,
Когда-нибудь останки жалкие
К чужому берегу прибьют!

Но вновь гуляют кружки пенные
И храбро пьют: за край Земли!
И корабельщики степенные
В дорогу ладят корабли.

...Вот он стоит, красавец писаный,
Готовый вновь нести свой крест, —
Уже и названный, и призванный,
Внесённый в Ллойдовский реестр.

И я с причала, полон нежности,
Машу рукою кораблю.
Позорным страхом безнадежности
Я путь его не оскорблю.

Пусть он услышит громы вечные,
Пусть он узнает счастье — быть.
И всё шепчу я строки вещие:
«Плывём... Плывём! Куда ж нам плыть?!»

1972

ПЕСНЯ

Телефон, нишкни́, замолкни!
Говорить охоты нет.
Мы готовимся к зимовке —
Нам прожить на той зимовке
Предстоит немало лет.

Может, десять, может, девять —
Кто подскажет наперёд?
Что-то вроде надо делать,
А вот то и надо делать —
Что готовиться в поход.

Будем в списке ставить птички,
Проверять по многу раз:
Не забыть бы соль и спички,
Не забыть бы соль и спички,
Взять бы сахар про запас.

Мы и карту нарисуем!
Скоро в путь!
Ничего, перезимуем!
Как-нибудь перезимуем.
Как-нибудь...

Погромыхивает еле
Отгулявшая гроза...
Мы заткнём в палатке щели,
Чтобы люди в эти щели
Не тарасили глаза.

Никакого нету толка
Разбираться — чья вина?!
На зимовке очень долго,
На зимовке страшно долго
Длятся ночь и тишина.

Мы потуже стянем пояс —
Порастай беда быльём!
Наша льдина не на полюс,
Мы подальше, чем на полюс, —
В одиночество плывём!

Мы плывём и в ус не дуем —
В путь так в путь!
Ничего, перезимуем!
Как-нибудь перезимуем.
Как-нибудь...

Годы, месяцы, недели
Держим путь на свой причал...
Но, признаться, в самом деле
Я добравшихся до цели
Почему-то не встречал.

Зажелтит заката охра,
Небо в саже и в золе
Сквозь зашторенные окна...
Строго смотрят окна в окна
Все зимовки на земле.

И не надо переклички —
Понимаем всё и так...
Будем в списке ставить птички...
Не забыть бы соль и спички,
Сахар, мыло и табак.

Мы, ей-богу, не горюем.
Время — в путь.
Ничего, перезимуем!
Как-нибудь перезимуем.
Как-нибудь...

ПЕСЕНКА ПРО КРАСНОГО ПЕТУХА

Мы дождёмся, чтоб скучный закат потух
И при свете рябой луны
Пусть Красный петух и Чёрный петух
Нам покажут — на что годны!

У Чёрного, дьявола, стать неплоха,
И в бою он будет хорош,
Но я на Красного петуха
Истратил последний грош!

И вот мы до трёх сосчитаем вслух —
И, прынув из потных рук,
Красный петух и Чёрный петух
Выйдут в заветный круг.

Теперь — гляди, затаивши дух
(Пусть куры вопят: «Разбой!»):
Красный петух и Чёрный петух
Вступают в смертельный бой!

Ах, я говорил, что Чёрный петух
Всем сущим чертям родня...
Но Красный петух дерётся за двух:
За себя и за меня!

Смелее же, брат мой, Красный петух!
Я верю в тебя, мой брат!
А в небе — тучи, кровавый пух,
И грозно гудит набат.

И в этой земной юдоли греха
Позвольте вам дать совет:
Ставьте на Красного петуха —
Надёжнее ставки нет!..

<1972>

ОЛИМПИЙСКАЯ СКАЗКА

...А бабушка внученьке сказку плела —
Про то, как царевна в деревне жила.

Жила-поживала, не знала беды,
Придумывать песенки — много ль заботы?
Но как-то в деревню, отстав от охоты,
Зашёл королевич напиться воды.

Пришёл он пешком в предрассветную рань,
Увидел в окне золотую герань,

И — нежным сияньем — над чашей цветка
С фарфоровой лейкою чья-то рука.

С тех пор королевич не ест и не пьёт,
И странный озноб королевича бьёт.

И спит он тревожно, и видит во сне
Герань на своём королевском берегу,
И вроде бы он — как тогда, на рассвете —
Въезжает в деревню на белом коне.

Деревья разбужены звоном копыт,
Из окон глядят удивлённые лица...
Старушка плетёт и плетёт небылицы,
А девочка — спит!..

Ей и во сне покоя нет,
И сон похож на бред:
Как будто ей не десять лет,
А десять тысяч лет!

И не по утренней росе
К реке бежит она,
А словно белка в колесе
С утра и дотемна!

Цветов не рвёт, венков не вьёт,
Любимой куклы нет,
А всё — плывёт, плывёт, плывёт
Все десять тысяч лет!

И голос, скучный, как песок,
Как чёрствый каравай,
Ей всё твердит: «Ещё разок!
Давай! Давай! Давай!»

Ей не до школы, не до книг...
Когда ж подходит срок —
Пятёрки ставит ей в дневник
Послушный педагог.

И где ей взять ребячью прыть?
Когда баклуши бить?
Ей надо плыть, и плыть, и плыть,
И плыть — и первой быть!..

...А бабушка внученьке сказку плела...

Какой же сукин сын и враль
Придумал действие:
Чтоб олимпийскую медаль
В обмен на детство?!

Какая дьявольская власть
Нашла забаву —
При всём честном народе красть
Чужую славу?!

Чтоб только им, а не другим!
О однолюбы!
И вновь их бессловесный гимн
Горланят трубы!..

...А бабушка сказку прядёт и прядёт:
Как свадебный праздник в столицу придёт,
Герольд королевский на башне трубит,
Пиликают скрипки, играют волынки...
А девочка спит.
И в лице — ни кровинки!

А девочка... Тш-ш-ш, спит!..

* * *

Хоть иногда — подумай о других!
Для всех, равно, должно явиться слово.
Пристало ль — одному — среди всеблагих
Не в хоре петь, а заливаться соло?!

И не спеши. Ещё так долог путь.
Не в силах стать оружием — стань орудьем.
Но докричись хоть до чего-нибудь,
Хоть что-нибудь оставь на память людям!

1974

МАРШ МАРОДЁРОВ

Упали в сон победители и выставили дозоры,
Но спать и дозорным хочется, а прочее — трын-трава!
И тогда в покорённый город вступаем мы, мародёры,
И мы диктуем условия и предъявляем права!

Слушайте марш мародёров!
(Скрип сапогов по гравиию.)
Славьте нас, мародёров,
И великую нашу армию!

Слава!
Слава!
Слава нам!

Спешат уцелевшие жители, как мыши, забиться в норы,
Девки рядятся старухами и ждут благодатной тьмы.
Но нас они не обманут, потому что мы — мародёры,
И покуда спят победители, хозяева в городе мы!

Слушайте марш мародёров!..

Двери срывайте с петель, снимайте ковры и шторы,
Всё пригодится: и денежки, и выпивка, и жратва!
Ах до чего же весело гуляем мы, мародёры!
Ах до чего же веские придумываем слова!

Слушайте марш мародёров!..

Сладко спят победители: им снятся золотые горы,
Им снятся знамя Победы, рябое от рваных дыр.
А нам и поспать-то некогда, потому что мы — мародёры.
Но, спятив с ума от страха, нам рукоплещет мир!

Слушайте марш мародёров!..

Но это ещё не главное — главного вы не видели:
Будет утро и солнце в праздничных облаках,
Горнист протрубит побудку, сон стряхнут победители
И увидят, что знамя Победы не у них, а у нас в руках!

Слушайте марш... Слушайте марш...

И тут уж нечего спорить: пустая забава — споры.
Когда улягутся страсти и развеется бранный дым,
Историки разберутся — кто из нас мародёры,
А мы-то уж им подсказем, а уж мы-то их просветим!

Слушайте марш победителей!..

Оркестры играют марши над пропастью плац-парада,
Девки машут цветами, строй нерушим и прям.
И, стало быть, всё в порядке! И, стало быть, всё как надо!
Вам, мародёрам, пуля, а девки и марши — нам!

Слушайте марш победителей!
(Скрип сапогов по гравию.)
Славьте нас, победителей,
И великую нашу армию!

Слава!

Слава!

Слава нам!..

1970-е годы

ПАДЕНИЕ ПАРИЖА

Ги де Мопассану

— Скажите, вам бывает страшно?
— Ты ищешь страх? — открой роман,
Читай: «От Эйфелевой башни
Бежит в испуге Мопассан...»

Она — проклятие Парижу,
Она — улыбка сатаны,
Париж — фиглярствующий рыжий,
Сосуд греха, дитя вины.

И к полю Марсову в восторге
Спешат кареты парижан.
Скорей откройте двери моргов!
Париж на лезвии ножа!

Он славит Эйфеля как Бога —
Спасайтесь от его чудес,
От смертоносного и злого
Нагромождения желез!

Но знаю — смертный день грядёт:
Когда на согрешивший город
Всем телом башня упадёт.

— Вам страшно?
— Нет, ничуть не страшно!
— Ваш смех исчезнет навсегда,
Когда осколки этой башни
Вонзятся в ваши города.

Исчезнет Франция, как правда...

Нет, вы не спятили с ума,
Но вас никто не понимал.

— Скажите, вам бывает страшно?
— Ты ищешь страх? — открой роман,
Читай: «От Эйфелевой башни
Бежит, спасаясь, Мопассан...»

1976

МАРТОВСКИЕ СТИХИ

Растаял шебутной растяпа снег,
Сегодня мне приснившийся во сне.
Архип осип, и простудился Осип,
И не поймёшь: весна ль, зима ли, осень?
Но что не лето — это-то уж точно,
И воробьёв сплошные многоточья...

А снег исчез — и не было его:
Быть может, он и вовсе не родился?
А я-то не на шутку испугался!
Так, значит, не случилось ничего?

След самолётный через плат небес —
Какая обозримая нелепость!
И, значит, так и не было чудес,
И целый год не наступало лето:
Земля была грязна, полуодета.
И мучали меня полуодетость,

Неряшливость и заспанность земли.
Хотелось вишен и немного ласки,
А некто мне протягивал рубли:
Мол, отступись от невесёлой сказки.

Да ты и не сумеешь рассказать!
И впрямь — я не сумею рассказать...
И стало скучно и обыкновенно.
И зеркало посмотрит мне в глаза
И укорит за что-то непременно.

Я в доме снимаю зеркала,
Позакрываю двери на засовы...
А эта сказка всё-таки была,
Да уж навряд ли возвратится снова...
Сегодня я проснулся полвторого,
Увидел снег — он плакал из угла.

1976

МАЙСКИЕ СТИХИ

Уж это не случится никогда —
Я помню иней, синие сосульки:
Декабрь лихорадил переулки
В укутанных в сугробы городах,
У всех — температура сорок два,

Текут носы и красные гортани
Всё чаще чуют чайной ложки вкус.
Декабрь. Не первый на моём веку.
В тот день, я помню, встал довольно рано.

И сразу же почувствовал: сейчас
Произойдёт... Не чудо, ну так что-то...
Спешили люди, верно, на работу.
Такой декабрь я видел в первый раз.

На крышах, тротуарах, проводах,
Заборах, подоконниках и трубах
Сидели птицы синие, и зубы
Ломило тихим предвкушеньем чуда,
А это не случалось никогда.

1976

БЛАГОДАРЕНИЕ

Умывался ночью на дворе,
Твердь сияла грубыми звездами.
Звездный луч — как соль на топоре.
Стынет бочка с полными краями.

На замок закрыты ворота,
И земля по совести сурова.
Чище правды свежего холста
Вряд ли где отыщется основа...

Осип Мандельштам

Облетают листья в ноябре.
Треснет ветка, оборвётся жила.
Но твержу, как прежде, на заре:
«Лунный луч — как соль на топоре...»
Эк меня на век приворожило!

Что земля сурова и проста,
Что теплы кровавые рогожки,
И о тайне чайного листа,
И о правде свежего холста —
Я, быть может, догадался тоже.

Но, когда проснёшься на заре,
Вспомнится, и сразу нет покоя:
«Лунный луч — как соль на топоре...»
Это ж надо, Господи, такое!

2 мая 1976 года

* * *

I

Всё продумано, всё намечено
Безошибочно — наперёд.
Всё безжалостно покалечено
И заковано в вечный лёд.

II

Но копейка-то — неразменная!
Делу Время — потехе Час.
Пусть не первая, а последняя,
Успокоит ли это Вас?..

1977

Стихи и песни, не включенные в основное собрание

СКРИПКА

Московская полночь черна и нема,
По улицам стелется мокрый туман,
Тяжёлый, густой и липкий.
Срываются пальцы, немеет плечо,
Рука роняет поющий смычок —
И замолкает скрипка.

Тогда я слышу дрожанье минут,
Тогда я встаю, подхожу к окну,
Покрытому потным гляncем,
Тогда я слышу, как через окно
Доносится рявк паровозных гудков
С железнодорожных станций.

А я сижу, и мне не до них,
И в комнате мрак, осторожен и тих,
И, как океан, огромен.
Я слышу — брат за стеною храпит,
Я вижу — прильнули на чёрный пюпитр
Ноты в тяжёлой дрёме.

А завтра утром, когда линять
Будет месяца туша,
Я буду играть, и жюри меня
Внимательно будет слушать.

Они напрягут и слух, и глаза,
Они проверят каждый пассаж,
Упругость ритма, походки.
Но пальцы не дрогнут и не подведут —
И я сыграю концертный этюд
Уверенно, смело и чётко.

Я знаю, я верю в себя горячо,
Недаром бегал поющий смычок,
Покорный приказу строчек,
Недаром, гоня назойливый сон,
Я перебрал созвучья басов,
Не досыпая ночи.

И если сыграю, и если сдам,
То самой высокой наградой
Жюри направит меня тогда
Работать с агитбригадой...

...И в ночь, и в мерцанье весёлых огней
Через поля и пашни
Мы пронесём по просторной стране
Наши песни и марши!

1933

* * *

Светом луны согрета,
По улице ночь идёт...
Ах, неужели это
Действительно Новый год?..

...Всё, что не успел сыграть,
Всё, о чём не смел мечтать,
Сбудется, наверно,
В новом — сорок первом.
Старый не придёт опять!

декабрь 1940 года

* * *

Лают азиатские собаки,
Гром ночной играет вдалеке...
Мне б ходить в черкеске и папахе,
А не в этом глупом пиджаке!

Мне б кинжал у талии осиной
И коня — земную благодать,
Чтоб с тобою, с самою красивой,
На скаку желанье загадать!..

1941

* * *

Тот, кто боится смерти, — боится её везде.

Александр Грин

Глаза у тебя серые,
Такие же, как у мамы,
Хорошие-прехорошие!

Мы окно завесим шторой —
И погаснут фонари!
Ты большущим станешь скоро,
Станешь басом говорить!

Станешь самым голосистым,
Станешь оперным артистом,
Купишь фетровую шляпу,
Палку выпросишь мою,
Скажешь: «Я сегодня, папа,
Мефистофеля пою!»

Маленький ты мой сын.

Ты похож на маму очень,
Мой товарищ дорогой!
Далеко, у края ночи,
Город мой и город твой.

Мы придём ещё! Упрямо,
Запылённые бойцы...
Прямо к дому, прямо, прямо...
Только нас не встретит мама...
Только нам не скажет мама:
«Где вы шлялись, сорванцы?!»

Маленький ты мой сын.

А пока —
Оловянная пехота спит!
Заводные самолёты спят!
И тебе, брат, пора спать!

Москва, октябрь 1942 года

* * *

Деревья, деревья! Куда ни взгляни —
Всё близко, и всё незнакомо.
Весёлые дети, мы бродим одни
В лесу незнакомом как дома.

И пусть разлучают моря и года,
Когда-нибудь детям приснится:
Как ели шумели, как пела вода,
Как плакала дальняя птица...

...И если разлучат моря и года,
Когда-нибудь детям приснится:
Как ели шумели, как пела вода,
Как плакала дальняя птица...

1945

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Протрубили трубачи тревогу!
Всем по форме к бою снаряжён,
Собирался в дальнюю дорогу
Комсомольский сводный батальон.

До свиданья, мама, не горюй —
На прощанье сына поцелуй!
До свиданья, мама, не горюй, не грусти —
Пожелай нам доброго пути!

Прощай, края родные,
Звезда победы, нам свети!
До свиданья, мама, не горюй, не грусти —
Пожелай нам доброго пути!

Всё, что с детства любим и храним,
Никогда врагу не отдадим —
Лучше сложим голову свою,
Защищая Родину свою.

До свиданья, мама, не горюй —
На прощанье сына поцелуй!
До свиданья, мама, не горюй, не грусти —
Пожелай нам доброго пути!

Прощай, края родные,
Звезда победы, нам свети!
До свиданья, мама, не горюй, не грусти —
Пожелай нам доброго пути!

1947

СТИХИ ДОЧЕРИ

Письмо дорогой доченьке
Алёнушке от папы Саши

Ночь. Уснула вся квартира.
Я один не сплю, грущу:
Всё смотрю на карту мира,
Всё Иркутск на ней ищу.

Тот Иркутск на карте — точечка.
У меня в Иркутске — дочечка!
По прозвищу — Алёнка,
Золотая головёнка!

Говорят, что ты болела,
Пролежала две недели?!
Это, доченька, не дело,
Чтобы доченьки болели!

Целый день лежать в постели —
Очень плохо!
И не бегать две недели —
Очень плохо!
И на санках не кататься —
Очень плохо!
Не вставать, не умываться —
Очень плохо!

Плохо — кашлять и болеть,
И на градусник глядеть!

Что же делать? Как нам быть?
Как нам горю пособить?
Как избавиться от гриппов,
Кашлей, насморков и хрипов,
От ангин и от бронхитов,
От расстройств и от колитов?!

Если хочешь... Только — чу!
По секрету научу!

Чтоб врачей не звали снова,
Не давали пить микстур,
Ты запомни, дочка, слово:
Кара-кара-кара-муррр!

Токо скажешь: кар-карра!
Кар-карра!
Все болезни — со двора,
Со двора!
Крикнешь громко: Кара-муррр!
Кара-муррр!
И не надо пить микстур,
Пить микстур!

Можно снова одеваться —
Хорошо!
И на саночках кататься —
Хорошо!
И играть в снежки,
И гулять у реки —
Очень хорошо!

Если прихворнёшь немножко,
Если вечер сер и хмур,
Говори всегда, Алёшка:
Кара-кара-кара-муррр!

Крепко целую тебя, родная моя доченька —

твой папа Саша.

1949

* * *

Ужасно меня огорчает, любимая, что ты всё время прихварываешь! Что же это такое за безобразие, а? Ты ведь умненькая, хорошенькая и не будешь больше доставлять всем такие огорчения, правда? Я по тебе ужасно соскучился и каждую ночь вижу тебя во сне и очень хочу на самом деле крепко тебя расцеловать и отругать — чтобы ты больше никогда не подбирала на улице всяких гриппов и хрипов и прочих гадостей. А вот тебе коротенькие стишки:

Сосчитал я как-то раз —
Сколько вёрст от нас до вас!
Очень много, очень много!
Очень длинная дорога!

Надо с лестницы спуститься,
Сто ступенек отсчитать,
Надо с дворником проститься —
«До свиданья» пожелать!

И пройти огромный двор,
Обойти большой забор,
А потом на Бронной Малой,
Выпив кружечку ситро,
Мчатся два ещё квартала
До «Арбатского»-метро!

И в метро дорогой дальней
Ехать к площади вокзальной!
Ну а там уже немного,
Там окончена дорога!
Дальше путь отменно прост:
Только десять тысяч вёрст!

Паровоз примчит глазастый
Нас в далёкие края!
Мне Алёнка крикнет:
— Здравствуй!
Я скажу Алёнке:
— Здравствуй!
Здравствуй, доченька моя!

Крепко целую, обнимаю, с нетерпением жду весточек.

Саша

1949

* * *

Родная моя, любимая, ненаглядная моя доченька Алёнушка!

Ты опять болеешь, доча?
Ты опять в постели, кроха?
Это очень, это очень,
Это просто очень плохо!

На Басманной и на Бронной
Все волнуются с утра:
Как Алёна? Что с Алёной?
Что сказали доктора?

Хорошо ли дочка ест?
Не снимает ли компресс?
Есть ли насморк? Что болит?
Это грипп или бронхит?

Надо, надо быть здоровой!
Быть здоровой и весёлой!
Очень скоро, в форме новой,
Ты пойдёшь, Алёнка, в школу!

В самый первый, дочка, раз —
В самый первый, дочка, класс!
Там учење, там друзья,
Там болеть никак нельзя!!!

Папа очень много работает. Всё время сидит за своим письменным столом и пишет. Написал новую пьесу, которая называется очень странно — «Москва слезам не верит!» Спроси у мамочки, она тебе скажет, что значит эта поговорка. А ты видела папину первую пьесу? Ты помнишь, как она называется? «Вас вызывает...»... Ну — вспомнила? Самое главное, это то, что папа ужасно скучает по своей родной доченьке, Алёнушке, очень волнуется и беспокоится за её здоровье.

Мне бы свидеться с Алёной!
Мне б обнять покрепче дочь!
До свидания, Алёна!
О тебе, на Малой Бронной,
Помнит папа день и ночь!

Будь здорова, ненаглядная моя, будь здоровенькой, умной, весёлой. Слушайся маму и не забывай папу, пиши ему!

Крепко-крепко, нежно-нежно, долго-долго целую тебя и обнимаю, кланяйся маме, скажи ей, что я уже начал разговоры по поводу вашего перевода. Валюша, раньше обстоятельства были не совсем благоприятные, а теперь, когда идёт распределение пьесы, мне и карты в руки!

Ваш Саша

ОЙ ТЫ СЕВЕРНОЕ МОРЕ

Разыгралась к ночи вьюга,
Льды и ветры за кормой.
Слушай, милая подруга,
Слушай дальний голос мой!

Ой ты северное море,
Льды и ветры за кормой.

Пусть гудит и злится вьюга,
Ночь полярная длинна.
Но не дрогнет сердце друга,
Если милая верна.

Ой ты северное море,
Ночь полярная длинна.

Знаю, ты не раз встречала
Корабли издалека
И стояла у причала,
Поджидая моряка.

Ой ты северное море,
Корабли издалека.

На заре утихнет вьюга —
Вновь мы встретимся с тобой.
Слушай, милая подруга,
Слушай дальний голос мой!

Ой ты северное море,
Вновь мы встретимся с тобой.

1951

* * *

Жил да был репортёр,
Фронтowej репортёр...

На танке, в самолёте,
В землянке, в блиндаже:
Куда вы ни придёте —
До вас он был уже.

Ещё не взвились флаги
Над деревушкой эН,
А он уж на бумаге
Взял триста немцев в плен.

И вышли без задержки —
Наутро, как всегда, —
«Известия», и «Правда»,
И «Красная звезда».
Да, «Красная звезда»!

В блокноте есть три факта,
Что потрясут весь свет,
Но у Бодо контакта
Всю ночь с Москвою нет.

И он, чтоб в путь неблизкий
Отправить этот факт,
Всю ночь с телеграфисткой
Налаживал контакт.

Чтоб вышли без задержки —
Наутро, как всегда, —
«Известия», и «Правда»,
И «Красная звезда».
Да, «Красная звезда»!

Степные ветры дули,
И немец бил в упор —
И пал, сражённый пулей,
Весёлый репортёр!

Но шесть последних строчек,
Давясь от горьких слёз,
Его товарищ-лётчик
Редактору привёз!

И вышли без задержки —
Наутро, как всегда, —
«Известия», и «Правда»,
И «Красная звезда».
Да, «Красная звезда»!

1961

СЕРДЦЕ, МОЛЧИ...

Сердце, молчи
В снежной ночи...
В поиск опасный уходит разведка...

С песней в пути
Легче идти,
Только разведка в пути не поёт —
Ты уж прости.

В дальнем краю
Тех, кто в бою,
Вспомни и тихо пропой про себя
Песню свою.

Где-то сквозь снег —
Песни и смех...
Здесь лишь гудит новогодняя вьюга.

Здесь — на краю,
В снежном аду —
Вспомни и тихо пропой про себя
Песню свою.

1961

* * *

<...> и ты в расцвете лет.
Но <...> и средь бела дня
Твой голос придёт, как внезапный свет,
И ты позовёшь меня.

Несбывшаяся, несбывшаяся,
Ты позовёшь, позовёшь, позовёшь за собою меня!

Ты позовёшь меня...

И пусть сулит мне твой тихий голос
Страдания и беду,
Но я спокоен, и я готов,
И я за тобой приду.

Несбывшаяся, несбывшаяся,
Я за тобой, за тобой, за тобою иду!..

Я за тобой иду...

1966

* * *

Сбегают <...>
И падают в море, звеня,
<...>
И не было рядом меня.

А я б научил тебя, право,
Хоть ты догадалась сама,
Что это плохая забава —
Сходить понарошку с ума.

Сходить понарошку с ума.

Упрямы, нежны и неловки,
В круженье таинственных лет,
Мы бьёмся в своей мышеловке
И верим, что выхода нет.

Бормочут могильщики: «Амба!»,
И призрачен голос отца,
Но звон пятистопного ямба
Тревожит, как прежде, сердца.

Тревожит, как прежде, сердца.

Он в грохоте атомной бури
Чуть слышно, но всё же звенит,
И делает вздох на цезуре,
И с рифмы уходит в зенит.

Он хочет прорваться, пробиться,
Он спирт подливает в елей,
Но люди боятся провидцев —
Им сводка погоды милей.

Им сводка погоды милей.

Рабы стосковались по игу,
И вор презирает коня.
Про иву ты пела, про иву
За тысячи дней до меня.

Но верю: какой бы тропюю
Меня б ни вело бытие —
Повсюду ты будешь со мною,
Офелия, чудо моё!

Повсюду я буду с тобою,
Офелия, чудо моё!

1968, Алма-Ата

* * *

Говорили о погоде —
Ни словца о маете,
Целый день <...>
Дождик с ветром на постое,
Целый день <...>

Целый день в моё окно
Бьются медленные капли,
Будто свечка в канделябре,
Капли с воска на сукно,
Целый день в моё окно.

Позвони ж мне, позови,
Исцели меня от боли!
Это дождик злится, что ли?
Он не рад моей любви.
Позвони мне, позови!

Не лукава, не грешна,
Будь, прошу, со мной земною,
Чтоб беда моя за мною
В этот город не пришла,
Будь, прошу, со мной земною.

Будь земною, будь простою —
Не на дни, а на года —
В этом мире, где всегда
Боль с неправдой на постое —
Не на миг, а на года.

Вот опять в моё окно
Бьются медленные капли,
Будто свечка в канделябре,
Капли с воска на сукно...
Позвони ж мне, позови!

1968, Алма-Ата

* * *

Я, товарищи, скажу помаленьку,
Мы не где-нибудь живём — на Руси:
Кому кепка, а кому — тюбетейка,
Кто что хочет — надевай и носи.

Наше дело — это тонкое дело,
Тёмный лес, любезный друг, тёмный лес,
И обязаны мы ночью и днём
Государственный блюсти интерес.

Мы не в рюхи здесь играем, не в карты,
Здесь не баня, говорят, не вокзал.
Что для нас наиважнейшее? Кадры!
Это знаешь, дорогой, кто сказал?

Тут не с удочкой сидишь рыболовишь,
Должен помнить как основу основ:
Рабинович — он и есть Рабинович,
А скажи мне, кто таков Иванов?

Вот он пишет в заявлении «русский»,
Истый-чистый — хоть становь напоказ!
А родился, извиняюсь, в Бобруйске,
И у бабушки фамилия Кац.

Значит, должен ты учесть эту бабку
(Иванову, натурально, молчок!).
Но положи её в отдельную папку
И поставь на ней отдельный значок...

<1974>

От составителя

Первый том Сочинений, в который вошли стихи, песни и поэмы Александра Галича, является — на сегодняшний день — самым полным собранием его поэтических произведений. В основу книги положены архив составителя, насчитывающий 160 часов фонограмм частных и публичных выступлений Александра Галича, а также записи его выступлений на радиостанции «Свобода». К ним добавлены произведения, которые не сохранились в записи и были подготовлены по зарубежным и отечественным публикациям и по автографам поэта.

Основной принцип построения книги — тематический. Для выражения своей идеи Галичу зачастую были тесны рамки одного стихотворения, — решая какую-либо мегазадачу, он писал серии стихов или песен. Хотя даже в пределах цикла одно произведение могло противоречить другому (с авторской оговоркой, что «песня написана давно и сейчас автор так не думает»). Вот на такие циклы, так или иначе обозначенные Галичем, и разделен том. Названия некоторых циклов («Женские песни», «На реках вавилонских», «Литераторские мостки...») даны самим автором, остальные — составителем.

При подготовке книги стихов любого поющего поэта возникают определённые сложности при выборе варианта поэтического произведения. Как известно, одна из основных практических задач текстологии — установление канонического (основного) текста. Очень часто кроме нескольких белых автографов какого-либо произведения существуют ещё и десятки вариантов исполнения. Причём если автографы зачастую датированы, то исполнения можно датировать лишь приблизительно (с точностью, порой, до нескольких лет), а уж выстроить их в хронологической последовательности и вовсе не представляется возможным. В 1960—1970-е годы немногие смельчаки отваживались поставить на футляре кассеты не то что имя «Александр Галич», но даже дату и место выступления поэта. К тому же Галич обращался к авторской песне уже в зрелом возрасте, когда голос человека мало меняется (с Высоцким в этом плане легче). Поэтому традиционные для песенной поэзии методы текстологии в данном случае бессильны. Нельзя, например, вульгарно считать каноническим наиболее часто исполняемый вариант или вариант последнего исполнения.

В данном издании не было какой-то единой методологии в выборе варианта публикуемого произведения (его и не может быть!). Иногда приходилось прибегать к контаминации, т.е. из-за дефектов фонограммы соединять в окончательном тексте песни различные ее варианты.

На каждую песню составителем был заведён текстологический паспорт («генезис одной песни») — сведённые воедино варианты автографов и исполнений произведения, а также авторские комментарии к нему. На основании этого генезиса и был выделен текст, помещённый в основном корпусе книги. Варианты стрóf, а иногда целиком песен (конечно, далеко не все — это просто невозможно, исходя из объёма) даются в разделе «Комментарии».

Хочу особо оговориться, что нельзя всецело полагаться, например, на прижизненные публикации (даже если сообщается, что данное издание было подготовлено при участии автора). В них помимо орфографических и пунктуационных ошибок (причём это явно не авторские орфография и пунктуация) встречаются нарушения размера, строфики и рисунка. Вот пример из «посековского» издания:

— Ну что вы, Иван Петрович! — ответит ЕМУ хозяйка...

(«После вечеринки»)

Здесь явно нарушен размер. Ни в одном из 15 исполнений нет этого варианта. Есть:

— Ну что вы, Иван Петрович! — ответит ГОСТЮ хозяйка...

И эта неточность повторяется из издания в издание.

Есть и ещё одна беда у публикаторов поющих поэтов — неистребимое желание олитературить их язык. В нашем издании в текстах жанровых, персонажных песен сохранён язык персонажа — бытовой жаргон. В подобных случаях литературная правка вообще недопустима — улечувивается сам воздух песни, она задыхается. Галич неоднократно повторял, что «это говорит персонаж — он иначе говорить не умеет». Следуя воле автора, я сохранил в тексте: полУклина, проволoвка, пинДжак, сАматоха, шИНпанское, кАлидор, чуЙствуем, милицАнерская, у женЕ, коНпенсация, боНбончики и многое другое.

Знаки препинания по возможности ставились интонационные. Если автором при исполнении интонационно проставлялись разные знаки препинания, то брался наиболее часто встречающийся вариант.

В существительных среднего рода в предложном падеже, оканчивающихся на -ье, в некоторых случаях сохранено авторское произношение (например, в молчаньИ, в таяньИ, в бессильИ, в смиреньИ, в кипеньИ, в тленьИ...).

Несколько слов об авторских комментариях к песням, составивших основу раздела «Комментарии». Какие-то произведе-

ния не имеют их вовсе, к другим сказано лишь несколько слов. А к третьим, наиболее часто исполняемым, существует множество обширных толкований. Я не стал их компилировать, а взял фрагменты различных фонограмм. Они могут противоречить один другому, могут, напротив, быть тавтологичными, но всегда дополняют друг друга. В случае отсутствия комментария, впрямую относящегося к песне, давался ассоциативный авторский комментарий.

Источники рассказов Галича о своих песнях, как и источники самих песен, многочисленны и в большинстве случаев трудно определимы. По указанным выше причинам довольно сложно точно указать время и место концерта поэта, записанного на фонограмме.

В текстах песен и в комментариях к ним Галич часто использует парафраз того или иного цитируемого произведения какого-то автора. Мы не стали править текст по первоисточнику, позволив себе лишь выправить эпитафии к произведениям.

Том завершается справочным аппаратом, в который вошли расширенный алфавитный указатель произведений и каталог стихов и песен Александра Галича.

А.Петраков

Комментарии

У меня возникла такая нехитрая мысль: сделать цикл передач — спеть старые песни, но с рассказом о том, как они возникли, как бы с авторскими комментариями к истории написания этих песен...

Александр Галич

«Спрашивайте, мальчики!»

Закон природы (с. 31).

«...Я признавался как-то, что очень люблю сочинять песни на научные темы. Эта песня на научную тему... Подражание Беранже. Вернее, не подражание, а, так сказать, в манере».

Ошибка (с. 33).

«Сегодня я хочу рассказать вам историю возникновения и замысла песни, которая, кстати, когда меня исключали из Союза советских писателей, фигурировала в качестве одного из самых жестоких, одного из самых тяжких преступлений на моей совести. А дело было так. В 62-м году я с группой кинематографистов вылетал на пленум Союза кинематографистов Грузии. Неизвестно, почему послали меня туда — я к Грузии, в общем, не имел никакого отношения. Но так, попался под руку — меня и послали. И вот в самолёте, когда мы уже вылетели, я открыл последний номер газеты и прочёл о том, что Никита Сергеевич Хрущёв устроил для своего дорогого гостя, великого революционера, представителя Острова Свободы Фиделя Кастро правительственную охоту — с егерями, с доезжачими, с кабанами, которых загоняли эти егеря, и они, уже бессильные, стояли на подгибающихся ногах, а высокое начальство в них стреляло в упор, с большой водкой, икрой и так далее. Маленькая деталь. Охота эта была устроена на месте братских могил под Нарвою, где в 1943 году к дню рождения «гения всех времён и народов» товарища Сталина было устроено контрнаступление, кончившееся неудачей, потому что оно подготовлено не было — оно было такое парадное контрнаступление. И вот на этих местах лежали тысячи тысяч наших с вами братьев, наших друзей. И на этих местах, вот там, где они лежали, на месте этих братских могил гуляла правительственная непристойная охота. Я помню, что, когда я прочёл это сообщение, меня буквально залило жаром, потому что я знал историю этого знаменитого контрнаступления. Это трагичная, отвратительная история. И тут же, в самолёте, я начал писать эту песню, и когда мы приехали в Тбилиси, я не пошёл на какую-то там очередную торжественную встречу, а, запершись у себя в номере гостиницы, написал её целиком. Потом я попросил достать мне гитару и положил

её на музыку. *И вот так возникла эта песня под названием «Ошибка», которую я и хочу сегодня вам показать.*

Когда меня исключали из Союза писателей, то очень много, как я уже сказал, очень много было разговоров на тему этой песни. И, главным образом, дезертиры, люди типа Лесючевского, которого, как известно, собирались в 56-м году выгнать из Союза писателей за его плодотворную деятельность в качестве доносчика в сталинские времена, — он страшно возмущался этой песней, он говорил, что я обогал великий подвиг советского народа: как же это пехота полегла зазря? «Она не зазря полегла — она полегла защищая Родину!» — так утверждал Лесючевский. Но мы-то знаем из истории, что полегла она, не защищая Родину, — полегла она в честь липовой, якобы необходимой победы к дню рождения Сталина».

Старательский вальсок (с. 35)

«...Я не сплю, я лежу и думаю о друзьях, оставшихся там, и, конечно же, об Андрее [Сахарове. — Сост.]. Снова — уже в который раз — этот удивительный, редкой чистоты и мужества человек показал всему миру, как важно, как можно даже в условиях жесточайшего духовного гнёта уметь в надлежущую минуту сказать надлежущие слова, совершить надлежущий поступок. И снова — уже в который раз здесь, в полумраке моей первой норвежской комнаты, — я обращаюсь мысленно ко всем знакомым и незнакомым людям на Востоке и на Западе: не молчите! Поймите, молчать — нельзя!.. Дорогие мои друзья, знакомые и незнакомые, на Востоке и на Западе, — не молчите! Поверьте, это разрешается, это не стыдно, это можно — утешать вдов и сирот; это можно, это не стыдно — бороться с несправедливостью и ложью, помогать страждущим, вступаться за униженных и оскорблённых! Поймите, мы живём в одно время, на одном земном шаре. И пусть кто-то продолжает демагогически болтать о вмешательстве в чужие дела — нет на нашей земле чужих дел, все дела — наши!

Одна из самых старых моих песен».

Вальс, посвящённый Уставу караульной службы (с. 41).

«Вот опять наступило и минуло 22 июня — памятный день для людей старшего поколения, день, когда началась для Советского Союза вторая мировая война.

Удивительно устроена человеческая память. Я почти не помню дней мая 45-го года, хотя я был в это время уже в Москве. Это были радостные дни победы, но они как-то смешались у меня в сознании, в моей памяти: праздник, радость, поцелуи на улицах... А вот день, вернее, утро 22 июня 1941 года, хотя это было уже так давно, я помню отчётливо, помню, как будто это произошло только вчера — помню даже запах кофе. Мы встали поздно, сидели, пили кофе — и в это время по радио раздался голос Молотова, сообщавший о том, что началась война.

Война! У Слуцкого есть такие стихи:

*...А война была четыре года —
Долгая была война...*

Да, долгая была война! Со многими людьми довелось мне встретиться за эти четыре года — с самыми разными, с самыми удивительными. И вот что уже после не раз приходилось вспоминать и о чём приходилось размышлять. Вы, наверное, не раз слышали такое уже ставшее почти банальным классическое выражение «я бы пошёл с ним в разведку» или «я бы не пошёл с ним в разведку». И как много мужественных людей, которых я знал на войне и с которыми, казалось бы, можно было пойти в разведку не задумываясь, — как много этих прекрасных мужественных людей оказались жалкими трусами в гражданской жизни.

И когда их друзей на профсоюзных, на партийных собраниях топтали ногами, исключали из партии, выгоняли с работы, шельмовали, эти самые, ходившие с ними в разведку, трусливо и жалко молчали. Да, есть люди, с которыми можно идти в разведку, но нельзя ходить на профсоюзное собрание. К сожалению, это так.

Но были и другие, были действительно люди героической жизни вроде Петра Григорьевича Григоренко, человека, проявившего мужество и в военное время, и в гражданской жизни. И самое смешное, и самое грустное, но и самое отвратительное, что их, этих людей, топтали, осуждали, разоблачали те, которые всю войну отсиживались на разных тёплых местах — дезертиры вроде Кочетова или Аркадия Васильева, которые исключали из Союза, из партии фронтовиков.

Вот какие мысли приходят в голову в дни этого очередного памятного юбилея — 22 июня 1941 года. Об этом я написал когда-то песню...»

«...Из цикла военных песен. Она будет адресована всем любителям разбирать — где левые, где правые. По первой строчке этой песни назван мною сборник стихов, который вышел некоторое время тому назад в издательстве «Посев», — «Поколение обречённых»».

ПУР — Политическое управление Реввоенсовета.

Левый марш (с. 44).

«...Штрафники поют про малые войны».

Чехарда с буквами (с. 54).

«Детская песенка... Это меня просто занимала чисто техническая задача».

Вариант предпоследней строфы:

Так и жили в мире шатком,

Жили вместе А, И, Б,

Но явились трое в штатском

На машине МГБ. А забрали, И забрали, обозвали их на «б».

Петербургский романс (с. 58).

«Я хочу рассказать вам об истории ещё одной песни, которая была написана 23 августа 1968 года в Дубне. 21 августа в номер гостиницы, в котором мы жили тогда в Дубне, где работали с режиссёром Донским над фильмом и сценарием о Шалапине Фёдоре Ивановиче, постучали мои друзья, и у них были ужасные лица — испуганные, трагические, несчастные. Они мне сказали, что они слышали по радио о том, что началось вторжение советских войск, войск стран Варшавского договора в Чехословакию. Мы пытались наладить наш приёмник здесь, в номере гостиницы, но что-то ничего не получалось — мы ничего не слышали. Тогда мы ушли в лес. В лесу мы крутили этот приёмник нещадно, бегали по всем волнам и слышали сообщения только на английском, на немецком языке, но русской передачи ни одной поймать не могли. Ну мы с грехом пополам — слышно было очень плохо — разобрали и поняли, что действительно всё это произошло. И на следующий день я написал эту песню.

Я подарил её своим друзьям (Льву Копелеву и Раисе Орловой. — Сост.), они её увезли в Москву, и в Москве в тот же вечер на кухне одного из московских домов, где (в Москве есть такая традиция: все обычно собираются на кухне — и гости, и хозяйка) хозяин дома прочёл эти стихи, присутствовавший Павел Литвинов усмехнулся и сказал: «Актуальные стихи, актуальная песня!» Это было за день до того, как он с друзьями вышел на Красную площадь протестовать против вторжения войск стран Варшавского договора в Чехословакию...

...Я довольно часто пел эту песню, пел её во многих компаниях, но, пожалуй, никогда я так не волновался, и никогда я не был так рад спеть эту песню, как в тот день, когда мне позвонил вернувшийся из ссылки Павлик Литвинов и позвал к себе домой. И вот они сидели все рядом: Павлик, Наташа Горбаневская... участники той памятной демонстрации на Красной площади. И прямо глядя им в лицо, видя их глаза, я спел эту песню».

О пользе ударений (с. 61).

«Философский этюд... Вам, вероятно, всем памятно поведение одного крупного государственного деятеля в 68-м году и после...»

Людвиг Свобода (1895—1979) — президент ЧССР в 1968—1975 гг.

Горестная ода счастливому человеку (с. 63).

«Вероятно, все из вас знают о горестной судьбе замечательно-го человека, человека мужественного, прекрасного (знающего почти наизусть Бориса Леонидовича) Петра Григорьевича Григоренко. Генерала Григоренко. Вот у меня песня, посвящённая ему... Вы знаете, он находится в психушке уже который год, и никак нельзя, невозможно добиться его освобождения, когда он — человек совершенно нормальный, удивительный, прекрасный, благородный».

Варианты 1-й строчки последней строфы:

Был горек хлеб его и прост ночлег...
И сух был хлеб его, и прост ночлег...

Летят утки (с. 67).

Вариант 8-й строфы:

Не косят, не корчатся
В снегах зека —
Разговор про творчество
Идёт в ЦК.

Вечерние прогулки (часть 7) (с. 69).

«Ну вот так же, как моё приветствие съезду историков, — моё приветствие кой-чему... Ещё одному мероприятию».

Первоначальное название поэмы — «Песня о песочном человеке». Сохранилось единственное исполнение первоначальной версии поэмы, относящееся к 1970—1971 гг., которое публикуется ниже.

«...Такое вот будет четырёхчастное сочиненьце. Оно будет называться странно — будет называться оно: «Песня о песочном человеке». Вот две части, из которых ещё ничего нельзя понять».

I

Я искуплю грехи бытописанием,
Пора начать писать темно и выпренно,
И позабыть, что есть на свете Истина,
И гнать строку как мяч — в одно касанье.

Прощайте, мудрецы очередей,
Философы пивнушек привокзальных!
Я сам себя замучал в наказаньях,
Я принял душ и — трезвого трезвей.

Гуляю я и воздухом дышу,
И даже солнце не корю за пятна.
Я что-нибудь такое напишу,
Что будет всем приятно-непонятно.

Допустим, так: печальнее, чем снег,
Летит усталость, медленная птица,
Уже уснули Генуя и Пиза —
Не спит один песочный человек.

О, этот убегающий песок,
Немолчный шелест времени и страха!
О Парка, Парка, сумрачная пряжа,
Повремени, помедли хоть часок!

Шаманство? Пусть. Но прелесть какова!
Когда уже не речи, а реченья
И самые обычные слова
Вдруг обрели необщее значение.

И никому всё то, что врёт шаман,
Не станет ни укором, ни обузой.
Но в переулке вижу я шалман,
И возле двери я прощаюсь с Музой.

II

Ах, шалман! Гуляй, душа!
Дым — как в небо лесенка,
Два учёных алкаша
Кроют матом Лессинга.

От Натана мудрого,
Рассуждая строго,
Как от пива мутного,
У меня изжога.

Ах, шалман! Ликуй, душа!
Лопайтесь, подтяжки!
Работяга не спеша
Пьёт портвейн из чашки.

Лессинг, правильно, — мура!
Знаем мы про Лессинга!
Только нынче — не вчера —
Спета эта песенка.

Ах, шалман! Танцуй, душа!
Света, Света, Светочка!
До чего же хороша —
Как в бутылке веточка!

Света пиво подаёт,
Недоливу — толика,
Три поллитры достаёт
Света из-под столика.

Это значит — под расчёт,
И опять — с начала.
Работяга, старый чёрт,
Сделал ручкой «чао».

Ах, шалман, шалман, шалман!
Торжествуй ж в пороках!
И сиди молчи, шаман,
Здесь не ты в пророках!

О принципиальности (с. 78).

«Философский этюдик. Он поётся на известный мотив».

В песне использован мотив песни Сольвейг из оперы «Пер Гюнт» Эдварда Грига.

Предполагаемый текст моей предполагаемой речи... (с. 79).

«У этой короткой песенки — сравнительно для моих песен, которые все, в основном, строятся по балладному принципу и поэтому здоровы и длинные, — у этой короткой песни очень длинное название.

Слушателям предоставляется возможность подыскать весьма нехитрую рифму, которую автор из скромности заменил другим словом».

В ранних вариантах две последние строфы имели вид:

Запомните ж, люди, и знайте век,
Век! — чтобы не было смуты:
«Каким-то хазарам какой-то Олег
За что-то отместил почему-то!»

И эта трактовка седой старины —
Заслуга историков нашей страны.

Или:

Запомните ж, люди, и знайте век
(Минуту сметает минута):
«Каким-то хазарам какой-то Олег
За что-то отместил почему-то!»

И это преданье седой старины
Нас учит истории нашей страны.

Рукописный вариант двух последних строк:

И это преданье седой старины
Пример для историков нашей страны.

Ранний вариант:

Полцарства в крови, и в развалинах век,
И сказано было недаром:
«Как ныне сбирается вещий Олег
Отмстить неразумным хазарам...»

И эти, звенящие медью, слова
Мы все повторяли не раз и не два.

Но как-то с трибуны большой человек
Воскликнул с волнением и жаром:
«Однажды задумал предатель Олег
Отмстить нашим братьям—хазарам...»

И это волнение, и эти слова
Как новая правда вступили в права.

Но шли под конвоем сто тысяч калек,
И гнили калеки по нарам,
И, значит, не зря наш великий Олег
Отместил этим подлым хазарам!

Желтеет листва, зеленеет листва,
За правдою правда вступает в права!

Так помните ж, люди, и знайте навек,
Что сказано было недаром:
«Однажды решился какой-то Олег
Отмстить каким-то хазарам!..»

«Весь год — ни валко и ни шатко...» (с. 80).

«Знаменитый рыночный принцип, который когда-то я попытался сформулировать в такой короткой песне. Вот этот принцип священный».

Рукописный вариант 1-й строфы:

Весь год — ни валко и ни шатко,
И всё — как прежде, в январе,
Но каждый день горела шапка,
Горела шапка на воре.

Слушая Баха (с. 81).

«Это второй псалом из книги псалмов, которые я пытаюсь сочинять...»

«...В дни Великой французской революции были уничтожены статуи, украшавшие собор Парижской Богоматери, обезглавлены, потому что невежественные члены Конвента приняли их за изображения французских королей, а это были цари иудейские, предтечи Девы Марии.

Так же — на глазах уже нашего поколения, моего поколения — взлетел на воздух храм Христа Спасителя и были уничтожены прекрасные фрески, написанные Нестеровым.

И вот когда я выступал перед участниками семинара, я сказал о том, что, пожалуй, в нашей борьбе за человеческие права мы должны думать ещё и о борьбе за сохранение всего того прекрасного, что создано человечеством, потому что начинаются насилие и унижение человеческих прав с того, что сначала разрушаются, сначала оскверняются творения рук человеческих, а затем уже начинают уничтожать самого человека. С защиты этих духовных ценностей и начинается, по существу, борьба за права человека, потому что это наше достояние, это наша человеческая гордость, это создано руками, гением, духом человека.

И недаром насилие, всякое насилие, начинает именно с этого — уничтожая, разрушая наследие, доставшееся ему от дедов и прадедов...

Мне бы хотелось спеть вам одну небольшую песню, она войдёт в сборник моих стихов и песен под названием «Когда я вернусь», который, вероятно, выйдет в сентябре или в октябре этого (1977. — Сост.) года. Песня называется «Слушая Баха», посвящается она Мстиславу Ростроповичу, и выражена в ней, в сущности, вот та самая мысль, о которой я вам только что говорил».

Кумачовый вальс (с. 82).

«Я очень много пользуюсь — особенно в жанровых вещах — грубым уличным жаргоном. И это делается не для эпатажа, не для того, чтобы кого-то раздражить и кого-то позабавить. Вы, естественно,

все читали Солженицына и Максимова, и вы знаете, что, в общем, вся наша вот эта последняя группа писателей, мы все очень широко пользуемся жаргоном. И произошло это вот почему. Я живу сейчас в Норвегии. По вечерам мы смотрим телевизор. Говорят, естественно, по-норвежски, и понять что-нибудь трудно. Но всё-таки я больше понимаю, чем то, что я смотрел в Советском Союзе, в Москве. Потому что тот официальный казённый язык, он настолько лишён какой-либо мысли, информации, забит совершенно бессмысленными изречениями, не несущими в себе ничего. И от этого собачьего языка просто иногда хочется взвыть — ну ничего не понятно! Почему вдруг где-то в прекраснейшем месте, в такой роще берёзовой прибит плакат, который портит весь вид этой берёзовой рощи, и на нём написано “Миролюбивую политику КПСС одобряем и поддерживаем!”?»

Поэма о Сталине

За семью заборами (с. 85).

«...Мы жили в Болшеве и сочиняли там с моим приятелем. Я сидел тогда ещё за роялем, а не за гитарой. И мы сочинили такую песню, последний куплет которой мы никогда не пели. Его просто даже никто не знает...»

«...Потом перед сном, всё ещё оглушённые, не слишком понимающие, что с нами происходит, мы пойдём прогуляться и совершенно искренне удивимся тому, что в этом Аскере, где так красиво и так много вилл, нет ни одного высокого и глухого забора. В Советской России степень общественного положения владельца загородного дома (это нам всем прекрасно известно!) определяется именно и прежде всего высотой и непроницаемостью забора — величественной крепостной стены, защищающей слуг народа от нескромных взглядов самого народа. Вы, наверное, помните старую песню, которую мы не раз распевали и в Болшеве, и в Малеевке, и в прочих местах, где мы с вами встречались...»

«...В Осло строят метро. Весь город перекопан. И стоят заборы, отгораживающие строительство. Первое наше впечатление в Вене, там, где строят метро, — стоят заборы. Других заборов я здесь, в Европе, не видел...»

Вариант 3-й строфы:

За семью заборами
Да за семью запорами
Мучатся запорами
Красные вожди.

Вариант 10-й строфы:

Мы устали с непривычки,
Съели булку с колбасой,
Добрели до электрички
И поехали домой.

Написано в соавторстве с Геннадием Шпаликовым.

Облака (с. 87).

«...Теперь я вам спою песню, которой я очень горжусь. Дело не в том, что это какая-то такая особенная песня — самая обыкновенная песня как песня. Но она уже довольно давно в нашей стране, в Советском Союзе, стала жить отдельной от меня жизнью. И очень многие люди, которые её поют, они никогда не поверят, что у неё есть автор. Она стала такой песней безымянной, почти народной песней. И для поэта, в общем, нет награды выше... Песня из цикла “Пенсионеры”».

«...Людам, как бы ни менялись они с годами, трудно отделаться от сентиментально-снисходительного отношения к собственной юности: ещё в конце 40-х и начале 50-х годов мы — уцелевшие участники спектакля «Город на заре» — созванивались, а порою и встречались в день 5 февраля, день премьеры.

Когда в 1956 году драматург Алексей Арбузов опубликовал эту пьесу под одной своей фамилией, он не только, в прямом значении этого слова, обокрал павших и живых — это бы ещё, как ни странно, полбеды! Отвратительнее другое. Он осквернил память павших, оскорбил и унизил живых!

Уже зная всё то, что знали мы в эти годы, он снова позволил себе вытащить на сцену, попытаться выдать за истину ходульную романтику и чудовищную ложь...

В разговоре с одним из бывших студийцев я высказал как-то все эти соображения. Слова мои, очевидно, дошли до Арбузова, и 15 лет спустя, на заседании секретариата Союза писателей, на котором меня исключали из членов Союза, Арбузов отыграется, Арбузов возьмёт реванш и назовёт меня ни больше ни меньше как мародёром.

В доказательство он процитирует строчки из песни «Облака»:

*Я подковой вмёрз в санный след,
В лёд, что я кайлом ковырял,
Ведь недаром я двадцать лет
Протрубил по тем лагерям...*

— Но я же знаю Галича с сорокового года! — патетически воскликнет Арбузов. — Я же прекрасно знаю, что он не сидел!..

Правильно, Алексей Николаевич, не сидел! Вот если бы сидел и мстил — это вашему пониманию было бы ещё доступно! А вот так, просто, взвалить на себя чужую беду, класть живот за други своя — что за чушь!..»

Ночной дозор (с. 89).

«Дело было в Ялте. Я жил тогда в Доме творчества писателей на горе. Днём мы спускались с друзьями на пляж. Несколько лавочек, в которых, в основном, торгуют изделиями из ракушек и открытками с видами Крыма. И художественный салон. Салон, прямо скажем, особенными шедеврами не блещет: это плохие копии васнецовской «Алёнушки» и его же «Трёх богатырей» и портреты выдающихся деятелей советского государства...

Однажды мы шли в жаркий солнечный день по набережной и увидели в витрине — это было в начале 60-х годов — большой пор-

трет Хрущёва. И сначала мы с удивлением обнаружили, что «вождь мирового пролетариата» вспотел. Ну это было понятно, потому что портрет был только что написан, солнце падало в окно — и на лице вождя выступили крупные капли пота. Но это бы ещё ничего. Когда мы пригляделись поближе, то мы увидели, что под носом у Хрущёва проступают густые чёрные усы. Тогда мы пошли внутрь и попросили директора этого художественного салона. Им оказался маленький человек неопределённого возраста, неопределённой национальности, но совершенно определённо очень пьяный. И мы ему сказали: «Знаете что, если вы не хотите иметь очень крупные неприятности, то мы вам рекомендуем немедленно снять с витрины портрет Хрущёва». Он на нас посмотрел мутными глазами и сказал: «А что, уже?!» Мы сказали: «Нет, не “уже”, но вы вот пойдите и посмотрите». Он вышел вместе с нами на улицу, посмотрел на портрет, схватился за голову и сказал странные слова: «Как, я же им говорил, что Хрущёва надо на Маленкове!» Он сказал: «Вы понимаете, у нас в мастерской скопилось очень много портретов Сталина, Кагановича, Маленкова, Булганина — всяких. Ну не пропадать же портретам — мы на них пишем сверху новых вождей. И вот я им говорил, что надо Хрущёва на Маленкове, а то непременно будут проступать усы». И вы знаете, дорогие друзья, вот теперь, живя на Западе, разглядывая портреты разнообразных политических деятелей, мне очень часто кажется, что у них под носом проступают густые сталинские усы».

Больничная цыганочка (с. 91)

«Должен сказать, что когда я прочёл удивительную, прекрасную повесть Георгия Владимова «Верный Руслан», я подумал, что ведь, собственно говоря, и вот эту песню можно было бы назвать «Верным Русланом». Это история о людях с совершенно искалеченной, парадоксальной психологией, которая возможна только в тех парадоксальных, невероятных условиях, в которых существуют наши люди...»

«...Навидался я, что это такое — бесплатная медицинская помощь. Сохранил самые светлые, восторженные воспоминания о людях, которые работают в этих больницах, в чудовищных условиях, не имея, по существу, ничего из современного медицинского оборудования, работают почти что так, как работали старые земские врачи, умея делать всё, проводя не только положенные рабочие часы рядом с больными, но и ночи, и свободные дни... В Боткинской больнице в Москве, в таком сложном отделении, как отделение гнойной хирургии, ночью сестру практически дозваться невозможно, потому что она не может разорваться на такое количество больных, которые остаются у неё на руках.

И множество моих песен тем или иным образом обязаны моему пребыванию в этих больницах, потому что я наслушался там рассказов самых удивительных, навидался самых удивительных, самых необыкновенных людей с самыми необыкновенными и удивительными судьбами».

Заклинание (с. 94).

«Ещё песня из цикла «Песни о пенсионерах», песня о другом человеке, тоже имевшем отношение к лагерям».

Песня о синей птице (с. 97).

«<...> на инвалидной тележке вместо протезов было четыре колеса. Он сказал: «Подсадите-ка меня, братцы». Мы посадили его. Он сказал: «Угостите-ка меня, братцы». Мы выпили. Когда мы выпили, он рассказал нам такую историю».

Слава героям! (с. 99).

Написано в соавторстве с Геннадием Шпаликовым.

Вариант Геннадия Шпаликова:

У лошади была грудная жаба,
А лошади — послушное зверье.
И лошадь на парады выезжала
И маршалу молчала про нее.

А маршала сразила scarлатина,
Она его сразила наповал.
А маршал был выносливый мужчина
И лошади об этом не сказал.

Размышления о бегунах на длинные дистанции
(Поэма о Сталине) (с. 103).

«...Поэма в шести песнях. Некоторые из них поются, некоторые — говорят, некоторые — и поются, и говорят».

Это вот из тех сочинений, которые я давно стал практиковать — ещё до Беллы (Ахмадулиной. — Сост.): сочетание стихов, прозы и песни, и очень этим интересуюсь и пытаюсь как можно больше расширять. Это, пожалуй, одно из самых таких больших сочинений. Тут будут, возможно, не очень пристойные выражения по временам — ну ничего не попишешь».

Глава 4. Ночной разговор в вагоне-ресторане
(с. 108).

«Ну это глава, которая написана в подражание Аполлону Григорьеву, у которого есть знаменитая «Цыганская венгерка», где существуют странные слова «Басан, басан, басана, басаната, басаната...». Слова замечательные. В общем, совершенно непонятно, что это такое. Но они так же прекрасны, как придуманное Мандельштамом слово «бобачит».

«Бáсан, бáсан, басанá» в русский язык пришло из цыганского, в цыганский язык пришло из еврейского, в еврейский пришло, вероятно, из арабского. Означает это — заклинание от нечистой силы».

Эпилог. Аве Мария (с. 113).

«В песне сделана попытка столкновения жанрового такого».

Вариант 2-й строфы в «Аве Марии»:

...А Мадонна шла по Иудее
Окаянную дорогой казни,
Шла Она с котомкой за плечами,

С каждым шагом становясь прекрасней,
С каждым вздохом делаясь печальней...

В первоначальном варианте поэмы «Глава, написанная в сильном подпитии» и песня «Аве Мария» были инвертированы.

Фантазия на русские темы... (с. 115).

«Это длинная песня, предупреждаю. Жутко длинная и, в общем, совершенно идиотская. Просто мне показалось какое-то время назад, когда я только поправлялся, что очень важно её сочинить... Дамы, наверное, всё-таки образованные и знают, что такое «сучок». Это простая «Московская водка», самая дешёвая. Два восемьдесят семь».

Плясовая (с. 119).

«В последние годы очень много создавалось жилищно-строительных кооперативов: ЖСК «Московский писатель», ЖСК «Московский архитектор», ЖСК «Московский артист цирка». И вот всё-таки должен быть ЖСК «Московский стукач». В принципе, должен быть — тоже вполне официальная работа, оплачиваемая. И вот я представил себе, как бы там жили эти символические типы, в этом доме в ЖСК «Московский стукач». И вот, значит, такая шуточная плясовая песня».

Песня о Тбилиси (с. 121).

«Это вот песня, которая не написана как песня. То есть она написана как песня, но музыки к ней не сочинено. Поэтому она просто читается».

Королева материка (с. 124).

«История этой песни — особенная история. Она была написана в бреду. И это серьёзно. Потому что мне действительно очень было худо — я помирал в городе Ленинграде: мне занесли тяжелейшую инфекцию — золотящийся стафилококк. Меня отправили на городскую свалку, где меня просто спасли. Это были замечательные люди, великолепные просто, гениальные. И я им вечно буду благодарен, вечно кланяться в ноги. Я не мог читать, я не мог ничего...»

Насколько я помирал, люди, знающие меня и догадывающиеся о том, что я такое, могут представить себе: что профессор, заведующим делами велел мне, чтобы я хоть что-нибудь ел, принести две бутылки коньяку, чтоб я их выпивал для аппетита. И вот эти две бутылки простояли у меня две недели на окне — и я к ним не прикоснулся. Понимаете, в каком ужасном состоянии я находился? Но я там сочинил такую песню длинную, балладу, она грубая — тут будут несколько очень резких, грубых выражений. Идея её была следующая — у меня даже в бредовом состоянии была некая идея: я в детстве очень любил едва ли не больше из всех поэтов-классиков Василия Андреевича Жуковского. Как-то мне он был интереснее других, потому что баллады были интересные... А потом я уже стал думать: вот почему так вот как-то в русской поэзии не привился жанр готической баллады — «Громобой», «Светлана» и так

далее? В общем, он как-то не был подхвачен. Многое из того, что сделал Василий Андреевич Жуковский, было подхвачено другими поэтами, развито, усовершенствовано и доведено до совершенно удивительных высот, а вот жанр готической баллады — страшной баллады, с разветвлёнными линиями, грубой где-то в своей основе и романтической одновременно, — он как-то не был подхвачен. Вот мне давно хотелось сочинить такую балладу. Такую балладу я в бреду и сочинил. Так что, если вам она покажется ужасной, то сваливайте всё на бредовое состояние автора, которым она сочинена».

Впоследствии автором исполнялся сокращённый (с пропуском девяти строф) вариант с началом:

Когда затихает к утру пурга...

Вариант 1-й строфы 3-й главы:

Говорят, что однажды в тридцать седьмом,
В том самом лихом году,
Когда покойников штабеля
Укладывали на льду...

Вариант 5-й строфы 4-й главы:

Но когда ты один и ночь за окном,
От чёрной пурги хмельна,
Тогда ты — один, и тогда беги,
Ибо дело твоё хана!

Вариант 5-й строфы Заключения:

По всей Вселенной — валяя круши! —
Свой доблестный слава труд,
Её Величества Белой Вши
Подданные пройдут...

Вариант последней строфы:

И пускай нам другие дают срока,
Ты нам вечный покой даёшь,
Ты, Повелительница зека,
Ваше Величество Белая Вошь!
Наше Величество Белая Вошь —
Королева материка!

Литераторские мостки

Уходят друзья (с. 133).

«...Я неизменно вспоминаю своего покойного друга, замечательную женщину Фриду Вигдорову, человека мужественного, благороднейшего, человека такой необыкновенной строгой доброты... который был готов броситься в бой с любой несправедливостью. Она узнавала о том, что где-то в Сибири обижают кого-то, — она, маленькая седая женщина, тут же отправлялась в путь за десятки, за сотни, за тысячи километров... Я вспоминаю о ней, потому

что, когда я написал свои первые песни, она пришла ко мне и сказала: «Знаете, Саша, я хочу с вами поговорить. Что вы начали делать сейчас — вам кажется, что это вы так просто сочинили несколько забавных песен, а мы подумали, и нам показалось, что вот это то, что вы должны делать...»

Гусарский романс (с. 135).

«...Это будут песни о трёх Александрах. Цикл, который называется “Александрийские” песни” — песни, посвящённые поэтам, которых я очень люблю, и людям, которых я очень люблю, одного из которых я знал...»

Первая песня называется «Гусарская песня». Посвящается она замечательному поэту офицеру Александру Полежаеву, который за свои сатирические стихи и песни был арестован, а затем разжалован в рядовые, сослан в Сибирь. После чего он спился и закончил свои дни в сумасшедшем доме».

Цыганский романс (с. 137).

«Следующая песня из этого цикла, из «александрийского», из цикла “Песен об Александрах”.

«Единственное полностью лирическое сочинение».

«Соловьинный сад» — поэма А.Блока.

Салонный романс (с. 139).

«И третья песня называется «Салонный романс». Посвящается она памяти человека, которого... горжусь тем, что я его знал, любил и был с ним даже дружен, Александру Николаевичу Вертинскому, родоначальнику русского «шансоньерства», если так можно выразиться, человеку, который первый начал пользоваться поэзией как средство такого песенного выражения...»

...История кратчайшая. Мы жили тогда в Ленинграде — я делал сценарий для Сергея Дмитриевича Васильева. Это один из авторов «Чапаева», так называемых «Братьев Васильевых», хотя они не были братья. И я жил долго в Ленинграде — всё лето почти что. И в соседнем номере в гостинице «Европейской» поселился Александр Николаевич Вертинский, с которым меня познакомил бывший там, в Ленинграде, Никита Богословский. Он, значит, нас с ним свёл. И мы очень как-то сразу подружались, главным образом, потому, что у меня просто очень хорошая память, а Александр Николаевич совершенно не знал советской поэзии двадцатых и тридцатых годов. Ну это просто, так сказать, естественно, поскольку он уже уехал в то время и просто её не знал. И он вечерами ко мне стучался в дверь, и мы сидели с ним за коньячком, и он меня заставлял читать, говорил: «Саша, давайте читайте!» — и я, значит, ему читал, и всякие у нас были беседы, воспоминания и так далее.

И вот однажды был такой случай, что я пришёл домой довольно поздно — сразу звонок. Александр Николаевич говорит: «Саша, вы ужинали?» Я говорю: «Нет, Александр Николаевич». Он говорит: «Пойдёмте на “крышу”». Это было лето, и работала «крыша» в гостинице «Европейской». Он сказал: «Пойдёмте на “кры-

шу” — я тоже ничего ещё не ел, я после концерта. Пойдёмте поужинаем». Я сказал: «Пойдёмте, прекрасно!» Мы с ним встретились, пошли наверх, посидели. И я взял себе водочки. Он на ночь не пил — он пил с утра. У него была такая странная... Да, у него всё было наоборот — он пил с утра, и пил с утра довольно много. Во всяком случае, с утра он выпивал примерно вот такой большой стакан коньяку, выпивал днём поменьше и на ночь не пил совсем ничего — на ночь он брал стакан чаю и бутерброд. Мы с ним сидели, и вдруг к нам подходит какая-то дама, такая очень пожилая и очень какая-то восторженно-непристойная, я бы сказал. И она говорит: «Александр Николаевич! Боже мой! Знаете, как я счастлива! Я вчера была на вашем концерте, я вас слушала — какое это счастье вас видеть! Вы знаете, как мы здесь жили, и мы жили тем, что мы слушали вас!» Александр Николаевич расплывается — он очень любил лесть. И он улыбается и подвигает стул, она садится. То есть он сначала встал, естественно, а потом он ей подвинул стул, она села. «Вы знаете, как мы все эти годы жадно ловили всё то, что приходит к нам оттуда: ваши песни, песни Леценко...» Я смотрю, как каменеет лицо у Александра Николаевича, и он говорит: «Простите, кого?» Она говорит: «Ну вот ваши, Леценко...» Он говорит: «Простите, я не очень понял, о ком вы говорите. Был, кажется, такой какой-то — он что-то там пел в кабаках, но я... Вы знаете, я друг Бунина, Шаляпина, Рахманинова... Среди моих друзей такого человека, как Леценко, не было, я не знаю. Вы меня извините, бога ради, мы тут беседуем — у нас очень важный разговор. Вы нас простите!» И дама тут же поднялась и ушла. А дальше ещё был финал этого разговора. Мы, значит, с ним доужинали. Я чувствовал себя несколько неловко, поскольку он уже сидел такой налитой и осатанелый немножко. Официанту сказал: «Счётчик!» А я говорю: «Пожалуйста!» Официант спросил: «Вместе будем вам считать?» Ну я там чего-то ел всё-таки и пил, а он выпил стакан чаю и бутерброд. Александр Николаевич сказал: «Нет, пожалуйста, отдельно». Ладно, отдельно так отдельно. И вот нам принесли счёт. Я заплатил, не знаю, там рублей двадцать пять у меня было — я, значит, дал тридцать пять — «Сдачи не надо!» — молодой пизжон в ту пору. А Александр Николаевич — он надел очки, посмотрел счёт, внимательно посмотрел, и сосчитал — там было примерно рубль восемьдесят. Значит, он вынул портмоне, отсчитал рубль восемьдесят, потом подумал, посчитал, сколько будет двадцать процентов — отсчитал тридцать шесть копеек, положил, мы встали и пошли с ним к себе на этаж. Причём он шёл впереди, поскольку он уже был рассержен и гневен, а я шёл немножко сзади, и меня вдруг придержал за руку официант, старик. И он меня придержал и сказал молитвенным голосом: «Кто это?» Я говорю: «А что такое?» Он так махнул рукой. Я потом понял, что вот моя десятка — то, что я ему дал — чихал он на неё, на эту десятку. Он видит, что шпана пришла, человек, который не знает ни счёта деньгам, не понимает вообще, как... А вот это пришёл — это сидел Хозяин, понимаете, это сидел Барин,

Барин, который знает счёт копейке. И он не знал, кто это такой, — он почувствовал барство, такое настоящее барство...»

«...Человек, которому я ужасно многим обязан. Я просто обязан ему тем, что уже на старости лет он подарил меня, тогда ещё молодого человека, дружбой; человек, который был для меня легендой. Я с ним познакомился в 61-м году в городе Ленинграде, мы с ним подружились, и он меня очень любил. Мы с ним жили в гостинице «Европейской». Я писал тогда сценарий для покойного Сергея Дмитриевича Васильева. Сценарий, естественно, был запрещён. И мы с ним сидели вдвоём по ночам, пили коньячок и прекрасно беседовали — с ним было очень интересно разговаривать: он великолепно рассказывал и про Харбин, откуда он вернулся в Советский Союз, и про Париж, про недолгое его пребывание в Польше. Если в нашей компании появлялся третий человек, а в особенности если это была дама, то он становился решительно невыносимым, это уже было невозможно — он становился вдруг дико пошлым... Но меня он любил, главным образом, за то, что у меня была в ту пору великолепная память (сейчас она мне несколько уже начинает изменять по причинам возрастным), я хорошо знал русскую поэзию двадцатых годов, которую он просто совсем не знал, потому что он в двадцатые годы уехал. И вот этот самый промежуток — двадцатые—сороковые годы — он просто его не знал. Он не знал Мандельштама — он вообще даже не знал такой фамилии. Ну он не знал очень многих. Очень многого не знал.

В общем, к нему относятся как к такому салонному певцу. То, что он делал, — это иногда пошло-ва-эстрадно, потому что у него был заказчик — он работал на этого заказчика. Но он был при этом всё-таки похож на первоклассного художника, просто первоклассного. Я думаю, что... Вот когда нам говорят, что Франция научила тому, что такое жанр «шансонье»... Я думаю, что после Беранже, вероятно, самой великой фигурой был Александр Николаевич Вертинский, человек, который выразил своё время. Поразительно. Хотя он писал как будто бы такие пошлые сочинения. Но он был замечательным поэтом и замечательным мастером. Не поэтом и не певцом, а — всё вместе... Это, как говорят сейчас научно, синкретическое...

И вот сегодня лично для себя, сидя дома, я поставил себе пластинку — Мулермана и так далее. Так, значит, я выслушал: они поют все одну и ту же песню одними и теми же голосами. У них хорошие голоса, у них прекрасный аккомпанемент. И с теми же голосами они всё-таки — это ничего: ни эстетическое, ни физическое, ни нравственное, ни эмоциональное. Информации... Ничего. Потом я поставил плёнки, где у меня записаны Володя Высоцкий, Булат, Ким. Я подумал, что всё-таки это, во-первых, поэты, во-вторых, индивидуальности... Всё-таки каждого из них можно узнать. А там я не могу отличить, кто поёт. Чёрт их знает! Ну все поют похоже: одни поют ядовитыми русскими языками, другие поют ядовитыми западными языками. Но — всё равно».

В тексте романа упоминаются песни А.Вертинского: «Сероглазый король» (слова А.Ахматовой), «Бразильский крейсер», «Лиловый негр», «Пани Ирена», «Прощальный ужин».

Прощание с гитарой, или Чибиряк (с. 141).

«... Она называется чрезвычайно сложно: «Стариковское брюзжание на тему Аполлона Григорьева, написанное в форме романа «Прощание с гитарой». Тут я должен заранее просто извиниться перед дамами за некоторый цинизм».

Всё не вовремя (с. 145).

«Посвящается она Варламу Тихоновичу Шаламову. Это замечательный человек, замечательный писатель. Когда-то он начинал — в 30-е годы — как поэт. И сейчас он печатается в «Юности». И он пробыл очень много лет в лагерях. Он написал, по-моему, об этом прекрасную книжку — цикл рассказов и очерков. Когда я её прочёл, мне захотелось написать песню, посвящённую ему. Мы ещё не были даже знакомы. И, в общем, это единственная моя лагерная стилизация, ибо я не очень люблю этот жанр. Но тут просто было как-то необходимо написать. И, кстати, было очень странно. Я у одного нашего знакомого пел песни. Сидел какой-то очень высокий человек, костлявый, сидел, приложив руку к уху, слушал меня. Когда я сказал, что вот песня, посвящённая Варламу Тихоновичу Шаламову, он подсел совсем близко, просто прямо лицом к лицу — мне было очень неудобно петь, и я очень злился во время того, как я пел эту песню. А потом, когда я кончил, он встал, обнял меня и сказал: «Ну вот, значит, давайте познакомимся — я и есть Шаламов Варлам Тихонович». Так мы с ним познакомились, потому что песня была написана до нашего с ним знакомства. У меня, как известно, вообще голоса нет, а на эту песню у меня и вовсе голоса не хватает, потому что это такая, так сказать, истерично-урочная песня».

Памяти Бориса Леонидовича Пастернака (с. 147).

«Ровно год тому назад в этот памятный майский день — день смерти Бориса Леонидовича Пастернака — мне довелось в последний раз, потому что вскоре я навсегда покинул Советский Союз, мне довелось в последний раз быть на его могиле в этот день. Я приехал заранее — с тем, чтобы встать как можно раньше. Я уже не был тогда членом Союза советских писателей — естественно, поэтому не поселился в писательском городке, а снял комнату в рабочем посёлке на другой стороне станции. И вот утром я, рано утром я пришёл на могилу Бориса Леонидовича. Там уже было довольно много народу. Несмотря на то, что день был рабочий, будничный — всё равно люди ехали, приходили со всех сторон. Некоторые приезжали на машинах, но большинство выходили из электрички на платформе станции Переделькино, шли мимо золотых куполов Патриаршего подворья и входили в «нагой трепещущий ольшаник», в «имбирно-красный лес кладбищенский, горевший, как печатный пряник». Судя по этим стихам, Борис Леонидович ду-

мал, что смерть его придёт осенью. А смерть его была — весенняя смерть, смерть Возрождения, смерть начала новой вечной бессмертной жизни. Когда я пришёл на могилу, как я уже сказал, там было довольно много народу, а за оградой кладбища, расположившись на траве, на мокрой траве, сидела компания весьма подозрительных людей — вот тех же самых, которые когда-то «провожали» гроб Пастернака в день похорон, тех же самых кагебистов, переодетых в штатское. Они сидели прямо на траве, делали вид, что с наслаждением и с увлечением едят бутерброды, и с не меньшим вниманием, с не меньшим увлечением прислушивались к тому, что говорится у этой могилы под тремя соснами, на этой горке, с которой открывается переделкинский луг, и далеко-далеко, если приглядеться, видна дача, дом, где жил Борис Леонидович. Читали стихи на могиле. Много читали стихов. Читали пастернаковские стихи, читали свои собственные никому неизвестные молодые люди и известные. Читал стихи и я — не мог себе отказать.

А потом, вечером, по приглашению сыновей Бориса Леонидовича несколько человек пришли в дом Бориса Леонидовича Пастернака. Были сумерки, золотые майские сумерки, свет ещё не зажегали. Мы стояли в этих комнатах, в которых всё ещё царил дух Бориса Леонидовича, всё ещё казалось, что вот он где-то сейчас ходит, думает, бормочет свои стихи... Я стоял в комнате, которая изображена на фотографии, которую мне подарил Корней Иванович Чуковский. Я написал стихотворение «Памяти Пастернака»... песню «Памяти Пастернака», и первый, которому я прочёл её, был Корней Иванович Чуковский. Когда я прочёл ему это стихотворение, он сказал: «Ну вот, теперь я вам тогда подарю одну фотографию, она пока ещё почти никому не известна». И он принёс мне фотографию. На этой фотографии изображён улыбающийся Борис Леонидович с бокалом вина в руке, и к нему склонился Корней Иванович Чуковский и чокается с ним этим бокалом. А Борис Леонидович — у него очень весёлая и даже какая-то хитрая улыбка на губах. Я спросил: «Что это за фотография, Корней Иванович?» Он мне сказал: «Это примечательная фотография — эта фотография снята в тот день, когда было сообщено о том, что Борис Леонидович получил Нобелевскую премию. И вот я пришёл его поздравить, а он смеётся, потому что я ему, который всю жизнь свою ходил в каком-то таком странном парусиновом рабочем костюме, я ему рассказывал о том, что ему теперь придётся шить фрак, потому что Нобелевскую премию надо получать во фраке, когда представляешься королём».

И вот в эту фотографию, в эту сцену через десять минут войдёт Федин и скажет, что у него на даче сидит Поликарпов и что они просят Бориса Леонидовича туда прийти. И Поликарпов сообщает ему о том, что советское правительство предлагает ему отказать от Нобелевской премии. Но это случилось через 10 минут. А на этой фотографии, в это мгновение Борис Леонидович ещё счастлив, смеётся. И на столе стоят фрукты, которые привезла вдова Табидзе. Ей очень много помогал Пастернак, поддерживал её

все годы после гибели её мужа. Она прилетела из Тбилиси, привезла фрукты, весенние фрукты и цветы, чтобы поздравить Бориса Леонидовича.

И вы знаете, всякий раз, когда я смотрю на эту фотографию, я вспоминаю другое, тоже связанное с именем великого поэта. Все, кто помнят воспоминания друзей и знакомых Пушкина, помнят, вероятно, что в один из последних дней его жизни, после уже дуэли, была такая минута, было такое мгновение, когда доктор Арендт сказал: «Ему лучше. Он, вероятно, выживет». Я помню, что и в детстве — да, собственно, и сейчас — я закрываю книгу на этом месте, я закрываю книгу воспоминаний на этом месте. Я говорю себе: «Слава Богу, ему лучше. Слава Богу, есть надежда, что он будет жить. А может, так и произойдёт, может быть, случится чудо...»

И вот когда я смотрю на эту фотографию, у меня тоже всегда ощущение: а может быть, случится чудо — может быть, не войдёт сюда через 10 минут функционер, бывший когда-то писателем, Федин и не скажет, что приехал Поликарпов и что Борису Леонидовичу надо отказаться от Нобелевской премии.

Впрочем, это не имеет значения. Пастернак будет жить вечно. Нобелевская премия — за ним. Она заслужена. Успех, великий успех великой книги «Доктор Живаго» бессмертен. И я вспоминаю слова... Я не много раз встречался в жизни с Борисом Леонидовичем Пастернаком. Но однажды он пришёл в переделкинский Дом писателей (я тогда жил там — я ещё был членом Союза писателей), пришёл звонить по телефону — у него на даче телефон не работал. Был дождь, вечер. Я пошёл его проводить. И по дороге — я уже сейчас не помню даже, по какому поводу — Борис Леонидович сказал мне: «Вы знаете, поэт — или умирает при жизни, или не умирает никогда». Я хорошо запомнил эти слова. Борис Леонидович Пастернак не умрёт никогда».

«Не очень давно в газете «Правда» была напечатана статья о советской литературе. И там я с большой радостью прочёл среди фамилий, которыми следует гордиться нашему народу, фамилии Ахматовой и Пастернака. А в своё время Борис Леонидович Пастернак был исключён из Союза писателей и остался членом Литфонда. Ну это членом кассы взаимопомощи — вот так примерно».

«...Зал Дома учёных в новосибирском Академгородке. Это был, как я теперь понимаю, мой первый и последний открытый концерт, на который даже продавались билеты».

Я только что исполнил песню «Памяти Пастернака», и вот, после заключительных слов, случилось невероятное: зал, в котором в этот вечер находилось две с лишним тысячи человек, встал и целое мгновение стоял молча, прежде чем раздалась первые аплодисменты.

Будь же благословенным это мгновение!»

«Человечество имеет все основания ликовать, торжествовать, радоваться: Всемирный Совет Мира вручил награду “выдающемуся борцу за дело дружбы между народами” Михаилу Александру»

дровичу Шолохову... Вручавший эту премию Генеральный секретарь Всемирного Совета Мира Чандра сказал, что эта премия вручается Шолохову за выдающийся вклад в укрепление мира и дружбы между народами.

Ну что ж, действительно, вклад Михаила Александровича Шолохова в укрепление дружбы и мира между народами воистину не объять. Мы помним, с каким остервенением и с какой радостью он занимался травлей выдающегося советского поэта Бориса Леонидовича Пастернака, мы помним, как он пытался организовать травлю Эренбурга. Мы помним, как он кричал о том, что писателей Синявского и Даниэля нужно не судить, а расстрелять... Мы помним, как активно он включился в травлю другого лауреата Нобелевской премии писателя Александра Исаевича Солженицына и академика Сахарова...»

Исключение Б.Л.Пастернака из Союза писателей СССР состоялось в конце октября 1958 года на совместном заседании президиума правления Союза писателей СССР, бюро Оргкомитета Союза писателей РСФСР, президиума правления Московского отделения Союза писателей РСФСР, проходившем под председательством Н.С.Тихонова. Вот поимённый список тех, «кто поднял руку»:

Г.Марков, С.Михалков, В.Катаев, Г.Гулиа, Н.Зарьян, В.Ажаев, М.Шагинян, М.Турсун-заде, Ю.Смолич, Г.Николаева, Н.К.Чуковский, В.Панова, М.Луконин, А.Прокофьев, А.Караванова, Л.Соболев, В.Ермилов, С.Антонов, Н.Грибачёв, Б.Полевой, С.С.Смирнов, А.Яшин, П.Нилин, С.В.Смирнов, А.Венцова, С.Щипачёв, И.Абашидзе, А.Токомбаев, С.Рагимов, Н.Атаров, В.Кожевников, И.Анисимов.

«...не мылил петли в Елабуге, И с ума не сходил в Сучане...» — А.Галич имеет в виду М.Цветаеву, покончившую с собой в уральском городе Елабуге, и О.Мандельштама, уничтоженного сталинским режимом в пересыльных лагерях под Владивостоком. По одной из легенд, лагерь, в котором содержали поэта, находился в г. Сучане (ныне Партизанск).

Песня о последней правоте (с. 149).

Миссолонги — греческий город, в котором 19 апреля 1824 г. умер от тяжелой лихорадки Д.Г.Байрон.

Баллада о сознательности (с. 151).

«Научно-фантастическая песня несколько пародийного характера...»

Это одна из историй персонажа, которая, вероятно, будет продолжаться, — разные сочинения про судьбу Егора Петровича Мальцева...

Она посвящается памяти замечательного и очень рано погибшего поэта Даниила Хармса. Она посвящается его памяти не потому, что она посвящается его памяти, а просто потому, что она сделана немножко с его интонацией».

Песня без названия (с. 154).

«... „Литераторские мостки“. Первая „Песня без названия“ — песня-вступление. На всякий случай: Марина — это совершенно понятно, что имеется в виду Марина Цветаева; чайник, который кричал о Федре, — это имеется в виду Мандельштам».

Легенда о табаке (с. 156).

«Посвящена памяти прекраснейшего поэта, прекраснейшего писателя Александра Ивановича Урвачёва (Ювачева. — Сост.), который придумал себе псевдоним — Даниил Хармс, ходил в автомобильной кепке, с трубкой в зубах — на всех фотографиях он сохранился таким. И так же, как герой своей песенки, Хармс в один прекрасный день исчез. И самое удивительное заключается в том, что всё кого-то кто-то встречал. Даже есть апокрифические рассказы о встречах с Мандельштамом... На Кольме его видели. Во всяком случае, так вспоминает Шаламов. А Юра Домбровский вспоминает, что он его видел на пересылке...»

«...И было ему от роду 32 года, когда он исчез. Вышел из дому — и исчез. Причём действительно, в общем, всех кого-то где-то когда-то кто-то видел. Его не видел никто. Как говорила Анна Андреевна Ахматова, его, наверное, забыли в «Крестах» в войну где-то в одной из камер».

Возвращение на Итаку (с. 160).

«Был такой великий поэт в нашем веке, которого у нас, к сожалению, совсем не знают. Это Мандельштам. Это, вероятно, самый лучший поэт XX века, который был в России и писал по-русски. Когда его арестовывали, то в доме, кроме него, находились две женщины — его жена Надежда Яковлевна и Анна Андреевна Ахматова, которая считала его своим учителем и просто великим поэтом. Они были у него в доме. А за стеной в это время, у, так сказать, поэта К., он же Кирсанов, запусырявали пластинки с модной в ту пору гавайской гитарой. Ну он совершенно тут ни при чём, поскольку он не знал, что у соседей идёт арест».

Он латинист, Мандельштам. Всё то, что здесь написано, в этих стихах, оно, конечно, имеет прямое отношение к Мандельштаму, и вся манера стиха взята из него».

«Шелкунчик» — «домашнее» название стихотворения О. Мандельштама «Куда как страшно нам с тобой...».

«Кресты», или Снова август (с. 162).

«Анна Андреевна Ахматова очень боялась и не любила, нервничала, когда наступал месяц август. У неё для этого были все основания, поскольку в августе был расстрелян Гумилёв — на станции Бернгардовка под Ленинградом; в августе был арестован её сын Лев, сын Гумилёва; в августе вышло известное постановление о журнале «Звезда» и «Ленинград», где оклеветали, облили грязью Анну Андреевну. И когда я сочинял эту песню, она сочинялась долго, варьировалась, видоизменялась, а потом история подарила ещё один август — 68-го года, и как-то всё встало на свои места...»

Ну для истых москвичей, не бывавших в Ленинграде, «Кресты» — это просто ленинградская Бутырка».

Варианты 3-й строфы:

- (1)   Таким же неверно-нелепым
              Был давний тот август, когда
              Под чёрным бернгардовским небом
              Стрельнула, как птица, беда.
- (2)   Ведь так же неверно-несносен
              Был давний тот август, когда
              У чёрных бернгардовских сосен
              Стрельнула, как птица, беда.

Вариант 10-й строфы:

              Ей наплевать, что постно
              Следят десятки глаз,
              Ей наплевать, что поздно,
              Что комендантский час!

Ранний вариант песни:

              Той чёрной порой, той неверной,
              В тени разведённых мостов,
              Ходила она по Шпалерной,
              Моталась она у «Крестов».

              Ей в тягость?.. Да нет, ей не в тягость —
              Привычно, как росчерк пера.
              Вот если бы только не август,
              Не чёртова эта пора!

              Когда-то, когда-то, когда-то
              Такой же был август, когда
              Над чёрной водою Кронштадта
              Стрельнула, как птица, беда.

              И разве не в августе снова,
              В ещё не отмеренный год,
              Осудят мычанием слово
              И совесть отправят в расход?

              Но это потом, а покуда:
              Которую ночь над Невой,
              Уже не надеясь на чудо,
              А только бы знать, что живой!

              И в сумерки вписана чётко,
              Такая, как после, в гробу,
              Седая девчоночья чёлка,
              Прилипшая к мокрому лбу.

              Ай сени мои, сени,
              Кленовые врата!
              На кой тебе спасенье!
              Ты та или не та?

Без счёта и без края
Пойдут пылить года,
Такая не такая
Та прежняя беда.

Коротенькая чёлка
Колечками на лбу,
Ступай гуляй, девчонка,
Пытай свою судьбу.

А ночь опять бессветна,
Разведены мосты,
Я знал, что ты бессмертна,
Что и другая — ты!

И всё ещё случится,
И снова, как теперь,
Невзгода постучится
В незапертую дверь.

И будет ночь, и чёлка,
И ветер, и мосты...
Ступай гуляй, девчонка,
Ищи свои «Кресты»!

И не устав ни капельки как будто,
Задумчива, тиха и весела,
Она придёт, озябшая, под утро
И никому ни слова, где была...

Но с мокрых пальцев облизнёт чернила
И скажет, притулившись в уголке:
«Прости, но мне бумаги не хватило —
Я на твоём пишу черновике...»

На сопках Маньчжурии (с. 164).

«В Ленинграде на Волковом кладбище есть такой ряд, который называется «Литераторскими мостками». Вот у меня есть цикл песен, посвящённый памяти разных русских поэтов и писателей...

Иногда просто в песне не угадывается, вот я как-то раньше этого не говорил, теперь я понял, что это надо говорить — насчёт «толстомордого подонка». Это имеется в виду Жданов. Чтоб было ясно».

Век нынешний и век минувший (с. 167).

«Песня из коротеньких песен, из антипесен: по две — по три строфочки, такие песни-эпиграммки, которой я горжусь просто из-за того, что... Как известно, очень сейчас уже трудно открывать новые рифмы, все поэтому перешли на корневые ассонансные, а чистую рифму новую открыть почти невозможно. Мне кажется, что я вот здесь, в этой песне, открыл новую чистую рифму».

Сто первый псалом (с. 168).

«Песня посвящается такому прекрасному поэту Борису Чичибабину, который сейчас работает бухгалтером в трамвайно-троллейбусном парке в городе Харькове».

Так жили поэты (с. 170).

«...Нет, я не имел в виду совершенно впрямую (Евтушенко), я просто назвал их (стихи) не Евгения Евтушенко, а... «Так жили поэты»... Шанка горит.

Вот поэзия помимо своих обязательных смыслов и поэзия помимо того, что это всегда, на мой взгляд, происходит и существует как крик о помощи. Вот если этого нету, крика о помощи — к людям, к любимой, к милым, к Богу — понимаете, она не существует. Ну вот, предположим, XX век родил другую какую-то систему поэзии. Но ведь поэзия, опять же, не существует без строчки. Помимо смысла, помимо смысла. Ведь мы можем не знать Блока «Двенадцать», в котором есть определённый смысл, который мы сегодня уже не приемлем — нам уже кажется он странным. Но мы всё-таки все знаем: «Чёрный вечер. Белый снег. Ветер, ветер...» Ведь это слова были! Вот слова были — волшебные. И хотя они были очень простыми, но за ними стоял какой-то необыкновенный воздух, необыкновенное пространство. Вот когда мне говорят:

— Вы читали — это замечательные же стихи! Вот «Бойни чикагские» Вознесенского!

— Строчку!

— Нет, строчку... Там — смысл. Знаете, вот он идёт...

Я говорю:

— Строчку! Строчку... Вот как вот строчка... Слова, которые вам запали в душу и которые остались навсегда у вас в языке, в формуле. «Я Вас любил: любовь ещё, быть может...» Было такое? «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», «Редеет облаков летучая гряда...», «Среди миров, в мерцании светил одной звезды я повторяю имя...» Было там? Не было!

— Нет, но там было замечательно, понимаете... Вот там вот...

Я говорю:

— Нет, это не то! Ведь это не поэзия!

Нет, ну просто, понимаете, это другая природа, вот это — искусственная икра: может быть, даже её можно есть, но вряд ли нужно. Это совсем другая система. «Я — Гойя! Я — горе!» Вот это я помню — единственное что из него. И это очень плохо, потому что это выдуманное всё. Потому что там не было ни горя — там не было ничего, там всё было другое. Это аллитерация, выдуманная искусственно, просто потому, что там она попала под руку. И позиции его гражданские — всегда придуманные, они нарошны. Чего нет у Евтушенко. Потому что он припадошный немножко, и эта припадошность его прорывает в какую-то искренность — и он тут же в ней раскаивается, он тут же начинает барину лизать задницу и говорить: «Барин, прости меня, батюшка! Я вот тут, счас, значит, по неосторожности... Обмолвился. Я так больше не буду!» Но он всё-таки обмолвливается! Хоть по неосторожности. А этот — он такой осторожный, он такой расчётливый, он такого своего «Ленина в Лонжюму» сочиняет, что просто тебя с души воротит.

...И вот он (Дёмин. — Сост.) очень интересно рассказывает. Он рассказывает, как он однажды встретился с Вознесенским, и рассказывает об этом с ощущением восторженности: вот какой интересный человек Вознесенский! Что вот однажды он там где-то с ним встретился, и Вознесенский стоял очень грустный у Дома литераторов, и тот сказал: «Чего ты такой грустный?» А Вознесенский сказал: «Понимаешь, ну не печатают, чёрт его знает!» А потом они пошли в клуб литераторов, выпили. Вознесенский сказал: «Слушай, я записался на приём к Демичеву. Пойдём со мной вместе!» Мишка Дёмин сказал: «Ну зачем мне с тобой идти?» — «Нет, слушай, ну ты ж пойми — им надо объяснить, что мы им нужнее, чем все эти фирсовы и так далее! Мы же для них больше сделаем!» Дёмин сказал, что «вот я отказался». А он пошёл, и потом действительно через три дня в «Правде» появилось стихотворение Вознесенского. Это очень точно! Это жутко точный рассказ!.. Ну, действительно, он такой — валютный, бесполовый. Он бесполовый поэт такой. Чеки — литер «Ди»...

Вот я слушал эту его симфонию или поэторию — хрен его знает, как это называется. Это постыдное зрелище, что просто уже сил никаких нет. Щедрин написал на его стихи такую симфонию: значит, там хор, солисты и сам Вознесенский. И стоит так дирижёр, даёт время от времени палочкой знак Вознесенскому — Вознесенский читает там три строфы, потом так делает хору — хор вступает, потом на три четверти пошёл оркестр — «блям-блям-блям», сыграет, потом какой-то солист — голос женский, без слов — начинает вокализ такой, опять же палочку на Вознесенского — Вознесенский опять даёт чего-нибудь такое... Уй, это просто...»

«...Завтра день поминок и печали,
Завтра память рокового дня.
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?..

Вот. И совсем похожее:

Расцветали... (Тот же ритм!)... яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий на берег крутой...

Почему одно — стихи, другое — не стихи? Хорошие рифмы и там, и тут. Ритм — тот же совершенно.

Вот иду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня.
Тяжело мне, замирают ноги.
Ангел мой, ты видишь ли меня?..

[Галич не совсем точно цитирует стихотворение Ф.Тютчева «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.». — Сост.]

Всё переводимо: музыка — переводима, живопись — абсолютно интернациональна, архитектура — абсолютно интернациональна, скульптура — абсолютно интернациональна. Певец — мне абсолютно, в общем, наплевать, поёт он, понимаете, “о донна мо-

дель” или “Сердце красавицы”. А тут я ничего не могу понять — я могу только поверить. Я могу поверить, что Байрон — великий поэт, хотя в России в это никогда до сих пор, я бы сказал честно, никто всерьёз не поверил. Даже в переводе Гнедича. Ну трудно поверить. Он плохой поэт был, если говорить серьёзно. Но, наверное, он великий поэт. Гайне вообще не существует, его нельзя переводить, потому что эта вот дикая простота, с которой он писал, она непереводаема — это можно только в тех цезурах, которых нету просто в русском языке: ну дерево с кусочком олова в конце. А там они серьёзно понимают...»

«...И её при мне называли вот прямо так, как я её не собирался называть. Я по-прежнему её не буду называть, поскольку я по-прежнему не считаю, что её надо как-то так уж впрямую адресовать одному поэту...»

«...Там только одно первое слово изменено — в смысле блоковской строчки: не «Там жили поэты» у Блока, а у меня песня называется «Так жили поэты» [на самом деле в стихотворении Блока «Поэты» есть и строчка «Так жили поэты...». — Сост.].

Написана она на мотив старинной воровской песни».

Смерть юнкеров, или Памяти доктора Живаго (с. 174).

«В Петербурге на Волковом кладбище есть такой ряд, который называется «Литераторские мостки». Осип Эмильевич Мандельштам когда-то сказал горестные и гордые слова о том, что «нигде в мире так серьёзно не относятся к стихам, как в России, — в России за стихи даже убивают». Горестная история многих десятков русских писателей и поэтов вполне подтверждает эти слова. У меня есть целый цикл, который так вот и называется «Литераторские мостки», и посвящён он памяти ряда поэтов, погибших, затравленных...»

Это стихотворение, оно тоже входит в цикл «Литераторских мостков», хотя оно, как знаменитый памятник в городе Ганнибале, посвящено литературному герою, а не самому автору.

Песня, прямо скажем, слегка монархическая».

Без названия (с. 176).

«В 52-м году Анна Андреевна, исключённая отовсюду, лишённая всяких средств и возможностей существования и сходя с ума за судьбу сына Льва, который в то ещё время находился в лагере, написала ужасные стихи. [Стихотворение А.Ахматовой «Слава миру» датируется 1949 г. — Сост.] Она просила их не печатать и не вспоминать. Но так как их напечатали, то их пришлось вспомнить и что-то вот необходимо было по этому поводу сказать... Это стихи, где одному, по-моему, из самых великих поэтов русских изменило не только художественное что-то, как говорят, художественность, изменило само слово просто: оно крошилось, ничего не получалось — слова были мёртвыми...»

«Не квасом земля полита...»

Баллада про маляров, истопника и теорию относительности (с. 177).

«...Если вы мне позволите, я спою одну из своих песен, но я не могу сказать, что она имеет ту же самую популярность, как «За туманами», но она тоже как-то уже ушла от меня и считается чуть ли не, так сказать, сочинённой коллективно. Хотя, честно, я совершенно искренне вам должен сказать, что я её сочинил сам. В отличие от моих друзей, которые пишут прекрасные лирические, и грустные, и иронические песни, я пишу открыто сатирические песни».

«...Ну это история была такая. Корней Иванович, который очень ко мне хорошо относился в свои последние годы и очень меня всячески анонсировал и, значит, показывал и так далее. Просто звонил и говорил, что машина за вами пошла — приезжайте, — я собрал народ вас слушать. И вот я у него пел... Ну это было очень давно. И пел я у него такую песню про физиков, которые проспорили... Там «всё теперь на шарике вкось и вскочь» и «а в Сахаре снега невпроворот» и так далее. И рядом со мной сидел какой-то, в общем, как мне показалось, чрезвычайно замшелого вида человек, в ковбойке и в галстуке, почему-то надетом на ковбойку, и как-то он ёрзал. И когда я кончил петь, он ко мне наклонился и сказал: «У вас эта песня, вот она как родилась? У вас была какая-нибудь физическая идея о возможности контрвращения?» Я так подумал — ну совсем дурачок! что с ним разговаривать! Я сказал: «Ну какая идея, помилуй бог!» — и отвернулся от него...

А потом, когда в перерыве мы вышли в соседнюю комнату за бутербродами, то Корней Иванович подвёл меня и сказал: «Вот познакомьтесь, Саша, это Пётр Леонидович Капица». Вот так мы познакомились с Капицей. Потом я несколько раз выступал у него уже в институте. В общем, мы с ним стали добрые знакомые. А однажды мне позвонил один из его сотрудников рано утром. Я говорю: «Что такое, в чём дело?» — «Я от Петра Леонидыча, он просил вам передать, что в Сахаре выпал снег»...»

Баллада о прибавочной стоимости (с. 179).

«Я вам спою пародийную песню. Она, естественно, поётся от лица идиота. В данном случае идиотом выступает автор».

«Скоро я вернусь к себе в Норвегию (правда, странно звучат эти слова — «к себе в Норвегию») и хочу написать давно задуманный мной мюзикл комедийный, дворницкий мюзикл на тему вот этой самой песни...»

«...Человечество вообще не может жить без надежды. Вселяет надежду, что люди поймут и оценят тот горестный опыт, который упал на наши с вами плечи, и сделают из этого опыта выводы».

Вариант предпоследней строфы:

Негодяи, бандиты, нахалы вы!
Это всё, я кричу, штучки карловы!

Ох, нет на свете печальнее повести,
Чем об этой прибавочной стоимости...

Право на отдых, или Баллада о том, как я ездил навещать своего старшего брата, находящегося на излечении в психбольнице в Белых Столбах (с. 183).

«Ну вот это из тех песен, которые, в общем, вполне ерундовые, но которыми я очень горжусь, поскольку они уже давно как бы потеряли авторство. Никто, говорят, этого не сочинял — это, так сказать, народное...»

Под Москвой, примерно, в тридцати пяти километрах, на станции Белье Столбы расположен Госфильмофонд, а также сумасшедший дом».

«...Какие-то две женщины, стоявшие впереди меня, разговаривали, и одна другой говорит: «Знаешь, мы вчера, в воскресенье, в Белье Столбы ехали, в психбольницу на психов поглядеть. Ой, умо-ра! Знаешь, они гуляют, и каждый делает чего хочет: один на карачках ползает, другой плюётся, третий песни поёт. Весело! Во жизнь!»»

ВПШ — Высшая партийная школа при ЦК КПСС. Вела подготовку и переподготовку руководящих партийных и советских кадров, работников радио, печати, телевидения.

Я принимаю участие в научном споре... (с. 188).

«Ну это песня, написанная для забавки».

Фарс-гиньоль (с. 190).

«Вот песня, которая приличная, только там первое слово почему-то неприличное... Прошу присутствующих дам простить меня».

Вариант 8-й строфы:

Подмогнула б тебе касса, но:
Кажный рупь — на нашу стройку!
Посему тебе отказано,
Но сочувствуем, поскольку...

Фарс-гиньоль — Галич соединяет два драматических жанра: фарс — комедия грубоватого содержания и гиньоль (Grand guignol) — короткая пьеса, подчеркивающая насилие, ужас, садизм.

Композиция № 27, или Троллейбусная абстракция (с. 192).

«Песня-пародия. Написана при участии Александра Рашкина-Вентцеля».

Вариант 2-й строфы:

А на дворе всё дождь, всё снег,
То дождь, то снег, то плач, то смех.
И чей забой, того казна...
А кто — в любовь, а кто — в козла.

Вариант 4-й строфы:

А на дворе то дождь, то снег,
Сперва чуть-чуть, а там и сверх.
И, словно бой, гремит гроза...
А кто — в любовь, а кто — в козла!

Вариант 5-й строфы:

— В аккурат уже не первый сигнал!..
— А он им в чай и намешай нембутал...
— А им к празднику давали сига...
— По-советски ж, а не как-нибудь там!..

Вальс Его Величества, или Баллада о том, как надо пить на троих (с. 194).

«Старинная научная песня. Она, пожалуй, одна из немногих песен, я в этом смысле должен похвастаться, которая устарела. Просто благодаря изменению политики цен».

Вариант 1-й строфы:

Не пивом земля полита —
Спросите во всех краях:
Поллитра всегда поллитра
И стоят везде трояк!

Вариант предпоследней строфы:

И грозную славу эту
Признали вполне в ООН!
Он всех призовет к ответу,
Как только проспится Он!

По образу и подобию, или «Jedem das Seine» («Каждому — своё») (с. 196).

«Она, так сказать, босховская песня, полуабстракционистская. Название у неё — как надпись на воротах Равенсбрюка и, помоему, Бухенвальда: «Jedem das Seine». «Jedem das Seine» всего лишь означает «Каждому — своё».

Це-дур — до мажор, ха-моль — си минор.

Отрывок из репортажа о международной товарищеской встрече по футболу... (с. 198).

«...Песня, вся исполненная неприличных слов, но абсолютно приличная по существу. Просто герой этой песни иначе не может выражаться...»

«...Я, значит, должен заранее извиниться перед всеми здесь присутствующими женщинами. Поскольку я полагаю, что здесь собралась высокоинтеллигентная компания, которая поймёт, что в этой песне нету абсолютно никакой непристойности, хотя она почти вся состоит из неприличных слов. Она совершенно невинная песня. Она принадлежит к числу тех песен, где я пытаюсь заниматься немножко таким жаргонным языком. Она меня с этой точки зрения и интересовала».

«...Ну ещё одно предуведомление — это непосредственно дамам, потому что будут встречаться разнообразные выражения. Поскольку говорю не я, а персонажи, они по-другому изъясняются не умеют. По этому поводу есть прекраснейший рассказ у Лидии Корнеевны Чуковской. Она вспоминает о том, что они как-то сидели втроем: Анна Андреевна Ахматова, Лидия Корнеевна и пьяненькая Ольга Берггольц. И Ольга Берггольц начала очень активно выражаться. Лидия Корнеевна стала её останавливать. Тогда Анна Андреевна так положила руку, сказала: «Ну что вы, Лидочка, пускай говорит — мы же, в конце концов, филологи». Вот, значит, я прошу всех к этим выражениям относиться как к выражениям филологии...»

«...Следующую песню, пожалуйста, не давайте прослушивать детям до семнадцати лет... Я написал эту песню когда-то в Дубне. Я лежал в больнице. Ночью я вышел, как полагается, в сортир покурить. А в это время как раз в газетах очень много писалось об интеллектуальном футболе, о тончайших стратегических замыслах. И вот, сидя на низенькой скамеечке в одном исподнем и покуривая сигарету, мне пришла в голову мысль, идея этой песни — даже сразу пришли в голову первые строфы, и я начал смеяться. Вошла нянечка и увидела, что сидит один больной пожилкой, в исподнем, курит сигарету и сам с собою очень смеётся, развлекается. Она сказала: «Врача вам не надо?» Я сказал: «Нет, ничего, обойдёмся без врача!»

Истории из жизни Клима Петровича Коломийцева... (с. 201).

«Я вам покажу цикл песен, которые сочиняются уже очень давно. Три песни из него — уже старые песни, а одна — интермедия, которая там существует, она сравнительно новая. Значит, называется этот цикл очень длинно — это «Истории из жизни Клима Петровича Коломийцева, кавалера многих орденов, депутата горсовета, мастера цеха, знатного человека в своём городе».

«Истории, которые он рассказывает сам лично про разные случаи из своей жизни. Но сейчас в эти истории впутались уже некоторые родственники Клима Петровича — это такой уже эпический цикл стал из пяти песен. Наверное, на этом всё-таки я прекращу его сочинять, потому что он мне немножко уже надоел. Он сам и всё его семейство.

Здесь будут происходить по ходу действия некоторые лёгкие — в пределах средней школы, но тем не менее нецензурные выражения, но автор даже не просит за них извинения, ибо это говорит персонаж — он иначе говорить не умеет».

История о том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира (с. 201).

Последняя строфа присутствовала только в ранних исполнениях.

Первоначальный вариант двух последних строф:

Опосля ведёт меня в свой буфет
И указывает без лишнего:
«Вы налейте мамане — чтоб в самый цвет,
И воблы — из фонда личного!»

Сказал-то он без подлости,
А вышло клином:
С тех пор и стал я в области
«Маманей Климом»!
Такая вот дурацкая история!

История о том, как Клим Петрович добивался, чтоб его цеху присвоили звание «Цеха коммунистического труда», и, не добившись этого, запил (с. 204).

Вариант первой строфы:

«Ты герой, — смеются все, — ты же витязь,
И зарплату получаешь по-царски!»
Ну а я им: «Извините-подвиньтесь!
Я ж за правду хлопочу — не за цацки!»

История о том, как Клим Петрович восстал против экономической помощи слаборазвитым странам (с. 207).

«...Рассказывает эту историю он в состоянии крайнего раздражения, и поэтому некоторые не слишком парламентские выражения приходится ему простить — он действительно очень огорчён и расстроен всей этой историей».

Женские песни

Леночка (с. 211).

«Чтобы развлечь Юрия Павловича Германа, я в купе скорого поезда «Красная стрела» начал сочинять песню. Я писал её всю ночь...»

«Я ехал из Москвы в Ленинград, пижон, вполне благополучный кинематографист, в мягкой «Стреле». Причём так как у меня был блат в железнодорожной кассе, то мне давали ещё так называемое девятнадцатое место, из-за чего меня все остальные пассажиры этого вагона принимали за стукача, потому что девятнадцатое место — это место КГБ. Это единственное одноместное купе в мягком вагоне. И вот так как мне не спалось, я решил сочинить какую-нибудь песню. Причём песен я не писал уже очень давно, а стихов — тем более, и как-то они ушли из моей жизни на долгие годы. И вот я начал писать и стал сочинять песню под названием «Леночка». И сочинял я её, в общем, всю ночь, но как-то я сочинил сразу, с ходу, то есть это заняло у меня часов пять, не больше. И когда я сочинил, я вышел в коридор и так подумал: «Э-э, батюшки, вот, несмотря на полную ерундовость этой песни,

тут, кажется, есть что-то такое, чем, пожалуй, стоит заниматься». Вот с этой песни, собственно, и начались все мои дальнейшие сложные жизненные перипетии, которые меня и довели до сегодняшнего дня».

«Самая первая песня, написанная мною после того, как в течение двух с половиной примерно лет у меня подряд запретили три пьесы. Одной из них должен был открываться театр «Современник», другой должен был дебютировать режиссёр Хейфиц, а третья прошла два раза, потом была разгромная статья в «Правде», и её сняли. Я понял, что так дело не пойдёт и что ничего в драматургии настоящего я сделать не смогу. И это — государственная институция, при которой можно только, в основном, показывать кукиш в кармане, что занятие — ну до какой-то поры оно интересное, но потом надоедает — карман рвётся. И я решил, что надо поискать... И тогда я просто вернулся к стихам, которые я писал в детстве и в юности, потом на долгие годы перестал их писать. И вот ночью в поезде — я ехал в Ленинград по всяким делам — я сочинил первую песню. Она была совершенно, в общем, невинная. Абсолютно.

Для молодых людей, присутствующих здесь, — некоторые её реалии. Она, пожалуй, всё-таки самая устаревшая песня, самая мёртвая. Потому что, скажем, там есть такая реплика, довольно смешная, насчёт того, что «сидит с моделью вымпела». Ну молодые уже просто не помнят всего количества этих фотографий в газетах, когда всякие гости с Берега Слоновой Кости снимались с Никитой Сергеевичем, держа в руках вымпел. И была такая формула: примем высокого гостя — в подарок ему вручим вымпел, доставленный советской ракетой на Луну».

Тонечка (с. 215).

«...В конце 40-х годов в квартире, где я жил у моих родных, стал появляться довольно молодой человек, милый, весёлый, приветливый... Молодой человек, когда я входил, вскакивал и проявлял чрезмерную, преувеличенную учтивость и почтение, хотя по возрасту он был не так уж много моложе меня, но всё-таки моложе. А в ту пору эта разница казалась совсем значительной, тем более что молодой человек был учеником театральной школы, а я в ту пору был уже известным драматургом...

...Потом этот молодой человек исчез. Я как-то спросил у своих родных — где он? Они сказали: он бросил театральную школу, поступил в университет, говорят, женился, остепенился. И вот в годы Хрущёва звезда этого молодого человека взошла необычайно высоко, залетела в самое поднебесье. Позабыв о своих бывших красавицах, этот молодой человек женился на дочери Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущёва и стал, как остряли, «принцем-комсоргом», по аналогии с известным выражением «принц-консорт». Звали этого молодого человека Алексей Аджубей.

Многие из вас помнят, конечно, этот стремительный взлёт никому не известного молодого человека, который в последние годы, предшествовавшие падению Хрущёва, был главным редактором

«Известий», был председателем Иностранной комиссии Верховного Совета, членом ЦК, генеральным секретарём Союза журналистов и, вероятно, имел ещё множество всяких должностей. Он стал известен не только в Советском Союзе, но и во всём мире, он встречался с покойным ныне президентом Кеннеди, с Папой Иоанном XXIII. И вообще это была фигура яркая, выдающаяся и чрезвычайно занимательная...

Звезда его с падением Хрущёва закатилась...»

«Простая жанровая песня, жестокий романс из цикла «О чём поют в Останкино». И песне этой повезло, как некоторым моим песням. Они довольно быстро потеряли авторство, они стали распеваться, и никто не говорил, кто эту песню сочинил. И когда на одном из моих домашних концертов в первый раз люди попросили меня: «Спойте “Аджубеечку”!», — я сказал: «Помилуй бог! Я вроде такой песни не писал». — «Ну как же, это ваша песня: “Она вещи собрала...”?» Я говорю: «Да. Но песня называется “Тонечка”». Они сказали: «Нет! Песня называется “Аджубеечка”, и вы уж с нами не спорьте. Это уже стало таким широко распространённым названием этой песни». И вот так связалась биография Алексея Аджубея с биографией героя этой песни. Хотя, когда я писал её, я о нём не думал и я ничуть не полагал, что в чём-то они похожи. А вот в сознании людей они связались».

Красный треугольник, или Товарищ Парамонова (с. 217).

«Странно складывалась моя поэтическая судьба, странно и, в общем, счастливо. Несмотря на то, что ни одной строчки моих стихов не было напечатано там, в Советском Союзе, песни мои — некоторые из них, во всяком случае, — быстро становились безымянными, теряли авторство и расходились по стране...

Жанровая песня из цикла «Разноцветные песни». Разноцветность тут заключается в том, как героиня активно меняет цвета...»

«У неё странное название, но вполне объяснимое.

Это песня сатирическая, пародийная, естественно, рассказываемая от лица идиота. Вообще-то я очень люблю сочинять песни от лица идиотов».

Весёлый разговор (с. 220).

«Ещё одна песня, которая принадлежит к этому же циклу «Разноцветных песен», потому что, как вы видели, Парамонова всё время меняла цвета. А песня совсем другого характера, хотя называется она “Весёлый разговор”».

Женский вальс, или Песня о Прекрасной Даме (с. 222).

«...Помните, когда-то, когда мы учились в школе, мы все непременно писали сочинения на тему «Образ русской женщины в литературе». Мы вспоминали Татьяну, Волконскую, Трубецкую, Нечкину Незванову и Соню Мармеладову...»

Мы много что вспоминали и могли ли знать тогда, в детстве, какая судьба, горестная, трудная, страшная, выпадет на долю русских женщин, советских женщин в тот период, который называется периодом построения социализма и коммунизма в стране Советский Союз».

Варианты предпоследней строки:

- (1) Тёмной ночью на пересылке...
- (2) Воркутинскою долгой ночью...
- (3) В ярославском центре ночью...

Командировочная пастораль (с. 225).
«Абсолютно аполитичная лирическая песня».

Вариант 7-й строфы:

Расскажи ж ты мне, белка белая:
Что ты думала? что ты делала?
Что ты делала? где ты бегала?
Почему глаза помертвелье?

Варианты последней строки:

- (1) И навеки мы постояльцы...
- (2) И до гроба мы постояльцы...

Вальс-баллада про тещу из Иванова (с. 227).

«Я вам спую такую очень, я бы сказал, духоподъёмную песню... Это, в общем, подлинная история. Не сомневаюсь в абсолютной, так сказать, просвещённости аудитории, просто в песне можете не понять слово, и оно так и пройдёт непонятым. Слово «Поллак», которое в этой песне произносится, означает фамилию художника-абстракциониста американского Джексона Поллака. Значит, опять же прошу извинить за некоторую грубость».

Баллада об одной принцессе... (с. 229).

«Я хочу рассказать вам о том, как была сочинена и почему песня с таким длинным названием «Баллада о том, как одна принцесса раз в месяц в день полочки приходила поужинать в ресторан «Динамо»». После войны родилась в народе частушка, некоторые, вероятно, её помнят:

Вот окончилась война,
И осталась я одна.
Я и лошадь, я и бык,
Я и баба, и мужик.

Вот это женское одиночество, которое стало судьбою целого поколения, а может быть, даже не одного, а нескольких поколений советских женщин, о нём говорили, о нём пытались писать, но пытались писать очень осторожно, очень аккуратно, так, чтобы не затронуть тех, кто диктует политику, тех, кто заказывает музыку...

Женщинам одним в ресторан было входить запрещено. Им было запрещено одним ужинать, без сопровождения мужчин. Почему-

то заранее руководители нарпита подозревали этих женщин в каких-то дурных намерениях, и это в стране, где так много и часто говорят о женском равноправии, о том, что женщине открыты все пути, все дороги... Да, все дороги открыты — в тяжёлый, непосильный, изнурительный труд, но вот в ресторан, оказывается, ей дорога закрыта, одна она войти туда не может...»

Татарский плен (с. 233).
Песня посвящена Р.Лунёвой.

Песня про генеральскую дочь, или Караганда (с. 234).

«Лет десять тому назад мне довелось принимать участие в декаде русского искусства и литературы в Казахстане. Это было, в общем, довольно странное мероприятие. Нас встречали на аэродроме... Под предводительством Соболева оно происходило, покойного уже ныне Героя Соцтруда, который за всю свою жизнь не написал трёхсот страниц, как подсчитано, — так он перетруился жутко. Нас встречали на аэродроме девушки в национальных костюмах казахских с хлебом-солью. А потом нас распределили в разные бригады, мы разъехались по республике.

И я попал в город Караганду. И вот в городе Караганде я встретился с людьми, которые своё детство, отрочество и даже юность провели в лагере для детей врагов народа. Был такой лагерь «Дблинка» под Карагандою. В 55—56 годах, когда они освободились, они вышли на волю, и мужчины, в основном, разъехались, а женщины, в основном, остались в Караганде. Причём это очень красивые женщины. Это очень страшный город — такой, выстроенный по линейке и стоящий прямо у края степи, из которой дует холодный колючий ветер. Женщины — это всё рожденья так вот середины 30-х годов. Была такая мода тогда, у военспецов особенно, жениться на иностранках. Так что они все полукровки: полурусские-полушведки, полурусские-полуангличанки и так далее. Они все остались в Караганде, потому что ехать им было некуда, не к кому, незачем. И они нарочито ведут себя грубо. Почти все они незамужние. Почти все они ведут такую странную, почти полублатную жизнь. И вот несколько человек, которые обслуживали нас — ночной ресторан, потому что мы уезжали на концерты, приезжали поздно вечером, ресторан уже не работал, и вот был такой специальный зал выделен для нас, вот они нас обслуживали. Когда мы говорили: «Ну как вы, не скучаете по Москве, по Ленинграду?» Они говорят: «Мы их не видели, мы не знаем. Это вы отсюда, из России, а мы про Россию знать ничего не хотим!» Они считают, что они из Азии, а мы живём в России. Это меня очень пронзило, должен сказать. У них какие-то очень странные и горестные лица. И вот про одну из таких женщин я написал песню».

История, проливающая свет на некоторые дипломатические тайны, или Про то, как всё это было на самом деле (с. 236).

Вариант 8-й строфы

И она хоть прикинулась чинною,
Но бросала украдкой взгляд.
Был и впрямь он заметным мужчиною:
Рост четвёртый, размер пятьдесят.

Вариант 2 последних строф:

Приходили два хмыря из Минздрава,
Чуть не сутки проторчали у зава...
Он нам после доложил, на летучке,
Что теперь, мол, со здоровьем лучше.

«Это ж с психа, — говорит, — ваша дружба
Не встречала в ней ответа как нужно!
Так, как нужно, — говорит, — так, как нужно...»
...Ох, до чего ж всё, братцы, тошно и скушно!

Раковая шейка — машина для перевозки заключённых.

Запой под Новый год (с. 239).

«Это из цикла песен, который называется «Читая Блока».

*Странная ночь — не то снег, не то дождь. Человек идёт пья-
ненький, всё развезло, мокро. Он идёт, бормочет какие-то строч-
ки, вспоминает какие-то любимые строчки, иногда отвечает на
них вслух, иногда просто произносит их мысленно. Но чаще других
он вспоминает строчки из знаменитого стихотворения Блока и из
письма Пушкина брату Льву, написанного в 1821 (1922. — Сост.)
году».*

Вариант 2-й строфы:

Я позабыл твоё лицо
В запойной скуке,
Я подарил твоё кольцо
Какой-то суке!

Ранний (рукописный) вариант песни (январь 1943 года):

По-осеннему деревья налегке,
Фиолетовые пятна по реке,
Керосиновые пятна на воде,
Ты сказала: «Мой хороший! Быть беде!»

Я плотнее нахлобучил воротник.
Я в приметы не обучен, не постиг!
Я не верю этой шальной ерунде.
Ты сказала: «Мой хороший! Быть беде!»

Звёзды падают глухо
вниз!
Бьётся мухой
собачий визг!
Все трамваи ушли
назад!
Все деревья бедой
грозят!

говорил: «Извините, Александр Аркадьевич, что потревожили вас в рабочее время. У нас вообще это не принято — мы писателей не трогаем, понимаете. Но тут вот какое-то недоразумение в вашем персональном деле. Понимаете, мы не знаем, над чем вы сейчас работаете. Нам бы хотелось просто узнать, что вы делаете». Ну я ему сказал, что вот я — мне было предложено — и я пишу сейчас сценарий о войне. Вернее, о самом последнем дне войны. Он сказал: «Это очень интересно, вы знаете, это очень... Я ведь, знаете, болею за военную тему. Так что — вы не возражаете? — я приглашу ещё одного секретаря, Медникова. Он тоже очень интересуется военной темой». Я говорю: «Да нет, почему же, чего же я должен возражать? Пожалуйста!» Значит, вошёл Медников. Но Медников — это... Вы знаете, вероятно, знаменитое выражение Шолома Алейхема по поводу зимних и летних дураков: ну зимний дурак, он должен войти и снять шубу, галоши, валенки, шапку, размотать шарф — и только тогда видно, что он дурак; а летний — он так входит — и сразу видно, ничего ему снимать не надо, — так сказать, всё натурально. Так вот Медников — он вот такой летний дурак. Он так вошёл в дверь и сказал: «Ну как, установили, его это книжка или нет?» Стрехнин поморщился и сказал: «Ну, Анатолий Михайлович, мы ещё к этому вопросу перейдём. Мы вот сейчас выясняем с Александром Аркадьевичем, над чем он работает». Ну я уже, понявши, в чём дело, говорю: «Ну что вас интересует? Моя книжка? Да, моя книжка». Он говорит: «Да, вот, понимаете, книжка. Как же это так получилось?» Я говорю: «Так вы же меня не издаёте». Он говорит: «Да, да. Тогда, вы знаете, я вынужден попросить ещё одного секретаря займи сюда, Виктора Николаевича Ильина». Значит, пришёл Виктор Николаевич Ильин — это генерал КГБ, генерал-лейтенант Комитета государственной безопасности, который ведает писателями. Ну, когда он уже пришёл, он сказал: «Знаете, Александр Аркадьевич, я чувствую, что мы с вами не договоримся, — сказал он сразу, входя, хотя ещё мы с ним разговора не начинали. — И давайте — вот у нас послезавтра будет секретариат расширенный — мы на нём обсудим ваше персональное дело. Так что давайте приходите... Только вот зачем вы курите? — ведь у вас же плохое здоровье, — я слышал, у вас сердце болит». Я говорю: «Да». — «Ну не надо же курить, зачем? Неужели вы не можете взять себя в руки, перестать курить? Ну прямо как маленький вы какой-то, странный человек. Ну, значит, послезавтра приходите на секретариат».

Ну всё уже было относительно ясно. Я пришёл на секретариат, где и происходило такое побоище, которое длилось часа три, где все выступали. Это так положено — это воровской закон: все должны быть в замаске, все должны выступить обязательно — все, по кругу. Но там тоже происходили всякие смешные неожиданности. Скажем, такой знаменитый стучач Лесючевский, которого в 56-м году собирались выгнать из Союза, когда была раскрыта его плодотворная деятельность в сталинские годы в качестве провокатора и доносчика. Ну потом его не выгнали, сохрани-

ли, он сделался директором издательства «Советский писатель» и членом секретариата. Так вот этот Лесючевский, он пришёл позже — с середины примерно уже всего этого самого аутодафе. А в первой части как раз, когда Стрехнин докладывал моё дело, он сказал такую фразу: «В 68-м году Галичу было не рекомендовано (это вместо чтоб говорить «запрещено» — говорится «не рекомендовано») выступать публично. И он как бы издевательски это вот наше предложение выполнил — но он же выступал по домам, по квартирам. Всё равно там стояли магнитофоны, люди записывали его песни, они расходились. Так что пропаганда — антисоветская пропаганда — продолжалась. И он всё равно — это ж не важно: выступал он в большом зале или в маленьком — он же всё это делал!»

Лесючевский на эту часть доклада опоздал — он пришёл значительно позже. И он начал своё выступление. А рядом с ним сидел Грибачёв. (Вообще компания была удивительно «прекрасная».) Вот, Лесючевский опоздал, и он начал свою речь с такой пафосной ноты — он сказал: «Вот понимаете, до чего же измелъчали наши идейные противники. Ну я бы уважал Галича, если бы он вышел бы открыто — на публике спел бы свои песни...» Его толкает в бок Грибачёв. Он говорит: «Коля, что ты меня толкаешь, в чём дело?» Тот говорит: «Да...» — «Ну я правильно говорю!» — «Нет!..» В общем, была небольшая заминка, потом как-то её залакировали. И потом были четыре человека, которые проголосовали против моего исключения. Это были Валентин Петрович Катаев, Агния Барто — поэтесса, такой писатель-прозаик — Рекемчук Александр и драматург Алексей Арбузов. Они проголосовали против моего исключения — за строгий выговор. Хотя Арбузов вёл себя необыкновенно подло (а нас с ним связывают долгие годы совместной работы): он говорил о том, что меня, конечно, надо исключить, но вот эти долгие годы, они не дают ему права и возможности поднять руку за моё исключение. Вот. Они проголосовали против. Тогда им сказали, что нет, подождите, останьтесь — мы будем переголосовывать. Мы вам сейчас кое-что расскажем, чего вы не знаете. Ну они насторожились, они ясно уже решили — сейчас им расскажут детективный рассказ: как я где-нибудь туда, в какое-нибудь дуло прятал какие-нибудь секретные документы, получал за это валюту и меха, но им сказали одно-единственное: «Видите, вы, очевидно, не в курсе — ТАМ просили, чтоб решение было единогласным». Вот всё, что им открыли, — так сказать, дополнительные сведения, которые они получили. Ну раз ТАМ просили, то, как говорят в Советском Союзе, просьбу начальства надо «уважить». Просьбу «уважили»: переголосовали — и уже все были за моё исключение. Вот так оно происходило.

С тех пор прошло три года. И мне очень странно, оглядываясь назад, вспомнить эти дни. Я написал о них песню-стихотворение, которая, кстати, ужасно возмущает Виктора Николаевича Ильина. Он даже, я... как я знаю, показывал его некоторым заходившим к нему в кабинет, доставал эти стихи из сейфа и, потрясая

ими в воздухе, говорил: «Вот видите, Галич так ничего и не захотел понять!»

А песня — совершенно детская просто».

Песня о телефонах (с. 243).

«Я спую жутко приличную песню, просто самую приличную. Она не имеет в себе ничего, кроме такого лёгкого старческого маразма. Там очень красивый неончик придуманный. Как известно, Ходасевич жутко хвастался. И в разговоре Бунин ему сказал: «А четвёртого неона никогда в русской поэзии не было». Тот сказал: «А вот у меня был!» А у меня тут — и третий, и четвёртый одновременно».

«Я спую такую лирическую песенку, которая сначала возникла как идея сочинения неона — просто техническая задача. Потом стала песенкой. Значит, неон — это двудольная стопа с трёхдольным окончанием».

«...Написал я её когда-то, года два тому назад, ещё живя в Москве, на улице Черняховского. Написал я её почти как упражнение, потому что даже в словаре поэтических терминов сказано, что эта поэтическая стопа — неон четвёртый — встречается в русской поэзии чрезвычайно редко, она была сочинена специально, ею пользовался поэт Иннокентий Анненский... И вот все эти дни я почему-то вспоминаю эту песню...»

Рукописный вариант 2-й строфы:

Словно сдвинулись во мгле полюса,
Словно сшиблись над огнём топоры,
Оживают в тишине голоса
Телефонов довоенной поры.

Объяснение в любви (с. 246).

«Иногда прекрасные люди в очень сложных обстоятельствах своей жизни проносят или пишут мудрые — по тем обстоятельствам — слова. Но ужасно, когда они становятся общеупотребительной формулой. Это меня давно и всегда, честно говоря, сильно огорчало и раздражало. Вот по этому поводу, собственно, и написана песня».

Вариант 13-й строфы:

Устроил катавасию
На весь честной вагон:
Что с кликой, мол, китайскую
Стакнулся Пентагон!

Вариант последней строфы:

И пускай эти годы в нас ввинчены штопором,
Пусть мы сами растеряны, смяты, заверчены,
Но оставьте, пожалуйста, бдительность операм!
Я любил вас, о, люди! Так будьте ж доверчивы!

Письмо в XVII век госпоже моей Хелене (с. 249).

«Ну вот ещё одна композиция. Я написал её, просто почти что обзлившись, когда кто-то из моих друзей упрёкнул меня в том,

что я как-то совершенно ничего не сочиняю лирического. Я решил сочинять лирическое. Я не знаю, что из этого получилось. Особенно лирическое не получилось. Это написано в Серебряном бору. Там такой прекрасный дворик, на этой даче, когда выходишь из калитки в заборе — перед тобой открывается Москва-река, необыкновенно прекрасная и совершенно непохожая на московскую. Она какая-то такая, действительно как будто очень загородная река. И скамеечка. Сидишь над водой — с правой стороны знаменитая Лыковская Троица, где венчался Пётр I, очень красивая церковь издали, потому что внутри она загажена до беспредельности. А с левой стороны — государственная дача № 5, на которой живёт некий высокий чин, который, как утверждают разнообразные версии, имеет довольно прямое отношение к моей судьбе и биографии...»

«...А налево стоит дача, на которой живёт Дмитрий Сергеевич Полянский, с которым у меня своеобразные взаимоотношения...»

«...Ну вот, сидя на этой скамеечке, я обзирал эти прекрасные такие два компонента. И со мною ещё гуляла там такая чудная собака, которая со мной постоянно гуляла. Да, что ещё надо сказать. Ещё там такой троллейбусный круг, который есть центральное место встреч, разлук, потому что вот от него уже начинается всё дальнейшее путешествие по Серебряному бору».

Полянский Дмитрий Степанович (р. 1917) — 1-й заместитель председателя Совета Министров СССР (1965—1973). (В комментариях к песне Галич ошибочно называет Полянского «Дмитрием Сергеевичем»).

Вариант 1-й строчки 15-й строфы:

За блеск зубов его оскаленный...

Вариант 1-й строчки 16-й строфы:

Что горд судьбою, им помеленной...

На фонограмме одного из исполнений между 22-й и 23-й строфами была строфа:

Пусть головы наши <...>
Кружит чертовня.
Простите меня, о, моя госпожа!
Простите меня!

В рукописи предпоследняя строфа выглядит таким образом:

Ах, только бы шаг за черту рубежа
По зыбкому люду...
Но Вы подождите меня, госпожа,
Теперь я решился, моя госпожа,
Теперь уже скоро, моя госпожа,
Теперь я приду!..

«Я на этой земле останусь!»

Песня о несчастливых волшебниках (с. 255).

«Я спою такую более-менее полушуточную песню. Она написана в 66-м году, и дата написания этой песни имеет значение: чтобы не подумали, что я размахивал кулаками после драки. Тут важно, что человек, о котором пойдёт в этой песне речь, в ту пору был вполне, так сказать, тем, кем он был... Это тоже из песен-лабушек».

«Эта песня была написана в то время, когда Семичастный ещё находился на своём посту, был всемогущ. Это тот самый Семичастный, который обозвал, мерзавец, словом «свинья» Бориса Леонидовича Пастернака, тот самый Семичастный, который пытался оклеветать Александра Исаевича Солженицына».

Мне иногда говорят, зачем я в стихи и в песни вставляю фамилии, которые следовало бы забыть. Я не думаю, что их надо забывать, — я думаю, что мы должны хорошо их помнить. Я недаром написал в одной из своих песен — песне «Памяти Пастернака»: «Мы — поимённо — вспомним всех...» Мы должны помнить их. И кроме того, я твёрдо верю в то, что стихи, песня могут обладать силой физической пощечины...»

Семичастный Владимир Ефимович (р. 1924) — председатель КГБ СССР (1961—1967).

Счастье было так возможно (с. 257).

«Эта песня, она возникла так. У меня год тому назад, не знаю — то ли под влиянием каких-то событий некоторых в жизни моих друзей и даже не друзей — всяких людей — я почему-то стал бояться, что меня собьёт машина. Причём умышленно собьёт. Не случайно, а умышленно. И всё время ходил вдоль стенки, боялся переходить улицу. И для того, чтобы перестать бояться этого, я решил сочинить коротенькую антипесню».

Песня невинная, но она получила на очень неприличный мотив. Из-за этого она стала совершенно ужасной. Петь я её совсем не умею. То есть я всё не умею петь, но её совсем не умею петь».

Песня исполнялась на мотив «Марсельезы» (музыка К. Ж. Руже де Лиля)

Баллада о стариках и старухах... (с. 258).

«Этой истории предшествует небольшой рассказ. Он имеет просто какое-то значение для всей этой песни. Эта песня была написана лет пять тому назад. После тяжёлой болезни мне в больнице врачи знакомые устроили путёвку в санаторий кардиологический. И я, ничего не зная про этот санаторий, туда поехал. Это был санаторий областного Совета профсоюзов в ста с лишним километрах от Москвы, где людей из Москвы не было никого совершенно, а жили, в общем, какие-то довольно странные старики и старухи из разных каких-то райцентров. А это было ещё в пору моей прошлой жизни — я ещё носил всякие парижские туалеты... И дирекция этого самого санатория (я ещё был членом Союза пи-

сателей и членом Союза кинематографистов), вообще они приняли меня как чрезвычайно уважаемого гостя и дали мне отдельную комнатку. Была такая маленькая отдельная комнатка, похожая на пенал. Но у меня был от неё ключ — я не должен был бегать в каптёрку за каждым носовым платком... Мне было действительно... я чувствовал себя невероятно плохо, очень худо. И я совершенно не из-за высокомерия какого-нибудь дурацкого — я вообще не заражён, я просто не общался, потому что — как-то: или лежал, или просто ходил гулял по лесу. А они — очень любопытные, они целый день сидели там, в холле, болтались, они всё думают — кто же я такой? Вот они никак не могли понять.

А однажды произошёл ещё совершенно фантастический случай. Есть у меня очень близкий мне друг и человек — доктор физико-математических наук Елена Сергеевна Вентцель, и она же писатель И. Грекова по совместительству. И у нас с ней тоже есть приятель-полковник — Димка Соколовский. Он очень такого огромного роста, в папаче, в голубых погонах, там не поймёшь: то ли они эмгэбэвские — на самом деле они лёгкие. И у них где-то было недалеко от этого самого санатория совещание, и они приехали меня навестить... Ну и приехали меня навестить, мы пошли с ними гулять. Гуляли, потом вернулись домой. Я им сказал, что я разденусь внизу, а вам не надо, потому что вы пальто положите у меня в комнате. И мы поднялись наверх. А все старики и старухи сидели так в холле и с интересом смотрели: значит, я иду с полковником, и, значит, какая-то дама. А причём я с дамой шёл впереди, с Еленой Сергеевной, а Соколовский шёл немножко сзади меня. И я так вдруг обнаружил, что я ключик забыл в пальто, которое я-то снял внизу. И я так влоборота говорю: «Димка, сбегай за ключом, пожалуйста!» И вдруг они увидели, как полковник рысью отправился выполнять моё распоряжение. Тут они уже пришли в полное изумление. И потом вечером... А там курить разрешалось только в сортире. Значит, вот мы выходили курить. Они начали задавать мне наводящие вопросы, сказали: «Это кто к вам, родные приезжали?» Я говорю: «Нет». — «А вот это братан был, что ли? Вот этот, полковник-то?» Ну тут я не отказал себе в удовольствии — я сказал: «Нет, сослуживец». Ну тут они уже совершенно: раз если сослуживец, полковник, бегаёт как заяц — всё ясно. Так что эта песня — в ней всё правда».

Разговор с Музой (с. 260).

«Просто лирическая песня. Я писал совершенно безыдейную песню.

У меня так получилось, что я вообще очень мало пишу лирических песен. Меня за это всё время обвиняют. Но тут как раз по списку получилось так, что целый ряд лирических песен будет исполнен сегодня. Они, правда, своеобразные лирические песни. В песне я оказался дурным пророком. Я вообще иногда оказываюсь и хорошим пророком — я уже вам рассказывал про историю с Капицей, что я оказался хорошим пророком. А тут я оказался дурным».

Разговор с чёртом (с. 265).

«...Ну вот ещё из цикла научно-фантастических песен. Старая моя песня. И так же, как «Старательский вальсок», песня эта является своего рода политическим манифестом.

В отношении тех, кто любит негритянские мелодии, — она написана в манере спиричуэла».

Дорожная (с. 267).

Песня из к/ф «Старая, старая сказка», музыка А.Петрова.

Последняя песня, или Баллада о переселении душ (с. 268).

«Слово «шибер» — старое жаргонное словечко, которое сейчас уже почти забыто, и означает оно спекулянта, жулика».

После вечеринки (с. 272).

«...Написана она в состоянии крайнего пессимизма. Это опыт печальной футурологии...

У меня есть такая песня, которая называется “Облака”, в ней строчки “Облака плывут в Абакан...” и так далее».

Новогодняя фантасмагория (с. 275).

«... Старый Новый год я встречал тогда в Ленинграде. И встречал его в компании людей, большинство из них подали заявление на отъезд. Большинство из них. Хотя, кажется, некоторые ещё до сих пор не получили разрешения уехать, но большинство из них были уже как бы на сложенных чемоданах. Это был Новый год — встреча и прощание одновременно. И вот потом я написал песню. Она была как бы впечатлением от этого странного трагического — фарсово-трагического — Нового года. Старого Нового года.

Она может показаться нейтральной, но она совсем не нейтральная. Такая вроде бы бытовая просто вещичка. Просто мне захотелось немножечко попробовать ещё повернуть песню в кафкианство».

Песенка-молитва, которую надо прочесть перед самым отлётом (с. 277).

Песня посвящена Г.Кабачник.

На единственной известной фонограмме 4-я строфа не исполнялась.

Песня про велосипед (с. 281).

«У неё была одна техническая забавность для самого себя: просто мне хотелось написать песню свободным рифмованным стихом. Свободным и рифмованным. Верлибром, но рифмованным, и не раёшником. В общем, такая вот была залповая совершенно ходка».

«Песня эта была написана впервые, может быть, для самого себя. Песня не то чтобы в утешение, но какая-то попытка грустно пошутить по поводу своей странной писательской судьбы...

И вот сегодня, когда я говорю с вами, передо мной на столе лежит моя новая книжка. Я могу действительно потрогать её ру-

ками, поглядить её обложку. Это не первая моя книжка, изданная на Западе, но это первая книжка, в работе над которой я принимал непосредственное участие...»

Песенка о рядовом (с. 283).

«Такая простенькая песенка».

Рукописный вариант последней строфы:

Земля под ногами и посох в руке
Торжественной всяких божеств!
А маршальский жезл у меня в рюкзаке —
Свирель, а не маршальский жезл.

«Кто безгласных разводит рыбок...» (с. 285).

Вариант начала:

Кто заводит безгласных рыбок,
Кто, забавник, свистит в свирельку...

Священная весна (с. 287).

«Я живу вот в таком уютном посёлке у метро «Аэропорт» — на улице Черняховского, где все друг про друга всё знают, как в андерсеновской сказке: звенят бубенчики — какой суп у кого варится. Поэтому вот ко мне очень — в последние дни особенно — подходит ужасное количество народу, и все спрашивают — «правда ли, что вы крестились?». Я им говорю: «Собственно говоря, почему вас это так занимает?» Они говорят: «Ну как же, это так интересно...» Я говорю: «Ну вот, вы знаете, вот я два года, как поручик Киже, не имею лица и фигуры». Хотя это нельзя сказать по мне. «Вас никогда не интересовал вопрос: а на что я существую? Почему вас так заинтересовал вопрос — крестился ли я?» Они говорят: «Ну вы знаете, это такое всё-таки экстраординарное событие». Тогда я отвечаю, что я действительно крестился, что истинно. Когда они спрашивают, почему я это сделал, то сначала я пытался объяснять, потом решил, что объяснять это слишком долго, и на вопрос отвечал: «Так мне было нужно». Так проще всего».

Пейзаж (с. 289).

«Я хочу рассказать вам об одном случае, который поставил меня в тупик и чрезвычайно потряс моё воображение. Я уже просил, по-моему, прощения у присутствующих дам за то, что в моих сочинениях могут попасться недостаточно парламентские выражения. Вот сейчас в этом сочинении попадает одно небольшое рискованно-цензурное выражение. Я прошу меня извинить. Дело в том, что год тому назад, обдумывая возможность моего отъезда на Запад, я писал новую книгу стихов и книгу «Генеральная репетиция». Она только что вышла. А тогда, год назад, я её только что начал сочинять и сидел и писал её. И писал я её в таком доме — называется «Дом отдыха Большого театра». Это деревянная дача, которая стоит в Серебряном бору над Москвою-рекой, такая нескладная большая деревянная дача, разбитая на разные мелкие комнатки, в которых как-то устраиваются люди, в основном, балет-

ные актёры — смертельно усталые, они приезжают туда отдохнуть. И вот так как я уже был человеком без фигуры, лица и общественного положения, то меня каким-то чудом туда устроили, дали мне маленькую комнатку, и я там сидел и писал. И я иногда гулять, откровенно сказать, не слишком часто, но всё-таки иногда я ходил гулять. И вот я заметил у ворот этой дачи очень странное сооружение. Оно было похоже на землемерный столб, врытый в землю, на нём были нанесены кисточкой, так — очень небрежно и очень некрасиво, деления от одного до семи, и такая ржавая гирька покачивалась на ржавой проволоке, перекинутой через колёсико, куда-то уходила в землю.

И вот, значит, гуляя там, я стал спрашивать у живущих вместе со мной на этой даче, что это такое. Они мне все говорили, что вот «ей-богу, не знаем!». Ну я говорю: «Ну как же так? Вот живёте — «ленивые и нелюбопытные» — не зря про вас Пушкин писал. Ну как же, живёте столько лет тут, отдыхаете и никогда не задумывались над тем, что это за сооружение». Ну, в общем, я у многих спрашивал. Пока наконец не разговорился со сторожем, и он мне сказал: «Ну как, Александр Аркадьевич, что это такое — это говномер!» Я говорю: «Что-что-что?» Совершенно опешил от недоумения. Он говорит: «Ну как что — это говномер! Это, значит, подведёно к ассенизационной яме: уровень повышается — гиря понижается. Вот как жижа дойдёт до там деления пять-шесть — значит, надо уже вызывать ассенизаторов из города». Мне показалось это сооружение необыкновенно величественным и даже глубокомысленным. И тогда я сочинил небольшой философский этюд, которым открывается раздел книги, который называется «Серебряный бор», раздел книги начинается философским этюдом. И философский этюд называется очень спокойно-эпически «Пейзаж».

О вреде чтения (с. 290).

«Второй этюд, он такой, малозабористый, но просто я, тоже гуляя там... А там это очень красиво — это правительственная зона. Там всё очень красиво и все сооружения безумно такие чистенькие и красивые. Я, значит, там гуляючи, понял, что одну странную надпись никто не читал до сих пор... как-то не представлял себе, что она читается именно таким образом».

Пророк (с. 292).

«Сейчас я прочту одно из самых последних стихов, которые не знает никто, за которые меня могут презирать, догадавшись об их содержании. Но, может, не догадаются — тогда презирать не будут».

Вариант начала:

По замоскворецкой Галилее
Шёл он, как по выжженной земле, —
Мимо постных окон бакалеи,
Мимо мёртвых окон ателье,

Мимо, мимо булочных, молочных,
Переставших верить в чудеса.

Вариант 8-й и 9-й строф:

Пролетали фары — снова, снова...
А в душе Пророка всё ясней
Билось то несказанное слово
В несказанной прелести своей!

Много ль их на свете, новых истин,
Что способны захватить сердца?!
И прошёл Пророк по мёртвым листьям,
Не услышав голоса слепца.

Заклинание Добра и Зла (с. 297).

«Я решил написать, несмотря на своё христианское вероисповедование, цикл таких почти языческих заклинаний... При внимательном слушании моего стихотворения почти всё время повторяются одни и те же рифмосочетания. Не в прямом смысле, но, в общем, так сказать, рифмуются одни и те же слова в разных сочетаниях. Характерное для заклинания...»

«...Стихотворение, написанное мною за два дня до того, как я навсегда уехал из Москвы, навсегда оставил родину. Естественно, как все люди русские, оказавшиеся за рубежом, я верю и надеюсь, что мы ещё вернёмся. Но надо смотреть фактам в глаза и пока на возвращение рассчитывать трудно. На физическое. И вот за два дня до отъезда я написал стихи».

«...Есть стихи, которые постепенно превращаются в песню. Есть стихи, которые так, в общем, и не превращаются в песню, хотя тоже называются «песнями». Ну вот одна из таких — самых последних. Я, говорю не хвастаясь, действительно часто оказываюсь дурным пророком и что-то угадываю. И вот такая песня, которая пока ещё не стала песней, а существует как стихи».

На реках вавилонских

Предостережение (с. 303).

«Шуточная песня. В моей судьбе она сыграла неожиданно значительную роль. Именно за эту песню, когда меня исключали из Союза писателей, я был обвинён в проповеди сионизма».

Вариант последней строфы:

Это правда, это правда, это правда:
Это было и, боюсь, будет завтра.
Может, завтра, может, даже скорее...
Так не шейте ж вы ливреи, евреи!

Лехаим (ивр.) — букв. «За жизнь!». Традиционный тост, который поднимают правоверные иудеи во время субботней трапезы.

Поезд (с. 304).

«...Я увидел другое, прекрасное в своём трагическом уродстве, залитое слезами лицо великого мудреца и актёра Соломона Михай-

ловича Михозлса. В своём театральном кабинете за день до отъезда в Минск, где его убили, Соломон Михайлович показывал мне полученные им из Польши материалы, документы и фотографии о восстании в варшавском гетто...

Всхлиывая, он всё перекладывал эти бумажки и фотографии на своём огромном столе, всё перекладывал и перекладывал их с места на место, словно пытаясь найти какую-то ведомую только ему горестную гармонию.

Прощаясь, он задержал мою руку и тихо спросил: «Ты не забудешь?» Я покачал головой. «Не забывай! — настойчиво сказал Михозлс. — Никогда не забывай! Этого нельзя забывать!»

Я не забыл, Соломон Михайлович!..»

Засыпая и просыпаясь (с. 306).

«Просто лирическая песенка. Слова «нит гедайге» по-еврейски означают «не печалься, не отчаивайся, не огорчайся». Во всяком случае, московские евреи знают это выражение, в основном, из стихотворения Маяковского «Кемп “Нит гедайге”».

Реквием по неубитым, или Песня, написанная по ошибке (с. 307).

«Из сионистских циклов. В 63-м году, когда я жил в городе со стороны Репино и началась шестидневная война, у меня испортился радиоприёмник, и я слушал только радиоточку. Слышал, как просто там исключительно всё наступали наши родные египетские и сирийские войска. И я очень сокрушался. Не потому, что я такой уж сионист, но всё-таки мне было неприятно: маленькая страна, на неё нападают двадцать восемь стран... Потом, на шестые сутки, я решил поехать в Ленинград, купил батарейки для приёмника, приехал, выяснилось, что там — капитуляция. Я думаю: едрёна мать, что ж такое! А я уж за это время сочинил песню.

Когда-то в ИФЛИ, который я, правда, не кончал, но я учился в параллельном институте, и все мои друзья были ифлийцами, был такой Арон Копштейн, необыкновенно талантливый поэт, который погиб в финской войне, и там был Павлик Коган, который погиб в первые дни Великой Отечественной войны...»

«Когда началась шестидневная война, я жил за городом. У меня сели батарейки на моём приёмнике, и я слушал только официальные сообщения советского радио. Был в отчаянии и написал эту песню. Потом поехал в город, купил батарейки и узнал, что война кончилась победой Израиля. В песне упоминаются покойный президент Насер, награждённый званием Героя Советского Союза, и два поэта — Павлик Коган и Арон Копштейн, погибшие на фронте и никаких наград не получившие».

Вариант начала:

Шесть миллионов убитых,
Шесть миллионов убитых,
Шесть миллионов убитых,
Шесть миллионов убитых...

Вариант окончания:

...Всего лишь четыре миллиона
Осталось до круглого счёта!
Это не так уж много —
Сущие пустяки!

Баллада о Вечном огне (с. 309).

«Мне рассказывал один мой польский знакомый, что в Освенциме на Апельплаце, когда происходил очередной отбор заключённых для отправки в газовые камеры, оркестр, состоявший тоже из заключённых, исполнял по приказанию лагерного начальства весёлую песню «Тум-балалайка». А однажды тот же оркестр, состоявший из заключённых, на том же Апельплаце сыграл другую песню — песню «Червоны маки на Монте-Кассино», ставшую потом гимном польского Сопротивления. И не потому, что я сочинил эту «Балладу о Вечном огне», но каким-то странным образом с тех пор я, когда слушаю весёлую песню «Тум-балалайка», я испытываю страх и горе».

Каэр — контрреволюционер (в период сталинизма осуждённый по статье 58).

Вариант 24-й строфы

Нет, не уже — позже
Будет конец бою...
Пой же, труба, пой же,
Вечной тревожь болью!

Вариант 26-й строфы:

Пой, труба, не чуди коленцами!
Пой, труба, чтобы ярость крепла!
И чтоб смели мы, как в Освенциме,
Взяться за руки среди пепла...

Песня о твёрдой валюте (с. 313).

«Мне рассказывал польский музыкант, что любимой мелодией лагерного начальства в Майданеке была еврейская песня «Тум-балалайка»».

Жуткая история, которую я услышал в привокзальном шалмане (с. 315).

«Заранее прошу извинения у присутствующих дам за выражение, которое тут встретится. Но потом, в дальнейших песнях, встретятся ещё более сильные выражения, так что я прошу заранее прощения на весь вечер...»

«...Я не буду петь первую песню про Егора, она уж довольно старая. Значит, вот он в своё время проявил редкое мужество и излечился сам от диабета. А тут он проштрафился и попал в жуткую историю. Вот эту самую жуткую историю он рассказал в привокзальном шалмане, а я её услышал».

Вариант 15-й строфы:

Значит, все мы — кровь на рыле —
Топай к светлому концу —
Ты ж, как сука, в Израиле
Будешь жрать свою мацу!

Кадиш (с. 318).

«Мои взаимоотношения с Польшей начались рано... А потом начался период невероятного увлечения Шопеном — я занимался музыкой в ту пору. И на всю жизнь остался мой интерес к Польше...»

«С некоторых пор мне показалось интересным, поскольку, как вы могли сами убедиться, мои песни — не совсем песни, большие мимикрируют под песни, с некоторых пор меня заинтересовало сочинение таких композиций, в которых сочетается попевка с чистыми стихами. Вот одну из них, самую большую и самую, пожалуй, как мне лично кажется, сделанную так, как мне представляет возможность этого жанра, я вам сейчас и покажу. Это довольно давно уже написанное сочинение — в 70-м году оно написано, и называется оно «Кадыш». Кадыш — это еврейская поминальная молитва, которую произносит сын в память о покойном отце...»

«Кадиш» вообще, вероятно, правильнее произносится.

Цикл стихов и песен «Кадиш» посвящается памяти великого польского врача, педагога и писателя Януша Корчака, который вместе со своими детьми из «Дома сирот», который он основал, ушёл в огонь — в лагерь «Треблинка». Они были отправлены целым эшеленом почти что в лагерь уничтожения. И не вернулись оттуда. У него сначала было два дома: просто «Дом детей» в центре Варшавы и второй — «Дом сирот» в еврейском гетто. Когда Польша была оккупирована, остался только «Дом сирот». «Дом сирот» был совершенно необыкновенное заведение, которому, вероятно, сильно бы позавидовал Макаренко, ибо там не знали, что такое штрафы и так далее и тому подобное наказание. Но где жили очень весело. Они придумали свой собственный флаг: золотой клевер на зелёном поле — символ детства. Они сочиняли свои песни. И они долго держались: депортация их произошла только в середине 43-го года. Они два с половиной года существовали, и немцы не решались тронуть Корчака — настолько он был знаменит. Мы, к нашему стыду и несчастью, очень мало о нём знаем. О нём писал немножко Швер-Шаров, и была одна публикация в «Новом мире». А имя этого человека просто знаменито по всему белому свету. И во многих странах ежегодно проводятся фестивали его памяти, и есть медали его памяти и так далее...»

Один из ранних авторских комментариев к «Песенке девочки Нати о кораблике»:

«Эта песня, она, собственно, не совсем самостоятельная песня — она будет входить как лейтмотив в цикл песен, которые я хочу написать о Януше Корчаке. Судьба его известна ну не так уж

широко. Это был замечательный педагог, замечательный писатель в Польше, который возглавлял «Дом сирот». Когда «Дом сирот» перевели в гетто, то ему предложили немцы остаться, но он ушёл вместе с «Домом сирот». И когда «Дом сирот» вызвали грузиться в эшелоны, то это было поразительным зрелищем. Они шли маршем по четверо, под барабанный бой, с развёрнутым знаменем. А знамя у них было зелёное (поскольку зелёное — цвет детства) с золотым клевером. Впереди шёл Корчак, который нёс на руках безногую девочку Ганку, свою любимицу. А за ним строем шли грузиться в эшелон дети. И вот говорят, что даже полицаи не могли удержаться от слёз и взяли «на караул». И просто вот так вот, под этот строй взятых «на караул» прошли дети в эшелон, эшелон, который шёл в Трешлинку, где они все на следующий день погибли в газовой камере во главе с Корчаком. Вот эта песенка, которая будет как лейтмотив цикла песен — их будет шесть».

Ранний (рукописный) вариант начала (июль 1970 года):

Уходят из Варшавы поезда.
И всё пустее гетто, всё темней.
А я устал. И, верно, неспроста —
Всю ночь гудят, прощаясь, поезда.
И я прощаюсь с памятью моей...

Цыган был вор, цыган был вун,
Но тем милей вдвойне,
Он трогал семь певучих струн
И улыбался мне.

Он говорил: «Учи, сынок,
Учи цыганский счёт:
Семь дней недели создал Бог,
Семь струн гитары — чёрт!

И вот уже который век
Всё тот же кавардак:
То Ббгов верх, то чёртов верх,
А то — и так на так!

А что — добро? и где тшета?
И кто кого? — пойми!
Но даже радуга, и та
Из тех же, из семи
Цветов...»

Война, война! Четырнадцатый год!
Мне семью три, а веку — семью два!
В обозе госпитальном кровь и пот,
И кто-то ночью бредит и поёт
Печальные и странные слова:

«Гори, гори, моя звезда,
Звезда Любви приветная!..»

Повисло знамя, как пустой рукав.
Тернополь, Полоцк... отступленья бред!
Но в той бессонной школе переправ
Усвоил я, что побеждённый прав
И поражение стоит трёх побед!

...Ах какая в тот день приключилась беда...

и т.д.

Песня исхода (с. 330).

«Вот такой цикл, который называется «На реках вавилонских». Он всё время дописывается и дописывается, он разбухает, так что я уж сам не помню теперь, сколько в нём песен. В нём есть песни, есть стихотворения. Но он написан — начат писаться — за несколько дней до моего исключения из Союза писателей и после этого продолжался. Когда меня исключали из Союза писателей, то меня обвинили в трёх основных злодеяниях: первое злодеяние заключалось в том, что я подговариваю евреев покинуть Советский Союз и вообще занимаюсь сионистской пропагандой; второе обвинение заключалось в том, что я чрезвычайно дружен и поддерживаю активных антисемитов; и третье обвинение заключалось в том, что я очень заигрываю, как тогда было сказано Грибачёвым, с церковниками. Вот все эти три направления моей деятельности я и попытался как-то отразить в этом самом цикле».

«Я, по-моему, многим из вас рассказывал эту историю, но она имеет прямое отношение к настроениям данного цикла. Это история о том, как я однажды был в консерватории. Значит, зашёл послушать симфоническую музыку. И передо мной сидели две девчушки, которые попали в консерваторию явно случайно — просто не достали, видимо, билетов в кино и сидели поэтому в консерватории и очень томилась. Потому что, действительно, в первом отделении была симфония какая-то 20-я с лишним Мясковского — это было слушать почти невыносимо. И мне в том числе. Ну в антракте они, счастливые, побежали в буфет — там съели мороженое и чего-то выпили и вернулись со счастливыми лицами, поскольку во втором отделении был Штраус. Единственно чего они не знали — это то, что это был не Иоганн Штраус, которого они ждали, а Рихард Штраус, «Тиль Уленшпигель» — сочинение действительно очень сложное и трудное для восприятия. Когда кончилась первая часть — а у них в руках были программки, и я услышал, как одна прочла другой из программки: «Во второй части мрачная атмосфера сгущается...» После чего они с жуткой силой дунули через весь зал к выходу. Вот так примерно написан этот цикл...»

«Я её не пел, и мне казалось, что её петь никак нельзя. Потом я услышал её в замечательном и удивительном исполнении Димы [Межевича. — Сост.]. И я понял, что её петь можно. Так, как он это делает, я делать не могу, но тем не менее какая-то основа мелодическая и ритмическая, она подарена мне в эту песню Димой, за что я ему приношу...»

«Я по-прежнему продолжаю считать себя русским поэтом. Русским поэтом, который временно живёт не в России — я не уехал, меня заставили уехать на какое-то время, потому что я вернусь, я всегда буду возвращаться, и моё отношение к этому факту, к исходу, оно остаётся прежним, неизменным...»

Песня посвящена Галине и Виктору Кабачник.

Бирюльки (Авангардный этюд) (с. 332).

Седеp — пасхальная трапеза у иудеев.

Когда я вернусь (с. 333).

«Дорогие мои друзья, Мариночка и Юра. Пусть вам там, в вашем оперно-чопорном Галифаксе, вспоминаются иногда другие широты — Москва, Париж... И кто знает, где ещё, под какими небесами доведётся нам с вами встретиться».

«Я не уехал — меня заставили уехать на какое-то время, потому что я вернусь, я всегда буду возвращаться.

Написана уже в этом декабре — чтоб завершить мои связи с церковниками. Посвящена всем вам».

В раннем варианте заключительная строка имела вид:

Когда я вернусь...

А я непременно вернусь!

На реках вавилонских (с. 334).

«Это стихотворение, по названию которого назван весь цикл — «На реках вавилонских». В нём существенно меняется настроение автора... Мрачная атмосфера сгущается».

Песня об Отчем Доме (с. 336).

«...Я вот, исполняя эти песни уже несколько раз подряд, понял, что они все ужасно несправедливые. Но и потом мне показалось, что, в общем, это не моя обязанность — справедливые песни и стихи может писать Софронов или Ошанин, а я имею полное право сочинять несправедливые песни. Вот несправедливая песня — «Песня об Отчем Доме».

Это песня, которая носит несколько зоологический характер: так сказать, идея в ней выраженная, — чисто зоологическое явление. Написано это в минуту душевной слабости, и я, наверное, так уже сейчас не думаю».

«...Человек со стёртым лицом сказал мне: «Вы хотите ехать за границу с советским паспортом. Ну как же мы можем позволить выехать за границу с советским паспортом, когда вы здесь у нас занимаетесь враждебной пропагандой, а вы хотите, чтобы мы вас отправили за границу как представителя Советского Союза!» Я сказал: «Понимаете, теперь мне всё понятно. Благодарю вас». Помолчав, он сказал: «Но у вас есть другой выход». Я спросил: «Какой?» Он сказал: «Вы можете подать заявление на выезд в Израиль, и я думаю, что мы вам дадим разрешение». Я сказал: «Собст-

венно говоря, вы мне предлагаете выход из гражданства». Он сказал: «Я вам ничего не предлагаю — я просто говорю о том, что есть такая возможность».

Потом мы распрощались.

Я не помню лица этого человека, но разговор этот я запомнил, пожалуй, навсегда, до конца своих дней. И после этого свидания я написал песню, которая называется «Песня об Отчем Доме».

Опыт ностальгии (с. 338).

«...Прилетая в Москву, сажусь в такси, и уже в такси я понимаю, что, собственно говоря, ехать-то некуда. Я не знаю, к кому я могу пойти, кого я могу не потрепать. Как мне быть дальше? Где я буду ночевать? Где я буду есть? Кому я рискну позвонить? И потом обычно меня охватывает ощущение, что я стою в будке телефона-автомата и держу в руках не двухкопеечную монету, а почему-то у меня в памяти остались пятнадцатикопеечные монеты, те, которые мы бросали ещё в 50-е годы в копилку телефона-автомата. И я держу эту пятнадцатикопеечную монету, и я не знаю, кому позвонить. Родным? Я боюсь. Друзьям? Я не знаю, как я им позвоню и что же я им скажу. Это ужасное ощущение того, что я наконец-то дома, я наконец-то у себя на родине, я наконец-то там, где мне всё мило и всё тяжело, всё необыкновенно дорого и всё необыкновенно раздражает меня. И вместе с тем я понимаю, что я — уже чужой в этом мире. Этот мир, МОЙ мир, — он не может меня принять, я не могу в него войти. И я, как правило, потом иду от площади Маяковского до площади Пушкина. Я до сих пор помню все дома на правой стороне, помню, что там находится, и последовательность этих домов. Я захожу в магазин, где когда-то были «Меха», а теперь продают всякие фотопринадлежности, и иногда там можно было достать батарейки для транзистора, поэтому я туда заходил очень часто. И я стою, и меня спрашивают — что вы хотите? Я начинаю покупать батарейки для транзистора. Меня спрашивают — какого размера? Я говорю — всё равно какого. Потому что мне действительно всё равно, какого размера будут эти батарейки. И обычно вот где-то вот на этих самых батарейках и кончается этот очень горестный и очень странный сон, который, как я уже сказал, уже из месяца в месяц повторяется и снится мне очень часто».

«...Когда я понял, что мой отъезд неотвратим в любом случае, то я подумал, что вот, вероятно, меня тоже настигнет, как настигала до меня многих, оказавшихся вне родной земли, наступит тягостная болезнь “ностальгия”. И я решил, что я переболею этой болезнью ещё в Москве. Так в детстве, когда возникает эпидемия кори, то ещё здоровых детей возят к соседским больным детям, чтобы они уже как-то раз и навсегда переболели этой болезнью и больше к ней не возвращались. Так вот я решил переболеть этой болезнью. А для меня переболеть — это значит написать несколько стихотворений, песен на эту тему. Вот я, ещё живя в Москве, написал несколько стихотворений о ностальгии...»

«...Ну вот песня, которую я убедительно прошу, записавши, не давать никому не только переписывать, но даже — по возможности — и слушать. Называется она «Опыт ностальгии». Здесь использована одна испанская мелодия, которую до меня уже использовали многаяжды, и я решил, почему бы мне не использовать её тоже».

«...Сегодня я собираюсь в дорогу — в дальнюю дорогу, трудную, извечно и изначально — горестную дорогу изгнания. Я уезжаю из Советского Союза, но не из России! Как бы напыщенно ни звучали эти слова — и даже пускай в разные годы многие повторяли их до меня, но моя Россия остаётся со мной!

У моей России вывороченные негритянские губы, синие ногти и курчавые волосы — и от этой России меня отлучить нельзя, никакая сила не может заставить меня с нею расстаться, ибо родина для меня — это не географическое понятие, родина для меня — это и старая казачья колыбельная песня, которой убаюкивала меня моя еврейская мама, это прекрасные лица русских женщин — молодых и старых, это их руки, не ведающие усталости, — руки хирургов и подсобных работников, это запахи — хвои, дыма, воды, снега, это бессмертные слова:

Редет облаков летучая гряда!
Звезда вечерняя, печальная звезда...

И нельзя отлучить меня от России, у которой угрюмое мальчишеское лицо и прекрасные — печальные и нежные — глаза говорят, что предки этого мальчика были выходцами из Шотландии, а сейчас он лежит — убитый и накрытый шинелью — у подножия горы Машук, и неистовая гроза раскатывается над ним, и до самых своих последних дней я буду слышать его внезапный, уже смертный — уже оттуда — вздох.

Кто, где, когда может лишить меня этой России?!

В ней, в моей России, намешаны тысячи кровей, тысячи страстей — веками — терзали её душу, она была в набаты, грешила и каялась, пускала «красного петуха» и покорно молчала, но всегда в минуты крайней крайности, когда казалось, что всё уже кончено, всё погибло, всё катится в тартарары, спасения нет и быть не может, искала — и находила — спасение в Вере!

Меня — русского поэта, — «пятым пунктом» — отлучить от этой России нельзя!»

Воспоминания об Одессе (с. 341).

«Кто из вас бывал в Одессе? Вы знаете, всю мою юность я мечтал попасть в этот город. Мой первый литературный учитель был поэт Эдуард Григорьевич Багрицкий, одессит. Одесситами были Бабель, Олеша, кумиры нашей молодости Ильф и Петров, из Одессы были Катаев, Вера Инбер — многие-многие писатели и поэты вышли из этого удивительного города. Это город юго-запада, вольный город Черноморск, как мы его знаем по произведениям Ильфа и Петрова. Особенный, неповторимый, удивительный город. Должен сказать вам откровенно, что, когда я попал в него впер-

вые, а это было в конце 40-х годов, мне Одесса, как говорят у нас, «не показалась». Причём именно, пожалуй, эта формула “не показалась” точнее всего. То есть она мне не открылась — я её не увидел, она не захотела мне открыть себя. Она была сумрачной, хмурой. Дело происходило, правда, поздней осенью. И вот этого знаменитого одесского, галльского духа, одесской весёлости, оптимизма, остроумия я как-то в первый раз не почувствовал. Но зато потом, когда я много раз бывал в Одессе — и по работе, и просто так приезжал, — я постепенно стал проникаться удивительным, ничем не повторимым духом этого города, который действительно открывается далеко не каждому и далеко не сразу, а делает это постепенно, мало-помалу, когда сам того захочет.

Один мой друг, которому я хотел бы здесь, сейчас сказать слова благодарности за его внимание ко мне в последние, очень трудные годы моей жизни, за его неизменную поддержку, за то, что он не только посещал меня, но и выслушивал всё то, что я пишу, а человек он нелицеприятный, суровый, замечательный поэт, замечательный переводчик, одессит, он мне рассказывал очень забавную историю о своём последнем посещении Одессы. Это уже после того, как меня выгнали из всех союзов и я был лишён, так сказать, гражданского лица. И вот мой друг поехал в Одессу — ему нужно было зачем-то на кладбище, а потом с кладбища он зашёл на барахолку, которая находится рядом с кладбищем. Одесская барахолка — это совсем особенное, тоже неповторимое зрелище. Но мой друг не пошёл на барахолку — он стоял у ворот и ждал каких-то своих знакомых. А тут у ворот молодые люди продавали магнитофонные плёнки с самыми разными записями — и Армстронг, и Элла Фицджеральд, группы там, «Битлы» и «Роллинг стоуны», и советские барды — Высоцкий, Окуджава. И он вдруг тронул одного из продавцов за плечо и сказал: «Слушай, а Галич у тебя есть?» На что продавец ему ничего не ответил. Он удивился и снова, положив руку на плечо продавцу, сказал: «Вот, чёрт возьми, до чего довели частный сектор — уже на вопросы даже не отвечают!» Тогда этот молодой человек, скривив рот, негромко сказал: «Нужна мне ещё 190-я статья — мне хватает 154-й!» 154-я статья по Уголовному кодексу Украины — это статья за спекуляцию. Так сказать, на «спекуляцию» он шёл, а «антисоветскую агитацию» он иметь не хотел. И вот в связи с этим коротким рассказом об Одессе мне хочется вам спеть песню».

«Такое очень странное сочинение, оно было задумано под влиянием двух совершенно противоположных и даже соперничающих друг с другом искусств — поэзии и живописи, оно — такое мандельштамовско-шагаловское сочинение».

Вариант 14-й строфы:

Им ложь, обрётённая в споре,
На Трюю велела грести,
А мне — за Эгейское море,
А мне — ещё дальше б расти!

Русские плачи (с. 344).

«Цикл называется «На реках вавилонских». Сочиняется он уже два с половиной года, то есть вот примерно с момента моего исключения из Союза, поскольку на секретариате, когда меня исключали, я был обвинен разными деятелями в разных грехах. Скажем, я уж не помню, кто там — по-моему, Ильин — обвинял меня в том, что я заигрываю с церковниками; Грибачёв меня обвинял в открытой проповеди сионизма и в подговаривании евреев покинуть Советский Союз; а Лесючевский — тот говорил о том, что ему совершенно известны мои теснейшие связи с хулиганами, черносотенцами и антисемитами.

Так что этот разнообразнейший круг моей деятельности, он в этом цикле, в основном, и отражён. Начинается он с песни, написанной недавно, которая, как ни странно, несмотря на название «Сионистские песни», с эпиграфом из Библии: «На реках вавилонских сидели мы и плакали, вспоминая о Сионе». Первое стихотворение — вступительное, называется «Русь».

Как я полагал, меня почему-то должны все осуждать за это стихотворение. Я всё думал. Пока как-то никто не осуждает, что меня очень удивило».

Варианты рефрена:

(1) Ах, Россия-Расея,
Что ни князь — новоселье!

(2) Ах, Россия-Расея,
Чем набат не веселье?!

Вариант 8-й строфы:

Птица веща, троечка,
Тряска вечная, чёртова!
Не стесняясь нисколечко,
Оказалась ты, троечка,
Чрезвычайкой в Лефортово!

Вариант 11-й строфы:

Выкликает проклятия,
А попробуй спроси:
Да была ль она, братие,
Эта Русь на Руси?

Рукописный вариант 18-й строфы:

Чтоб начальничкам кланялись
За дарёную пядь,
Чтоб грешили и каялись,
И грешили опять!

Песок (с. 350).

«Песня, которая написана мною уже здесь, в Израиле. Я где-то прочёл, что город Тель-Авив был построен на песчаных холмах — на дюнах. И вот я подумал... Впрочем, я вам лучше спою то, что я подумал».

«...Короткая техническая справка. За время моего пребывания в Израиле я дал 18 концертов, 18 выступлений. Всего на мои концерты пришло — слушало меня больше 14 тысяч человек. Побывал я в 13 городах. И все эти города, по существу, отвоеваны у пустыни. Все эти города построены, как детские сказочные домики, на песке. И когда я ездил, я всё время думал о том, как это странно, как люди здесь отвоевали песок, отвоевали пустыню, завоевали её, завоевали место себе здесь...»

Рукописный вариант последней строфы:

Сколько
утрат, пожаров и лихолетий!
Скоро ль
сумеем им подвести итог?
Словно
из всех песочных часов на свете
Кто-то
сюда веками свозил песок!

Ритмический рисунок и мелодия взяты из песни Новеллы Матвеевой «Горизонт».

Ставок больше нет

Прощание славянки (с. 351).

Песня исполнялась на мотив известного марша В.Агапкина.

«Посошок бы выпить на дорожку...» (с. 357).

«Фрам» — норвежское полярное судно, на котором совершали экспедиции Ф.Нансен (в Арктику) и Р.Амундсен (в Антарктиду).

Старая песня (с. 360).

«...Вот песня, написанная уже здесь, на Западе. Песня жанровая, песня, вероятно, довольно печальная, но по временам здесь, на Западе, нам бывает очень трудно, не скрою.

Посвящена Владимиру Максимову, а, в общем, могла бы быть посвящена каждому из нас...»

«...Мы здесь часто попадаем впросак, и мы часто думаем, что понимаем эту жизнь, а мы всё ещё не научились её понимать. И поэтому — и это, пожалуй, самое горькое — иногда мы друзей принимаем за врагов, а врагов принимаем за друзей, потому что ТАМ мы по улыбке, по взгляду по одной интонации голоса могли понять — этот с нами или нет. А здесь мы ещё этого не умеем, здесь это бывает порою довольно трудно...»

«Снеги белые, тучи низкие...» (с. 361).

Вариант песни:

Ах снега, снега белые, ах тучи, ах тучи низкие,
А капли с крыш — всё хрустальнее...

Будьте ж счастливы, наши близкие,
Наши близкие, наши дальние!

Будьте ж счастливы!..

«А было недавно, а было давно...» (с. 362).

Умер Борис Алексеевич Литвинов. Борис Алексеев. Под этим именем знали его наши радиослушатели, под этим именем печатал он статьи по вопросам культуры не только в русской зарубежной печати, но и в печати французской, английской, немецкой. Можно было бы много добрых слов сказать об этом человеке поразительной скромности, удивительного трудолюбия, можно было бы сказать о его замечательной журналистской жадности ко всем событиям, которые происходят в области культуры, и об его умении рассказать об этих событиях, рассказать живо и увлекательно — так, чтобы и слушатель, и читатель увидели бы эти события воочию, зримо, поняли бы их, восхитились бы или огорчились бы ими так же, как умел восхищаться и огорчаться Борис Алексеевич. Но мне бы хотелось сказать несколько слов об одной особенности его человеческой, жизненной судьбы. Борис Алексеевич Литвинов родился в 1921 году в Бельгии, в городе Брюсселе. Русский человек, по-настоящему русский человек, он никогда не был в России, он никогда её не видел, но через всю свою жизнь, через всю свою работу он пронёс любовь к своей Родине — к русской земле, к русскому языку. И он, я уже сказал об этом, умел своим слушателям там, за колючками границы, рассказать обо всём, что может быть им интересно, о том, что происходит в мире. Их много, этих русских людей, рассеянных по всему белому свету, хранящих русский язык, хранящих и умножающих русскую культуру и любовь к своей многострадальной и прекрасной земле. Борис Алексеевич Литвинов, память о котором останется у нас в сердце и которого, я надеюсь, не забудут наши слушатели, был одним из таких прекрасных русских людей».

«Это будет рассказ, как летают в Америку...» (с. 364).

«...В передачах, посвящённых путешествию в Америку, я вам рассказывал о том, как трудно протекал наш полёт из Европы в Соединённые Штаты, о том, как нас болтало над океаном, как мы все боялись, и вот я помню, для того, чтобы немножко отвлечься от этого страха, я пытался сочинить песню о полёте в Америку. Но дальше первой строфы дело не пошло...

Я вспомнил путь, который многие из нас прошли, по которому многие ещё сегодня ходят «по Колпачному вниз», туда, к зданию, к двухэтажному зданию ОВИРа, где решается судьба...»

«Играет ветер пеною...» (с. 367).

«В ноябре 1977 года Театр на Таганке был на гастролях во Франции. Гастроли прошли с большим успехом. Единственной советской газетой, которой было поручено (дозволено) откликнуться»

ся на это событие, стала «Литературная газета», выступившая с пасквилем о — якобы — провале гастролей».

«...Я читаю «Литературную газету». Очень занимательная газета — как говорится, есть над чем посмеяться...

Недавно по телевидению выступал редактор этой газеты Александр Борисович Чаковский и очень потряс французских телезрителей. Ну то, что он говорит неправду, — это поняли все, разумеется. Но одна моя знакомая парижанка спросила меня: «Скажите, почему он всё время улыбается — ему, наверное, было стыдно, да?» И мне очень трудно было убедить её в том, что Чаковскому, главному редактору «Литературной газеты», депутату Верховного Совета, не может быть стыдно, потому что ему не может быть стыдно, как говорится, никогда...»

«...Мне очень жалко, что этот театр был вынужден привезти в Париж вовсе не те спектакли, которые создали ему заслуженную славу среди советских зрителей. Вынужден он был привезти не «Мастера и Маргариту», не «Обмен» Трифонова, не пьесу Абрамова, не даже горестный спектакль о войне «А зори здесь тихие...». Вынужден он привезти спектакли «Мать», «Десять дней, которые потрясли мир», спектакль о Маяковском. Унылый чиновник заставил Театр на Таганке привезти в Париж спектакли, чуждые французской публике, да, собственно, уже давно и советскому зрителю чуждые и непонятные...

Газета... Ну что ж, газета своё дело знает. Они ведь все у нас на одно лицо...»

Россыпь

Песня о счастье (с. 368).

«Попытка чистого верлибра».

«Ах, поле, поле, поле...» (с. 369).

Песня из спектакля московского Театра на Таганке «Десять дней, которые потрясли мир» (1965).

«Спрашивайте, мальчишки!..» (с. 370).

Песня из к/ф «Не самый удачный день» (1967).

Баллада о Фрези Грант (с. 371).

Первая песенка шута (с. 372).

Вторая песенка шута (с. 373).

Три песни, написанные к к/ф «Бегущая по волнам».

«По селу бегут мальчишки...» (с. 374).

В искажённом виде песня вошла в фильм Э.Рязанова «О бедном гусаре замолвите слово» (1980).

Юз (с. 375).

«Песня из пьесы «Будни и праздники»».

Песня про острова (с. 376).

Варианты песни:

(1)   Говорят, что где-то есть острова,
Где растёт на берегу трын-трава —
И от хворости, и от подлости,
И от горести, и от гордости.
Вот какие есть на свете острова!

Говорят, что где-то есть острова,
Где с похмелья не болит голова,
А сколько есть вина — пей всё без просыпу,
А после по морю ходи, как по суху.
Вот какие есть на свете острова!

Говорят, что где-то есть острова,
Где четыре не всегда дважды два,
Считай хоть до слепу — одна испарина,
Лишь то, что по сердцу, лишь то и правильно.
Вот какие есть на свете острова!

Говорят, что где-то есть острова,
Где неправда не бывает права,
Где — не от лени и не от бедности —
И нет, и не было черты оседлости.
Вот какие я придумал острова!

(2)   Говорят, что где-то есть острова,
Где растёт на берегу трын-трава.
Ты пей, как чай, её — без спешки-скорости:
Пройдёт отчаянье, минуют хворости.
Вот какие есть на свете острова!

Говорят, что где-то есть острова,
Где не тратят понапрасну слова,
Где виноградные на стенах лозаньки
И даже в праздники не клеют лозунги.
Вот какие есть на свете острова!

Говорят, что где-то есть острова,
Где четыре как закон — дважды два,
Кто б ни указывал иное гражданам:
Четыре — дважды два для всех и каждого.
Вот какие есть на свете острова!

Говорят, что где-то есть острова,
Где неправда не бывает права,
Где совесть — надобность, а не солдатчина,
Где правда нажита, а не назначена.
Вот какие я придумал острова!

«Мы ушли, словно не были, и следов не оставили...» (с. 377).

Песня к к/ф «Последний рейс «Альбатроса», музыка А.Шнитке.

Опыт прощания (с. 379).

Ллойдовский реестр — имеется в виду классификационное общество «Регистр судоходства Ллойда», наблюдающее за постройкой морских судов, присваивающее им класс, издающее ежегодные списки судов морского торгового флота всех стран с указанием порта приписки.

Благодарение (с. 392).

У американцев есть замечательный праздник, называется он День Благодарения. Вообще мне кажется, что чувство благодарности — это одно из самых прекрасных чувств человеческой души...»

«...Для меня стихи — это слова, сказанные так, что они вызывают благодарность у человека, который их услышал впервые и уже не забудет потом никогда. Вот такими словами для меня является строчка из изумительного русского поэта Осипа Эмильевича Мандельштама...»

...Эта строчка — «Лунный свет — как соль на топоре», — вы вслушайтесь. Помнится, тогда ещё, в юности, она пронизала меня таинственностью, чудом увиденного, чудом сказанного, чудом сочетания этих, казалось бы, несочетаемых слов. Я вспомнил, когда-то, в конце 20-х годов, моего дедушку как бывшего нэпмана сослали, но довольно милостиво сослали, в небольшой городок Данилов. Это примерно сто с лишним километров от Москвы. Вот летом приехали мы туда к нему жить. Я помню, как хозяина нашего дома пасечника Егора Жильцова вызвали в сельсовет. Пришёл он из сельсовета хмурый, с лицом неугодливым, прошёл по двору, вытащил зачем-то торчащий в корневище топор, поиграл им, перебросил с руки на руку и потом почему-то ударил им по кадке с дождевою водой. Потом ночью мне примерещился этот залитый солёной водою топор, когда лунный луч побежал из окна по полу и край комода перегородил его — и луч стал как будто топорищем. Но вовсе, поверьте мне, нет, вовсе не это бытовое воспоминание так пронзило меня в этих строчках. Эти строчки есть образец великой поэзии, за которую всегда испытываешь необыкновенное чувство благодарности к человеку, сказавшему эти слова: «Лунный свет — как соль на топоре». [Вариант этой строчки восходит, очевидно, к одному из самиздатских вариантов, во всех печатных публикациях Мандельштама — «звёздный луч...». — Сост.]

Стихи и песни, не включенные в основное собрание

«Лают азиатские собаки...» (с. 397).

«Знаменитую грозненскую красавицу, жену одного из секретарей обкома партии Юлию Дочаеву, я до этого вечера видел только

один раз: на коне, в мужском седле, она лихо промчалась по центральной улице, провожаемая восторженным цоканьем мужчин и осуждающим шёпотом женщин. Она была худенькой, тёмноглазой и тёмноволосой. У неё был низкий, тихий и очень спокойный голос. «Здравствуй! — сказала она и протянула руку. — Ты из Москвы?» — «Да», — сказал я, с первой же секунды отчаянно влюбляясь в неё. «Я тоже из Москвы, — сказала Юля, — училась на медицинском, собиралась врачом на Сахалин, а мой дикарь приехал на какой-то пленум и похитил меня... — Она засмеялась. — А тебе сколько лет?» — «Двадцать два. Завтра, 19 октября, в день годовщины открытия пушкинского лицея, мне исполняется двадцать два». Я проговорил эту тираду слегка хвастливо, так как всю жизнь почему-то чрезвычайно гордился этим случайным совпадением. А Юля снова засмеялась, потом сказала быстро и тихо: «Я приду тебя поздравить, хочешь? Где ты живешь?» — «Алан-юртовская, 110». Юля кивнула. «Я приду. У меня завтра ночное дежурство в больнице, но часов в двенадцать я постараюсь сбежать... Ты меня жди!» Я начал её ждать с утра. Мне удалось пнуть неслыханной лести и ещё более неслыханных посулов выпросить у администратора театра бутылку спирта, потом, пользуясь всё той же лестью и посулами, я уговорил мою хозяйку испечь её коронное блюдо — тыквенный пирог. Потом я отправился на базар — купил яблок, слив и цветов... Уже приготовив всё для вечернего пира, я принялся просто слоняться по городу — думал о Юле и влюблялся в неё всё больше и больше... Вечером пошёл дождь. Лаляли собаки — безостановочно и надсадно. В сотый раз я оглядел свою комнату: в центре стола красовался тыквенный пирог, цветы я расставил по всем углам и зажжёг свечи. Тогда ещё не было написано замечательное стихотворение Пастернака, ещё не пришла мода ужинать при свечах — просто свет в городе вырубали в десять часов, а керосиновая лампа стояла на рынке целое состояние. Я ходил по комнате и сочинял для Юли стихи. В тот первый военный год я написал довольно много стихов, но черновики я растерял, стихи позабыл, а вот эти две альбомные строфы почему-то запомнил».

«Деревья, деревья! Куда ни взгляни...» (с. 399).

Стихотворение из одноактной пьесы «Рассвет», опубликованной под псевдонимом Александр Гай.

Комсомольская песня (с. 400).

Музыка В.Соловьёва-Седова.

Ой ты северное море... (с. 405).

Музыка М.Блантера.

«...У нас в 20—30-е годы, начиная с Матвея Блантера, Юрия Милютина и кончая братьями Покрасс и Дунаевским, у нас было такое сильное и царство лабухов — ну вот таких вот одесских лабухов, которые, в общем, не то чтобы уж там... я уж не говорю партитуру — партитуру они просто вообще даже не знали, что

это такое. Они не понимают. Они клавира написать не умеют. Блантер, который писал музыку к одному из моих спектаклей в театре Вахтангова, он пришёл, значит. Я сказал: «Моть, вы написали?» Он сказал: «Да! Счас вот я поиграю». Я посмотрел, что он поставил на рояль — он поставил мой текст. Строчек у него не было — он не знает, как их написать!..»

«Жил да был репортёр...» (с. 406).

«Сердце, молчи...» (с. 408).

Две песни из киноповести «На семи ветрах» (в соавторстве с С.Ростоцким). Музыка К.Молчанова.

«<...> и ты в расцвете лет...» (с. 409).

Песня написана к к/ф «Бегущая по волнам» (1967). Единственная фонограмма песни сохранилась с техническими повреждениями.

«Сбегают <...>...» (с. 410).

«...Вот я хочу, чтобы эта песня была записана для Раюшки [Лунёвой. — Сост.], которую я очень люблю. Она очень удивительна и прекрасна, всегда желанна. Но это не самое главное...»

На единственной фонограмме слова в первой строфе неразборчивы.

«Говорили о погоде...» (с. 412).

«Вот тоже песня, Раюшке [Лунёвой. — Сост.] посвящённая. Мне было ужасно радостно вот здесь, в Алма-Ате, написать несколько песен, чем обязан этой прекрасной, удивительной женщине».

На единственной фонограмме слова в первой строфе неразборчивы.

«Я, товарищи, скажу помаленьку...» (с. 413).

Текст воспроизводится по воспоминаниям И.Грековой.

Каталог песен и стихов

Песни и стихи, сохранившиеся в записи

Каталог произведений состоит из двух частей: стихи и песни, сохранившиеся в записи в авторском исполнении, и те, которых нет на фонограммах. Для удобства работы каталог построен по табличному принципу. Первая строчка каждой ячейки таблицы соответствует первой строчке основного текста стихотворения. Значения буквенного индекса:

В — вариант первой строки (звездочкой в первой части каталога помечены рукописные варианты, которые не сохранились в аудиозаписи);

Н — авторский вариант названия;

П — посвящение;

Ц — цикл, к которому относится произведение (иногда одно и то же произведение может относиться к нескольким циклам);

К — комментарий.

I

	«А было недавно, а было давно...»	1974
	«А врач сказал: “Будь здоров! Паралич!..”»	1966
Н*	Смерть Ивана Ильича	
	«А ей мама ну во всём потакала...»	1964
В	«Ах, весёлый разговор...»	
Н	Весёлый разговор	
Ц	Женские песни	
Ц	Разноцветные песни	
	«А начальник всё спяну о Сталине...»	1965
В	«А начальник всё спяну про Сталина...»	
Н	Больничная цыганочка	
	«Апрельской ночью Леночка...»	1961
Н	Леночка	
Ц	Женские песни	
	«Ать-два, левой-правой!..»	1962
В	«Отправлен взвод в ночной дозор...»	

- Н Закон природы
Н Подражание Беранже
- «Ах как трудно улетают люди...» 9.10.1966
- Н Баллада о земле и небе
Н Песня о земле и небе
П Виктору Некрасову
- «Ах ты стучи-стучи, а тебе Бог простит...» 1966
- В «Ай ты стучи-стучи, а тебе Бог простит...»
В «Ой ты стучи-стучи, а тебе Бог простит...»
В «Ты стучи-стучи, а тебе Бог простит...»
Н Всё не вовремя
П Варламу Шаламову
К Стилизация под лагерную песню
- «Ах, поле, поле, поле...» 1965
- К Из спектакля «Десять дней, которые потрясли мир»
(Театр на Таганке)
- «Ах, шалман! Гуляй, душа!..» 1970—1971
- П Владимиру Максимову
К Из поэмы «Песня о песочном человеке»
- «Баю-баю-баю-бай...» 1966
- Н Колыбельная
Н Колыбельный вальс
- «Бились стрелки часов на слепой стене...» 1974—1976
- Н Старая песня
П Владимиру Максимову
- «Был я глупый тогда и сильный...» 1966
- Н Песня о синей птице
Н Песня про синюю птицу
Ц Разноцветные песни
- «Быть бы мне поспокойней...» 23.8.1968
- Н Петербургский романс
П Наталье Рязанцевой, Павлу Литвинову
- «В майский вечер, пронзительно дымный...» 25.5.1971
- Н Так жили поэты
- «В матершинном субботнем загуле шалманчика...» 1969
- Н На сопках Маньчжурии
Ц Литераторские мостки
П Михаилу Зощенко

	«В новогодний бедлам, как в обрыв на крутом вираже...»	1971—1972
Н	Новогодняя песня, или Новогодняя фантазия	
Н	Новогодняя фантазия	
Н	Новогодняя фантазмагория	
	«В Петрограде, в Петербурге, в Ленинграде, на Неве...»	1968
Н	Чехарда с буквами	
	«В понедельник дело было, к вечеру...»	1966
Н	Жуткий век	
Н*	Жуткое столетие	
П	Елене Вентцель (И.Грековой)	
	«В той злой тишине, в той неверной...»	8.1969
В	«Той чёрной порой, той неверной...»	
Н	«Кресты»	
Н	Снова август	
Ц	Литераторские мостки	
П	Анне Ахматовой	
	«Весь год — ни валко и ни шатко...»	1972?
Н*	Упражнение для правой руки (аллегро модерато)	
	«Вечер, поезд, огоньки...»	1969
В	«Вечер, поле, огоньки...»	
Н	Ночной разговор в вагоне-ресторане	
Н	Разговор в вагоне-ресторане	
Н	Разговор в дороге	
К	Из поэмы «Размышления о бегунах на длинные дистанции»	
	«Вспомни — на этих дюнах, под этим небом...»	1975
Н	Песок	
Н*	Песок Израиля	
Ц	На реках вавилонских (Сионистский цикл)	
К	Музыка Н.Матвеевой	
	«Вот он скачет, витязь удалой...»	60-е годы
	«Вот пришли и ко мне седины...»	1968
Н	Без названия	
Н	Песня без названия	
Ц	Литераторские мостки	
П	Раисе Беньяш	
	«Всё было пасмурно и серо...»	1973?
Н	Пейзаж (Философский этюд)	

- Ц Серебряный бор
 Ц Философские этюды
- «Всё наладится, образуется...» 25.9.1966
- Н* Вторая песенка шута
 К Написана к к/ф «Бегущая по волнам»
- «Все завидовали мне: «Эко денег!..» 12.1967
- Н Баллада о стариках и старухах, с которыми я вместе жил и лечился в областном санатории областного Совета профсоюзов в 110 километрах от Москвы
- Н Баллада о стариках и старухах, с которыми я вместе жил и лечился в санатории областного Совета профсоюзов в 108 километрах от Москвы
- Н Баллада о стариках и старухах, с которыми я вместе жил и лечился в санатории областного Совета профсоюзов в 110 километрах от Москвы
- Н Баллада о стариках и старухах, с которыми я вместе жил и лечился в тридцатипроцентном профсоюзном санатории областного Совета профсоюзов в 105 километрах от Москвы
- Н Баллада о стариках и старухах, с которыми я вместе жил, лечился и отдыхал в кардиологическом санатории областного Совета профсоюзов в 110 километрах от Москвы
- Н Баллада о стариках, с которыми я вместе лечился в профсоюзном кардиологическом санатории
- Н Песня о стариках и старухах, с которыми я вместе жил и лечился в подмосковном санатории областного Совета профсоюзов в 120 километрах от Москвы
- «Все засранцы, все нахлебники...» 1966
- Н Фарс-гиньоль
- «Все смеются на бюро: «Ты же витязь...» 1968—1970
- В «Ты герой, — смеются все, — ты же витязь...»
- Н История о том, как Клим Петрович добивался, чтоб его цеху присвоили звание «Цеха коммунистического труда», и, не добившись этого, запил
- Н История о том, как я, Клим Петрович, добивался, чтоб нашему цеху, мастером которого я являюсь, присвоили звание «Цеха коммунистического труда», и поскольку я этого не добился, то я запил
- Н О том, как Клим Петрович добивался, чтоб его цеху присвоили звание «Цеха коммунистического труда»

- Н О том, как Клим Петрович добивался, чтоб его цеху присвоили звание «Цеха коммунистического труда», и, не добившись этого, запил
- Н Рассказ о том, как он добивался, чтоб его цеху присвоили звание «Цеха коммунистического труда», и, не добившись этого, запил
- Ц Истории из жизни Клима Петровича Коломийцева, кавалера многих орденов, депутата горсовета, мастера цеха, знатного человека
- «Всё снежком январским припорошено...» 1966—1971
- Н Засыпая и просыпаясь
- Ц На реках вавилонских (Сионистский цикл)
- «Всё шло по плану, но немножко наспех...» 1969
- Н Легенда о Рождестве
- Н Рождество
- Н Рождество в Вифлееме
- К Из поэмы «Размышления о бегунах на длинные дистанции»
- «Всю ночь за стеной ворковала гитара...» 13.6.1969
- Н Возвращение на Итаку
- Ц Литераторские мостки
- П Осипу Мандельштаму
- «Вы такие нестерпимо ражие...» 1966
- В «Вы такие нестерпимо важные...»
- Н Мы не хуже Горация
- Н Последняя песня, или Мы не хуже Горация
- Н Подражание Горацию
- «Вьюга листья на крыльцо намела...» 15.1.1972
- Н* Номера
- Н Песня о телефонах
- П Ирине Булычёвой
- «Говорили о погоде...» 1968
- П Раюшке (Лунёвой)
- «Говорят, что где-то есть острова...» 1967
- Н Песня про острова
- «Дело явно липовое — всё как на ладони...» 23.11.1968
- В «Аве Мария!.. Дело явно липовое — всё как на ладони...»
- Н Аве Мария!
- Н Эпилог

- К Вошла в поэму «Размышления о бегунах
на длинные дистанции»
- «Допекла меня всё же Тонечка...» 1968
- Н Баллада о том, как едва не сошёл с ума директор
антикварного магазина № 22 Копылов Н.А., рас-
сказанная им самим доктору Беленькому Я.И.
- Н История о том, как едва не сошёл с ума директор
антикварного магазина № 22 Копылов Н.А., рас-
сказанная им самим доктору Беленькому Я.И.
- «Егор Петрович Мальцев...» 1967
- В «Егор Семёныч Мальцев...»
- Н Баллада о сознательности
- Н Баллада про сознательность
- П Даниилу Ювачёву (Даниилу Хармсу);
Эдуарду Канделю
- К Первая песня про Егора (см. «Нам сосиски
и горчица...»)
- «Ей страшно и душно, и хочется лечь...» 1972—1973
- Н* Без названия
- Ц Литераторские мостки
- П Анне Ахматовой
- «Жили-были несчастливые волшебники...» 1966
- Н Песня о несчастливых волшебниках
- Н Эйн! цвей! дрей!
- «За чужую печаль и за чьё-то незваное детство...» 12.1977
- «Здесь в окне по утрам просыпается свет...» 14.6.1974
- Н Заклинание Добра и Зла
- Н Языческое заклинание Добра и Зла
- «И вновь эти вечные трое...» 1966
- Н Обещанная песня
- Н Салонный романс
- Ц Литераторские мостки
- Ц Песни об Александрях («Александрийские» песни)
- П Александру Вертинскому
- «<...> и ты в расцвете лет...» 1966
- К Написана к к/ф «Бегущая по волнам»
- «...Итак, судья Бидо...» 1969—1970
- Н Отрывок из репортажа о международной товари-
щеской встрече по футболу между сборными ко-

- мандами Великобритании и сборной Советского Союза, переданного частично по московскому телевидению
- Н Отрывок из репортажа о международном товарищеском матче по футболу между сборной командой Великобритании и сборной Советского Союза
- Н Отрывок из репортажа о международном товарищеском матче по футболу между сборными командами Великобритании и сборной Советского Союза
- Н Отрывок из репортажа о товарищеском матче по футболу между сборной командой Великобритании и сборной Советского Союза
- Н Отрывок из репортажа о товарищеском футбольном матче между сборными командами Великобритании и сборной Советского Союза
- Н Отрывок из репортажа о футбольном матче между сборной командой Великобритании и сборной Советского Союза
- П Василию Сечину
- «Как мне странно, что ты — жена!..» 1965
- Н Вальс, посвящённый Прекрасной Даме
- Н Женский вальс
- Н Женский вальс, или Песня о Прекрасной Даме
- Н Песня о Прекрасной Даме
- Ц Женские песни
- П Ангелине
- «Как я устал повторять бесконечно всё то же и то же...» 1970
- Н Кадыш (Кадिश)
- Н* Старый доктор
- Ц На реках вавилонских (Сионистский цикл)
- П Янушу Корчаку
- «Карусель городов и гостиниц...» 26.1.1972
- Н Песня об очень старом принце
- Н Старый принц
- Ц Литераторские мостки
- П Борису Пастернаку
- «Кивал с эстрады ей трубач...» 1967
- В «Румба... Кивал с эстрады ей трубач...»
- Н Баллада об одной принцессе, которая раз в три месяца приходила поужинать в ресторан «Динамо»

- Н Баллада об одной принцессе, которая раз в три месяца, сэкономив деньги от полочки, приходила поужинать в ресторан «Динамо»
- Н Баллада о том, как одна принцесса раз в три месяца приходила поужинать в ресторан «Динамо»
- Н Баллада про одну принцессу, которая раз в три месяца приходила поужинать в ресторан «Динамо»
- Н Принцесса с Нижней Масловки, или История про одну принцессу, которая раз в три месяца приходила поужинать в ресторан «Динамо»
- Ц Женские песни
- Ц Читая Блока
- «Когда в городе гаснут праздники...» 1964
- Н Ночной дозор
- Н Песня о памятниках
- «Когда затихает к утру пурга...» 5.1971
- В «Когда вьюга к утру, ошалев с тоски...»
- Н Королева материка
- Н Королева с материка
- «Когда от скуки дошли лошади...» 1971—1972
- Н Рассказ старого конармейца
- «Когда под крылом добежит земля...» 9.1.1972
- П Галиньке (Кабачник)
- «Когда собьёт меня машина...» осень 1967
- Н О том, как плохо устроена жизнь
- Н Счастье было так возможно
- Ц Антипесни
- К На музыку К.-Ж. Руже де Лиля
- «Когда хлестали молнии ковчег...» 1.1969
- В «Когда хлестала молния ковчег...»
- Н Горестная ода счастливому человеку
- П Петру Григоренко
- «Когда я вернусь... Ты не смейся!
Когда я вернусь...» 12.1972
- Н Когда я вернусь
- Ц На река вавилонских (Сионистский цикл)
- П «Посвящена всем вам»
- «Когда-нибудь некий историк...» 15.1.1972
- В* «Когда-нибудь дошли историк...»

- «Королевич — да и только...» 1968—1969
- Н Фантазии на русские темы для балалайки с оркестром и двух солистов — тенора и баритона
- Н Фантазия на русские темы для балалайки с оркестром и двух солистов — тенора и баритона
- «Кто безгласных разводит рыбок...» 1972
- В «Кто заводит безгласных рыбок...»
- Н* Упражнение для обеих рук (виваче)
- «Левой, левой, левой!..» 1966
- Н Левый марш
- Н Марш штрафников
- Н Малые войны
- П Борису Метальникову
- «Лил жуткий дождь, шёл страшный снег...» 1968—1969
- Н Баллада о табаке
- Н Легенда о табаке
- Ц Литераторские мостки
- П Даниилу Ювачёву (Даниилу Хармсу)
- «Мы гибли на фронте...» 1970—1971
- П Владимиру Максимову
- «Мы давно называемся взрослыми...» 1963
- Н* Молчание — золото
- Н Старательский вальсок
- «Мы ждём и ждём гостей незванных...» 12.1972
- Н На реках вавилонских
- Н* Опыт отчаянья
- Н Следующее предновогоднее
- Ц На реках вавилонских (Сионистский цикл)
- «Мы по глобусу ползаем — полная блажь...» 1973—1974?
- «Мы поехали за город...» 1961
- Н* За семью заборами
- К Написано совместно с Геннадием Шпаликовым
- «Мы похоронены где-то под Нарвой...» 1962
- Н Ошибка
- «На стене прозвенела гитара...» 1973
- Н Слушая Баха
- Ц На реках вавилонских (Сионистский цикл)
- Ц Слушая Баха
- П Мстиславу Ростроповичу

- «На-степные урочища...» 10.4.1974
Н Россия
Н Русские плачи
Н Русь
Ц На реках вавилонских (Сионистский цикл)
- «Над чёрной пажитью разрухи...» 1969
Н Фестиваль песни в Сопоте в августе 1969 года
- «Нам сосиски и горчица...» 1969
В «Нам сосиска и горчица...»
Н Жуткая история, которую я подслушал
в привокзальном шалмане
Н Жуткая история, которую я услышал
в привокзальной пивной
Н Жуткая история, которую я услышал
в привокзальном шалмане
Н Рассказ, который я услышал
в привокзальном шалмане
Н История, которую я подслушал
в привокзальном шалмане
Ц На реках вавилонских (Сионистский цикл)
Ц Жуткие истории
К Вторая песня про Егора (см. «Егор Петрович
Мальцев...»)
- «Наплевать, если сгину в какой-то Инте...» 1968
Н Разговор с Музой
- «Научили пилить на скрипочке...» 1973—1974
Н Воспоминание об Одессе
Ц На реках вавилонских (Сионистский цикл)
Ц Серебряный бор
- «Начинается день и дневные дела...» 1968
Н «Каждому — своё», или «Jedem das Seine»,
или По образу и подобию
Н «Jedem das Seine»
Н По образу и подобию
Н По образу или подобию, или «Jedem das Seine»
Ц Слушая Баха
- «Не жалею ничуть, ни о чём, ни о чём не жалею...» 1973
Н Опыт ностальгии
Ц На реках вавилонских (Сионистский цикл)
- «Не квасом земля полита...» 1967
В «Не пивом земля полита...»

- Н Вальс Его Величества
 Н Вальс Его Величества, или Баллада о том,
 как надо пить на троих
 Н Вальс Его Величества, или Небольшое
 теоретическое размышление на тему о том,
 как пить на троих
 Н Вальс Его Величества, или О том, как надо
 пить на троих
 Н Небольшое теоретическое размышление о том,
 как надо пить на троих, или Вальс Его Величества
 Н Теоретическое размышление на тему о том,
 как пить на троих
- «Не хочу посмертных антраша...» 1971
- Н Баллада о переселении душ
 Н Последняя песня, или Баллада о переселении душ
- «Неизвестный, увенчанный славою бранной...» 31.12.1968
- В «Тум-бала-бала, тум-бала-бала, тум-балалайка...»
 Н Баллада о Вечном огне
 Н Песня о Вечном огне
 П Льву Копелеву
 К Продолж. см. «...Понаставили павшим памятники...»
- «Непричастный искусству...» не ранее 1972
- В «Непричастный к искусству...»
 Н Желание славы
 Ц Читая Блока
- «Ни гневом, ни порицанием...» 1966
- Н Поезд
 П Соломону Михоэлсу
- «Ну была она жуткою шельмою...» 1968
- Н История одной любви, или Про то, как это было
 на самом деле (Рассказ закройщика)
 Н История одной любви, или Про то, как это
 всё было на самом деле (Рассказ закройщика)
 Н История, проливающая свет
 на некоторые дипломатические тайны,
 или Про то, как всё это было
 на самом деле (Рассказ закройщика)
 Н Рассказ закройщика, или Про то, как всё это было
 на самом деле
- «О, как мне хотелось, мальчишке...» 1970
- В «Ах как мне хотелось, мальчишке...»
 В «Ох как мне хотелось, мальчишке...»

- Н Песня о велосипеде
- Н Песня про велосипед
- П «Жалостная песня, посвящённая самому себе
к одному из своих юбилеев»

«Облака плывут, облака...»

1962

- Н Облака
- Ц Песни о пенсионерах (Пенсионеры)

«...Ой, доля моя жалкая...»

1968—1970

- Н Плач Дарьи Коломийцевой по поводу застоя её мужа Клима Петровича, а также попутно сообщение о том, какой у Клима Петровича оказался изысканный вкус
- Н Плач Дарьи Коломийцевой по поводу застоя её мужа Клима Петровича и попутно сообщение о том, какой у Клима Петровича оказался тонкий, почти что даже изысканный вкус
- Н Плач Дарьи Коломийцевой по поводу застоя её супруга и попутно сообщение о том, какой у Клима Петровича оказался тонкий, почти что даже изысканный вкус
- Н Плач Дарьи Коломийцевой по поводу застоя её супруга и попутно сообщение о том, какой у Клима Петровича оказался тонкий, почти что изысканный вкус
- Н Плач Дарьи Коломийцевой по поводу застоя Клим Петровича, а также попутно сообщение о том, какой у Клима Петровича оказался изысканный вкус
- Н Плач Дарьи Коломийцевой по поводу застоя Клим Петровича и попутно сообщение о том, какой у Клима Петровича оказался тонкий вкус
- Н Плач Дарьи Коломийцевой по поводу застоя Клим Петровича и попутно сообщение о том, какой у Клима Петровича оказался тонкий, можно сказать, даже изысканный вкус
- Н Плач Дарьи Коломийцевой, супруги Клим Петровича, по поводу застоя её мужа, а попутно также — сообщение о том, какой у Клим Петровича оказался тонкий, можно сказать, почти что изысканный вкус
- Н Плач Дарьи Петровны Коломийцевой по поводу застоя Клим Петровича, а также попутно история о том, какой у Клим Петровича оказался тончайший вкус
- Ц Истории из жизни Клим Петровича Коломийцева, кавалера многих орденов, депутата горсовета, мастера цеха, знатного человека

- «Ой не шейте вы, евреи, ливреи...» 1964
 В «Ой-ой-ой!.. Ой не шейте вы, евреи, ливреи...»
 Н Домашний жид
 Н Ой, евреи!
 Н Предостережение
 Ц На реках вавилонских (Сионистский цикл)
- «Ой ну что ж тут говорить, что ж тут спрашивать!..» 1964
 В «Ой не мучи ты меня, ой не спрашивай!..»
 В «Ой не мучь меня, народ, ой не спрашивай!..»
 Н Красный треугольник
 Н Красный треугольник, или Товарищ Парамонова
 Ц Женские песни
 Ц Разноцветные песни
- «— Он не то чтобы достиг — он подлез...» 1966
 В «— Он не то чтобы настиг — он подлез...»
 Н Композиция № 27, или Троллейбусная абстракция
 П Елене Вентцель (И.Грековой)
 К Написано при участии Александра
 Рашкина-Вентцеля
- «Он один, а ему неможется...» 1969
 В «Он один, и ему неможется...»
 В «Ладушки-ладушки...»
 Н Подмосковная ночь
 К Из поэмы «Размышления о бегунах на длинные
 дистанции»
- «Она вещи собрала, сказала тоненько...» 1961—1962
 Н Аджубеечка
 Н Тонечка
 Ц Женские песни
 Ц Подмосковная лирика
 Ц О чём поют в Останкино
- «Опять над Москвою пожары...» 1972
 Н Памяти доктора Живаго
 Н Памяти Живаго
 Н Смерть юнкеров, или Памяти Живаго
 Ц Литераторские мостки
 П Ольге Ивинской, Борису Пастернаку
- «Осенняя, простудная...» 1966
 В «Осенняя, распутная...»
 Н Прощание с гитарой (Теоретический романс)
 Н Прощание с гитарой, или Чибиряк (Подражание
 Аполлону Григорьеву)

- Н Стариковское брюзжание на тему
Аполлона Григорьева, написанное в форме
романса «Прощание с гитарой»
- Н Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка
(Подражание Аполлону Григорьеву)
- Ц Литераторские мостки
- П Аполлону Григорьеву
- «От беды моей пустяковой...» 1.1972
- Н Песня о дудочке
- Н Песня, посвящённая моей матери
- П «Моей матери»
- «Ох ему и всыпали по первое...» 25.11.1966
- В «Ух ему и всыпали по первое...»
- Н Вальс-баллада про тёщу из Иванова
- Н Про тёщу из Иванова
- «Первача я взял ноль-восемь, взял халвы...» 1965
- Н Баллада о том, как я поехал навещать своего стар-
шего брата, находящегося на излечении в псих-
больнице в Белых Столбах
- Н Баллада о том, как я ездил навещать своего стар-
шего брата, находящегося на излечении в псих-
больнице в Белых Столбах, или Право на отдых
- Н Право на отдых
- Н Право на отдых, или Баллада о том, как я ездил
навещать своего старшего брата, находящегося на
излечении в психбольнице в Белых Столбах
- Н Право на отдых, или История о том, как я наве-
щал своего старшего брата, находящегося на изле-
чении в психбольнице в Белых Столбах
- Н Право на отдых, или История о том, как я наве-
щал своего старшего брата, который находится
на излечении в психбольнице в Белых Столбах
- Н Право на отдых, или История о том, как я наве-
щал своего старшего брата, находящегося на из-
лечении в психбольнице в Белых Столбах
- Ц Подмосковная лирика
- «Плохо спится палачам по ночам...» 1969
- В* «Чтоб не бредить палачам по ночам...»
- Н Жастовская плясовая
- Н Плясовая
- «По замоскворецкой Галилее...» 7.2.1973
- Н* Притча
- Н Пророк

- «По рисунку палешанина...» 1964—1966
- Н Гусарская песня
 Н Гусарский романс
 Ц Литераторские мостки
 Ц Песни об Александрах («Александрийские» песни)
 П Александру Полежаеву
- «По селу бегут мальчишки...» 2-я половина 60-х
- «По стеклу машины, перед глазами шофёра...» 1967
- К Из пьесы «Будни и праздники»
- «По-осеннему деревья налегке...» 2.1.1969
- Н Жуткий запой под Новый год
 Н Запой под Новый год
 Н Новогодний запой
 Ц Читая Блока
- «Повстречала девчонка Бога...» 1966
- Н Цыганская песня
 Н Цыганский романс
 Ц Литераторские мостки
 Ц Песни об Александрах («Александрийские» песни)
 Ц Читая Блока
 П Александру Блоку
- «Под утро, когда устанут...» 1971
- Н После вечеринки
- «Подстилала удача соломки...» 1966—1969
- Н Песня о последней правоте
 Ц Литераторские мостки
 П Юрию Домбровскому
- «Покатились всячины и разности...» 1967
- Н Бессмертный Кузьмин
 Н Песня о бессмертном Кузьмине
 П Эдуарду Канделю
- «Поколение обречённых!..» 1966
- Н Вальс, посвящённый Уставу караульной службы
 Н Вальс, посвящённый Уставу строевой службы
- «Полмира в крови, и в развалинах век...» 1972
- В «Полцарства в крови, и в развалинах век...»
 Н Моё приветствие съезду историков
 Н Моя предполагаемая речь на предполагаемом съезде историков стран социалистического лагеря,

если бы таковой состоялся и если б мне была поручена высокая честь сказать на этом съезде вступительное слово

Н Моя предполагаемая речь на предполагаемом съезде историков стран социалистического лагеря, если бы таковой состоялся и если б мне была оказана высокая честь сказать на этом съезде вступительное слово

Н Предполагаемый текст моей предполагаемой речи на предполагаемом съезде историков стран социалистического лагеря, если бы таковой съезд состоялся и если б мне была оказана высокая честь сказать на этом съезде вступительное слово

Н Предполагаемый текст моей предполагаемой речи на предполагаемом съезде историков стран социалистического лагеря, если бы таковой съезд историков стран социалистического лагеря состоялся бы и если б мне была оказана высокая честь сказать на этом съезде вступительное слово

Н Предполагаемый текст моей предполагаемой речи на предполагаемом съезде историков стран социалистического лагеря, если бы таковой съезд состоялся и если б мне была оказана высокая честь сказать на этом съезде историков стран социалистического лагеря вступительное слово

Н Предполагаемый текст моей предполагаемой речи на предполагаемом съезде историков стран социалистического лагеря, если бы таковой съезд состоялся и если б мне была оказана высокая честь сказать на этом съезде вступительное слово

Н Предполагаемый текст моей предполагаемой речи на предполагаемом съезде историков стран социалистического лагеря, если бы таковой съезд состоялся и если б мне была оказана высокая честь сказать на этом предполагаемом съезде предполагаемое вступительное слово

Н Предполагаемый текст моей предполагаемой речи на предполагаемом съезде историков стран социалистического лагеря, если бы таковой состоялся и если б мне была оказана высокая честь сказать на этом съезде вступительное слово

Н Речь, которую я собирался сказать на съезде историков стран социалистического лагеря

«Помилуй мя, Господи, помилуй мя!..»

В «Помилуй меня, Господи, помилуй мя!..»

В «Получил персональную пенсию...»

В «Получив персональную пенсию...»

1966

- Н Заклинание
Н Чёрное море
Ц Песни о пенсионерах (Пенсионеры)
П Валерию Фриду и Юлию Дунскому
- «...Понаставили павшим памятники...» 1969?
В «Тум-бала-бала, тум-бала-бала, тум-балалайка...»
Н Песня о твёрдой валюте
П Льву Копелеву
К Нач. см. «Неизвестный, увенчанный славой
бранной...»
- «Понимая, что нет в оправданиях смысла...» 1968—1970
Н Век нынешний и век минувший
Ц Антипесни
П Якову Эльсбергу
- «Постелилась я — и в печь уголёк...» 1968
Н Караганда, или Песня про генеральскую дочь
Н Караганда
Н Песня про генеральскую дочь, или Караганда
Н Песня про генеральскую дочку
Н Песня про генеральскую дочь
Ц Женские песни
П Марине Фигнер
- «Потные мордастые евреи...» 1969
Н Клятва вождя
К Из поэмы «Размышления о бегунах на длинные
дистанции»
- «Прикрывши дверь, сижу в ночи...» 15.1.1971
В «Сижу один, как тать, в ночи...»
В* «Я запер дверь (ищи-свищи!)...»
Н О пользе упрямства
Н О принципиальности
Н* Упражнение для обеих рук (ленто)
Н Человек должен быть принципиальным
Ц Философские этюды
- «Прилетает по ночам ворон...» 1969
- «Прямо думал я одно — быть бы живу!..» 1970
Н История о том, как Клим Петрович восстал про-
тив экономической помощи слаборазвитым стра-
нам
Н История о том, как Клим Петрович, кавалер мно-
гих орденов, депутат горсовета, мастер цеха, вос-

- стал против экономической помощи слаборазвиг-
тым странам
- Н Как я, Клим Петрович, восстал против экономи-
ческой помощи слаборазвитым странам
- Н Рассказ о том, как Клим Петрович восстал против
экономической помощи слаборазвитым странам
- Ц Истории из жизни Клина Петровича Коломийце-
ва, кавалера многих орденов, депутата горсовета,
мастера цеха, знатного человека
- «Развеян по ветру подмоченный порох...» 1968
- Н Баллада о чистых руках
- «Разобрали венки на веники...» 4.12.1966
- Н Памяти Бориса Леонидовича Пастернака
- Н Памяти Пастернака
- Ц Литераторские мостки
- П Борису Пастернаку
- «Сбегают <...>» 1968
- П Раюшке (Лунёвой)
- «С севера, с острова Жестева...» 1969
- Н Летят утки
- П Леониду Пинскому
- «Сердце моё заштопано...» 1971
- Н Я выбираю Свободу
- «Снеги белые, тучи низкие...» 1974—1976
- В* «Ах снеги, снеги белые, ах тучи, ах тучи
низкие...»
- «Снова даль предо мной неоглядная...» 1969
- Н* Прощание славянки
- К На музыку В.Агапкина
- «Собаки бывают дуры...» до 1967
- «Собирались вечерами зимними...» 1972—1973
- Н* Священная весна
- «Спи, Семён, спи...» 1968—1970
- Н История о том, как Клим Петрович, баюкая сво-
его внука Семёна, сочинил ему неожиданно сам
для себя научно-фантастическую историю
- Н История о том, как Клим Петрович, убаюкивая
своего племянника, Клавкиного сына Семёна, со-

- чинил неожиданно для самого себя научно-фантастический рассказ
- Н История о том, как Клим Петрович, укачивая своего племянника, Клавкиного сына Семёна, неожиданно для самого себя сочинил научно-фантастический рассказ
- Н О том, как Клим Петрович, укачивая своего племянника Семёна, сына Клавки, неожиданно для самого себя сочинил научно-фантастический рассказ
- Н О том, как Клим Петрович, укачивая своего племянника Семёна, Клавкиного сына, неожиданно для самого себя сочинил научно-фантастический рассказ
- Н О том, как Клим Петрович, укачивая своего племянника Семёна, Клавкиного сына, неожиданно для самого себя сочинил научно-фантастическую историю
- Ц Истории из жизни Клим Петровича Коломийцева, кавалера многих орденов, депутата горсовета, мастера цеха, знатного человека
- Н «Спрашивает мальчик — почему?..» 1965
- Н Сто тысяч «почему»
- Н* «Старики управляют миром...» 1965
- Неоконченная песня
- «Там, в заоблачной стране...» 1977
- «То ли шлюха ты, то ли странница...» 1966
- Н Пасторалия
- Н Гостиничная пасторалия
- Н Командировочная пастораль
- Ц Женские песни
- «То-то радости пустомелям...» 1969
- Н Глава, которая написана в очень сильном подпитии
- Н Глава, написанная в подпитии
- Н Глава, написанная в сильном подпитии и которая является авторским отступлением
- Н Глава, являющаяся авторским отступлением и написанная в состоянии некоторого подпития
- Н Песня, написанная в подпитии
- Н Песня, написанная в сильном подпитии
- Н Послесловие к поэме, написанное в подпитии
- Н Послесловие, написанное во хмелю
- К Из поэмы «Размышления о бегунах на длинные дистанции»

- «Ты можешь найти на улице копейку...» 1964
- Н Песня о счастье
- Н Попытка чистого верлибра
- «Ты не часто мне снишься, мой Отчий Дом...» 1972—1973
- Н Песня об Отчем Доме
- Ц На реках вавилонских (Сионистский цикл)
- «У жене моей спросите у Даши...» 1968
- Н Баллада о том, как у знатного шахтёра, Героя Соцтруда Клима Петровича Коломийцева случилась досадная неприятность
- Н История о том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира
- Н История про то, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира
- Н История о том, как я, то есть Клим Петрович, выступал на митинге в защиту мира
- Н О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира
- Н Рассказ о том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира
- Ц Истории из жизни Клима Петровича Коломийцева, кавалера многих орденов, депутата горсовета, мастера цеха, знатного человека
- «У лошади была грудная жаба...» 1966
- Н Слава героям!
- К Написано совместно с Геннадием Шпаликовым
- «Ударение, ударение!...» 1968
- Н О пользе ударений
- Н Об ударениях
- Ц Философские этюды
- «Уезжаете?! — Уезжайте...» 20.12.1971
- Н Песня исхода
- Ц На реках вавилонских (Сионистский цикл)
- П Галиньке и Виктору (Кабачникам)
- «Уж так ли безумно намеренье...» 1973
- Н Госпоже моей Хеле в семнадцатый век.
Открытое письмо
- Н Письмо в семнадцатый век
- Н Письмо в XVII век госпоже моей Хелене
- Н Письмо госпоже моей Гелене в семнадцатый век
- Н Письмо госпоже моей Хеле в семнадцатый век
- Ц Серебряный бор

Н	«Упали в сон победители и выставили дозоры...» 70-е годы Марш мародёров	
Н	«Установлены сроки и цены...» Виновники найдены	1966
Н	«Уходят, уходят, уходят друзья...» Уходят друзья	1965
Ц	Литераторские мостки	
П	Фриде Вигдоровой	
В	«Хоть на месяц сбежать в мелколесье...» «Ну давай убежим в мелколесье...»	1973
Н	Кумачовый вальс	
Н	«Худо было мне, люди, худо...» Черновик эпитафии	1971
Н	«Чуйствуем с напарником — ну и ну!...» Баллада про маляров, истопника и теорию относительности	1962
Н	Песня о малярах, истопнике и теории относительности	
Н	Песня про маляров, истопника и теорию относительности	
Н	Физики	
	«Шёл дождь, скрипело мироздание...»	1973
В	«Шесть миллионов убитых...» «Шесть с половиной миллионов...»	1967
Н	Песня, написанная по ошибке	
Н	Песня, написанная по ошибке, или Плач по неубитым	
Н	Песня, сочинённая по ошибке	
Н	Реквием по неубитым	
Н	Реквием по неубитым, или Песня, написанная по ошибке	
Ц	На реках вавилонских (Сионистский цикл)	
Н	«Я в путь собирался всегда налегке...» Песенка о рядовом	9.3.1972
Н	Песенка рядового	
Ц	Серебряный бор	
Н	«Я вышел на поиски Бога...» Сто первый псалом	15.1.1971

- Ц Литераторские мостки
П Борису Чичибабину
- «Я долго шёл по дьявольской жаре...» 1973?
Н О вреде чтения
Ц Философские этюды
Ц Серебряный бор
- «Я искуплю грехи бытописанием...» 1970—1971
П Владимиру Максиму
К Из поэмы «Песня о песочном человеке»
- «Я люблю вас — глаза ваши, губы и волосы...» 1972
Н Объяснение в любви
Н Признание в любви
Ц Женские песни
- «Я научность марксистскую пестовал...» 1964
Н Баллада о прибавочной стоимости
П Эдуарду Канделю
- «Я не сумел понять Тебя в тот раз...» 1970
Н Песня о Тбилиси
- «Я не чикался на курсах, не зубрил сопромат...» 1966
В «Я не чикался во втузах, не зубрил сопромат...»
Н Я принимаю участие в научном споре между доктором филологических наук профессором Борисом Ароньчем Бяликом и действительным членом Академии наук Советского Союза Сергеем Львовичем Соболевым по вопросу о том, может ли машина мыслить
- Н Я принимаю участие в научном споре между профессором, доктором филологических наук Борисом Ароньчем Бяликом и действительным членом Академии наук Советского Союза Сергеем Львовичем Соболевым по вопросу о том, может ли машина мыслить
- «Я спросонья вскочил, патлат...» 1966
Н Атлант
Н Песня про майора Чистова
Н Баллада про майора Чистова
Н О майоре Чистове
П «Посвящается нашим доблестным органам Комитета государственной безопасности в благодарность за их вечные опеку и внимание»

- «Я считал слонов и в нечет, и в чёт...» 1969
 Н Ещё раз о чёрте
 Н Разговор с чёртом
 Н Чёрт

II

- «...А бабушка внученьке сказку плела...» 1972
 Н Олимпийская сказка
- «...А уж пыль-то вы пускать мастера...» <1970>
 Н Избранные отрывки из выступлений
 Клима Петровича. Из беседы с туристами
 из Западной Германии
- Ц Истории из жизни Клима Петровича Коломийце-
 ва, кавалера многих орденов, депутата горсовета,
 мастера цеха, знатного человека
- «Благословенность одиночества!..» 1969
 П Наталье Рязанцевой
- «Бывали ль вы у Спаса-на-крови?..» 1970—1971
 П Владимиру Максиму
 К Из поэмы «Вечерние прогулки»
- «В этом мире Великого Множества...» 1974
- «Вдоль по дороге, вдоль по дороге...» 1970
 Н Дорожная
 К Песня из к/ф «Старая, старая сказка»,
 музыка А.Петрова
- «Вперёд, в наступленье, товарищи-братья...» 1961
 К Из киноповести «На семи ветрах»
 (в соавторстве с С.Ростоцким)
- «Всё продумано, всё намечено...» 1977
- «Встречаемые осанною...» 25.9.1966
 Н Первая песенка шута
 К Из сценария фильма «Бегущая по волнам» (1967)
- «Вы на письма слёз не капайте...» <1975>
 Н Песенка о диком Западе, или Письмецо
 в Москву, отправленное с оказией
- «Говорят, пошло с Калиты...» до 1974

К	«Деревья, деревья! Куда ни взгляни...» Из пьесы «Рассвет»	1945
К	«Жил да был репортёр...» Из киноповести «На семи ветрах» (в соавторстве с С.Ростоцким)	1961
Н Ц	«За высокими соснами — синий забор...» Прощание Серебряный бор	1973
	«Играет ветер пеною...»	12.1977
Н Ц Ц	«Исидор пошёл на седер...» Бирюльки (Философский этюд) На реках вавилонских (Сионистский цикл) Философские этюды	<1972>
Н	«Как могу я не верить в дурные пророчества...» Упражнение для левой руки (модерато)	1974
П К	«Какая ночь! Как улицы тихи!...» Владимиру Максиму Из поэмы «Вечерние прогулки»	1970—1971
	«Какие нас ветры сюда занесли?...»	1974
Н П	«Корабль готовится в отплытие...» Опыт прощания Сане Авербуху	1972
	«Кошачьими лапами вербы...»	1971
П К	«Лают азиатские собаки...» Юлии Дочаевой Из автобиографической повести «Генеральная репетиция»	1941
Н	«Московская полночь черна и нема...» Скрипка	
Н	«Мы дождёмся, чтоб скучный закат потух...» Песенка про Красного петуха	<1972>
	«Мы окно завесим шторой...»	10.1942
	«Мы ушли, словно не были, и следов не оставили...»	1970

- К К кинофильму «Последний рейс “Альбатроса”»,
музыка А.Шнитке
- «На троллейбусной остановке...» 1970—1971
- П Владимиру Максимову
- К Из поэмы «Вечерние прогулки»
- «Нам былое прекрасное блещется...» 1974
- «Ночь. Уснула вся квартира...» 1949
- П Алёне Архангельской (Галич)
- «Облетают листья в ноябре...» 2.5.1976
- Н Благодарение
- «Он подлец, мудрец и стоик...» 1970—1971
- П Владимиру Максимову
- К Из поэмы «Вечерние прогулки»
- «Опять меня тревожат страхи...» 1970
- «Отравленный ветер гудит и дурит...» 1972
- Н Занялись пожары
- «По ночному ледку озноба...» 17.1.1969
- «Подари на прощанье мне билет...» 1970-е
- «Подевались куда-то сны...» 1974
- «Понеслись кувырком, кувырком...» 8.8.1973
- П Е.Невзглядовой
- «Попробуйте в цехе найти чувака...» <1970>
- Н Избранные отрывки из выступлений
Клима Петровича. Из речи на встрече
с интеллигенцией
- Ц Истории из жизни Клима Петровича Коломийце-
ва, кавалера многих орденов, депутата горсовета,
мастера цеха, знатного человека
- «Посошок бы выпить на дорожку...» 1974
- «Посошок напоследок...» 1974—1975
- Н Вечный транзит
- Ц На реках вавилонских (Сионистский цикл)
- «Протрубили трубачи тревогу!..» 1947

Н	Комсомольская песня	
К	Музыка В.Соловьёва-Седова	
	«Разыгралась к ночи вьюга...»	1951
Н	Ой ты северное море...	
К	Музыка М.Блантера	
	«Растаял шевутной растяпа снег...»	1976
Н	Мартовские стихи	
	«Света, Света, добрый друг!..»	1970—1971
П	Владимиру Максимову	
К	Из поэмы «Вечерние прогулки»	
	«Светом луны согрета...»	12.1940
	«Сердце, молчи...»	1961
Н	Сердце, молчи...	
К	Музыка К.Молчанова	
	«Скажите, вам бывает страшно?..»	1976
Н	Падение Парижа	
П	Ги де Мопассану	
	«Словно слёзы, по стеклу этот дождь...»	1977
Н	Тебе	
	«Сосчитал я как-то раз...»	1949
П	Алёне Архангельской (Галич)	
	«Спрашивайте, мальчики!..»	<1966>
К	Из к/ф «Не самый удачный день» (1967)	
	«Странно мы живём в двадцатом веке...»	13.1.1969
	«Телефон, нишкни, замолкни!..»	1972
Н	Песня	
	«Ты опять болеешь, доча?..»	1949
П	Алёне Архангельской (Галич)	
	«Ты прокашляйся, февраль, прометелься...»	1974
Н	Упражнение для левой руки (маэстозо)	
	«У хмыря лицо — как тесто...»	1970—1971
П	Владимиру Максимову	
К	Из поэмы «Вечерние прогулки»	

	«Уж это не случится никогда...»	1976
Н	Майские стихи	
	«Хмырь зажал рукою печень...»	1970—1971
П	Владимиру Максимову	
К	Из поэмы «Вечерние прогулки»	
	«...Хоть иногда — подумай о других!..»	1974
Н	Упражнение для правой руки (ларго)	
	«Что у вас на Охте и на Лахти?..»	7.7.1974
	«Шёл корабль из далёкой Австралии...»	25.9.1966
Н	Баллада о Фрези Грант	
К	Из сценария фильма «Бегущая по волнам»	(1967)
	«Это будет рассказ, как летают в Америку...»	1975
	«Я замучил себя. И тебя я замучаю...»	15.11.1967
	«Я, товарищи, скажу помаленьку...»	<1974>
	«Я увидел тебя — и не минуло мига...»	1968
Н	Татарский плен	
П	Раисе Лунёвой	

Алфавитный указатель произведений¹

- «А бабушка внученьке сказку плела...» 383
«А было недавно, а было давно...» 362
«А врач сказал: «Будь здоров! Паралич!..» 185
«А ей мама ну во всё потокала...» 220
«А начальник всё спьяну о Сталине...» 91
«А начальник всё спьяну про Сталина...» 91
«А уж пыль-то вы пускать мастера...» 210
Аве Мария! 113
«Аве Мария!.. Дело явно липовое — всё как на ладони...» 113
Аджубеечка 215
«Ай ты стучи-стучи, а тебе Бог простит...» 145
«Апрельской ночью Леночка...» 211
Атлант 48
«Ать-два, левой-правой!..» 31
«Ах как мне хотелось, мальчишке...» 281
«Ах как трудно улетают люди...» 49
«Ах снега, снега белые, ах тучи, ах тучи низкие...» 361
«Ах ты стучи-стучи, а тебе Бог простит...» 145
«Ах, весёлый разговор...» 220
«Ах, поле, поле, поле...» 369
«Ах, шалман! Гуляй, душа!..» 69
- Баллада о Вечном огне 309
Баллада о Фрези Грант 371
Баллада о земле и небе 49
Баллада о переселении душ 268
Баллада о прибавочной стоимости 179
Баллада о сознательности 151
Баллада о стариках и старухах... 258
Баллада о табаке 156
Баллада о том, как едва не сошёл с ума директор... 100
Баллада о том, как надо пить на троих 194
Баллада о том, как я ездил навещать... 183
Баллада о чистых руках 56

---

¹ Для удобства поиска в алфавитном указателе на одно поэтическое произведение может быть по нескольку ссылок — варианты первых строчек и варианты названий.

- Баллада об одной принцессе... 229
 Баллада про майора Чистова 48
 Баллада про маляров, истопника и теорию относительности 177
 Баллада про сознательность 151
 «Баю-баю-баю-бай...» 96
 Без названия 176
 Бессмертный Кузьмин 51
 «Бились стрелки часов на слепой стене...» 360
 Бирюльки (Философский этюд) 332
 Благодарение 392
 «Благословенность одиночества!..» 263
 Больничная цыганочка 91
 «Бывали ль вы у Спаса-на-крови?...» 69
 «Был я глупый тогда и сильный...» 97
 «Быть бы мне поспокойней...» 58
- «В Петрограде, в Петербурге, в Ленинграде, на Неве...» 54
 «В майский вечер, пронзительно дымный...» 170
 «В матершинном субботнем загуле шалманчика...» 164
 «В новогодний бедлам, как в обрыв на крутом выраже...» 275
 «В понедельник дело было, к вечеру...» 186
 «В той злой тишине в той неверной...» 162
 «В этом мире Великого Множества...» 299
 Вальс Его Величества 194
 Вальс, посвящённый Прекрасной Даме 222
 Вальс, посвящённый Уставу караульной службы 41
 Вальс, посвящённый Уставу строевой службы 41
 Вальс-баллада про тещу из Иванова 227
 «Вдоль по дороге, вдоль по дороге...» 267
 Век нынешний и век минувший 167
 «Весь год — ни валко и ни шатко...» 80
 Весёлый разговор 220
 «Вечер, поезд, огоньки...» 108
 «Вечер, поле, огоньки...» 108
 Вечерние прогулки 69
 Вечный транзит 347
 Виновники найдены 143
 Виновные найдены 143
 Возвращение на Итаку 160
 Воспоминание об Одессе 341
 «Вот он скачет, витязь удалой...» 224
 «Вот пришли и ко мне седины...» 154
 «Вперёд, в наступленье, товарищи-братья...»
 «Все завидовали мне: «Эко денег!...» 258
 «Все засранцы, все нахлебники...» 190
 «Все смеются на бюро: “Ты же витязь”...» 204
 «Всё было пасмурно и серо...» 289
 «Всё наладится, образуется...» 373

Всё не вовремя 145
«Всё продумано, всё намечено...» 393
«Всё снежком январским припорошено...» 306
«Всё шло по плану, но немножко наспех...» 103
«Вспомни — на этих дюнах, под этим небом...» 350
«Встречаемые осанною...» 372
«Всю ночь за стеной ворковала гитара...» 160
Вторая песенка шута 373
«Вы на письма слёз не капайте...» 365
«Вы такие нестерпимо важные...» 46
«Вы такие нестерпимо ражие...» 46
«Вьюга листья на крыльцо намела...» 243

Глава, которая написана в очень сильном подпитии 111
Глава, написанная в сильном подпитии 111
Глава, являющаяся авторским отступлением... 111
«Говорили о погоде...» 412
«Говорят, пошло с Калиты...» 84
«Говорят, что где-то есть острова...» 376
Горестная ода счастливому человеку 63
Госпоже моей Хелене в XVII век 249
Гостиничная пасторалия 225
Гусарская песня 135
Гусарский романс 135

«Дело явно липовое — всё как на ладони...» 113
«Деревья, деревья! Куда ни взгляни...» 399
Домашний жид 303
«Допекла меня всё же Тонечка...» 100
Дорожная 267

«Егор Петрович Мальцев...» 151
«Егор Семёныч Мальцев...» 151
«Ей страшно и душно, и хочется лечь...» 176
Ещё раз о чёрте 265

Жастовская плясовая 119
Желание славы 129
Женский вальс 222
«Жил да был репортёр...» 406
«Жили-были несчастливые волшебники...» 255
Жуткая история... 315
Жуткий век 186
Жуткий запой под Новый год 239
Жуткое столетие 186

«За высокими соснами — синий забор...» 291
За семью заборами 85

«За чужую печаль и за чьё-то незванное детство...» 366

Заклинание 94

Заклинание Добра и Зла 297

Закон природы 31

Занялись пожары 244

Запой под Новый год 239

Засыпая и просыпаясь 306

«Здесь в окне по утрам просыпается свет...» 297

«И вновь эти вечные трое...» 139

«Играет ветер пеною...» 367

Из беседы с туристами из Западной Германии 210

Из речи на встрече с интеллигенцией 210

«Исидор пошёл на седер...» 332

История из жизни Клима Петровича Коломийцева 201

История о том, как Клим Петрович восстал... 207

История о том, как Клим Петрович выступал... 201

История о том, как Клим Петрович добивался... 204

История о том, как Клим Петрович, укачивая... 203

История о том, как едва не сошёл с ума директор... 100

История, которую я подслушал в привокзальном шалмане 315

История, проливающая свет на некоторые дипломатические тайны 236

История одной любви 236

История про одну принцессу... 229

«Итак, судья Бидо...» 198

Кадыш (Кадиш) 318

«Каждому — своё» 196

«Как мне странно, что ты — жена!..» 222

«Как могу я не верить в дурные пророчества...» 301

«Как я устал повторять бесконечно всё то же и то же...» 318

«Какая ночь! Как улицы тихи!..» 77

«Какие нас ветры сюда занесли?...» 358

Караганда 234

«Карусель городов и гостиниц...» 172

«Кивал с эстрады ей трубач...» 229

Клятва вождя 104

«Когда в городе гаснут праздники...» 89

«Когда вьюга к утру, ошалев с тоски...» 125

«Когда затихает к утру пурга...» 125

«Когда от скуки дохли лошади...» 123

«Когда под крылом добежит земля...» 277

«Когда собьёт меня машина...» 257

«Когда хлестала молния ковчег...» 63

«Когда хлестали молнии ковчег...» 63

Когда я вернусь 333

«Когда я вернусь... Ты не смейся! Когда я вернусь...» 333

- «Когда-нибудь дошлый историк...» 278
 «Когда-нибудь некий историк...» 278
 Колыбельная 96
 Колыбельный вальс 96
 Командировочная пастораль 225
 Композиция № 27 192
 Комсомольская песня 400
 «Корабль готовится в отплытие...» 379
 Королева материка 125
 Королева с материка 125
 «Королевич — да и только...» 115
 «Кошачьими лапами вербы...» 269
 Красный треугольник 217
 «Кресты» 162
 «Кто безгласных разводит рыбок...» 285
 «Кто заводит безгласных рыбок...» 285
 Кумачовый вальс 82
- «Ладушки-ладушки...» 105
 «Лают азиатские собаки...» 397
 «Левой, левой, левой!...» 44
 Левый марш 44
 Легенда о Рождестве 103
 Легенда о табаке 156
 Леночка 211
 Летят утки 67
 «Лил жуткий дождь, шёл страшный снег...» 156
- Майские стихи 391
 Малые войны 44
 Мартовские стихи 390
 Марш мародёров 386
 Марш штрафников 44
 Молчание — золото 35
 «Московская полночь черна и нема...» 394
 Моя предполагаемая речь... 79
 Моё приветствие съезду историков 79
 «Мы гибли на фронте...» 75
 «Мы давно называемся взрослыми...» 35
 «Мы дождёмся, чтоб скучный закат потух...» 382
 «Мы ждём и ждём гостей незваных...» 334
 Мы не хуже Горация 46
 «Мы окно завесим шторой...» 398
 «Мы по глобусу ползаем — полная блажь...» 353
 «Мы поехали за город...» 85
 «Мы похоронены где-то под Нарвой...» 33
 «Мы ушли, словно не были, и следов не оставили...» 377

- На реках вавилонских 334
На сопках Маньчжурии 164
«На стене прозвенела гитара...» 81
«На степные урочища...» 344
«На троллейбусной остановке...» 71
«Над чёрной пажитью разрухи...» 65
«Нам былое прекрасное блещет...» 356
«Нам сосиска и горчица...» 315
«Нам сосиски и горчица...» 315
«Наплевать, если сгину в какой-то Инте...» 260
«Научили пилить на скрипочке...» 341
«Начинается день и дневные дела...» 196
«Не жалею ничуть, ни о чём, ни о чём не жалею...» 338
«Не квасом земля полита...» 194
«Не пивом земля полита...» 194
«Не хочу посмертных антраша...» 268
Небольшое теоретическое размышление... 194
«Неизвестный, увенчанный славой бранной...» 309
Неоконченная песня 38
«Непричастный искусству...» 129
«Непричастный к искусству...» 129
«Ни гневом, ни порицанием...» 304
Новогодний запой 239
Новогодняя песня 275
Новогодняя фантазия 275
Новогодняя фантазмагория 275
Номера 243
Ночной дозор 89
Ночной разговор в вагоне-ресторане 108
«Ночь. Уснула вся квартира...» 401
«Ну была она жуткою шельмою...» 236
«Ну давай убежим в мелколесье...» 82
- О вреде чтения 290
«О, как мне хотелось, мальчишке...» 281
О майоре Чистове 48
О пользе ударений 61
О пользе упрямства 78
О принципиальности 78
О том, как Клим Петрович выступал... 201
О том, как Клим Петрович добивался... 204
О том, как Клим Петрович, укачивая своего племянника... 203
О том, как надо пить на троих... 194
О том, как плохо устроена жизнь 257
Об ударениях 61
Обещанная песня 139
Облака 87
«Облака плывут, облака...» 87

«Облетают листья в ноябре...» 392
Объяснение в любви 246
«Ой не мучи ты меня, ой не спрашивай!...» 217
«Ой не мучь меня, народ, ой не спрашивай!...» 217
«Ой не шейте вы, евреи, ливреи...» 303
«Ой ну что ж тут говорить, что ж тут спрашивать!...» 217
Ой ты северное море... 405
«Ой ты стучи-стучи, а тебе Бог простит...» 145
«Ой, доля моя жалкая...» 205
Ой, евреи! 303
«Ой-ой-ой!.. Ой не шейте вы, евреи, ливреи...» 303
Олимпийская сказка 383
«— Он не то чтобы достиг — он подлез...» 192
«— Он не то чтобы настиг — он подлез...» 192
«Он один, а ему неможется...» 105
«Он один, и ему неможется...» 105
«Он подлец, мудрец и стоик...» 70
«Она вещи собрала, сказала тоненько...» 215
Опыт ностальгии 338
Опыт отчаянья 334
Опыт прощания 379
«Опять меня тревожат страхи...» 280
«Опять над Москвою пожары...» 174
«Осенняя, простудная...» 141
«Осенняя, распутная...» 141
«От беды моей пустяковой...» 241
«Отправлен взвод в ночной дозор...» 31
«Отравленный ветер гудит и дурит...» 244
Отрывок из репортажа... 198
«Ох ему и всыпали по первое...» 227
«Ох как мне хотелось, мальчишке...» 281
Ошибка 33

Предостережение 303
Падение Парижа 388
Памяти Бориса Леонидовича Пастернака 147
Памяти доктора Живаго 174
Памяти Пастернака 147
Пасторалия 225
Пейзаж (Философский этюд) 289
«Первача я взял ноль-восемь, взял халвы...» 183
Первая песенка шута 372
Песенка о диком Западе 365
Песенка о рядовом 283
Песенка про Красного петуха 382
Песенка-молитва 277
Песенка рядового 283
Песня 380

- Песня без названия 154
Песня исхода 330
Песня о Вечном огне 309
Песня о Прекрасной Даме 222
Песня о Тбилиси 121
Песня о бессмертном Кузьмине 51
Песня о велосипеде 281
Песня о дудочке 241
Песня о земле и небе 49
Песня о концерте, которого не было 232
Песня о малярах, истопнике и теории относительности 177
Песня о несчастливых волшебниках 255
Песня о памятниках 89
Песня о последней правоте 149
Песня о синей птице 97
Песня о стариках и старухах... 258
Песня о счастье 368
Песня о твёрдой валюте 313
Песня о телефонах 243
Песня об Отчем Доме 336
Песня об очень старом принце 172
Песня про велосипед 281
Песня про генеральскую дочь 234
Песня про майора Чистова 48
Песня про маляров, истопника и теорию относительности 177
Песня про острова 376
Песня про синюю птицу 97
Песня, написанная по ошибке 307
Песня, посвящённая моей матери 241
Песок 350
Песок Израиля 350
Петербургский романс 58
Письмецо в Москву... 365
Письмо в семнадцатый век 249
Письмо в XVII век госпоже моей Хелене 249
Письмо госпоже моей Гелене в семнадцатый век 249
Письмо госпоже моей Хеле в семнадцатый век 249
Плач Дарьи Коломийцевой... 205
«Плохо спится палачам по ночам...» 119
Плясовая 119
«По замоскворецкой Галилее...» 292
«По ночному ледку озноба...» 262
По образу и подобию 196
«По рисунку палешанина...» 135
«По селу бегут мальчишки...» 374
«По стеклу машины, перед глазами шофёра...» 375
«По-осеннему деревья налегке...» 239
«Повстречала девчонка Бога...» 137

«Под утро, когда устанут...» 272
«Подари на прощанье мне билет...» 296
«Подевались куда-то сны...» 300
Подмосковная ночь 105
Подражание Аполлону Григорьеву 141
Подражание Беранже 31
Подражание Горацию 46
«Подстирала удача соломки...» 149
Поезд 304
«Покатились всячины и разности...» 51
«Поколение обречённых!..» 41
«Полмира в крови и в развалинах век...» 79
«Получив персональную пенсию...» 94
«Получил персональную пенсию...» 94
«Полцарства в крови и в развалинах век...» 79
«Помилуй меня, Господи, помилуй мя!..» 94
«Помилуй мя, Господи, помилуй мя!..» 94
«Понаставили павшим памятники...» 313
«Понеслись кувырком, кувырком...» 253
«Понимая, что нет в оправданиях смысла...» 167
«Попробуйте в цехе найти чувака...» 210
Попытка чистого верлибра 368
После вечеринки 272
Последняя песня 268
Последняя песня 46
Послесловие к поэме, написанное в подпитии 111
Послесловие, написанное во хмелю 111
«Посошок бы выпить на дорожку...» 357
«Посошок напоследок...» 347
«Постелилась я — и в печь уголёк...» 234
«Потные мордастые евреи...» 104
Поэма о Сталине 103
Право на отдых 183
Предостережение 303
Предполагаемый текст моей предполагаемой речи... 79
Признание в любви 246
«Прикрывши дверь, сижу в ночи...» 78
«Прилетает по ночам ворон...» 264
Принцесса с Нижней Масловки 229
Притча 292
Про то, как это было на самом деле 236
Про тещу из Иванова 227
Пророк 292
«Протрубили трубачи тревогу!..» 400
Прощание 291
Прощание с гитарой 141
Прощание с гитарой, или Чибиряк 141

- Прощание славянки 351
«Прямо думал я одно — быть бы живу!..» 207
- «Развеван по ветру подмоченный порох...» 56
Разговор в вагоне-ресторане 108
Разговор в дороге 108
Разговор с Музой 260
Разговор с чёртом 265
Размышления о бегунах на длинные дистанции 103
«Разобрали венки на веники...» 147
«Разыгралась к ночи вьюга...» 405
Рассказ закройщика 236
Рассказ о том, как Клим Петрович восстал... 207
Рассказ о том, как Клим Петрович выступал... 201
Рассказ о том, как Клим Петрович добивался... 204
Рассказ старого конармейца 123
Рассказ, который я услышал в привокзальном шалмане 315
«Растаял шепутной растяпа снег...» 390
Реквием по неубитым 307
Речь, которую я собирался сказать на съезде историков 79
Рождество 103
Рождество в Вифлееме 103
Россия 344
«Румба... Кивал с эстрады ей трубач...» 229
Русские плачи 344
Русь 344
- «С севера, с острова Жестева...» 67
Салонный романс 139
«Сбегают <...>» 410
«Света, Света, добрый друг!..» 73
«Светом луны согрета...» 396
Священная весна 287
«Сердце моё заштопано...» 273
Сердце, молчи... 408
«Сижу один, как тать, в ноши...» 78
«Скажите, вам бывает страшно?..» 388
Скрипка 394
Слава героям! 99
Следующее предновогоднее 334
«Словно слёзы, по стеклу этот дождь...» 254
Слушая Баха 81
Смерть Ивана Ильича 185
Смерть юнкеров 174
«Снеги белые, тучи низкие...» 361
Снова август 162
«Снова даль предо мной неоглядная...» 351
«Собаки бывают дуры...» 40

«Собирались вечерами зимними...» 287
«Сосчитал я как-то раз...» 403
«Спи, Семён, спи...» 203
«Спрашивает мальчик — почему?...» 37
«Спрашивайте, мальчики!..» 370
Старательский вальсок 35
Старая песня 360
«Старики управляют миром...» 38
Стариковское брюзжание на тему Аполлона Григорьева 141
Старый доктор 318
Старый принц 172
Стихи дочери 401
Сто первый псалом 168
Сто тысяч «почему» 37
«Странно мы живём в двадцатом веке...» 62
Счастье было так возможно 257

Так жили поэты 170

«Там, в заоблачной стране...» 302

Татарский плен 233

Тебе 254

«Телефон, нишкни, замолкни!..» 380

Теоретический романс 141

Теоретическое размышление... 194

«То ли шлюха ты, то ли странница...» 225

«То-то радости пустомелям...» 111

Товарищ Парамонова 217

«Той чёрной порой той неверной...» 162

Тонечка 215

Троллейбусная абстракция 192

«Тум-бала-бала, тум-бала-бала, тум-балалайка...» (Песня о твердой валюте) 313

«Тум-бала-бала, тум-бала-бала, тум-балалайка...» (Баллада о Вечном огне) 309

«Ты герой, — смеются все, — ты же витязь...» 204

«Ты можешь найти на улице копейку...» 368

«Ты не часто мне снишься, мой Отчий Дом...» 336

«Ты опять болеешь, доча?...» 405

«Ты прокашляйся, февраль, прометелься...» 359

«Ты стучи-стучи, а тебе Бог простит...» 145

«У жене моей спросите у Даши...» 201

«У лошади была грудная жаба...» 99

«У хмыря лицо — как тесто...» 72

«Ударение, ударение!..» 61

«Уезжаете?! — Уезжайте...» 330

«Уж так ли безумно намеренье...» 249

«Уж это не случится никогда...» 391

«Упали в сон победители и выставили дозоры...» 386
Упражнение для левой руки (маэстозо) 359
Упражнение для левой руки (модерато) 301
Упражнение для обеих рук (виваче) 285
Упражнение для обеих рук (ленто) 78
Упражнение для правой руки (аллегро модерато) 80
Упражнение для правой руки (ларго) 385
«Установлены сроки и цены...» 143
«Ух ему и всыпали по первое...» 227
Уходят друзья 133
«Уходят, уходят, уходят друзья...» 133

Фантазия на русские темы... 115
Фарс-гиньоль 190
Фестиваль песни в Сопоте в августе 1969 года 65
Физики 177

«Хмырь зажал рукою печень...» 76
«Хоть иногда — подумай о других!..» 385
«Хоть на месяц сбежать в мелколесье...» 82
«Худо было мне, люди, худо...» 270

Цыганская песня 137
Цыганский романс 137

Человек должен быть принципиальным 78
Черновик эпитафии 270
Чехарда с буквами 54
Чёрное море 94
Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка 141
«Что у вас на Охте и на Лахти?..» 355
«Чтоб не бредить палачам по ночам...» 119
«Чуйствуем с напарником — ну и ну!..» 177

«Шесть миллионов убитых...» 307
«Шесть с половиной миллионов...» 307
«Шёл дождь, скрипело мироздание...» 294
«Шёл корабль из далёкой Австралии...» 371

Эйн! цвей! дрей! 255
Эпилог 113
«Это будет рассказ, как летают в Америку...» 364

Юз 375

«Я в путь собирался всегда налегке...» 283
Я выбираю Свободу 273
«Я вышел на поиски Бога...» 168

- «Я долго шёл по дьявольской жаре...» 290
«Я замучил себя, и тебя я замучаю...» 232
«Я запер дверь (ищи-свищи!)...» 78
«Я искуплю грехи бытописанием...»
«Я люблю вас — глаза ваши, губы и волосы...» 246
«Я научность марксистскую пестовал...» 179
«Я не сумел понять Тебя в тот раз...» 121
«Я не чикался во втузах, не зубрил сопромат...» 188
«Я не чикался на курсах, не зубрил сопромат...» 188
Я принимаю участие в научном споре 188
«Я спросонья вскочил, патлат...» 48
«Я считал слонов и в нечет, и в чёт...» 265
«Я увидел тебя — и не минуло мига...» 233
«Я, товарищи, скажу помаленьку...» 413
Языческое заклинание Добра и Зла 297
- «<...> и ты в расцвете лет...» 409
«Jedem das Seine» 196

СОДЕРЖАНИЕ

В. Фрид. «Быть просто самим собой...»	5
Александр Галич: Летопись жизни и творчества	11

Стихотворения и поэмы

«Спрашивайте, мальчики!»

Закон природы (<i>Подражание Беранже</i>)	31
Ошибка	33
Старательский вальсок	35
Сто тысяч «почему»	37
Неоконченная песня	38
«Собаки бывают дуры...»	40
Вальс, посвящённый Уставу караульной службы	41
Левый марш	44
Мы не хуже Горация	46
Атлант, или Баллада про майора Чистова	48
Баллада о земле и небе	49
Бессмертный Кузьмин	51
Чехарда с буквами	54
Баллада о чистых руках	56
Петербургский романс	58
О пользе ударений (<i>Философский этюд</i>)	61
«Странно мы живём в двадцатом веке...»	62
Горестная ода счастливому человеку	63
Фестиваль песни в Сопоте в августе 1969 года	65
Летят утки	67
Вечерние прогулки (<i>Маленькая поэма</i>)	
1. «Бывали ль вы у Спаса-на-крови?..»	69
2. «Ах, шалман! Гуляй, душа!..»	69
3. «Он подлец, мудрец и стоик...»	70
4. «На троллейбусной остановке...»	71
5. «У хмыря лицо — как тесто...»	72
6. «Света, Света, добрый друг!..»	73
7. «Мы гибли на фронте...»	75
8. «Хмырь зажал рукою печень...»	76
9. «Какая ночь! Как улицы тихи!..»	77
О принципиальности (<i>Философский этюд</i>)	78
Предполагаемый текст моей предполагаемой речи на предполагаемом съезде историков стран социалистического лагеря, если бы таковой съезд состоялся и если б мне была оказана высокая честь сказать на этом съезде вступительное слово	79
«Весь год — ни валко и ни шатко...»	80

Слушая Баха (Псалом)	81
Кумачовый вальс	82
«Говорят, пошло с Калиты...»	84

Поэма о Сталине

За семью заборами	85
Облака	87
Ночной дозор	89
Больничная цыганочка	91
Заклинание	94
Колыбельная (<i>Сюрреалистическая песня</i>)	96
Песня о синей птице	97
Слава героям!	99
Баллада о том, как едва не сошёл с ума директор антикварного магазина № 22 Копылов Н.А., рассказанная им самим доктору Беленькому Я.И.	100
Размышления о бегунах на длинные дистанции (<i>Поэма о Сталине</i>)	

Глава 1. Рождество	103
Глава 2. Клятва вождя	104
Глава 3. Подмосковная ночь	105
Глава 4. Ночной разговор в вагоне-ресторане	108
Глава 5. Глава пятая, которая написана в очень сильном подпитии и которая является авторским отступлением	111
Эпilog. Аве Мария	113

Фантазия на русские темы для балалайки с оркестром и двух солистов — тенора и баритона	115
Плясовая	119
Песня о Тбилиси	121
Рассказ старого конармейца	123
Королева материка	
Глава 1. «Когда вьюга к утру, ошалев с тоски...»	124
Глава 2. «Откуда всевластье её взялось?..»	125
Глава 3. «Говорят, что когда-то в тридцать седьмом...»	126
Глава 4. «А ещё говорят, что какой-то хмырь...»	127
Заключение. «Ковыряют историю этак и так...»	128
Желание славы	129

Литераторские мостки

Уходят друзья	133
Гусарский романс	135
Цыганский романс	137
Салонный романс	139
Прощание с гитарой, или Чибиряк. <i>Подражание</i> <i>Аполлону Григорьеву. (Теоретический романс)</i>	141
Виновные найдены	143
Всё не вовремя	145
Памяти Бориса Леонидовича Пастернака	147
Песня о последней правоте	149
Баллада о сознательности	151
Песня без названия («Вот пришли и ко мне седины...»)	154
Легенда о табаке	156
Возвращение на Итаку	160

«Кресты», или Снова август	162
На сопках Маньчжурии	164
Век нынешний и век минувший	167
Сто первый псалом	168
Так жили поэты	170
Старый принц	172
Смерть юнкеров, или Памяти доктора Живаго	174
Без названия («Ей страшно и душно, и хочется лечь...»)	176

«Не квасом земля полита...»

Баллада про маляров, истопника и теорию относительности	177
Баллада о прибавочной стоимости	179
Право на отдых, или Баллада о том, как я ездил навещать своего старшего брата, находящегося на излечении в психбольнице в Белых Столбах	183
Смерть Ивана Ильича	185
Жуткий век	186
Я принимаю участие в научном споре между доктором филологических наук профессором Борис Ароничем Бяликом и действительным членом Академии наук СССР Сергей Львовичем Соболевым по вопросу о том, может ли машина мыслить	188
Фарс-гиньоль	190
Композиция № 27, или Троллейбусная абстракция	192
Вальс Его Величества, или Баллада о том, как надо пить на троих	194
По образу и подобию, или «Jedem das Seine»	196
Отрывок из репортажа о международной товарищеской встрече по футболу между сборными командами Великобритании и Советского Союза	198
Истории из жизни Клима Петровича Коломийцева, кавалера многих орденов, депутата горсовета, мастера цеха, знатного человека История о том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира	201
История о том, как Клим Петрович, укачивая своего племянника Семёна, Клавкиного сына, неожиданно для самого себя сочинил научно-фантастическую историю	203
История о том, как Клим Петрович добивался, чтоб его цеху присвоили звание «Цеха коммунистического труда», и, не добившись этого, запил	204
Плач Дарьи Коломийцевой по поводу заюза её супруга и попутно сообщение о том, какой у Клима Петровича оказался тонкий, почти что изысканный вкус	205
История о том, как Клим Петрович восстал против экономической помощи слаборазвитым странам	207
Избранные отрывки из выступлений Клима Петровича Коломийцева, кавалера многих орденов, депутата горсовета, мастера цеха, знатного человека Из речи на встрече с интеллигенцией	210
Из беседы с туристами из Западной Германии	210

Женские песни	
Леночка	211
Тонечка (<i>Городской романс</i>)	215
Красный треугольник, или Товарищ Парамонова	217
Весёлый разговор	220
Женский вальс, или Песня о Прекрасной Даме	222
«Вот он скачет, витязь удалой...»	224
Командировочная пастораль	225
Вальс-баллада про тёшу из Иванова	227
Баллада об одной принцессе, которая раз в три месяца приходила поужинать в ресторан «Динамо»	229
Песня о концерте, которого не было	232
Татарский плен	233
Песня про генеральскую дочь, или Караганда История, проливающая свет на некоторые дипломатические тайны, или Про то, как всё это было на самом деле (<i>Рассказ закройщика</i>)	236
Запой под Новый год	239
Песня, посвящённая моей матери	241
Песня о телефонах	243
Занялись пожары	244
Объяснение в любви	246
Письмо в XVII век госпоже моей Хелене	249
«Понеслись кувыркком, кувыркком...»	253
Тебе	254
«Я на этой земле останусь!»	
Песня о несчастливых волшебниках	255
Счастье было так возможно	257
Баллада о стариках и старухах, с которыми я вместе жил, лечился и отдыхал в кардиологическом санатории областного Совета профсоюзов в 110 километрах от Москвы	258
Разговор с Музой	260
«По ночному ледку озноба...»	262
«Благословенность одиночества!..»	263
«Прилетает по ночам ворон...»	264
Разговор с чёртом	265
Дорожная	267
Последняя песня, или Баллада о переселении душ	268
«Кошачьими лапами вербы...»	269
Черновик эпитафии	270
После вечеринки (<i>Опыт печальной футурологии</i>)	272
Я выбираю Свободу	273
Новогодняя фантазмагория	275
Песенка-молитва, которую надо прочесть перед самым отлётом	277
«Когда-нибудь некий историк...»	278
«Опять меня тревожат страхи...»	280
Песня про велосипед	281
Песенка о рядовом	283
«Кто безгласных разводит рыбок...»	285
Священная весна	287
Пейзаж (<i>Философский этюд</i>)	289

О вреде чтения (<i>Философский этюд</i>)	290
Прощание	291
Пророк (<i>Притча</i>)	292
«Шёл дождь, скрипело мироздание...»	294
«Подари на прощанье мне билет...»	296
Заклинание Добра и Зла	297
«В этом мире Великого Множества...»	299
«Подевались куда-то сны...»	300
«Как могу я не верить в дурные пророчества...»	301
«Там, в заоблачной стране...»	302

На реках вавилонских

Предостережение	303
Поезд	304
Засыпая и просыпаясь	306
Реквием по неубитым, или Песня, написанная по ошибке	307
Баллада о Вечном огне	309
Песня о твёрдой валюте	313
Жуткая история, которую я услышал в привокзальном шалмане	315
Кадиш	318
Песенка девочки Нати про кораблик	321
Песня исхода	330
Бирюльки (<i>Авангардный этюд</i>)	332
Когда я вернусь	333
На реках вавилонских	334
Песня об Отчем Доме	336
Опыт ностальгии	338
Воспоминания об Одессе	341
Русские плачи	344
Вечный транзит	347
Песок	350

Ставок больше нет

Прощание славянки	351
«Мы по глобусу ползаем — полная блажь...»	353
«Что у вас на Охте и на Лахти?..»	355
«Нам былое прекрасное блещется...»	356
«Посошок бы выпить на дорожку...»	357
«Какие нас ветры сюда занесли?..»	358
«Ты прокашляйся, февраль, прометелься...»	359
Старая песня	360
«Снеги белые, тучи низкие...»	361
«А было недавно, а было давно...»	362
«Это будет рассказ, как летают в Америку...»	364
Песенка о диком Западе, или Письмецо в Москву, переправленное с оказией	365
«За чужую печаль и за чьё-то незванное детство...»	366
«Играет ветер пеною...»	367

Россыпь

Песня о счастье	368
«Ах, поле, поле, поле...»	369

«Спрашивайте, мальчики!...»	370
Баллада о Фрези Грант	371
Первая песенка шута	372
Вторая песенка шута	373
«По селу бегут мальчишки...»	374
Юз	375
Песня про острова	376
«Мы ушли, словно не были, и следов не оставили...»	377
Опыт прощания	379
Песня (Телефон, нишкни, замолкни!)	380
Песенка про Красного петуха	382
Олимпийская сказка	383
«Хоть иногда — подумай о других!...»	385
Марш мародёров	386
Падение Парижа	388
Мартовские стихи	390
Майские стихи	391
Благодарение	392
«Всё продумано, всё намечено...»	393
Стихи и песни, не включенные в основное собрание	
Скрипка	394
«Светом луны согрета...»	396
«Лают азиатские собаки...»	397
«Мы окно завесим шторой...»	398
«Деревья, деревья! Куда ни взгляни...»	399
Комсомольская песня	400
Стихи дочери	
Письмо дорогой доченьке Алёнушке от папы Саша	401
«Сосчитал я как-то раз...»	403
«Ты опять болешь, доча?...»	403
Ой ты северное море	405
«Жил да был репортёр...»	406
Сердце, молчи...	408
«<...> и ты в расцвете лет...»	409
«Сбегают<...>...»	410
«Говорили о погоде...»	412
«Я, товарищи, скажу помаленьку...»	413
От составителя	414
Комментарии	417
Каталог песен и стихов	482
Алфавитный указатель произведений	509

Александр Аркадьевич Галич

СОЧИНЕНИЯ

В 2-х томах

Том 1

В книге использованы фотографии из семейного архива,
а также из архива С. Л. Собиновой-Кассиль.

Издательство благодарит Ю. Решетникова за помощь
в подборе иллюстративных материалов.

Ответственная за выпуск *Л. Захарова*

Редактор *Н. Трайнина*

Художник *В. Крючков*

Верстка *О. Воробьева*

Корректор *С. Цыганова*

Издательская лицензия ЛР № 063957 от 15.03.95 г.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 19.05.99. Формат 84x108¹/₃₂.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 17,5 с вкл. Тираж 11 000 экз. Заказ № 2375.

Качество печати соответствует качеству диапозитивов

ISBN 5-320-00333-1

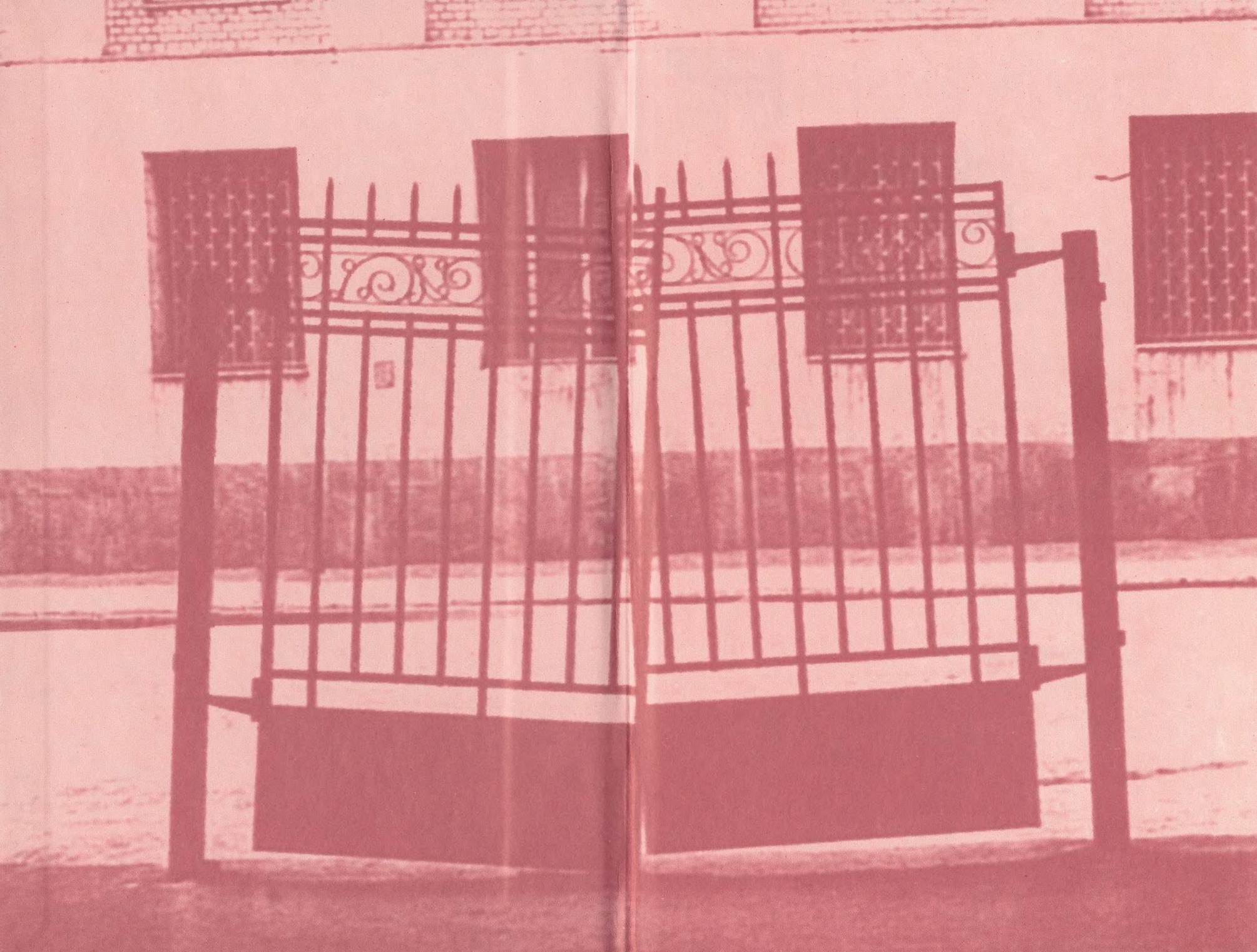

9 785320 003337 >

ЗАО Издательство «Локид»
129110, Москва, ул. Трифоновская, д. 56

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Александр Галич

ГОЛОСА
Век XX

Хоть иногда — подумай о других!
Для всех равно должно явиться слово.
Пристало ль — одному — среди всеблагих
Не в хоре петь, а заливаться соло?!

И не спеши. Еще так долог путь.
Не в силах стать оружием — стань орудьем.
Но докричись хоть до чего-нибудь,
Хоть что-нибудь оставь на память людям!

